АНАР

Литература

Искусство

Культура

АЗЕРБАЙДЖАНА

III
ТОМ

БАКУ – 2013

НАЗИМ ИБРАГИМОВ

Составитель, ответственный за издание

Анар
Литература, искусство, культура Азербайджана. III том.
“Letterpress”, Баку – 2013. -1008 стр.

Представленная широкому кругу читателей книга состоит из трех томов и призвана осветить разные сферы многовековой азербайджанской литературы, искусства и культуры от истоков до наших дней. Это — не хрестоматия, не история, а размышления об особенностях духовной жизни Азербайджана в форме обобщающих статей и портретов — эссе классиков и современников. Это не строго научное исследование, а писательское слово, обращенное к многочисленной читательской аудитории с целью ознакомить ее с ценностями национальной культуры, с ее известными деятелями. Большая часть этих материалов была в свое время опубликована в Москве — на страницах “Литературной газеты”, “Советской культуры”, журналов “Новый мир”, “Дружба народов”, “Театр”, “Советская музыка”, “Музыкальная академия”, а также в республиканской прессе.

© Анар, 2013

Дорогие читатели!

Перед Вам третья, заключительная книга трехтомника "Литература, Искусство, Культура Азербайджана". Трехтомник, как известно, посвящен "светлой памяти Гейдара Алиева, истинного ценителя Литературы, Искусства, Культуры Азербайджана".

Заключительный том содержит обзорные статьи и эссе по проблемам и персоналиям мира культуры, науки, печати. В разделе "Мир и мы" помещены очерки и эссе о деятелях мировой культуры, литературы, искусства, многие из которых, к примеру Владимир Маяковский, Назым Хикмет, Дмитрий Шостакович, Константин Симонов, Азиз Несин, Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Римма Казакова и др. были тесно связаны с Азербайджаном.

Третий том открывается большим трактатом "Право на жизнь", жанр которого определяется как историко философский с фрагментами личных воспоминаний. В этот том включены такие разделы, как наука, культура, печать.

К числу самых заветных и дорогих моих воспоминаний относится день 7-го октября 1998-го в Гяндже, когда незабвенный Президент Гейдар Алиев открывал в Хан багы памятник Народному поэту Нигяр Рафибейли. Этот снимок с Общенациональным лидером Гейдаром Апиевым и уважаемым Президентом Ильхамом Алиевым сделан именно в тот день в Хан багы.

АНАР

Содержание

ПРАВО НА ЖИЗНЬ 11-522

КУЛЬТУРА 523

Храни меня, сэмэни 527

Религия - это культура 533

Приветствие первому номеру газеты “Джемиййет ве Дин” 538

Ответы на вопросы газеты “Джемиййет ве дин” 539

Радость, надежды, трагедия 542

Об одной лекции М.Э.Расулзаде и не только оней 554

Шелковый путь 559

Культура в опасности 564

Имя языка нашего 570

Из выступления на совещании в Министерстве Образования 575

Выступление на XII съезде учителей 578

Доклад на торжественном собрании, посвященном 75 годовщине создания Писательской организации Азербайджана 587

Хагани 25 597

На чем успокоится душа 608

НАУКА 611

Гейдар Гусейнов - “жертва” Шейха Шамиля 615

Памяти достойного человека 623

Аббас муаллим - человек непохожий ни на кого 624

Звездный Зия - сияющая звезда 626

Выдающийся хирург, достойная личность 630

Бескорыстное служение науке 634

Памяти сына Абдуллы Шаига 636

Спокойствие на сотню лет, или история - терпение бога 638

Два крыла 644

Элитарный ученый - Тофик Алиев 649

Памяти Тофика Исмайлова 652

Вспоминая Вели Мамедова 656

Превратившие землю в родину 659
Физик и лирик в одном лице 662
Памяти Агабека Султанова 664
Радость семидесятилетия 666
Праздник нашей культуры 667
О двух книгах Тофика Меликли 669
Возвращение достойных имен 674
Хранитель исторической памяти 681
Поздравление с опережением на год 684
Подруга дней моих... 687

ПЕЧАТЬ 695
Слово, рожденное из небытия 699
Добрые воспоминания 723
Добропамятность 725
Издатель-энциклопедист 728
Подвижник 734
“Порядочность в наше время -немалая доблесть” 737
Мои “Гобустан”ские годы 741

МИР И МЫ 749
Наш современник Мевлана 756
Победа над судьбой 763
О Тагоре 765
Погиб непобежденным 777
Время жить. Время любить. Время умирать 783
Косой дождь 789
Как Керем 797
Поэт столетия 808
С победой Назым! 818
Музыка вместо сумбура 823
Вспоминая Симонова 838
Встреча с Алексом Ла Гумой 844
Прощание с мастером 847
Поэт Азиз Несин 854
Ссоры и примирения с Расулом Гамзатовым 858
“Другая жизнь” 864
Им гордимся и мы 869
Прощайте Чингиз-ака 873
Час справедливости 875

Памяти Риммы Казаковой 877
Размышления в связи с кончиной Василия Аксенова 880
Выступление на панихиде редседателя Союза писателей Грузии
Гурама Панджикидзе в Тбилиси 2 сентября 1997 года 886
Безжалостность времени 887
Олжас всегда Олжас 893
Простота и мудрость 898
Заметки о Мухтаре Шаханове 901
Без финала 903
Город и мир Орхана Памука 906
Краски дружбы 917
Истоки братства муз 921
О русской литературе в разные годы 925
Литература потерянного поколения 935
Роман и время 939
Двое в этом мире 944
Рядом с Нотер-Дам 948
Мугам в Страсбурге 951
Новая литература древнего народа 953
Грузия - праздник, который всегда со мной 960
Об Анаре, авторе трехтомника “Литература, Искусство, Культура Азербайджана” 963
Писателю Анару 972
Председателю Союза писателей Азербайджана, Народному писателю Анару 973
Мой Анар 975
Высказывания об Анаре 977
Послесловие автора 1005

КУЛЬТУРА

НАУКА

ПЕЧАТЬ

САМЕД ВУРГУН

Можно ль душу из сердца украсть? Никогда!
Ты - дыханье мое, ты - мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города
Весь я твой, навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

И невежды порочили имя твое,
И безумцы пророчили горе твое,
И надежды измучили сердце твое
Но пришла благородная слава твоя
Велики твои дочери и сыновья!

На горах твоих кудри белей молока
Как чадра, укрывают тебя облака
Над тобою без счета промчались века
От невзгод поседела твоя голова
Как ты много терпела - и снова жива

Перевод А.Адалис

МУХАММЕДГУСЕЙН ШАХРИЯР

Без тебя птице сердца не взмыть в синеву
из тумана, Азербайджан
Твои светлые дни будут в памяти жить,
осиянно, Азербайджан
Я - вдали от тебя, но живу лишь
любовью твоею,
Ты как сердце мое, ты - как в сердце
глубокая рана, Азербайджан…

Научились мы в школе любви умирать
за отчизну
О, душа без отчизны - ничто, холодна,
бездыханна, Азербайджан!
Где же воля твоя? Будут стянуты руки доколе?
Сколько будут сердца тосковать,
изнывать от обмана, Азербайджан?

Сколько детям твоим на чужбине
скитаться? Опомнись!
Взявшись за руки, встань, пробудись
как порыв урагана, Азербайджан!
Жгучим пеплом разлуки главу
посыпаешь… Довольно!
Или волю добудь, иль сгори, полыхая
багряно, Азербайджан!

Перевод М.Синельникова

Tiflis
ERİVAN
NAHÇIVAN
Tebriz
URMİYE GÖLÜ
Bakü
LENKERAN
Astara
Hemedan
ZENCAN
KARABAĞ BOZKIRI
MUĞAN BOZKIRI
BOZKUŞ DAĞI
ALÇAK KAFKASYA SIRA DAĞLARI
KÜR-ARAS OVASI
KÜRE BOZKIRI
ŞİRAK BOZKIRI
GÖYÇE GÖLÜ
Kür
Araz
Sefidrud
Enzeli
Gence
Şuşa
Lenkeran
Astara
Çilvend
Havird
Kerganrud
Lisar
Erdebil
Meşe
Sebelan
Ardebil
Sarıabad
Kür burnu
Binduvan burnu
Alyat burnu
Pirsagat burnu
Aşmancan dağı
Maymeh dağı
Murguz dağı
Aladağ
Sahdağ
Salbuz dağı
Ahlı
Şahdağ
Samhor
Delican
Mihaylovka
Yanardağ
Surahanı
Puta burnu
Avşarat
Aşkabad
Susuzdağ
Zakidağ
Hov
Dilman
Şahtahtı
Nasik
Culfa
Ordubad
Aktaban dağı
Işıklıdağ
Gerus
Ziyaretdağ
Cebrail
Aras
Kaledere
Genderan başı
Behlikan
Ermeni kövü
Aylaklı
Tebriz
Şahi adası
Dehharkan
Saidabad
Ucan
Sengabad
Hirovabad
Rovra
Halhal
Akdağ
Sal
Rust
Rustemabad
Maragа
Karaurgan
Karakaya
Miyandab
Musaabad
Sayinkale
Sogukbulak
Berze
Baylakan
Cagiruçan
Karaca dağ
Gerke
Serdeşt
Mavi
Bane
Saoşbulak
Kızılozan
Bicar
Dar Sifta
Toprakly
Selametabad
Hain
Sultaniye
Molla Ali
Ebher
Akçagumbed
Sipehsalar dağı
Tikan tepe
Gakiz
Ruhrab
Hacisenid dağı
Küçük Zap
Reyandiz
Hangren
Raniya
Selin dağı
Kaysancak
Altın-Köprü
Tuzhurmatu
Kuşçu
Kalecik
Araseng
Subaşı
Kurşeh
Pençe dağı
Esedabad
Sunçur
Giray
Zamanabad
Dizabad
Tuzlu göl
Kumasen
Palandüz
Nobaran
Kuşçu
Kurtsu
Hasanabad
Kalecik
Manyan
Ayvalı
Kuşçu
Kürsu

Право на жизнь

(историко-культурологический трактат с фрагментами личных воспоминаний)

ВСТУПЛЕНИЕ К ТЕМЕ

Недалеко от Баку, в небольшом городе Нефтчала живет удивительный человек-ученый-литературовед, подлинный интеллигент Имамверди Абилов. Дом Имамверди муаллима - настоящий очаг духовности в этом провинциальном городке. Этот дом можно назвать уникальной библиотекой с богатым набором ценных книг, в числе которых многие с автографами авторов. Этот дом можно назвать и музеем - с редкими экспонатами, собранными в течение всей долгой жизни - рукописи, фотографии, письма. Сотни, если не тысячи, писем от многих выдающихся людей - писателей, ученых, государственных деятелей, письма из Баку и других городов Азербайджана, из Турции, Ирана, России. Теплые дружеские отношения связывали Имамверди муаллима с моими родителями, важное место в его архиве занимает переписка с Расулом Рзой и Нигяр Рафибейли. Темой кандидатской диссертации доктора филологических наук Имамверди Абилова, было творчество Расула Рзы. Я также постоянно переписываюсь с Имамверди муаллимом, не раз бывал у него дома. У Имамверди муаллима два достойных сына - Этибар и Азер. Исследователь-публицист Азер Туран - автор многих статей и книг, освещающих нераскрытые страницы истории нашей литературы, творческий путь ее отдельных, недостаточно изученных представителей. Несколько лет назад он дал мне прочесть рукопись своей новой книги “Пастырь познания”.

В условиях дефицита времени я прочел 330 страничную рукопись книги в один присест. Рукопись с первых же страниц увлекла меня в свой круг притяжения и не отпускала до конца.

Прочел и обрадовался. Почувствовал гордость. Многое узнал. О многом подумал. Со многим согласился. Были в книге и мысли, с которыми не был согласен, и даже категорически не согласен. Появилось желание спорить. И самое главное, прочитанный текст натолкнул меня на собственные мысли по поводу этих же проблем, стал стимулом для развития моих рассуждений на те же темы.

Но в начале буду по порядку говорить о чувствах, которые я испытывал во время чтения. Как было сказано, я радовался, гордился, что у моего народа есть такие грамотные, эрудированные, обладающие обширными знаниями в разных областях молодые, талантливые люди. Слово “талант” в данном случае объемлет и способности Азера как серьезного ученого-исследователя, и как писателя-публициста, владеющего ярким эмоциональным стилем. В “Пастыре познания” меня радует также язык автора - сочный, четкий, но, разумеется, гораздо важнее мысли и суждения, которые выражены на этом язы-

ке. В книге затрагиваются различные вопросы, но основная мысль, пронизывающая ее от начала до конца - эта идея тюркизма. Тюркского национального самосознания. Если в двух словах выразить суть тюркского самосознания, то на мой взгляд, это ПРАВО НА ЖИЗНЬ.

Право на жизнь народа, нации, как таковых, право сохранить свой язык - первооснову национального самосознания. Отсюда и стремление к идентификации тюркской общности, как гаранта самосохранения.

Один из основателей фундаментальных принципов тюркского самосознания крымско-татарский писатель, публицист-просветитель Исмаил бек Гаспаралы (Гаспринский) в начале прошлого века провозгласил лозунг: "Единение в языке, в деле, в мыслях". Али бек Гусейнзаде выдвинул триаду "тюркизироваться, исламизироваться, модернизироваться". Поэт Мехмет Акиф Ерсой написал текст Государственного гимна Турции. Одним из неутомимых идейных борцов тюркизма был Нихал Атсыз. Омер Фаиг Неманзаде - выдающийся просветитель, общественный и политический деятель Азербайджана. Мехмет Эмин Юрдагул - национальный поэт Турции… Азер Туран пишет обо всех этих личностях, и на примере их деятельности обосновывает идеи тюркизма, на конкретных примерах рассматривает образцы тюркского самосознания.

Книга "Пастырь познания", как уже говорилось, заставила и меня вспомнить свои собственные мысли и суждения, связанные с этими проблемами в разные годы моей жизни и я почувствовал потребность вернуться к ним. И меня в течении многих лет занимали проблемы тюркского национального самосознания и самосохранения, я вспомнил о тех своих мыслях, которые не могли быть выражены открыто в советское время или же выражались в иной, скрытой форме. Так если в те годы немыслимо было употреблять выражение "Тюркский мир", я в эссе под названием "Мир Деде Горгуда" пытался выразить эти же идеи окольным путем. Слава Богу, настало время, когда можно продолжить и развить эти идеи, уже не таясь и не прибегая к эвфемизмам.

По свежим впечатлениям я написал обширную рецензию на книгу "Пастырь познания", она была опубликована в "Эдебият газети". В этой рецензии наряду с высокой оценкой рукописи Азера Турана, большое место заняли и мои собственные размышления навеянные его работой. Составляя третий том книги "Литература, Искусство, Культура Азербайджана" я решил включить в нее и этот текст и стал переводить его на русский язык. Но по мере работы над переводом, углубившись в материал, мне пришлось обращаться и к другим источникам, "перелопатить" так сказать сотни книг, ознакомиться с сотней документов. Одним словом, это работа, рассчитанная на два-три дня, максимум на неделю, заняла целый год с 2011 по 2012. И его объем превзошел все раннее задуманные пределы.

Затруднения возникли и в связи с определением жанра. После определенных сомнений я все же решил обозначить эту работу как "историко-культурологический трактат с фрагментами личных воспоминаний". Думаю это наиболее точное и приемлемое определение жанра данной работы. Я осознаю, что возможен и критический взгляд на мою работу. Некоторые сочтут, что я слишком часто обращаюсь к своей общественно-политической деятельности, слишком обильно цитирую свои различные выступления. Но, во-первых, эта МОЯ книга, и если я освещаю и оцениваю какие-то важные события об-

щественно-политической жизни, то неизбежно и мое собственное отношение к этим событиям, выраженное в выступлениях и статьях, причем не только сейчас, но синхронно самим этим событиям. Во-вторых, фрагменты личных воспоминаний в какой-то степени воссоздают характер эпохи, взаимоотношения и образы конкретных людей, с кем мне пришлось общаться. В-третьих, в интерпретации отдельных людей, порой так искажаются ситуации, поступки, сюжеты, что хотелось воссоздать и восстановить ход происходившего так, как это на самом деле происходило. Во всяком случае, в моем представлении, на моей памяти, как видел, пережил, почувствовал все это именно конкретно я.

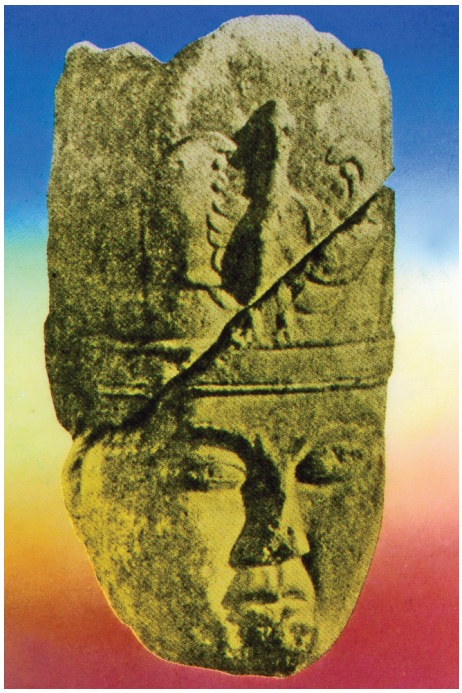
Для того чтобы был понятен предмет дальнейших рассуждений, необходимо объяснить один термин. Дело в том, что немалую путаницу в идентификацию тюркского самосознания внесло употребление в некоторых языках (в частности в русском и французском) двух близких по звучанию, но разных по смыслу слов - “турок” и “тюрок”. На первый взгляд это носит чисто лингвистический характер, на самом же деле разделение общего для тюркских языков слова “турк” на “турок” и “тюрок”, волей-неволей послужило причиной раздвоения в сознании единого понятия со всеми вытекающими из этого последствиями.

Слово “турк” впервые упоминается в орхонских рунических письменах. Расшифровку этих письмен датский ученый В. Томсен начал с прочтения двух слов - “турк” и “тенгри”. На протяжении веков на всех наречиях тюркских языков это название звучало одинаково - “турк”. С развитием востоковедения, в частности тюркологии в России, ученые разделили понятие “турк” на два разных слова - “турок, турецкий”- как определения населения и языка Анатолии, и “тюрок, тюркский” для обозначения общетюркских явлений - “тюркские языки”, совершенно нелепый термин “тюркоязычные народы” (возможно ли употребить выражение “славяноязычные народы”?), само название научной отрасли - “тюркология”… На французском языке также существует два слова для отличия “турков” от “тюрков”. Если бы эту работу писал бы на азербайджанском языке, я пользовался бы единственным словом “турк”, но на русском, для ясности, приходиться обращаться к понятиям “турок, турецкий” и “тюрок, тюркский”.

Читатель убедится, что эта работа сильно отличается от других текстов, включенных как в Первый, так и во Второй том “ЛИК”-а.

Трактат “Право на жизнь” естественным образом нашел свое место в разделе, посвященном культуре, но в ней много политики и истории. Ведь культура неразрывно связана с политикой, а литература и искусство неизбежно развиваются на фоне Истории. Можно сказать иначе: культура - часть политики, или политика - часть культуры. Чем больше культуры в политике, тем она благородней и эффективней. А культура самобытна тогда, когда в ней меньше политики. Во всяком случае, они - культура и политика - взаимосвязаны, и от этого никуда не уйти.

Что ж касается истории, то она и состоит из событий политической и культурной жизни (конечно, и экономической жизни, революций, переворотов, войн). Погружаясь в этой работе в проблемы и давней и близкой истории, размышляя о политических событиях, определявших разные эпохи, я прихожу к убеждению, что включение этого текста в книгу о Литературе, Искусстве и Культуре Азербайджана - закономерно. В нем не только еще одна ипостась ЛИКА Азербайджана, но он, несомненно, объяснит и допол-

Голова Гюльтекина

нит многое в судьбе тех представителей нашей литературы и искусства, которым посвящены отдельные эссе в Первом и во Втором томе. Ведь и в древние времена, и в наши дни жизнь каждого деятеля культуры вписывается в историческую канву и в значительной мере определяется политической реальностью.

ВЕЧНАЯ ПРОБЛЕМА ТУРОК: БОРЬБА ЗА РОДНОЙ ЯЗЫК

На протяжении всей истории и на Западе, и на Востоке, были понятия Государства, Империи, Державы, Религии и даже Народа. Но до европейских энциклопедистов-просветителей XVIII века не было сознания Нации, как таковой. И вместе с тем, в самых ранних тюркских текстах, мы встречаем если не само это слово, то понятие, какое оно охватывает. Самые ранние тюркские тексты - рунические письмена, известные как орхоно-енисейские памятники. В надписи - эпитафии богатырю Гюльтекину говорится о тюркском будуне (народе). Здесь это слово отражает не только понятие народа, но, на мой взгляд, и понятие нации. Ибо в тексте раскрываются именно национальные черты и отражается жалоба на утерю именно этих черт национальной самобытности. Выясняется что, соседние с тюрками китайцы, не сумев одолеть их силой оружия, прибегли к хитрости и коварству, соблазнили тюрков сладкими речами, дорогими подарками и тюркские беки забыв свои имена приняли китайские. т.е. потеряли один из главных показателей национальной принадлежности. Этот образ мыслей, представляется проявлением чисто национального сознания и оно спустя тысячу триста лет нашло свое отражение в пьесе М.Дж.Мамедкулизаде “Книга моей матери”, в ряде его фельетонов. Мирза Джалил с горечью пишет о тех азербайджанцах, которые меняют свои имена (уже не на китайские) на русские прозвища, не стыдясь провозглашают: “Слушай, как-то стыдно, когда образованный человек по-татарски говорит”. (Напомю, что царские чиновники азербайджанских тюрок называли кавказскими татарами). Спустя 50 лет после М.Дж.Мамедкулизаде другой великий писатель тюркского мира Чингиз Айтматов возродил древнюю легенду о манкурте, зомбированном человеке, забывшем свой род, свой язык, свое происхождение. Опять вся та же история забвения национального самосознания, как это было и во времена орхонских текстов. Опять борьба за право на жизнь. Невозможно без волнения читать эти тексты тысячи с лишним лет давности, в которых говорится о том, что, когда тюркский народ, оказавшийся на грани потери своей национальной идентичности - имен, языка, в отчаянии решается на самоубийство. “Лучше умереть, чем прислуживать чужим” - решает народ и горестно восклицает: “Ведь я был народом, у которого было свое государство, свой правитель-Хаган. Где теперь мое государство, где теперь мой Хаган?”

Но высший Бог тюрков - Бог неба Тенгри приходит на помощь: “Да не погибнет тюркский народ, да будет он существовать” - решает он.

Это, очевидно, первое в Истории подтверждение Права на жизнь тюрков.

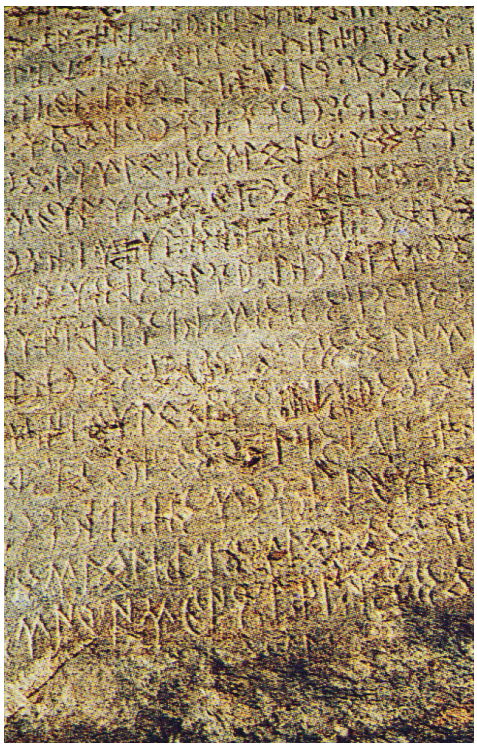
Исследовательница орхонских текстов И.В.Стеблева считает их героическими поэмами. “Ближе всего к поэмам эпохи рунического стиха находятся, пожалуй, стихотворные тексты “Китаби Дедем Горгуд” - пишет И.В.Стеблева.

Вместе с великими завоеваниями, созданием могучих империй, (а их в истории было немало) тюрки были подвержены и некоторым порокам - во-первых, к междоусобицам, и, во-вторых, попаданию под духовное влияние даже покоренных ими народов, принимая их обычаи, пользуясь их языком в ущерб своему.

Стена с Орхонскими надписями

О первой беде тюрков - междоусобицах писал М.А.Сабир в начале прошлого века. В знаменитом стихотворении “Фахрие” (“Хвалебная ода”) он по существу дал поэтический обзор распрей тюркских властелинов и тюркских держав. Перечислив в стихотворных строках сельджукидов, чингизидов, харезмшахов, Каракоюнлу, Аккоюнлу, Тимура, Ильдрыма, Тохтамыша, Гызыл Орду, Шаха Исмаила, Султана Селима, Надир шаха, Сабир констатирует, что все они в разное время сражались друг с другом. Победив крестоносцев тюрки направили оружие против своих сородичей и “устав уничтожая друг друга, сами погибали от усталости”.

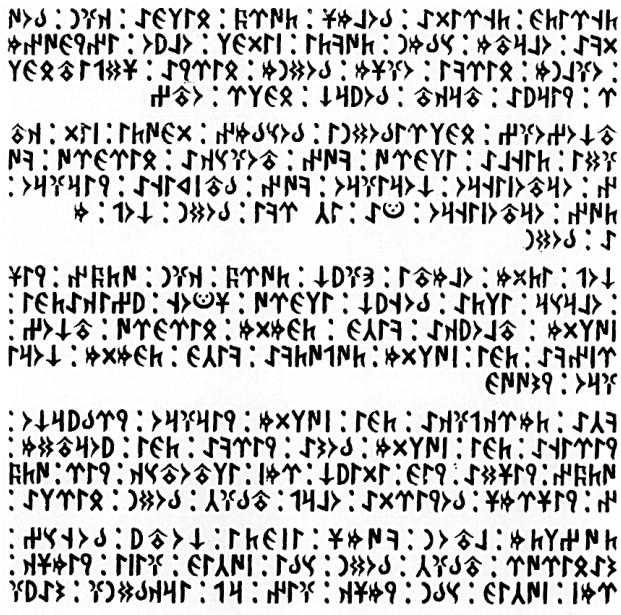

Орхонские надписи

“Мы туранцы - самая большая беда на свою голову”, - с горечью заключает поэт.

О беде, когда брат поднимает меч на брата, свидетельствует и эпос “Китаби Дедем Горгуд”. Последняя глава эпоса посвящена столкновению внешних огузов (Таш огуз) с внутренними огузами (Ич Огуз), то есть кровопролитным сражениям между двумя ветвями одного и того же племени.

Другой великий азербайджанский поэт и драматург Гусейн Джавид считал, что для Турана более сильным оружием, чем меч, является культура. Он же утверждал, что тюрки побеждая на поле брани, терпели поражение в политике. Это верное наблюдение драматурга подтверждается многочисленными фактами истории. Тюркские завоеватели - храбрые

Орхонские письмена

воины - окружались хитроумными и влиятельными вельможами из числа завоеванных народов, которые и вершили настоящую политику. Официальным языком завоеванных тюрками стран становились языки завоеванных народов, как например в Персии.

Неудивительно, что и исторические летописи героических деяний тюрков писались в основном на чужих языках - арабском, персидском, армянском - и часто представителями завоеванных народов. Надо ли объяснять меру “объективности” и верности исторической правде этих сочинений.

“Меч был в наших руках, а перо в руках наших врагов” - еще одно горькое признание тюрков. Правда, порой это оправдывалось тем, что тюрки не писали историю, они ее творили. Но все же эта беспамятность дорого обошлась тюркам в их историческом существовании и определенным образом затормозило развитие национального самосознания.

Горьким парадоксом является тот факт, что нередко правители тюркского происхождения, относились к своему родному языку с пренебрежением, и это внедрялось в сознание их подданных - слово “турк” ассоциировалось с чем-то грубым, неотесанным, чуждым изысканной речи. Так толковалось это слово в османский период турецкой истории. В азербайджанском языке, до сих пор говорят “туркун сёзу”, когда употребляют определенные выражения, понятие “туркасая” обозначает нечто неприхотливое. “Туркачара” - методы нетрадиционного медицинского лечения.

Именно эту характеристику тюркского языка - как языка простонародья, повидимому, имел ввиду Ширваншах Ахситан, когда предостерегал Низами, чтобы он не обращался в своей поэме “Лейли и Меджнун”к родному языку.

Остается добавить, что в XI веке другой правитель - этнический турок Махмуд Газневи, заказывал поэту А.Фирдоуси поэму, унижающую тюрков и воспевающую величие Иранских царей.

Спустя 9 веков в начале XX столетия поэт-сатирик из Южного Азербайджана Мирза али Моджуз сетует в одном из своих стихотворений: Он пришел к Шаху Ирана из династии Каджар с поэтическим посланием на родном (как для поэта, так и для шаха) тюркско-азербайджанском языке, шах же “этот турок и сын турка”, - как пишет Моджуз, грубо осадил его, сказав, что он не знает этого языка невежд.

Здесь необходимо коснуться еще одного весьма болезненного для азербайджанцев вопроса - об отношении к нашей стране и к нашему народу иранских шовинистов. В иранской историографии порой сознательно извращалась и продолжает извращаться история азербайджанских тюрков. Суть этих извращений состоит в утверждениях, что

якобы только в монгольскую эпоху состоялось отуречивание Азербайджана, как Северного, так и Южного. Из этого посыла исходят иранские ученые, чтобы доказать, во-первых, что нынешнее население Северного и Южного Азербайджана, имеют отличные друг от друга этнические корни, говоря проще, это два совершенно разных народа, и, во-вторых, язык на котором сегодня говорят и на Юге и на Севере Азербайджана, был насильно навязан им захватчиками в результате монгольского нашествия. Непонятно только, почему же монгольские захватчики навязали местному населению не монгольский, а тюркский язык.

Впрочем, иные из иранских шовинистов, в своем бессильном упрямстве доказать недоказуемое, договариваются до того, что азербайджанцев вообще называют монголами. Еще один иранский "ученый"называет северных азербайджанцев …узбеками. Читатель заметил, что когда я привожу эти "перлы" шовинистов, я называю их иранскими авторами. Иранцами, но не фарсами, потому что большинство из них по происхождению, как раз являются этническими тюрками-азербайджанцами, то есть "роялистами больше, чем сам король или католиками, больше Папы". Эти мангурты даже носят фамилии, восходящие к тюркским племенам - Афшар, Баят. Идейным основателем этих тенденций являлся азербайджанский-тюрок, печально известный историк Ахмед Кесреви. По мнению Кесреви и его последователей северной границей Азербайджана является река Аракс. Все что к северу от Аракса - это не Азербайджан, а Аран или Албания. Северный Азербайджан, считают они - это Аран или только Ширван, он лишь ошибочно называется ныне Азербайджаном.

Однако стоит обратиться к источникам, чтобы выявилась полная несостоятельность этих утверждений. В словаре "Бурхане Гате" составленном в 1062 году в Индии географическое название Аран определяется так: "Аран - одна из провинций Азербайджана, в которую входят города Гянджа и Барда" и сам Азербайджан определяется, как страна тюрков. Крупные средневековые историки Масуди, Ибн Асир, ал Ягуби также пишут об Аране, как части Азербайджана. Ибн Ховгал нарисовав карту Каспийского моря, всю прибрежную территорию называет Азербайджаном. Видный ученый Зеки Валиди Тоган ссылаясь на известного арабского историка Табари территорию Азербайджана определяет в границах от Хамадана на юге до Дербента на севере.

Ахмед Кесреви пытается доказать, что азербайджанцы как Севера, так и Юге не имеют никакого родства с тюрками. По мнению Кесреви и иже с ним, мы сегодня по историческому недоразумению говорим на своем родном языке. На каком же языке говорили наши предки? Иранские шовинисты утверждают (к сожалению им подпевали и некоторые горе-историки Советского Азербайджана): на Юге население было персоязычным, а на Севере кавказоязычным.

Научно обоснованную отповедь всем инсинуациям на этот счет вот уже в течение многих десятилетий дает выдающийся ученый, всемирно известный хирург и гуманитарий - литературовед, лингвист, полиглот, историк Джавад Хейят. Дж.Хейят - основатель и неизменный редактор журнала "Варлыг" - долгие годы единственного издания в Иране на азербайджанско-тюркском языке, не раз цитировал средневековые источники, содержащие истину об исторических границах Азербайджана и правду о нашем языке.

Портрет Махмуда Кашгари

В источниках приводится и такой факт: “Халифе Муавиййе (661-750) спрашивает у мудрого Абид ибн Шорийе: Что такое тюрки и Азербайджан? Тот отвечает: Азербайджан издавна страна тюрков”.

Академик Зия Буниядов не раз писал об автохтонности тюркского этноса в Азербайджане, ссылаясь на арабские источники.

К огромному сожалению, некоторые именитые азербайджанские историки, особенно в советское время, придерживались не только антипатриотичной, но и антинаучной версии. Прямо или косвенно они считают тюрков пришлым элементом в Азербайджане, а наш родной язык навязанным нам захватчиками. К еще большему сожалению такая точка зрения не остается частным, личным мнением этих историков, она находит свое отражение и в разных изданиях академической “Истории Азербайджана”. Знакомясь с некоторыми главами подобных “Историй” приходишь к убеждению, что определенные страницы написаны как бы иранскими историками и являются скорее иранской, а не азербайджанской историей.

Этим тенденциям противостояли в разные века истории светлые личности тюркского мира, прежде всего литераторы и ученые, пытаясь сохранить родной язык, как первый и важнейший признак национального самосознания. Великий ученый-энциклопедист XI века Махмуд Кашгари создавая свой словарь “Дивани лугат ут турк”писал, что самый верный и чистый язык у тех тюрков, которые не смешались с персами и не ездили в чужие страны”.

На удивительно точной по тому времени географической карте, которую Кашгари поместил в своем Словаре, территория Азербайджана так и обозначена как “эрази Азербадган”.

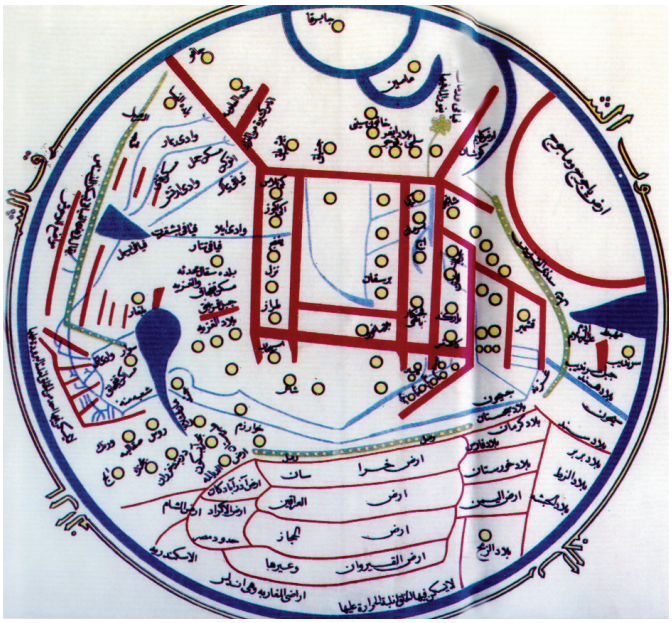
Историк Фазлуллах Рашидэддин (XIII-XIV) в своей книге “Джами ат Таварих” связывая Азербайджан с Огуз ханом и объясняя название этой страны пишет: “Азер по-тюркски означает высота, байган - место великих, богатых. Эта страна стала известна так и сегодня называется Азербайджаном”.

Русский ученый Н.Я.Бичурин (отец Иакинф) в своем ценном труде “Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена”дает широкие сведения о сыне первого гуннского правителя Теомана Моде (Мете): “Моде известен в азиатских историях под громким именем Огуз хана - сына Карахана, - пишет Бичурин. - Карахан погиб в сражени-

Памятник М.Кашгари

ях, а Огуз хан приняв престол, за 73 года своего царствования покорил весь Тюркистан. Карахан, отец Огуз хана, предпринял попытку убить сына своего за введение новой веры (мусульманской - А.) и в то время, когда Огуз хан был на охоте, пошел на него многочисленным войском, но, несмотря на то проиграл сражение и на побеге умер от раны стрелою".

Карта Махмуда Кашгари

Этот сюжет совпадает с первой главой "Китаби Дедем Горгуд", когда Дирсе хан пытается убить на охоте своего сына Бугача.

Махмуд Кашгари утверждает, что Афрасиб - это туранский богатырь Алп эр Тонга. Память о нем, по видимому, сохранилась в тюркском сознании в течение тысячелетий, если в XI веке М.Кашгари записал из живых уст элегию на его смерть.

Современником и земляком Махмуда Кашгари была другая великая личность тюркского мира Юсиф Баласагунлу. Странно, что, будучи современниками и жившими почти в те же годы, в одном и том же регионе, они не только не были знакомы, но даже ничего не знали друг о друге.

Юсиф Баласагунлу создал третий по времени - после орхонских письмен и Словаря М.Кашгари - великий памятник тюркской культуры - поэму "Кудатгу билик" ("Благодатное знание"или "Наука быть счастливым").

Иллюстрации из "Кудатгу билик"

Эту поэму оценивают как тюркское "Шахнаме" по аналогии со знаменитым произведением Фирдоуси.

Если в "Шахнаме" Фирдоуси нашли отражение мотивы иранской мифологии и многие сюжеты, персонажи "Авесты", то "Кудатгу Билик" опирается на тюркскую мифологию.

Основное значение поэмы для тюркской культуры и развития национального самосознания заключается в том, что она написана на тюркском языке и это имело для автора принципиальный смысл.

Захирэддин Бабур

Сад Бабура

Да, книг у арабов, таджиков немало
А нашею речью сия - лишь начало.
По-тюркски сложил для тебя я стихи.
Молитвой мои замоли ты грехи.

Эта мысль Юсифа Баласагунлу перекликается с признанием великого Мухаммеда Физули, писавшего в предисловии к поэме “Лейли и Меджнун”, о том, что у персов много произведений на эту тему, но у тюрков такой поэмы нет.

Учитывая, что Физули был знаком с творчеством Мир Алишера Навои и, естественно не мог не знать, что великий узбекский поэт - автор поэмы “Лейли и Меджнун”на тюркском языке, то напрашивается один вывод - Физули отличает джагатайски-тюркский язык от азербайджанско-тюркского.

Подтверждение этого различия находим и в “Бабурнаме” выдающегося Государственного деятеля, основателя империи Великих моголов Захирэддина Бабура. “Тюрки и джагатаи …”, - пишет Бабур. Значит и он отделяет “джагатаев”от общего понятия “тюрк”.

Известный английский востоковед Гибб называя Физули азербайджанским поэтом, отмечает, что “азербайджанский тюркский находится в середине между османско-стамбульским турецким и джагатайским Средней Азии, но он ближе к османско-турецкому, нежели джагатайскому”.

Кстати, Бабур с благодарностью пишет о Шахе Исмаиле:

“Когда Шах Исмаил разбил узбеков (имеются ввиду войска Шейбани хана - А.) под Мервом Ханзаде биким (старшая сестра Бабура - А.) была в Мерве. Ради меня с ней обошлись хорошо и отправили ее ко мне, как следовало”.

Видимо под влиянием этого благородного поступка Шах Исмаила Бабур относился к нему с особым почтением. На средневековой миниатюре “Бабурнамэ” запечатлена сцена, в которой Бабур целует руку сефевидскому царю. Важно и то, что в “Бабурнаме” пять раз упоминается Азербайджан, как название страны и государства:

“Когда Тимур бек (Тамерлан - А.) строил каменную мечеть, на этой постройке каждый день работало двести каменщиков из Азербайджана, Фарса, Хиндустана и других государств”.

“Шах Исмаил завладел Ираком и Азербайджаном”.

“Узун Хасан отнял у сыновей Джаханшаха Азербайджан и Ирак”

(Следует отметить, что в одной из своих статей на историческую тему М.Ф.Ахундзаде также упоминает нашу страну в таком тандеме: “Они (войска Шейбани хана - А.) прямиком напали на войска Ирака и Азербайджана”.

Подобно Юлию Цезарю Захирэддин Бабур (1483-1530) запечатлел свою жизнь, батальные сражения на страницах “Бабурнаме”и эта книга стала классическим образцом средневековой тюркской прозы.

Если “Бабурнаме” монументальный литературный памятник тюркской прозы, то Алишер Навои создал самую объемную и масштабную поэзию на тюркском языке.

Бабур на охоте

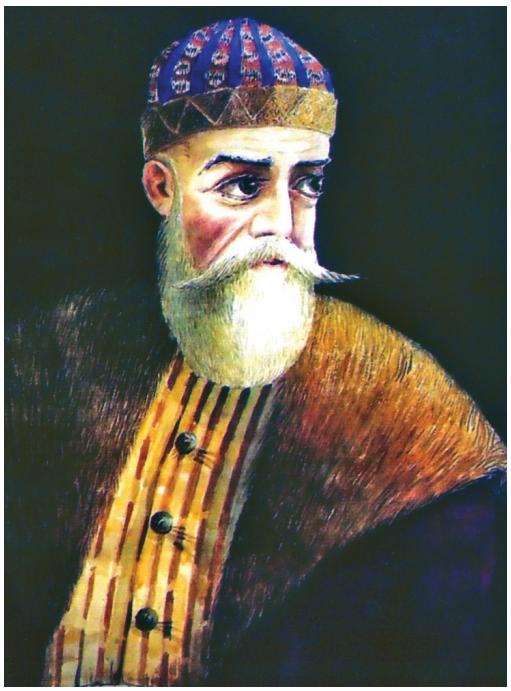
Алишер Навои

“Алишер бек был человек бесподобный, - пишет о нем Бабур. - С тех пор как на тюркском слагают стихи, никто другой не слагал их так много и так хорошо. Он сложил шесть книг месневи: Пять в ответ на “Пятерицу”Шейха Низами и еще одну в ответ “Языку птиц”. Он также составил четыре дивана газелей…”

По некоторым сведениям свое “Хамсе” (“Пятерицу”) вслед за Низами Навои создал по совету своего друга и современника Абдуррахмана Джами. Но Алишер Навои не довольствовался созданием тюркского “Хамсе”, он еще и автор трактата о сравнении двух языков - фарси и тюркского, с доказательством преимуществ последнего.

Сравнивая в своем трактате два языка Навои пишет:

“Я показал красноречивость и тонкость, зрелось и широту тюркского языка… Я позволю себе думать, что доказал мастерам сло-

Мухаммед Физули

ва тюркского народа великую истину, в результате чего они узнали о подлинном значении и выразительных средствах своего родного языка и о состоянии его словарного богатства и избавились от презрительных упреков пишущих по-персидски в отношении своего языка".

То, что Ширваншах Ахситан не советовал Низами, написание поэмы "Лейли и Меджнун"на тюркском языке это выполнили два гения тюркского мира Навои и Физули.

Мухаммед Физули (1494-1556) писал и о трудности написания стихов на тюркском языке, и обещал решить эту трудную задачу. И в самом деле, осознаваемую им самим миссию он выполнил блистательно. Физули - последний великий классик средневековой восточной поэзии, - может считаться в то же время и одной из вершин мировой литературы XVI века. Если Шекспир - величайший драматург, а Сервантес величайший романист этого столетия, то я не могу назвать никого в Европе равного Физули в поэзии XVI века. "Гамлет"в драматургии, "Дон Кихот"в прозе, "Лейли и Меджнун"в поэзии сразу приходят на ум, когда думаешь о мировой литературе XVI века.

Родной язык тюрков утверждался вначале в литературе и лишь затем завоевывал официальный статус. "Пири Туркестан" (мудрец из Туркестана) Ходжа Ахмед Ясеви (конец XI-начало XII веков), азербайджанские, турецкие, джагатайские поэты XIII-XIV веков Юнис Имре (1238-1320), Имадэддин Насими (1369-1417), Алишер Навои (1441-1501) заложили основы литературного тюркского языка, а наиболее дальновидные государственные деятели утвердили его официальный статус.

До Османской династии обширные участки Анатолии находились под властью Гараманоглу (сыновей Гарамана, потомков Гарамана). Один из Гараманоглы Мехмедбей в 1277-м году издал указ, благодаря которому и вошел в историю. В этом указе было сказано, что отныне везде - во дворце, на собраниях, на рынках запрещается пользоваться любым другим языком кроме

Назим Ибрагимов у памятника Физули в Турции

турецкого. День провозглашения этого указа каждый год отмечается в Турции как праздник языка.

В рамках этого мероприятия проводилась научная конференция на тему: “Язык общения тюркских народов”. Выступая на конференции я выразил удовлетворение по поводу того, что тема сформулирована как “язык общения”, ибо, когда несколько лет назад на подобных собраниях обсуждался вопрос об “общем, едином языке тюрков” (“ортаг дил”), я возражал против этого, считая идею единого общего языка химерой. Каким может быть единый общий язык? Если подразумевается, что общим, единым языком станет турецкий, то ни казахи, ни узбеки, ни киргизы, ни татары не откажутся от своего литературного языка. Разумеется, также и азербайджанцы.

На празднике языка в Турции у памятника Мехмеду Гараманоглы. Анар и казахский ученый Рахмангулу Бердибай

Когда я не раз выступал на эту тему в Турции, я не знал, что в свое время эту проблему затронул М.Э.Расулзаде. Знакомясь с интересной книгой Айдына Балаева о нем, я с удовольствием обнаружил следующую цитату из М.Э.Расулзаде: “Тюрко-татарские нации имеют единое происхождение. Вместе с тем неопровержим и тот факт, что они говорят на отдельных диалектах и отличаются своими особенностями. В настоящее время у поволжских татар имеется собственная литература, печать, свои писатели и поэты. Узбеки также имеют свою богатую литературу. Начинает развиваться казахская и киргизская пресса. Ни один из этих народов, подчинившись насилию, не согласится отказаться от своей сущности. Точно так же и азербайджанские тюрки не откажутся от своего языка, литературы и обычаев”.

Все это - абсолютная истина. Но когда ставится вопрос о языке общения, все в корне меняется. Эта идея становится и реальной и возможной, и даже, более того, необходимой. Почему же туркмен с башгурдом, гагауз с тувинцем, азербайджанец с якутом не могут разговаривать на одном, доступном всем языке. Скажете, что такой язык существует - русский. Прекрасно Никто не призывает отказываться от русского языка или забыть его. Кстати, на всех собраниях в Турции, на которых участвуют тюрки из бывшего СССР, все выступления переводятся на русский язык, ибо никто из них, кроме азербайджанцев, не понимают толком турецкий. И наоборот, выступления гостей на русском языке переводятся на турецкий. Но ведь целые пласты тюрков - турки Анатолии, Кипра, балканских анклавов, азербайджанцы в Иране, туркманы в Ираке не знают русского языка. Если один из тюркских языков будет принят как язык общения, то это решит данную проблему.

Языком общения может стать турецкий, как язык государства, имеющего наиболее долгую историю независимого существования и самое большое население. Думаю, никто из представителей тюркских народов не станет возражать против этого.

Шах Исмаил Хатаи

Крупными поэтами, пишущими на тюркском, были правитель Сиваса Гази Бурханеддин, шах Каракоюнлу Джаханшах Хакики, однокашник, друг и покровитель Навои Гератский правитель Гусейн Байкара. О Бабуре уже говорилось.

Не только в историю Азербайджана, но и в историю азербайджанской литературы вошел Шах Исмаил Хатаи (1487-1524) - основатель Государства сефевидов. Историк Огтай Эфендиев - автор книги "Азербайджанское государство Сефевидов" доказывает не только тюркское происхождение сефевидов, но ссылаясь на конкретные источники утверждает, что Шах Исмаил свое государство осознавал именно как азербайджанское. Перед штурмом крепости Гюлистан он обращается к своим воинам: "Что для вас важнее, крепость Гюлистан или трон Азербайджана?"

При Шахе Исмаиле азербайджанско-тюркский стал главным языком страны, языком армии, состоящей в основном из тюркских племен, языком дипломатической переписки с европейскими монархами.

Любопытно отметить, что враг Шаха Исмаила османский султан Селим также писал стихи, но на фарси, в то время как Хатаи творил только на родном тюркско-азербайджанском.

Еще одним важным этапом в развитии тюркского самосознания явилось создание книг Абу-л-Гази хана хивинского "Родословная туркмен" и "Родословная тюрков". Абу-л-Гази хан (1603-1664) - историк и воин, так представляет себя читателям: "потомок Чингиз хана, родом из Ургенча, сын Араб Мухаммеда".

Книга "Родословная туркмен" в оригинале называется "Шеджереи теракиме". "Теракиме" - множественное число на арабском языке от слова "туркмен". И поныне кочевую часть населения в Азербайджане называют терекеме. Из этого следует, что азербайджанские тюрки и туркмены фактически являются представителями одного и того же народа и та часть туркмен, которая осела в Азербайджане, ничем не отличается (кроме кочевнического образа жизни в прошлом) от остальных азербайджанских тюрков. Некоторые языковые различия наличествуют между азербайджанцами и туркменами, живущими в Туркменистане, за Каспием.

Сам Абу-л-Гази хан объясняя причину создания своей книги пишет: "У нас в народе есть много разных списков сказаний об Огузе - "Огузнаме", но нет ни одного хорошего. Все они полны ошибок и друг с другом не сходятся".

Автор видит свою задачу в создании единой и правдивой версии "Огузнаме". Читая "Родословную туркмен" мы часто встречаем имена персонажей, знакомых нам по "Ки-

таби Дедем Горгуд”. Это и сам Горгуд, и Баяндыр хан, Салор Газан и другие. Видимо Абу-л-Газан хан ничего не знал о “Китаби Дедем Горгуд”, ибо при том, что имена персонажей совпадают, события, в которых они участвуют, совершенно различны. Если бы автор был знаком с “Китаби Дедем Горгуд” он хотя бы полемизировал с версией событий, отраженных в “Книге…” Единственно общим местом является то, что Горгуд ата и в “Шеджереи теракеме” сохраняет ту же свою функцию, которой обладал в эпосе - это народный мудрец, аксакал, наставник ханов. Но у Абу-л-Гази он советник совсем других ханов, чем в эпосе.

В.В.Бартольд отмечает, что “Книга моего деда Горгуда” сформировалась на территории Кавказа. Исследователи, в том числе турецкие Горгудоведы, подтверждают, что язык эпоса наиболее близок к азербайджанско-тюркскому.

В “Книге…” упоминаются азербайджанские города Гянджа, Барда, Дербент, крепость Алинджа гала в Нахчевани. Сопредельными странами названы Грузия, Абхазия, но нигде нет ни слова об Армении или армянах. Правда, истории известны армяне-кыпчаки, то есть тюрки, принявшие христианскую веру, но сохранившие свой язык. Отголоском этого является то, что один из врагов огузов в “Китаби Дедем Горгуд” носит имя Кыпчак Мелик.

В свое время в эссе “Мир Деде Горгуда” я писал, что этот эпос, созданный на азербайджанско-тюркском языке, тем не менее, является бессмертным общетюркским памятником, и им, как своим духовным наследием могут по праву гордиться и турки, и туркмены, и казахи.

Я высказал также предположение, что в устной традиции сказания Деде Горгуда прекратились в Азербайджане где-то в XV-XVI веках, но эти традиции в разных “Огузнаме” продолжали бытовать в Туркменистане. И Абу-л-Гази обращается именно к этим “Огузнаме”, распространенным в Туркменистане.

Абу-л-Гази хан описывая походы легендарного Огуз хана, который, по мнению автора, жил четыре тысячи лет тому назад пишет:

“Огуз хан взял Хорасан, а затем завоевал Ирак Персидский, Ирак Арабский, Азербайджан, Армению, Сирию и другие страны вплоть до Египта”.

В “Шеджереи теракеме” “выражена и такая важная мысль: “Этой книге мы дали название “Родословная туркмен”, - пишет Абу-л-Гази хан - да будет известно всем, что те, кто слагали до нас истории тюрок, чтобы показать народу свой талант и искусство, примешивали арабские слова, а также добавляли персидские слова. А тюркскую речь превращали в рифмованную прозу. Мы не делали ничего подобного, ибо тот, кто будет читать и слушать чтение этой книги, конечно, будет тюрком, а с тюрком надо говорить по-тюркски, чтобы каждому было понятно”.

Роль Абу-л-Гази хана как летописца туркмен неоценима с точки зрения исторической науки. Крупнейшим же представителем поэзии туркмен является один из ее родоначальников Махдумгули Фераги (1733-1782).

Махдумгули выразил наиболее ярко свою национальную идентичность, и как это не удивительно для столь ранней эпохи общественного сознания, идею державности в отношении своей страны. Это особенно четко обозначилось в знаменитом программном стихотворении, посвященным туркменам.

Портрет Махдумгули

“Ветры туркмен веют между рекой Джейхун и морем Хазар” - сказано в стихотворении. Точно очертив географические границы Туркменистана Махдумгули перечисляет племена из которых состоит туркменский народ: теке, йомут, коклен, йазыр, алили и призывает всех их объединившись служить единому государству туркмен.

БРОСОК НА ЮГ. КРОВАВОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Начиная с Петра Первого алчные устремления Российской империи были направлены к Югу, к теплым морям. Причем, задача не ограничивалась завоеванием земель, ставилась цель уничтожения местного населения и замена его армянами. Об этом в 1724 году с предельной откровенностью писал Петр Первый генерал-майору Матюшкину: “Стараться всячески, чтобы армян призывать и других христиан, если есть и оживлять (просеять), а басурман зело тихим образом, чтобы не узнали, сколько возможно убавлять”.

Именно следуя этой политике, проявившейся в течение почти двух с половиной столетий, сперва царской властью, затем и сталинским режимом, “убавлялось” мусульманское (“басурманское”) население Кавказа и Крыма, вплоть до полного выселения некоторых народов с мест их исконного проживания и заселения этих опустевших от коренного населения мест армянами. То что, не удалось сделать Петру Первому, довершили его потомки.

Ради исторической справедливости надо сказать, что советский режим изгонял со своих земель не только мусульманские народы. Московский ученый-литературовед Светлана Алиева, дочь расстрелянного государственного деятеля Карачая, участника Первого Тюркологического Съезда в Баку Умара Алиева, издала уникальную книгу в трех томах под названием “Так это было. Национальные репрессии в СССР 1919-1952 годы”. Составить такую книгу Светлане, самой испытавшей в детские и юные годы горькую судьбу ссыльной, посоветовал я, что и она и отметила в автографе подаренного мне экземпляра: “Анару, с признательностью за идею. 7 августа 1993. Москва”

Каждому из “наказанных” по выражению автора книги, народов, их горькой судьбе, посвящена глава - на основе документов и воспоминаний, образцам их фольклора, литературы. Приведу лишь названия репрессированных народов о которых говорится в трех томах: корейцы (1935-август 1937 гг. с Дальнего Востока), курды (ноябрь 1937, ноябрь 1944гг. из Азербайджана, Армении, Грузии), немцы (28 августа 1941 г. из Поволжья и

других районов СССР), карачаевцы (2 ноября 1943г. из Карачаевской автономной области), калмыки (28 декабря 1943 г. из Калмыцкой АССР), ингуши (23 февраля 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР, чеченцы (23 февраля 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР), балкарцы (8 марта 1944 г. из Кабардино-Балкарской АССР), крымские татары (18 мая 1944 г. из Крымской АССР), месхетинские турки (14 ноября 1944 г. из Грузии), хемшиди (ноябрь 1944г. из Грузии), греки (27 июня 1944 г. из Крыма, июнь 1949 г. из Грузии)и прочие советские народы, начиная с 1919 г.

Река Аракс

ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ И ПРОЧЕЕ.

* * *

Войны, вошедшие в историю как русско-иранские, завершились двумя договорами - Гюлистанским в 1813-ом, и Туркменчайским в 1828-ом годах. По этим договорам граница между Россией и Ираном определялась по реке Аракс.

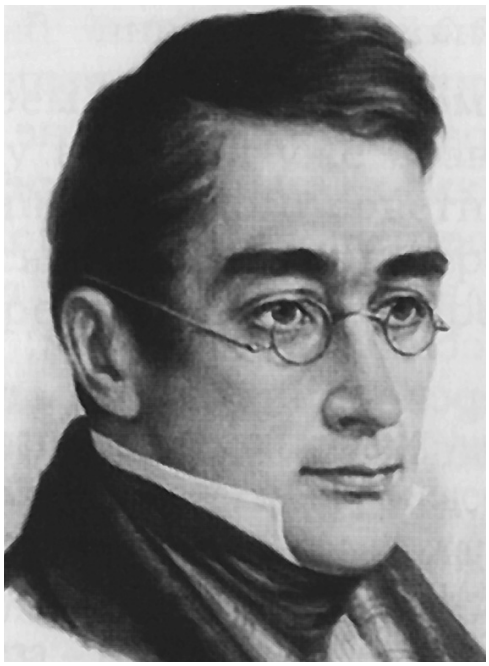
Фатали шах Каджар

Фатали шах убивает царского генерала

Император Александр I

А.С.Грибоедов

Аббас-Кули-ага Бакиханов в своем историческом труде “Гюлистан-и Ирам” пишет: 12 октября 1228 (1813) г. между обоими государствами был заключен мирный трактат. Персия навсегда признала за Россией ханства Карабахское, Гянджинское, Талышское, Шекинское, Ширванское, Бакинское, Кубинское, Дербентское, весь Дагестан, Грузию и другие сопредельные с ними провинции, отказавшись от всякого на них притязания”.

По туркменчайскому договору (1828) в состав России вошли еще два - последних - северо-азербайджанских ханств - Иреванское и Нахичеванское.

Долгое время советские историки называли это событие “добровольным вхождением Азербайджана в состав России” и даже торжественно отмечались круглые годовщины этой даты. Потом стали более деликатно определять это событие, как “присоединение Азербайджана к России”. В любом случае это рассматривалось как положительное явление в судьбе нашего народа. Но вот, наступили годы независимости и теперь эти события стали рассматривать в сугубо негативном плане, описывать только в черных красках (часто одними и теми же историками).

Наиболее объективную, на мой взгляд, оценку этому событию, дает Мамед Эмин Расулзаде. Характеризуя русскую политику в Закавказье как чистый колониализм со всеми проявлениями этого зла, Расулзаде отмечает, что даже в этом, колониальном, по сути, поведении, царские власти делали различие в отношении христиан - грузин и армян с одной стороны и мусульман - азербайджанцев с другой.

Другой видный общественно-политический деятель Азербайджана Алимардан бек Топчубашев (Топчубаши) в своих воспоминаниях о Гасан беке Зардаби, также затрагивает этот вопрос. Касаясь отношения царских властей к трем народам Закавказья А. Топчубаши пишет: “Если какую-либо вину армян и грузин необходимо была доказывать на судах на основе фактов, то мусульмане изначально без всяких доводов и доказательств считались виновными. На них висело обвинение в панисламизме и пантюркизме. Запрещено было употреблять название самой их страны “Азербайджан”, считать себя турками-азери или азербайджанцами. Они не имели право признаваться, что являются тюркским народом по происхождению”.

Принц Аббас Мирза Каджар

Русский историк Григорий Волынский пишет: “Выбор не был осознанным. Азербайджанцы, принадлежавшие к шиитской ветви ислама, не могли стремиться к власти османского султана - духовного главы мусульман-суннитов. Полной политической интеграции в персидское общество препятствовали тюркские корни и язык, а вот власть русского царя - по-восточному абсолютная и по-европейски сильная и просвещенная - казалась многим азербайджанским ханам, признавшим себя российскими вассалами, образцом мощи и справедливости. Азербайджанская знать, стремясь стать частью российского правящего класса, стала активно приобщаться к европейской цивилизации. Беки, получившие офицерские чины в русской армии, заговорили по-французски и даже писали на этом языке… Петербург не беспокоился о лояльности азербайджанцев до тех пор, пока к России не были присоединены Эриванское и Нахичеванское ханства, граничащие с Турцией. Населенные азербайджанцами территории, примыкавшие к враждебному государству, виделись опасными стратегам, не вникавшим в суть шиитско-суннитских противоречий. В российских верхах возник план вбить между турками и азербайджанцами “иноверный клин”, поселив туда армян. Идею особенно отстаивал российский дипломат армянского происхождения полковник Лазарев… Граф Пацкевич высоко ценил боевую доблесть

Подписание Туркменчайского договора 1828 г.

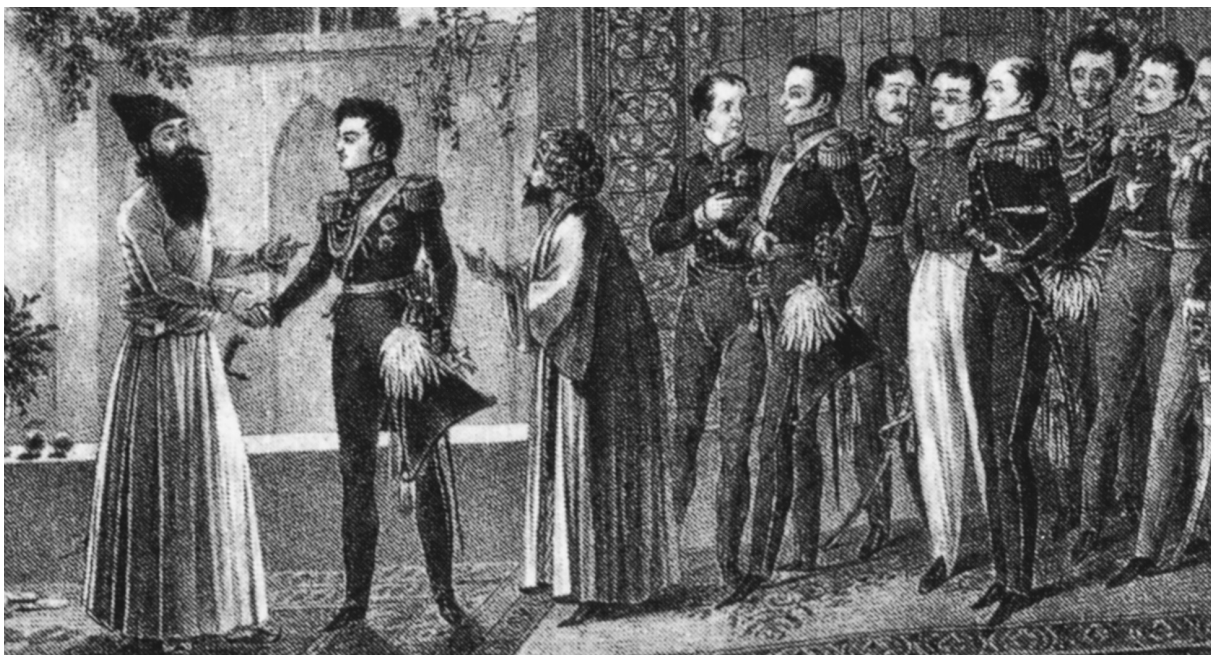
Генерал граф Паскевич И.Ф.

азербайджанцев. Но после того, как генерал вернулся в Петербург, неприязненное отношение к мусульманам привело к тому, что Эриванское и Нахичеванское ханства были объявлены Армянской областью, которая русскими военными виделась плацдармом для ведения войны против Турции. Конечной целью было взятие Константинополя и установления контроля над проливами. Так в Нахичеванском уезде и Ордубадском округе появились первые переселенцы из Турции - 8 тысяч армянских семей. (“Общая газета” 30 апреля - 6 мая 1998 г.)

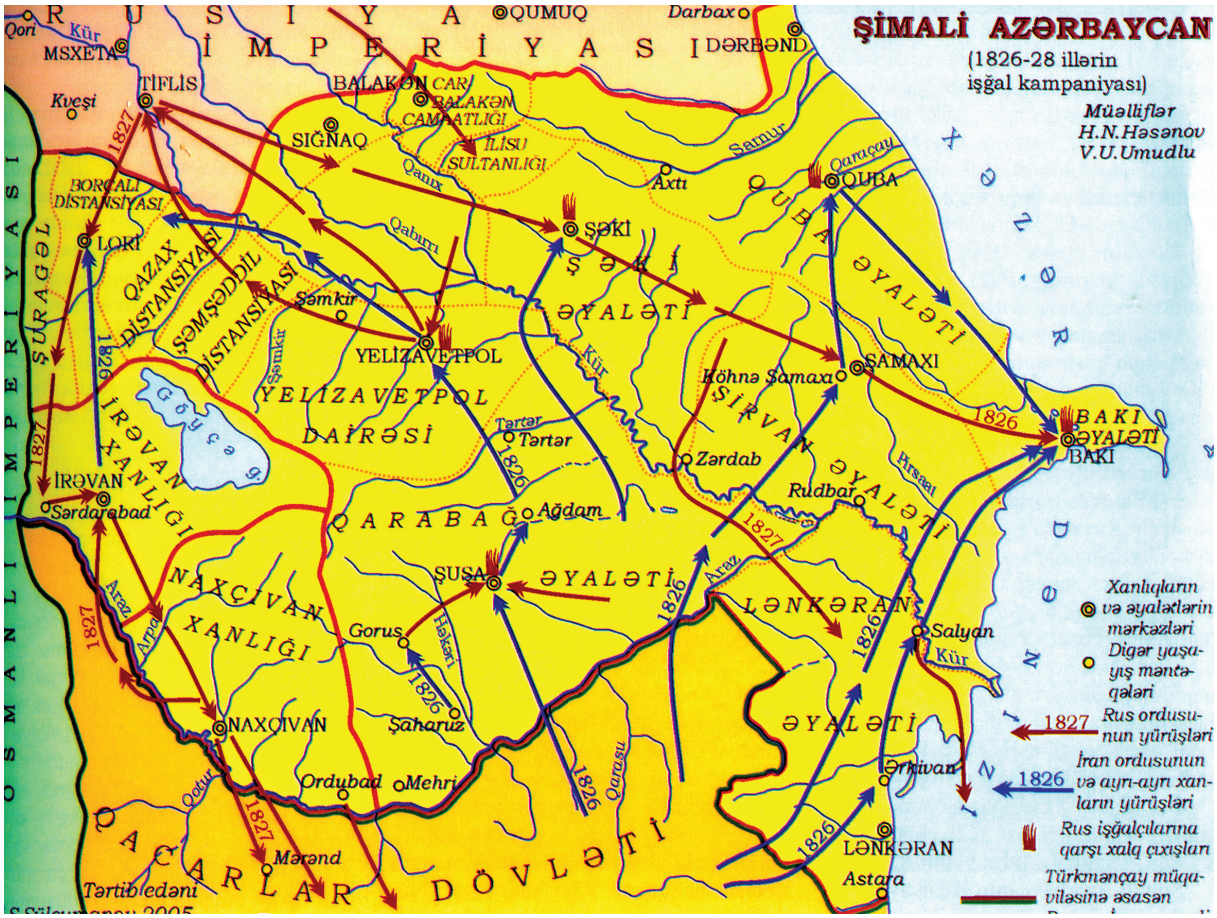
Задача царской политики по отношению к мусульманам заключалось в стремлении держать их в кабале, всячески препятствовать любым проблескам просвещения, пробуждения национального самосознания.

Характерную цитату приводит Гусейн Минасазов, азербайджанский публицист начала XX века:

“На днях в одной из столичных газет была выдержка из письма известного ненавистника мусульман миссионера Н. И. Ильминского к К. П.Победоносцеву, где, между прочим, говорится: “Для нас вот что подходяще было бы: чтобы в русском разговоре муфтий путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только у губернатора, но и всякого столоначальника”.

Встреча Паскевича с принцем Аббас Мирзой

Карта Северного Азербайджана

Далее Н.И.Ильминский пишет: “фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по-русски цивилизованный татарин, а еще хуже аристократ, а еще хуже человек университетского образования”.

Весьма типичная позиция для великодержавных шовинистов, которые даже в приличном владении русским языком инородцами видят угрозу интересам России. Чем невежественней “туземец”, тем он выгодней для колониальных властей - убеждены они. Не удивительно, что Ильминский яростно выступал против газеты “Терджуман” И.Гаспринского.

Г.Минасазов приводит и другой пример: Алексей Осипович Чернявский создавший татарское (читай тюркское) отделение при Горийской семинарии, по словам Г.Минасазова, “буквально рыскал по всем краям и городам, чтобы вербовать воспитанников для отделения”.

Необходимо отметить огромное значение Горийской семинарии в обучении нескольких поколений азербайджанцев. Судя по количеству ее достойных выпускников, эта семинария давала не меньше полезных знаний, чем иные Университеты в наши дни и в этом тоже огромная заслуга А.О.Чернявского. Такие деятели азербайджанской культуры как Фирудин бек Кочарли, Рашид бек Эфендиев, Аббас Сиххат, Абдулла Шаиг, Нариман Нариманов с благодарностью отмечали деятельность А.О.Чернявского в области про-

свещения и не только как создателя азербайджанского-тюркского отделения Горийской семинарии, в которой, кстати, учились, а затем преподавали Ф.Кочарли, Р.Эфендиев, которую также окончили Н.Нариманов, М.Дж.Мамедкулизаде, Уз.Гаджибеков, М.Магомаев, Сулейман Сани Ахундов и многие другие деятели литературы и искусства Азербайджана. Чернявского с благодарностью вспоминают и как автора первого учебника азербайджанского языка.

М.Э.Расулзаде, проявляя широту и объективность исторического взгляда отмечает и то позитивное, что было в период пребывания Азербайджана в составе России. Строгое административное управление положило конец внутренним смутам, население, уставшее от бесконечных распрей ханов, обрело относительно спокойное существование. В "капитализации" бакинских нефтяных залежей наряду с армянскими, русскими, европейскими предпринимателями стали участвовать и азербайджанцы, появились представители национальной буржуазии.

"Русская оккупация имела и положительные моменты", - писал М.Э.Расулзаде, ибо "приобщаясь через русских к европейской науке и технике, Азербайджан постепенно освобождался от пут восточного догматизма и мистицизма, вступал на новый путь развития".

Действительно, если сравнивать разделенные более двухсот лет назад Северный и Южный Азербайджан в культурном, экономическом, наконец, в государственном плане, то разница очевидна.

Выдающийся азербайджанский ученый, академик Гейдар Гусейнов в своей книге "Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века", в книге, сыгравшей роковую роль в трагической судьбе ее автора, писал: "Присоединение к России было *наименьшим злом* (курсив мой. - А.) для азербайджанского народа и других народов Закавказья… Прогрессивные государственные деятели, передовые представители общественной мысли Азербайджана, как, например, дальновидный Фатали хан Кубинский, крупный поэт и дипломат XVIII века Вагиф, бывший визирем Карабахского ханства и многие другие, были сторонниками русской ориентации".

ЭПИСТОЛЯРНАЯ ДУЭЛЬ ГЕНЕРАЛА ЦИЦИАНОВА И ДЖАВАД ХАНА, ОКОНЧИВШАЯСЯ ГЕРОИЧЕСКОЙ ГИБЕЛЬЮ ГЯНДЖИНСКОГО ПРАВИТЕЛЯ

Некоторые ханства Северного Азербайджана оказали упорное сопротивление оккупационным войскам. Героическая борьба гянджинского правителя Джавад хана отвергшего наглые ультиматумы царского генерала Цицианова о сдаче города, отразилась в народных песнях и легендах в честь хана-шехида. В своих демаршах царский генерал угрожал Джавад хану, что возьмет город и с позором казнит его, ибо ненавидит восточную гордость (кстати, сам Цицианов был обрусевшим грузином). Пытаясь обосновать свои притязания на Гянджу, Цицианов писал Джавад хану, что якобы, во времена царицы Тамары этот город подчинялся Грузии.

Так как переписка царского военачальника и гянджинского правителя представляет интерес не только с точки знания взаимоотношения этих двух личностей, но характеризует и общий дух завоевательной политики Царской России, приведу некоторые фрагменты из этих писем.

Цицианов писал Джавад хану: “По высочайшей власти моего великого Государя как в управлении Грузией, так и по всем делам сопредельных нам народов удостоился я получить полное доверие. Но дабы надежнее утвердить столь похвальное дружеское ваше расположение и доказать оное торжественно пред целым светом, в залог вашей верности и наших добрых отношений прошу вас прислать в Тифлис в аманаты вашего старшего сына Угурлу-ага, которому по достоинству и званию его будет здесь производиться приличное содержание. Исполнение моего требования почту я истинным знаком вашего чистосердечного доброжелательства, и тогда, по собственным словам вашим, не будет никакого различия между Гянджей и Грузией”.

Искренний друг нашего народа, известный русский писатель Р.И.Иванов приводя эту переписку в своей книге “Азербайджанская быль, российское пришествие и персидские мотивы. Очерки истории Азербайджана XIX века” пишет по поводу этого письма: “Другого способа так оскорбить самолюбие Джавад хана не сыскать. Поэтому его ответное письмо уже дышит холодом и возмущением. Хан знал, конечно, кто такой князь Цицианов, но послание князя ошарашило его своим бесстыдством, дескать, князь Цицианов очень желает дружить, но взамен требует от Джавад хана пожертвовать самым дорогим ему человеком, старшим сыном - наследником Угурлу-агой. Вот и решил Джавад хан поставить на место зарвавшегося генерала, вместо одного своего сына предложить сразу двух аманатов, - двух армянских патриархов, из-за которых скандалят три державы: Россия, Персия и Турция. Так остроумно ответить не терпящему ни малейших возражений князь Цицианову мог только один человек - предельно смелый и решительный Джавад хан Гянджинский”.

Взбешенный заносчивый князь отправляет Джавад хану следующее письмо: Вступив во владение Гянджинское объявляю вам о причинах прихода сюда:

1-ая и главная, что Гянджа с ее округом во времена царицы Тамары принадлежала Грузии (вот и сказались генетические корни обрусевшего генерала-А.) и слабостью царей Грузинских отторгнута от оной. Всероссийская же империя, приняв Грузию в свое высокомощное покровительство и подданство, не может взирать с равнодушием на расторжение Грузии (сравните с сегодняшней реальностью этой страны- А.) и несогласно было бы с силой и достоинством высокомощной и Богом вознесенной Российской Империи оставить Гянджу в руках чуждых, как достояние и часть Грузии”.

Ответ Джавад хана Цицианову от 3 декабря 1803 года:

“Ты пишешь, что во время царицы Тамары Гянджа находилась в зависимости от Грузии. Этому рассказу никто не поверит. Наши предки Аббас-Кули хан и прочие управляли Грузией. Если не веришь, спроси грузинских старожилов, управлял Аббас-Кули хан Грузией или нет? Ты еще писал, что я будто находился прежде в зависимости от Грузии. Но да будет тебе известно, что в моих руках теперь рескрипт твоего Падишаха. Посмотри, назван ли я в нем Гянджинским беглербеком или вассалом Грузии. Из этого следует, что слова твои ложны. Ты предлагаешь мне быть готовым на борьбу? Я с того дня готовлюсь, как ты, прибыв в Шамшадил, обратил ее население в зависимость свою. Если хочешь воевать, будем воевать”.

Цицианов угрожает: “Кто слыхал на свете, чтобы Российские войска, обложив крепость отошли без взятия оной путем сдачи или штурма? Первое утверждает благоденст-

вие сдающихся, а последнее кровью смывается. И Бог покажет при последнем, в чьих руках Гянджа останется. Кн. Цицианов (о себе в третьем лице! - А.) еще раз опрощает Джавад хана Гянджинского: Сдает ли он крепость на волю Российского начальника или нет? А ответ должен быть прислан неотменено завтра поутру и для безопасности посланного он должен иметь белый платок, повязанный на палке".

Джавад хан отвечает: "Вы писали, чтобы мне в тот же день на письмо ваше ответить. Сие указания можете употреблять своему слуге, а я никого не опасаюсь, когда хочу, тогда и отвечаю. Пишете также, что во время штурма кровь человеческая прольется, когда так - не идите сюда, и кровь ваша не прольется. А ежели пойдете, конечно, кровь прольется и грех на себя возьмете".

Это из последнего письма Джавад хана Цицианову. А Цицианов свое последнее письмо Гянджинскому правителю отправил 30 декабря 1803 года за четыре дня до штурма Гянджи: "Когда я требую скорого ответа на мои письма, то не для того, чтобы я считал неприятеля слугою, а точно для того, что по людским обычаям, взаимность должна соблюдаема быть, то есть когда я на ваши письма в тот же день отвечаю, то и вы должны тем же платить, и потому-де надеюсь, что не по моим, а общим целого света правилам взаимности, поступите и на сие я получу ответ завтра до полудня. Статьи, на коих сдача Гянджи может быть принята: Джавад хан Гянджинский должен присягнуть на подданство Всероссийскому Государю Императору и все жители владения то же должны исполнить. Крепость должна быть вовсе очищена и занята Российскими войсками со всеми орудиями и военными снарядами. Джавад хан Гянджинский в подданстве Российском, управляет своими владениями на прежних правах и станет данником России".

Естественно Джавад хан не принял ни одно из этих условий.

Генерал-лейтенант Цицианов П.Д.

Ответы Джавад хана, полные достоинства, содержали два пророчества: "Ты войдешь в город только через мой труп" - обещал хан и действительно рыцарски погиб вместе со своим сыном на стенах гянджинской крепости, защищая свой город. Отвечая Цицианову, утверждавшему, что он, хан, несчастен, Джавад хан писал: "Ты предлагаешь мне несчастья, если я не приму твоего предложения. Но я полагаю, что несчастье преследует самого тебя, которое завлекло тебя из Петербурга сюда. Последствия покажут, кто из нас будет несчастен".

И это предсказание сбылось - Цицианов потерял свою буйную голову уже при осаде Баку.

Захватив Гянджу Цицианов в первую очередь поменял ее название переименовав город в Елизаветполь, в честь дочери императора. "При этом установили штраф в один рубль серебром для каждого, кто назовет город по старому - пишет Эмиль Агаев в "Этно-лирических заметках

“Мой Азербайджан” и добавляет: - Однако на следующий день после объявления запрета перед городской управой выстроилась очередь из местных жителей. Входя, каждый произносил: “Гянджа!” и молча клал на стол перед русским чиновником рубль!”

Джавад хан

ВОЗНИКНОВЕНИЕ “АРМЯНСКОГО ВОПРОСА” НА КАВКАЗЕ

Оккупация Северного Азербайджана Российской империей сыграла роковую роль еще в одном немаловажном вопросе нашей истории. В 20-30 годы XIX столетия в Азербайджан согласно условиям Туркменчайского договора хлынули десятки тысяч армян из Ирана и Турции. Историк Играр Алиев в книге “Нагорный Карабах. История, факты, события” пишет: “Только в те годы в области Закавказья, в частности, в Карабах по самым скромным подсчетам переселились более 130 армян. По другим данным, число этих переселенцев значительно превышало 200000 человек”.

Касаясь этого процесса с точки зрения русских интересов некоторые историки с опасением отмечают, что “широко использовав лжесвидетельства, армяне из безземельных пришельцев захватили огромные пространства казенных земель”. (Н.И.Шавров. Новая угроза русскому делу в Закавказье).

Такая же тревога выражена драматургом и дипломатом А.С.Грибоедовым. “Армяне, - пишет он, - большею частью поселены на землях помещичьих мусульманских”. Переселенцы - по выражению Грибоедова “теснят мусульман, которые все ропщут и основательно”.

Представляет несомненный интерес и характеристика армян со стороны русских деятелей, современников и участников этих процессов. В книге публициста В.Л.Величко “Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы”, изданной в 1904-м году в С.-Петербурге” читаем: “Об армянах издревле сложилось плохое мнение, и это само собой разумеется, не лишено основания, так как иначе оно не могло бы возникнуть у целых народов и притом в разные времена”.

И сам В.Л.Величко не жалует армян, когда пишет о них в самом оскорбительном тоне: “Были у армян и невольные, насильственные скрещивания с другими народами. И персидские полчища, и азербеджанские татары, и турки, и грузины, и горцы, очевидно, не церемонились с женщинами народа, давно утратившего государственность и связанные с нею

Бунчуг (символ власти) Джавад хана

Усыпальница Джавад хана в Гяндже

способы гордой, мужественной самозащиты. При таких условиях ясно, что в жилах у армян есть всякая кровь. Этим и объясняется то обстоятельство, что у народа, трусость которого в Передней Азии вошла в пословицу, выдвигаются по временам талантливые и мужественные полководцы, как яркие исключения в темном фоне: ясно, что в них говорит кровь других, воинственных народов, нормальный же, чистокровный армянин, согласно общекавказской пословице, имеющейся на нескольких местных языках, "боится зайцев".

Видно, армяне чем-то сильно насолили Величко, если он приводит даже цитаты из Некрасова и Козьмы Пруткова, которые уничижительно отозвались в своих стихах об армянах.

И в то же время ему не изменяет чувство объективности, когда он отделяет армянский народ в целом от его горе-предводителей.

"Необходимо отделять армянскую народную массу от хищной плутократии невежественного политиканствующего духовенства и мнимо-интеллигентных пиджачников, - пишет Величко - т.е. от тех правящих армянских общественных слоев, которые гнетут не только иноплеменных соседей, но и соплеменных им неповинных простолюдинов. И среди правящих классов, несомненно, есть довольно значительный процент людей, в основе не плохих и виновных, главным образом, в малодушном подчинении террору своих главарей и гипнозу своей болезненно развившейся племенной, или как они говорят (без всякого на то права) национальной идеи".

Как современно и своевременно звучать эти слова, сказанные сто с лишним лет назад.

Примечательно само название книги писателя и журналиста Сергея Глинки "Описание переселения армян Адербиджанских в пределы России", изданной в 1831 году в Москве. И в названии и в самом тексте книги говорится о аддербиджанских (азербайджанских), а не о персидских армян. То есть страна, откуда их пересилили, определяется именно как Азербайджан (Южный). Стоит обратить внимание и на "рухнувшиеся надежды автора на то, что весь Аддербиджан (курсив мой - А.) останется навсегда в руках наших. Заметьте, опять же речь идет об Азербайджане, причем о всем Азербайджане, а не о персидских провинциях или ханствах.

С началом Карабахского конфликта в конце 80-х годов XX века (впрочем, и не раз до этого) армяне свои притязания на Карабах, пытаются обосновать тем, что якобы эта их исконная земля. Хотя это легко опровергается фактами истории, в том числе и теми, ко-

торые приводятся в текстах самих армян. Так например, в книге “Народности Кавказа”, изданной в 1916 году в Петрограде, Б. Ишханян писал: “Армяне, проживающие в Нагорном Карабахе, частью являются аборигенами, потомками древних албанцев, а частью беженцами из Турции и Ирана, для которых азербайджанская земля стала убежищем от преследований и гонений” (цитируя по вышеупомянутой книге Играра Алиева).

Этот неопровержимый факт подтверждается и тем, что уже в наше время, в 1978 году в Мардакерте был установлен памятник в честь 150-летия переселения армян в этот район Азербайджана. Позже, накануне карабахского противостояния с памятника соскоблили цифру 150, а затем снесли и сам памятник. Таким образом, как обычно в очередной раз попытались переписать Историю в свою пользу, пытаясь сфальсифицировать и скрыть в ней все, что не соответствует их бредням.

Мирза Джафар Топчубашев

ПЕРВЫЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ

Несмотря на все эти противоречивые и неоднозначные с исторической точки зрения события, самое важное наше приобретение в середине XIX века - появление первых представителей национальной интеллигенции, получивших европейское образование и прогрессивно мыслящих.

Один из основателей русского востоковедения Мирза Джафар Топчубашев был знаком с А.С. Пушкином, дружил с А.С.Грибоедовым, польским поэтом Адамом Мицкевичем. Он стал первым азербайджанцем, чья деятельность была связана с Петербургским Университетом с первых дней его образования.

Мирза Кязым-бек.

Отнюдь не преуменьшая заслуг других литераторов XIX века, отцами-основателями азербайджанской культуры нового времени можно считать четырех великих деятелей - Мирзу Кязым бека, Абаскули-ага Бакиханова, Мирзу Фатали Ахундзаде, Гасан бека Зардаби.

Все четверо были людьми многогранно одаренными, каждый имеет заслуги в разных областях литературы, науки, культуры, печати, но все же если определить самое главное в деятельности каждого из них, можно сказать так:

Аббаскули-ага Бакиханов

Мухаммед Али Мирза Кязым бек (1802-1870) заложил основу именно азербайджанского современного языкознания (кстати, и русского востоковедения, включая русскую тюркологию, иранистику и исламоведение). Он автор первой грамматики собственно азербайджанского языка: “Адирбиджанское наречие турецко-татарского языка”.

(Значение азербайджанского языка отмечал великий русский поэт М.Ю.Лермонтов: “Начал учиться по-татарски (по-азербайджански - А.), язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе”. Есть предположения, что азербайджанско-тюркскому языку Михаил Юрьевич учился у “ученого мусульманина Али” (т. е. Фетх-Али) и он же, Ахундов, ознакомил его с легендой, на основе которой поэт написал “Машук Караиб”.)

Аббаскули-ага Бакиханов (Гудси) (1794-1847) - наш первый ученый-историк европейского типа, автор книги “Гюлистан-Ирам”, посвященной истории Азербайджана.

“По существу труд А.К.Бакиханова, - пишет академик Зия Буниадов, - является первым для своего времени исследованием, в котором отражены все достижения исторической науки того периода. Творчество Бакиханова сложилось на стыке двух, даже трех культур - традиционно восточной, новой европейской и русской. Можно сказать, что А.К.Бакиханов был для азербайджанской историографии последним хронистом средневековья и первым историографом, историком нового времени, в творчестве которого органически переплетались традиции восточного классицизма и синхронной для него русской и европейской науки”.

Сам А.К.Бакиханов в предисловии к своей написанной на русском языке книге “Гюлистани Ирам” отмечает: “К истории мы имеем природную склонность, потому что, кроме истинных происшествий, любим и басни. История знакомит нас со степенью образования народа и его нравственности, с выгодами совместного существования и политики, и потому надлежит ее считать одной из высших духовных наук. Она есть наставница в школе которой все представители рода человеческого пользуются ее уроками. Как новый жизнедатель, она воскрешает пред нами тысячелетних мертвецов. Различные племена бесчисленных веков являются пред ее страшным судом, каждый в особой одежде, с обычаями своими, враждою и дружбой, и стоят перед ней каждый с отчетом деяний и действий своих, на груди каждого начертанных. (По исламским убеждениям на плечах каждого человека находятся два ангела. Один записывает его добрые, другой злые дела. С этими списками люди предстанут на страшном суде. - А.)

Добродетели и пороку воздастся от нее должное возмездие перед судом потомства. Описываемые ею деяния прошедшего служат руководством будущему. Жить настоя-

щим, не ведая прошедшего, значит войти в пустыню без пути и блуждать в ней без цели. Изучение истории особенно важно для того народа, чью прошедшую жизнь она описывает".

Пусть эти мудрые слова станут программой и для нас, в попытках понять и осмыслить Прошлое ради выбора Будущего.

Мирза Фатали Ахундзаде (Сабухи) (1812-1878) создал первые сценические произведения на всем исламском Востоке.

Гасан бек Зардаби Меликов (1837-1907) стал издавать первую тюркскую газету в России и он же стал основателем нашего театра.

Без основополагающего вклада этих людей немыслимо дальнейшее развитие нашей культуры, литературы, общественно-политической мысли, в конечном счете национального самосознания в конце XIX - начале XX века. Все это привело к созданию в Азербайджане первой на востоке демократической, светской Республики в мае 1918-го года.

Мирза Фатали Ахундзаде

Один из идеологов и летописцев этой Республики, соратник и продолжатель М.Э.Расулзаде в эмиграции, Мирза Бала Мамедзаде писал: "На мой взгляд, если бы Мирза Фатали и Гасан бек Зардаби появились на свет позже на пятьдесят лет, то и мысль о независимости, национальная хартия Азербайджана появилась бы на пятьдесят лет позже. Между ними есть тесная связь - народ, не осознавший свое тюркство и азербайджанство не мог бы провозгласить декларацию о независимости".

Не следует забывать заслуг и Фирудин бека Кочарли, педагога-просветителя, основателя семинарии в Газахе, одного из первых литературных критиков, автора двухтомной истории азербайджанской литературы, расстрелянного большевиками в 1920-м году.

Самый сокрушительный удар по религиозным догматам Мирза Фатали нанес в философском трактате "Письма Кемал-уд-Довле". Порой это произведение выдают как проявление чистой исламофобии и агрессивного атеизма. Это не сов-

Гасан-бек Зардаби

Фирудин бек Кочарли

сем верно. Мирза Фатали ясно заявляет, что он не против Ислама, и любой религии вообще. Акценты на пороки мусульманской веры, связаны с тем, что сам он принадлежит к миру Ислама и ее недостатки переживает особенно остро. Когда христианские миссионеры попытались использовать "Письма Кемал-уд-Довле" в своих собственных антиисламских пропагандистских целях, автор решительно воспротивился этому. "Письма не такого рода сочинение, чтобы фанатики могли его использовать в целях пропаганды и распространения христианской религии", - заявил он. Ахундзаде опровергает также обвинения в свой адрес в пропаганде атеизма. "Автор не хочет, чтобы народ стал атеистом, без веры и убеждений" - ясно и четко заявляет он. Позитивное отношение к истинным, гуманистическим и прогрессивным ценностям Исламской религии проявилось и в том, что одним из его близких друзей и идейных соратников был Шейх ул Ислам Кавказа. Шейх поддерживал Ахундзаде даже в таком "рискованном" вопросе как реформа алфавита.

Конечно, ради объективности надо признать, что в "Письмах Кемал-уд-Довле" есть явные перехлесты. Никак не приемлемы грубые выпады против Пророка Мухаммеда, выдающейся исторической личности, основавшей одну из трех крупнейших монотеистических религий мира. Религия, к которой ныне принадлежат сотни миллионов людей на всех пяти континентах земли. Одно дело борьба с догматической косностью религии - любой религии, - искажением ее принципов фанатиками, противостояние всему негативному, не отвечающему веянием времени, историческому прогрессу общества, и совсем другое дело восставать против Бога и проявлять сомнения в божественном промысле, что тоже, к сожалению, присутствует в тексте "Писем".

Мирза Фатали своими шестью комедиями на родном языке заложил основу не только национальной драматургии, но и прозы. Хочу уточнить, язык современной прозы Азербайджана восходит не к единственному чисто прозаическому произведению Ахундзаде, повести "Обманутые звезды", с весьма усложненной арабо-персидской лексикой, а к его комедиям, к сочным диалогам его пьес, опирающихся на чисто народную речь.

М.Ф.Ахундзаде вслед за французскими энциклопедистами впервые обращается к понятию "нация". Он четко различает значение этого слова, как название определенного этноса, от его понимания как религиозной общности, заложив тем самым основу для идеологии азербайджанства XX века.

По сравнению с царским чиновником и полковником Мирза Фатали, Г.Зардаби сталкивался с еще большими препятствиями и трудностями на путях служения народу. Его преследовали и официальные власти, и реакционное духовенство, называвшие Гасан бека "папахлы урус" (русским в "мусульманской папахе"). Некий полковник Алибек Али-

ханов вернул обратно газету “Экинчи”, посланную ему редактором, со словами: “Удивляюсь, как мог редактор не знать, что газету, не издаваемую правительством, не станет читать слуга, верно служащий своему царю”.

Власть прибегала к самым изощренным средствам, чтобы заглушить голос “Экинчи”. Усилиями властей была подготовлена и издана специальная официальная версия газеты под тем же названием. Зардаби категорически потребовал прекратить это безобразие. (Вспомнилось, что когда спустя почти полвека журнал “Молла Насреддин”, созданный М.Дж.Мамедкулизаде в 1906 году, приобрел под надзором и натиском большевистской идеологии и цензуры совершенно другое направление в советские годы, Мирза Джалил решительно потребовал снять свое имя как редактора издания).

Атаки на Зардаби шли по всем азимутам. Его призывы к духовному единению мусульман, к языковой близости тюркских народов, вызывали бешеную злобу и армянских националистов. В армянской газете “Мшак” вражда к Зардаби, как это бывает обычно у армянских публицистов и писателей, превращалась в ненависть ко всем тюркам и мусульманам вообще. “Верните нам наши земли - писала газета “Мшак”, - которые вы силой забрали у нас в прошлом, а сами идите в арабские пустыни, где возник ислам и там организуйте свой мусульманский союз, объединяйте своих монголов” (?! - А.).

На днях я прочитал в газете цитату из некоего Григория Айвазяна, совпадающую по духу и желанию автора с текстом из “Мшак”. Расчленив в своих бредовых галлюцинациях территорию Азербайджана и присовокупив к Армении ее значительную часть, Айвазян “великодушно” предлагает азербайджанцам “вернуться на Алтай, либо поселиться в братской Турции. Нет такой нации - азербайджанец” - уверен он (газета “Эхо” 18 января 2012).

За сто с лишним лет мало что изменилось в сознании армянских фашистов. Как же не называть фашистами людей, которые пытаются стереть с лица земли другой народ, или на худой конец, переселить его подальше, чтобы завоевать себе “жизненное пространство” по терминологии Гитлера. Сопоставляя такие оголтелые проявления пещерного национализма, еще больше гордишься чистыми и высокогуманными помыслами азербайджанских просветителей, в числе которых и светлая личность Гасан бека Зардаби. “Нужно приложить все силы к тому, чтобы установить мир и любовь между людьми разных национальностей”, - писал он. Замечательная супруга Зардаби Ханифа ханым Меликова вспоминала, что Гасан бек употреблял все свое красноречие, все усилия, чтобы доказать пагубность для азербайджанцев и армян взаимной вражды. “Он открыто говорил, объяснял, доказывал, что это провокация правительства”.

Увы, из века в век события происходят по одному и тому же сценарию и слова, написанные Г.Зардаби о евреях, будто сказаны сегодня: “Еврейский народ, ища себе угол под небосклоном, разместился по всем странам земного шара… В прошлом Европа не была цивилизованной, культурной в достаточной степени, потому в отношении евреев допускались произвол, насилие, притеснения, иногда принимавшие массовый характер. Но дело в том, что еврейский народ оказался очень стойким. Он сохранил свой язык, свою веру, свои национальные особенности”.

К этим словам следует добавить, что в XX веке Холокост произошел в уже “цивилизованной, культурной” Европе, хотя говоря о стойкости еврейского народа, Гасан бек был абсолютно прав.

Бессребреник и подвижник Зардаби требовал от других своих единомышленников такого же самопожертвования во имя общих идей и не прощал малейшего отступления от борьбы - по старости ли, от усталости ли, даже высокочтимого им М.Ф.Ахундзаде. В страстном письме к Мирзе Фатали выражено жизненное кредо Гасан бека Зардаби: “Многоуважаемый Мирза Фатали бек! Письмо Ваше и посылку я получил. Вы пишите, что лета Ваши не позволяют Вам написать что-нибудь новое. Очень жалко. Я должен сознаться, что удивляюсь, отчего прочие люди с летами делаются более опытными и произведения их более серьезными, а вы как сознаетесь, наоборот, даже не можете взяться за перо. Впрочем, Ваша воля, Вы захотели отдохнуть, пошли вам господь спокойствие. Но только не думайте, что народное образование такая вещь, которую можно достигнуть какой-нибудь статейкой или пьесой. Нет, тут гораздо больше хлопот. Жизни и трудов одного, даже десятка руководителей мало для этого. Может быть, Вас останавливает вопрос, отчего Вы, а не другой будет трудиться, да еще даром и не надеясь услышать спасибо. В таком случае я считаю нужным объяснить, что вопрос этот не имеет место там, где дело идет о любви народной, любви к ближнему, о просвещении невежд. Кто посвящает себя просвещению народа, да еще народа темного, невежественного, как наш брат, того такая мысль не должна останавливать. Тот сам в себе находит награду, он очищает свою совесть”.

Хочу уточнить, что Мирза Фатали был старше Гасан бека на 25 лет. Пройдут годы, настанет новый - XX век и в его начале на съезде учителей молодой Нариман Нариманов выступит против семидесятилетнего Гасан бека Зардаби, за его излишнюю осторожность, и когда тот сошлется на свой опыт и свой возраст, молодой Нариман дерзко и грубо осадит старика пословицей: “Агыл йашда олмаз, башда олар” (“мудрость не в годах, а в голове”). Пройдет еще двадцать лет, Нариманов станет Председателем Совета Народных Комиссаров Советского Азербайджана и против него ополчатся молодые коммунисты, среди них и Рухулла Ахундов, секретарь ЦК Компартии Азербайджана. Пройдет еще лет десять-пятнадцать и в 1937-году Рухулла Ахундов будет репрессирован. Когда на допросе М. Дж. Багиров скажет ему: “Ты же обличал Нариманова за национализм, как же погряз в болоте национализма?”- истекающий кровью после пыток Рухулла ответит: “Если бы доктор (Нариманов) был жив, я упал бы перед ним на колени, прося прощение. Каким дальновидным он, оказывается, был”.

А еще через 19 лет М.Дж.Багиров на своем суде скажет:

“Я знаю где я нахожусь и что меня ждет. Я по колено в крови. Меня четвертовать мало”.

Горько дается историческое прозрение, и видимо юношеский максимализм неизбежно противостоит зрелой мудрости.

ПРОСВЕТИТЕЛИ ЮЖНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

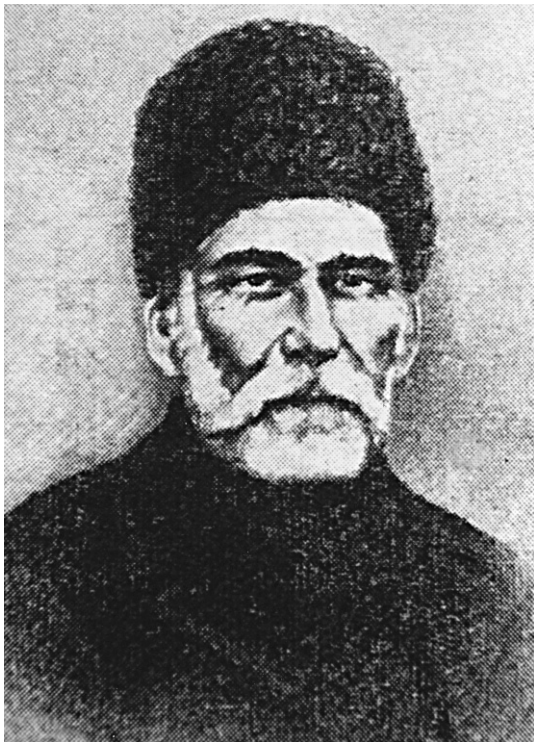
Мирза Фатали оказал огромное влияние на развитие общественно-политической мысли не только в Северном, но в Южном Азербайджане и в Иране в целом.

Среди эпистолярного наследия великого писателя значительное место наряду с письмами к Г.Зардаби, занимают письма просветителям по ту сторону Аракса - Мирзе Мелкум хану и Мирзе Юсиф хану. С Мелкум ханом и Мирзой Юсиф ханом Ахундзаде был

знаком лично. Другие видные деятели просвещения Южного Азербайджана и Ирана второй половины XIX века А.Талыбов, З.Марагаи, Дж.Афгани не будучи лично знакомы с писателем, испытали огромное влияние его идей и художественных произведений. Под воздействием его комедий Мирза-ага из Тебриза написал четыре пьесы, первые образцы драматического искусства в Иране.

Если первые просветители Северного Азербайджана М.Дж.Топчубашов, Мирза Кязым бек, Г.Зардаби получили образование в России, или как А.Бакиханов и сам Мирза Фатали были тесно связаны с русской культурой, то Мирза Юсиф хан и Мелкум хан учились в Париже, долгое время жили в Лондоне и их убеждения формировались в основном под влиянием европейских мыслителей. В мировоззрении этих деятелей идеи чисто тюркского самосознания не имеют решающего значения.

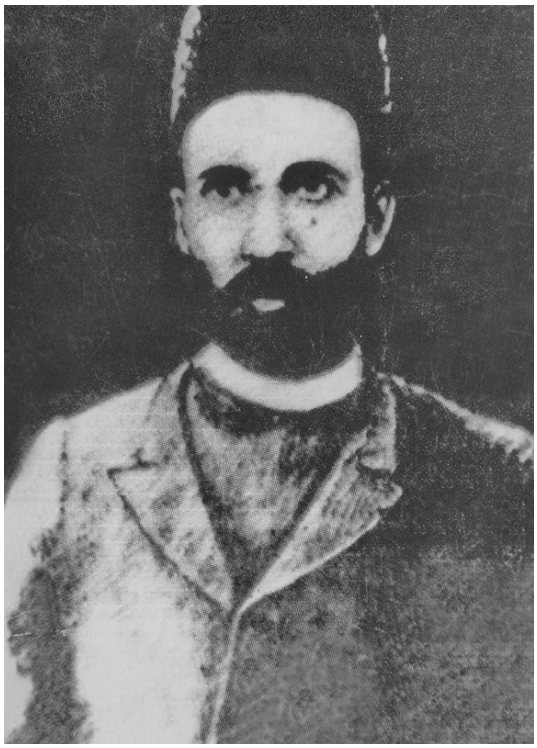
Они воспринимали себя прежде всего как иранцы.

Мирза Абдулрагим Талыбов Тебризи

Для южно-азербайджанских и иранских просветителей характерно стремление к обновлению Ирана. Они стремились прежде всего к созданию в стране режима, опирающегося не на единовластие правителя, а на Закон. Они мечтали о будущем Ирана, как о конституционной монархии, естественно, при сохранении шахской власти. То есть, это тоже была по существу ахундовская модель Просвещенного монарха, воплощенная в рассказе “Обманутые звезды”. В отличие от Мирзы Фатали они видели обновление в рамках Ислама.

Мирза Абдулрагим Талыбов Тебризи (1834-1911) - автор прозаических произведений “Осел, нагруженный книгами” и “Книги Ахмеда”, которые наряду с “Дневниками путешествия Ибрагим бека” З.Марагаи являются первыми образцами реалистической литературы в Южном Азербайджане и в целом в Иране. В “Дневнике путешествия Ибрагим бека”дважды упоминается “Книга Ахмеда”. Первый раз герой дневника

Зейнал Абдин Марагаи

Ибрагим бек пренебрежительно отзывается об этой книге, в которой резко критикуется его родина Иран. Но после путешествия в Иран (до этого Ибрагим бек, иранский азербайджанец жил в Египте) он искренне раскаивается в своих критических суждениях о книге Талыбова и пишет: “Нижайше прошу прощения у мудрейшего мужа - автора “Книги Ахмеда”, ибо о нем я помышлял худо по причине моего злосчастного патриотизма. Только теперь, когда я постиг все тонкости мудрых мыслей этого выдающегося человека, я могу утверждать, что у него в душе пылал огонь истинного патриотизма”.

Большое влияние на развитие реалистической литературы и общественно-политической мысли не только в Южном, но и в Северном Азербайджане оказала книга Зейнал Абдина Марагаи (1837-1910) “Дневник путешествия Ибрагим бека”. Она получила широкое распространение в Иране и далеко за его пределами - в Турции, Индии, Закавказье, Средней Азии. Бертельс отмечает, что это “первый оригинальный роман европейского типа на персидском языке, обладающий выраженной установкой на социальную сторону жизни”.

Сам З.А.Марагаи так оценивал свой роман: “Я горжусь тем, что был первым писателем, который обнаружил и показал пороки и недостатки нашей страны и приложил все усилия, чтобы исправить их. Я поступил так, как делают европейские писатели, - прямо и открыто сказал о гнете, эксплуатации и невежестве сынов нашей родины. Я призвал наш народ к справедливости, подобно муэдзину, призывающему к молитве, подобно петуху, возвещающему рассвет. Я рад, что был первым, никому не известным писателем, сумевшим зажечь светильник равенства, свободы и закона на страницах своего произведения”.

Зейнал Абдин родился в Мараге, “в самом крупном городе в Азербайджане по производству продуктов” - как сказано в тексте романа. Несмотря на то, что “Дневник” написан на персидском языке, автор подчеркивает свое этническое тюркское происхождение и неоднократно с симпатией отзывается о своих сородичах. Ибрагим бек - герой романа - сын азербайджанского купца, долгие годы проживший в Каире. В Каире Ибрагим бек как-то встретился с паломниками из Ирана, разговорился с ними “А вы откуда знаете персидский? - спрашивают его паломники. - Я сам иранец, из Азербайджана - отвечает Ибрагим бек. Еще один диалог с Ибрагим беком - Ты турок? - спрашивают его - Да, - отвечает он, - азербайджанец”.

В 1963 году роман З.Марагаи вышел в Москве в издательстве Академии наук СССР, в авторитетной серии “Литературные памятники”. Востоковед А.М.Шойтов, написавший послесловие к этому изданию отмечает, что “в Иране, как и на всем Ближнем Востоке, пользовалось широкой известностью философское произведение М.Ф.Ахундова “Три письма индийского принца Кемал ад-Дауле к персидскому принцу Джалал ад-Дауле и ответ сего последнего”. Влияние “Писем Кемал ад-Дауле” несомненно, сказалось и на “Путешествие Ибрахим бека”, о чем свидетельствует не только одинаковый критический подход их авторов к действительности, совпадение многих фактов и бытовых деталей, но и сходство художественных приемов”

Зейнал Абдин Марагаи и Мирза Фатали с одинаковым сарказмом высмеивали бездарных и высокопарных рифмоплетов, которые провозглашались “Царями поэтов”или “Солнцем поэзии”.

Образцом бесподобного комизма является следующая сценка из “Дневника путешествия Ибрагим бека”.

“Неподалеку от лавки чулочника я увидел человека, который сидел, держа в руках перо и бумагу. Он поглядывал на юношу и что-то писал. Я подумал было, что это художник, который рисует портрет юноши. Указывая на человека с пером и бумагой, я спросил у старика-чулочника:

- Скажи-ка, дядюшка, как зовут этого художника?

Он засмеялся и сказал: - Дорогой сынок, человек, которого ты принял за художника, вовсе не портретист, а поэт. Он сочиняет юноше стихи. Как же мне докучают наглые поэты. Ходят здесь то и дело, то один, то другой и все для того, чтобы писать стихи этому юнцу”.

В одном из фельетонов М.Дж.Мамедкулизаде мы видим такое же отношение к восточному рифмоплетству и графоманству:

“Опьяненные поэтической эйфорией поэты имеются не только в Азербайджане - пишет Мирза Джалил. - Все взявшие в руки перо в мусульманском мире, начиная с Турции - поэты. И с каждым днем таких поэтов становится все больше и больше. Поэтому на Западе процветает культура, а у нас - поэтические грезы. Там люди записывают свои мысли и молниеносно распространяют их по миру, а мы, взяв в левую ладонь маленький кусок бумаги и закатив глаза к небу, ищем рифмы, жертвуя ради рифмы и размера содержанием”.

Эти последние фразы как бы буквально иллюстрируют сценку, описанную З.А.Марагаи (“поэт”, смотрит на юношу и пишет его “поэтический” портрет).

Мирза Джалил Мамедкулизаде не раз цитировал роман Марагаи и в журнале “Молла Насреддин”на протяжении 1906-1907 помешались карикатуры на сюжеты “Дневника путешествия Ибрагим бека”.

Именно в конце XIX -начале XX столетия передовые представители азербайджанской интеллигенции четко обозначили разницу между понятиями “миллет” (нация) и “уммет” (религиозная общность).

В сборнике “Кешкюль” (1890) был опубликован фельетон подписанный “Азербайджанлы” (“Азербайджанец”). В фельетоне приводится диалог между азербайджанцем и иностранцем:

- Какой вы национальности?

- Я мусульманин

- Нет, я спрашиваю, какой вы национальности. Религия одно, нация - другое. Я понял, что вы мусульманин, но хочу знать какой вы национальности

- По правде говоря, я не знаю какой я национальности.

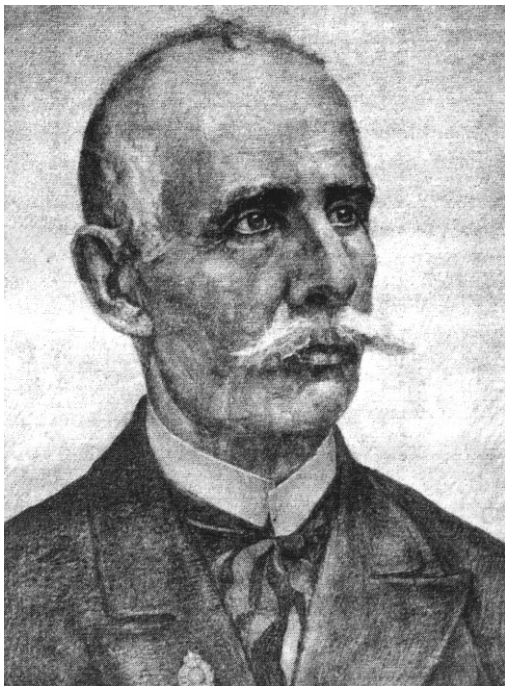
- Ваша нация - азербайджанцы.

- Как вы сказали?

- Азербайджанская нация, мой дорогой, азербайджанская…

Идеи Ахундзаде и Зардаби нашли свое продолжение не только в Азербайджане.

Крымско-татарский писатель, публицист, общественный деятель Исмаил бек Гаспринский (1851-1914) начал издавать в Бахчисарае общетюркскую газету “Терджуман” (“Переводчик”) и заложил основу “усулу джадид” (“новый метод обучения”).

Исмаил бек Гаспринский

“ЕДИНЕНИЕ В ЯЗЫКЕ, В МЫСЛЯХ В ДЕЛАХ”

Доктор исторических наук, профессор М.А.Усманов в предисловии к книге И.Гаспринского (Гаспралы) “Россия и Восток”пишет: “Фактически он был творцом - и идеологом и практическим организатором - целого движения в области просветительства среди мусульманских народов России - джадидизма… Джадидизм, как новый и высший этап светского просветительства своей культурно-духовной универсальностью способствовал становлению и развитию национального, то есть видового самосознания у каждого из этих народов внутри тюркской, то есть родовой общности”.

Не только крымские татары, но и другие тюркские народы в России считали И.Гаспралы аксакалом, отцом нации, улу устадом (великим учителем).

Девизом жизни и деятельности И. Гаспаралы был выдвинутый им знаменитый лозунг относительно тюркских народов: “ЕДИНЕНИЕ В ЯЗЫКЕ, В МЫСЛЯХ, В ДЕЛАХ”

Относительно языка самой газеты “Терджуман” известный ориенталист, исследователь творчества И.Гаспринского А.Бенингстон пишет: “Этот язык основывался главным образом на упрощенном турецком языке и был освобожден, насколько это возможно, от заимствований из арабского и персидского языков, так что он мог быть понят всеми тюркскими народами от Балкан до Великой Китайской стены, или “от босфорских лодочников до верблюжьих погонщиков Кашгара”, как любил говорить сам Гаспринский”.

Именно поэтому, как отмечает тот же А. Бенингстон: “Терджуман”привлек внимание передовых деятелей Российской империи и Турции. Среди них самые известные Юсиф Акчура, братья Рамиевы, Ахмед Сади Максуди, Ризаэддин Факраддин, Фирудин-бей Кочарли, Алекпер Рафибейли, Нариман Нариманов, Осман Акчокраклы, Ахмед Ошан-баши, Гасан Сабри, Ибрагим Фахми, Фуад Кепрюлю, Зия Гекалп, Ахмед Мухтар Паша, а также многие другие”.

По правде, прочитав имя своего прадеда Алекпера Рафибейли в этом славном списке, я очень обрадовался, но до сих пор не удалось узнать, какие именно его тексты были опубликованы на страницах газеты “Тарджуман”.

Фотография в моем рабочем кабинете, на которой запечатлены Гасан бек Зардаби в пожилом, Исмаил бек Гаспринский в зрелом, Алимардан бек Топчубашев (зять Гасан бека) в молодом возрасте, имеет символическое значение. Та просветительская, прогрессивная, демократическая, национально-патриотическая деятельность среди тюрков начатое Ахундзаде и Зардаби, на новом этапе продолжили и развили И.Гаспринский и А.Топчубашев. На первом съезде мусульман России Председателем был избран И.Гаспринский, а его заместителем А.Топчубашев, а на втором съезде председателем стал уже

А.Топчубашев. (Позже, в годы АДР Алимардан бек свою фамилию обозначал как Топчубаши).

И.Гаспринский, Г.Зардаби, А.Топчубашов

Азер Туран совершенно справедливо указывает, что Исмаил-бей Гаспринский был не только пламенным патриотом, отцом нации, аксакалом, но и весьма трезвым и осторожным политиком. Многие свои мысли он выражал "эзоповым языком", умея маскировать их подлинную суть. Так в статье "Русское мусульманство" он писал: "500 лет назад на Куликовском поле окончательно решилась судьба мусульманских, в частности тюрко-татарских народов в составе России. Мы думаем, что рано или поздно Россия примет в свое лоно все тюрко-татарские народы. Таким образом в будущем, возможно очень близком будущем, Россия станет одной из больших мусульманских стран. Все это, на мой взгляд, отнюдь не уменьшит ее значение как христианской страны".

Как видно Исмаил бек в завуалированной форме предвидит будущее России в зависимости от ее отношения с тюрко-татарскими народами. Эти мысли где-то созвучны с идеями евразийства чьими приверженцами в наши дни стали и русские и нерусские. А Гаспринского принимали в штыки русские шовинисты, считая его деятельность крайне опасной для Империи, а его самого агентом Турции. В Турции же некоторые объявили его русским шпионом.

Обложка журнала "Молла Насреддин"

В Париже Исмаил бек сблизился с великим русским писателем И.С.Тургеневым, который оказывал всяческое содействие молодому татарскому просветителю.

В 1910-м году солидный французский журнал "Реву ду Монде Мусулман" внес предложение о присвоении И.Гаспринскому Нобелевской премии мира.

А у себя на родине Исмаил бек подвергался остракизму со стороны фанатичного мусульманского духовенства. Ему никак не могли простить реформаторских взглядов на ре-

Алимардан бек Топчубашев

лигию и образование. М.Дж.Мамедкулизаде, испытывавший большое уважение к Гаспринскому опубликовал в журнале “Молла Насреддин” карикатуру: Моллы нападают на Исмаил бека.

И.Гаспринского связывали тесные дружественные связи с его единомышленниками в Азербайджане - с Г.Зардаби, А.Топчубашевым, Н.Наримановым и другими.

Н.Нариманов посетил И.Гаспралы еще в годы своей учебы в Одессе. С глубоким уважением относясь к его идеям, он с болью воспринял весть о его кончине. В скорбной статье памяти Гаспралы Нариманов писал: Народу, забывшему Гаспралы впору поставить надгробный камень и написать на нем слова: “Нация забыла такого героя как Исмаил бек и сама исчезла”.

Видный деятель Азербайджанской Демократической Республики, ее Премьер Министр Насиб бек Усуббеков был женат на дочери Исмаил бека.

ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

Алимардан бек Топчубашев принимает активное участие во всех конгрессах и собраниях мусульман России, избирается депутатом Государственной думы. Историк Диляра Сеидзаде в объемной книге “Азербайджан в начале XX века: дороги, ведущие к независимости”отмечает большую роль А.Топчубашева в политической жизни царской России, а затем и Азербайджанской республике. “21 июня 1906-го года на первом заседании Государственной Думы было избрано бюро мусульманской фракции (всего во фракции было 22 депутата), и А.Топчубашев стал его председателем”.

Годы эмиграции: Аббас бек Атамалибеков, Мамед Магеррамов, А.М.Топчубашов, Акпер ага Шейхулисламов, Джейхун бек Гаджибейли, Мир Якуб Мехдиев. Париж 1915 г.

А.Топчубашев был избран также Председателем Комитета и Мусульманского совета 12 июля 1917 года. Его заместителями стали М.Э.Расулзаде и М.Г.Гаджинский.

Если сравнивать направление деятельности наших двух самых выдающихся политических деятелей начала и середины XX века вне пределах Азербайджана, то М.Э.Расулзаде проявил особую активность в Иране и Турции, а А.Топчубашев в России, а впоследствии в Европе. В годы независимости А.Топчубаши был избран Председателем Парламента Азербайджанской Республики, но фактически не имел возможности проработать в этой должности. Он выехал в Турцию, а затем в Париж во главе правительственной делегации Азербайджанской республики и сделал все возможное для дипломатического признания своей страны со стороны западных держав. Историк Джамиль Гасанлы автор ценных исследований по истории XX века в своей книге, посвященной дипломатическим усилиям Азербайджана, на конкретных фактах показывает сложности с которыми пришлось столкнуться нашей делегации.

Представители делегации АДР на Парижской Мирной Конференции. Слева Мамед Магераммов, Мир Ягуб Мирмехтиев, Алимардан бек Топчубашев. Париж 1920 г.

У могилы А.Топчубашева. Справа второй Гасан Гасанов, Ширин Меликова, Гейдар Алиев, Зия Бунятов, Бахтияр Вагабзаде

А.Топчубаши достойным образом вел борьбу за интересы своей страны, ему удалось встретиться 28 мая 1919-го года с Президентом США В. Вильсоном, который играл главную роль в Версальской Конференции, донести до него истинные сведения о положении в Азербайджане, о реальных угрозах его независимости. Хотя Вудро Вильсон заявил, что США против деления мира на мелкие государства и Азербайджанская проблема не может быть разрешена до окончательного урегулирования Русского вопроса, азербайджанской дипломатии во главе с А.Топчубаши с трудом удалось добиться признания своей страны де факто ведущими западными державами.

С большими трудностями столкнулась азербайджанская делегация из-за враждебных действий армян. “Во всех европейских столицах армяне охаивают нас, - писал А.Топчу-

баши. - Мы стремились наладить дружественные отношения с ними для совместных действий, но это оказалось невозможным, ибо армяне везде выступают против наших интересов, с непомерным аппетитом предъявляют притязания на наши земли, а нас пытаются представить как людей, не умеющих управлять государством. Как можно устанавливать союзнические отношения с теми, кому не доверяешь. Ведь при необходимости армяне внезапно могут превратиться в большевиков".

Те же дашнаки, ставшие большевиками, что и было доказано со временем. Ов.Качазуни, один из основоположников и вождей дашнакской партии, Премьер-министр дашнакской Армении (1918-1920) писал своему единомышленнику: "Армяне-большевики суть дашнакцаканы, единственные дашнакцаканы сегодня (имеются в виду армянские большевики, находящиеся у власти в Армении с 1920- го года - А.), больше дашнакцаканы чем я и ты".

Автор книги "Алимардан Топчубаши", изданной в Стамбуле в 2003 году, Вугар Иманов пишет: "После некоторых обсуждений 10 января 1920-го года Высший Совет Конференции признал де факто Азербайджан и Грузию. Кроме США это признание подтвердили Англия, Франция, Италия, Япония и другие страны. Топчубаши, Магеррамов вместе с грузинскими делегатами были приглашены в Министерство Иностранных Дел Франции и им было официально сообщено об этом"

Но это запоздалое признание не помогло устоять независимому Азербайджану перед оккупацией Красной Армией. А. Топчубаши, как и другие члены делегации, вынужден были остаться в Париже, прожить там всю оставшуюся часть жизни. Он, как и другой член делегации Джейхун Гаджибейли похоронен в парижском пригороде Сен Клу.

Азербайджанская делегация у мемориальной доски на стене дома в котором жил А.М.Топчубашев

После восстановления Азербайджаном своей независимости в 1991-ом году в Париже была установлена мемориальная Доска в честь А.Топчубаши на стене дома, в котором он жил.

Казанский татарин Юсиф Акчура, как и А.Топчубаши, был депутатом Государственной Думы России и оба они принимали активное участие в политической и общественной жизни этой страны. Судьба распределилась так, что свою дальнейшую политическую деятельность они были вынуждены продолжить за пределами своих исторических родин. А. Топчубаши во Франции, Англии, Юсиф Акчура в Турции, как член правления партии "Иттихад ве терегги ("Единение и развитие").

Партия "Иттихад ве терегги", руководимая триумвиратом младотурков (жон турклер) в лице Талат-паши, Энвер-па-

ши и Джамаль-паши пришла к власти в 1908 году путем военного переворота и, свергнув султана Абдуль Гамида II, правила Османской империей до 1918 года.

Одним из идеологов партии “Иттихад ве Терегги” был Алибек Гусейнзаде, а Членом Правления этой партии, а затем турецкого Меджлиса - Парламента был и Ахмед бей Агаоглу.

М.Э.Расулзаде из-за гонений царского режима в конце 1908-го года эмигрировал в Иран. Историк Айдын Балаев, автор насыщенной интересными фактами книги “Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955)” пишет: “В Иране М.Э.Расулзаде продолжил свою политическую деятельность, став активным участником революционного движения против шахского режима. В сентябре 1910 года М.Э.Расулзаде вместе с группой иранской интеллигенции, получившей образование в Европе, создает Иранскую демократическую партию. В том же году он начинает издавать газету “Иране Ноу” (“Новый Иран”), тем самым заложив основу прессы европейского типа в Иране”.

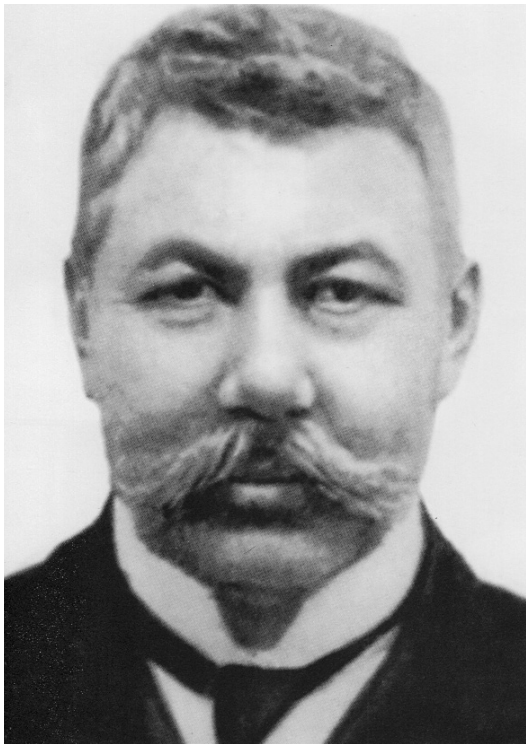

Мамед Эмин Расулзаде

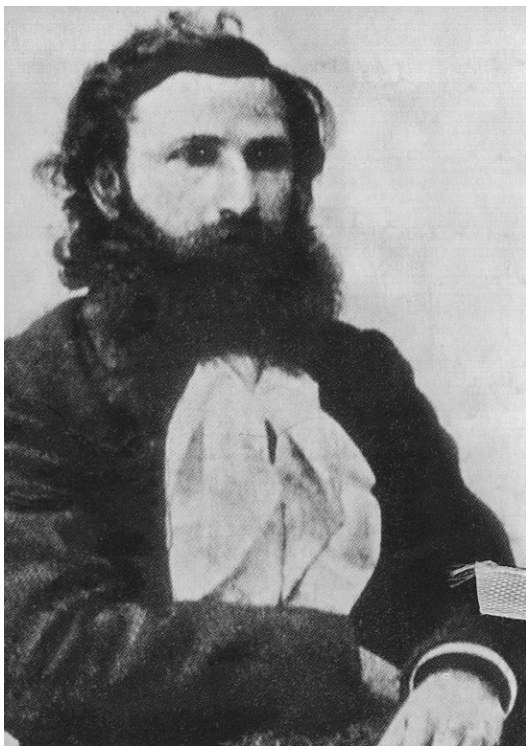
Одним из видных представителей этой новой интеллигенции был друг и соратник М.Э.Расулзаде по Конституционной революции в Иране, азербайджанский тюрок С. Г. Тагизаде, через многие годы ставший Председателем Парламента этой страны. После смерти М.Э.Расулзаде Сеид Гасан Тагизаде писал: “Без преувеличения можно сказать, что Расулзаде был незаурядной личностью, равной которому за свою жизнь я не встретил на Востоке. Мамед Эмин-бей был предельно самоотверженным и отчаянным, кристально чистым и правдивым, поистине образцовым человеком в полном смысле этого слова, обладавшим сильной и здоровой логикой и до конца оставшимся преданным своей борьбе и идеалам. Таковых невозможно встретить в наше время, тем более в наших краях… Он был предан своим убеждениям и, будучи султаном без короны в бакинском правительстве, и в дни, когда в Стамбуле ему приходилось как-то просуществовать за одну лиру в месяц”.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ГАЗЕТАХ И ЖУРНАЛАХ

Общественная мысль Азербайджана начала XX века формировалась вокруг газет и журналов, начавшихся широко издаваться после первой русской революции 1905-го года. Еще в XIX столетии после “Экинчи” недолгое время выходили с 1989-го года газета “Зия”, (после 1880 года “Зийайи Гафгазиййе”) под редакцией Сеида Эфенди Унсизаде и “Кешкюль” (1883-1891) под редакцией его брата Джалала Унсизаде. Выше я уже отмечал, что в “Кешкюль”впервые в истории нового времени было обозначено слово Азербайджан как название страны и народа. В 1903-м году вышел первый номер газеты

М.А.Шахтахтинский

Али бек Гусейнзаде

"Шарги-Рус" ("Русский Восток"), под редакцией М.Шахтахтинского. После русской революции 1905-го года Алимардан бек Топчубашев, Алибек Гусейнзаде, Ахмед бек Агаев стали издавать газеты "Хайат", "Иршад"в 1906-м году появились журналы "Молла Насреддин", "Фьюзат".

Общественная мысль Азербайджана в начале XX века развивалась в основном в двух направлениях. Одно с романтической опорой на общетюркские ценности, другое продолжая реалистическую линию Мирзы Фатали и Зардаби, с упором на проблемы Азербайджана. Идеологические основы первого направления определяли Али бек Гусейнзаде, Ахмед бек Агаев, Алимардан бек Топчубашев. Уже говорилось о триаде, впервые выдвинутой Али беком Гусейнзаде: Тюркизироваться, исламизироваться, модернизироваться

Идеалом А.Гусейнзаде была личность "с исламскими убеждениями, тюркской кровью и европейским обликом". Ссылаясь на некоторые лингвистические общности тюркских языков с угро-финскими (как пишет он с уйгуро-финским) Али бек в поэтическом обращении к венграм говорил, что нас не должны разделять Евангелие и Коран, мы генетически этносы одной крови.

"Выступая с позиций единой тюркской нации, А.Гусейнзаде отрицал качественный характер этнических различий между тюрками-османами, азербайджанцами, узбеками, казахами и другими тюркскими народами - пишет А.Балаев в вышеупомянутой книге. - Он принимал в штыки попытки представить отдельные тюркские народы в качестве самостоятельных наций"

Этому романтическому глобальному тюркизму, а точнее туранизму были в какой-то степени созвучны творческие чаяния азербайджанских поэтов-романтиков Аббаса Сиххата, Мухаммеда Хади, Абдуллы Шаига, Гусейна Джавида, Ахмеда Джавада, раннего Джафара Джабарлы. Некоторые из этих поэтов группировались вокруг журнала "Фьюзат", который в 1906-м году стал

издавать Алибек Гусейнзаде. К сожалению, этот журнал имел короткий век, прекратил свое издание в течение уже того же года.

А.Гусейнзаде будущим единым языком всех тюрков считал стамбульский вариант османско-турецкого языка и на этом языке писал сам.

Как видно из цитаты, которую мы приводили выше М.Э.Расулзаде был совершенно другого мнения на этот счет.

Эти две противостоящие друг другу позиции, отозвались решающими политическими событиями в исторической судьбе Азербайджана в 1918-1920 года.

После отъезда А.Гусейнзаде в Турцию, задачу унификации тюркских языков на базе османско-турецкого стал выполнять журнал “Шелале”, который стал издаваться с 1912 года. Выступая против этих тенденций видный просветитель и литератор Ф.Кочарли ставил на одну доску усилия “османистов” и действия русификаторов, в обоих случаях направленных на нивелирование родного языка азербайджанских тюрков. “По нашему мнению, - утверждал он, - такое обезьянничанье фактически является национальным предательством”.

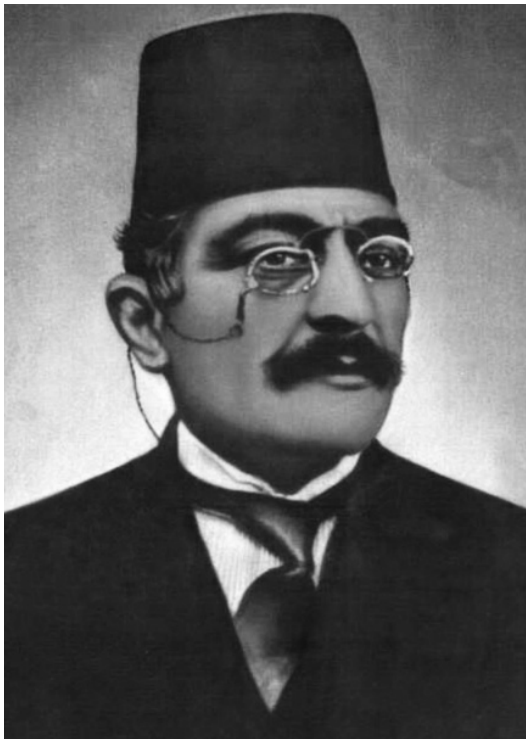
“А.Гусейнзаде был убежден в том, что в истории наступает эпоха больших наций на базе общей религии, языка и культуры - пишет А.Балаев. - Исходя из этого, А.Гусейнзаде открыто ратовал за вхождение Азербайджана в состав Османского государства, которое представлялось ему “духовным и политическим лидером исламского мира”.

Эти идеи дорого обошлись азербайджанскому народу, над которым в течение всего времени господства и царского режима, и за семьдесят лет советской власти, помимо всего, висел как дамоклов меч обвинений в пантюркизме и желании слиться с Турцией.

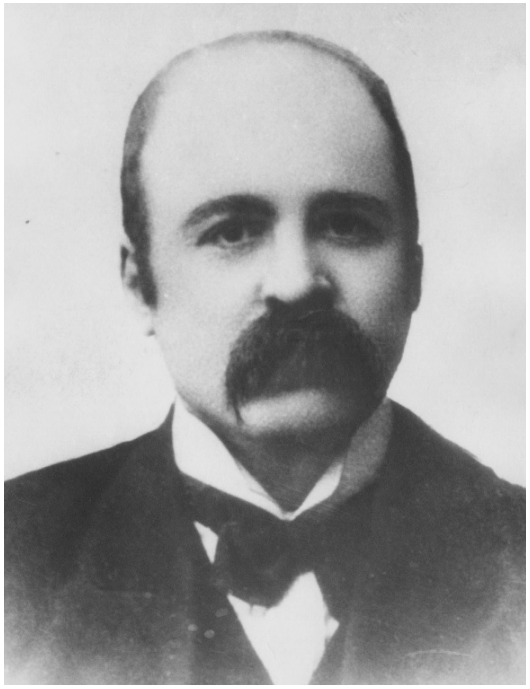
Никак не умоляя заслуг А.Гусейнзаде в развитии печати, культурной, литературной жизни Азербайджана, можно сказать, что подобные умонастроения сыграли роковую роль и в падении Азербайджанской демократической республики в 1920-м году. (Об этом позже).

По своим идейным убеждениям, по общественно-политической деятельности, да и по многим перипетиям непростой биографии Али беку был близок Ахмед бек Агаев (Агаоглу).

Ахмед бека порой называли националистом-космополитом, из-за того, что будучи ярым патриотом тюркства, он в то же время ее перспективы видел в приобщении к европейским ценностям (как, впрочем и Али бек Гусейнзаде - переводчик “Фауста”Гете и поклонник Л.Н.Толстого). Это особенно ярко проявилось в программной книге А.Агаоглы “Уч мединиййет” (“Три культуры”), где рассматривается христианство, буддизм и Ислам.

Ахмед бек Агаоглу

М.Дж.Мамедкулизаде

ДОРОГА “МОЛЛЫ НАСРЕДДИНА”

Полным антиподом этим двум выдающимся мыслителям был великий писатель Мирза Джалил Мамедкулизаде, основатель и редактор журнала “Молла Насреддин”.

Журнал “Молла Насреддин” просуществовал в течении почти четверти века. М.Дж.Мамедкулизаде отмечал, что “Молла Насреддин”а создало само время”. И в самом деле, в отличии от элитарного “Фьюзата”, с его пристрастием к чисто вневременным эстетическим принципам, “Молла Насреддин” говорил о самых животрепещущих проблемах времени, причем на языке, доступном самым отсталым и неграмотным слоям населения.

В советское время в нашем литературоведении господствовала концепция, согласно которой эти два направления - “Молла Насреддин” и “Фьюзат” были ярыми антиподами (это было верно), причем “Фьюзат” и деятельность его главного редактора характеризовалось как глубоко враждебная азербайджанскому народу реакционная идеология (что, конечно, было неверно).

После обретения независимости многие критерии коренным образом поменялись, мы стали знакомиться с подлинными текстами, следовательно и с подлинными целями авторов “Фьюзат” и обнаружили, что ничего реакционного или враждебного азербайджанскому народу в их деятельности не было. Наоборот, они старались служить интересам своего народа. Но так, как они - авторы эти интересы понимали. Их нельзя винить за это. Не было и личного антагонистического противостояния между редакторами двух этих журналов. В статье “Молла Насреддин” и “Дебистан” Али бек задается вопросам, а не является ли странным, что в это тревожное и грустное время выходит такое забавное издание как “Молла Насреддин”, с шутками-прибаутками? И сам же отвечает на свой вопрос: если копнуть глубже можно увидеть печаль в материалах журнала, которая сродни страдальческому смеху Гоголя, Свифта, Диккенса. Сердце “Моллы Насреддина”полно горя и скорби”.

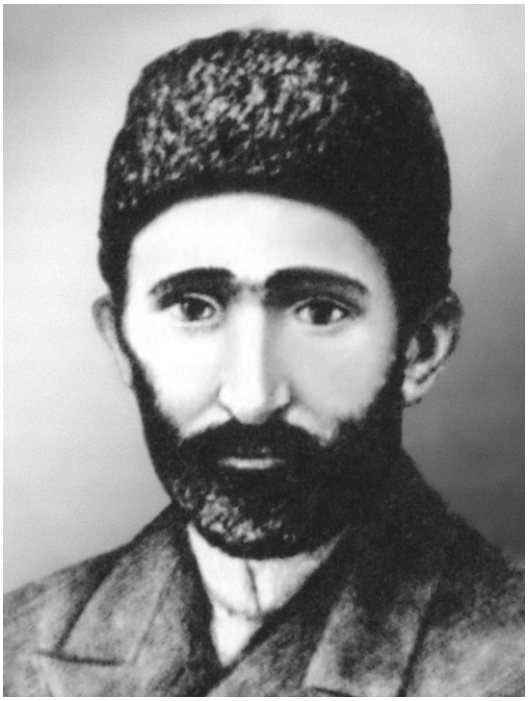
В другой статье, которая так и названа “Благодарность “Молле Насреддину” А.Гусейнзаде сожалеет о том, что в свое время упустил возможность иллюстрировать замечательную книгу “Путешествие Ибрагим бека” (ведь Али бек был и художником), и в то же время выражает удовлетворение, что эту задачу стал выполнять “Молла Насреддин”. Али бек благодарит журнал за это (видимо имеются ввиду карикатуры на страницах журнала, навеянные романом “Путешествие Ибрагим бея” З.Марагаи), и надеется, что с помощью “Моллы Насреддина”будет осуществлено издание этой книги.

Эти примеры наглядно свидетельствуют об уважительных взаимоотношениях двух видных деятелей азербайджанской культуры. Но тут возникает другая проблема уже нашего

времени. Вполне искренне симпатизируя деятелям “Фьюзат”, некоторые авторы, не отвергающие и линию “Молла Насреддин” (и это правильно!), делают не совсем объективные выводы. Говоря проще, пытаются доказать, что “Молла Насреддин” и “Фьюзат” фактически ничем не отличались друг от друга. А это на мой взгляд, неверно. Не отрицая личных, вполне корректных отношений между М.Дж.Мамедкулизаде и Али беком Гусейнзаде - общественно-литературное направление и лингвистические принципы “Фьюзат” и “Молла Насреддина” решительно полемичны по отношению друг к другу. Эта полемичность связана в первую очередь с языком. Сегодня мы можем ознакомиться с любыми номерами журналов (благо вышло уже 7 томов “Моллы Насреддина” на латинице и усилиями покойной Офелии Байрамовой издан весь комплект “Фьюзат”). В материалах “Моллы Насреддина”мы безо всяких затруднений понимаем все. А попробуйте прочитать и понять глубоко философские тексты Али бека Гусейнзаде без арабо-персидского словаря.

В этом заочном споре, время доказало верность позиции М.Дж.Мамедкулизаде. Это признал и А.Гусейнзаде, человек по-настоящему интеллигентный и благородный. Встретившись через многие годы с Мирзой Джалилом и, имея в виду журнал “Молла Насреддин” он сказал: “хорошо пишете” и разъяснил свою оценку метафорой: “Чтобы мяч поднялся вверх, надо его ударить об землю”. То есть для того чтобы подняться на высоту надо оттолкнутся от земли, писать простым, доступным языком”.

Вокруг журнала Мирза Джалил сумел сгруппировать демократически настроенных писателей - реалистов, которых позже литературоведение определило как представителей “Школы “Молла Насреддина”. В числе авторов журнала, естественно, сам М.Дж.Мамедкулизаде, поэты М.А.Сабир, А.Гамгюсар, А.Назми, С.Мумтаз, прозаики А.Ахвердов, М.С.Ордубади, публицисты Омер Фаиг Неманзаде, Узеир Гаджибеков (будущий великий композитор), художники Шмерлинг, Роттер, А.Азимзаде, Халил Мусаев и другие.

Мирза Алекбер Сабир

В журнале “Молла Насреддин”раскрылся уникальный талант Мирзы Алекпера Сабира и сам журнал своей популярностью обязан, наряду с Мирзой Джалилем, в значительной степени Сабиру.

В числе огромного разнообразия острых социальных и национальных проблем, затрагиваемых на страницах “Молла Насреддина”, наряду с проблемами языка, важное место занимает вопрос азербайджанской идентификации, азербайджанско-тюркского самосознания. В числе многих статей на эту тему, особо выделяется фельетон “Азербайджан” М.Дж.Мамедкулизаде.

Фельетон начинается криком души:

“О, забытая родина, о бедная родина! Мир перевернулся, нации проснулись, нашли своих братьев и стали возрождать свои разрушенные дома. А ты где, несчастная Родина?”

Автор риторически задает сам себе элементарные вопросы: Кто моя мать? Какой мой язык? Где моя родина?

И отвечает самому себе: мать моя покойная Захрабейим, язык мой азербайджанский тюркский, родина - Азербайджанская область.

Он очерчивает и географические границы своей родины: “Большая часть Азербайджана находится в Иране со столицей в городе Тебриз, остальная часть, начиная с Гилана, в пределах Русского и Османского государств”.

Далее Мирза Джалил объясняет причину, по какой он затеял этот разговор. В Тифлисе в национальной комиссии мусульман рассматривался вопрос, на каком же языке вести заседание. Потом решили, так как многие учителя тюркского не достаточно владеют своим языком, пусть выступают на русском.

Фельетон заканчивается обжигающими словами:

“Ах, моя прекрасная родина Азербайджан! О мои тебризские братья, вынужденные питаться землей вместо хлеба, о мои братья с войлочными папахами, мои братья из Хоя, Мараги, Меренда, Гюлистана, мои собратья из Ардебиля. Приходите, и укажите мне путь. Весь мир меняется, давайте и мы соберемся, положим на середину наши войлочные папахи и станем думать, где же наша родина? Приходите оборванные сыновья забытой родины. Приходите, посмотрим какую участь приготовили нам наши лидеры, впитавшие с колыбели молоко чужых матерей, отчужденные от нашего народа и не понимающие его дух. Почему вы молчите мои сородичи, мои братья голодранцы?”

Осознание Северного и Южного Азербайджана как единой родины пронизывает всю прозу, драматургию и публицистику М.Дж.Мамедкулизаде. В дни когда Тебриз истекал кровью Мирза Джалил писал: “Сегодня отечество большой нации, ее совесть, само право на жизнь в опасности. Сегодня трагическое поле Кербалы - это арена Азербайджана, на которой патриоты борются за честь и достоинство нации. Каждый, в душе которого сохранились хоть крупица совести, чувство долга, не может оставаться безучастным в этой битве. Если у нас есть средства и кровь для пожертвования, то перед нашими глазами раздирающая душу трагедия Азербайджана”.

Омар Фаик Нейманзаде

Постоянно в центре внимания писателя - проблема родного языка. В 1906 году в одном из первых номеров журнала “Молла Насреддин” он писал: “С тех пор, как началась борьба за свободу и права, не было ни одного собрания мусульман, на котором кто-то из “образованных” мусульман не вставал и не говорил: “Правительство не дает нам обучать своих детей на родном языке”. Допустим, что это не позволяет правительство, а кто запрещает нам пользоваться родным языком, разговаривать на нем, любить свой язык?”

Эти же вопросы волновали и Омера Фаика Нейманзаде, друга и соратника М.Дж.Мамедкулизаде, основавшего вместе с ним журнал “Молла Насреддин” и пережившего своего редактора на пять лет, чтобы быть репрессированным в 1937-м году.

Узеир Гаджибейли

В статье “Кто я?” Омар Фаик пишет, что когда у русского или грузина спрашиваешь, какой ты национальности, получаешь ответ: “я русский”или “я грузин”. Когда же тюркам задаешь тот же вопрос, отвечают: “я шамахинец”, “я арзурумец”, “я марагинец” или “я кавказец”, “я иранец”, или же “я - суннит, я - шиит, я - бабид”.

Автор страстно взывает к своим сородичам: “Ей тюрок! Чтобы ты не делал, я не отстану от тебя, не выпущу твой ворот. Почему ты не хочешь познать самого себя. Почему ты несведущ в своей сущности, ничего не знаешь о своем роде? Почему не можешь сказать просто: “Я - тюрок”. Почему не хочешь осознать, что до того как стать суннитом, шиитом, бабидом, ты был тюрком. И сейчас ты тюрок и всегда останешься тюрком. Ни суннитство, ни шиитство, ни безбожье не помеха твоей тюркости. Ты должен знать, что когда в мире не было ни суннитов, ни шиитов, ни бабидов, ты уже существовал как тюрок. До арабского алфавита, который отвратил тебя от твоего сладостного родного языка, у тебя был свой прекрасный алфавит, свое замечательное письмо”.

Салман Мумтаз

Аналогичной является и тема фельетона, принадлежащего перу Узеира Гаджибейли: “Если одного из нас спросишь: - Кто ты? - Я мусульманин, - последует ответ. - Какой нации ты принадлежишь? - К мусульманской нации. - Какую религию исповедуешь? - Мусульманскую. - На каком языке говоришь? - На мусульманском”.

Как видно, проблема национальной идентификации, различение понятий “нация”, “язык”от понятия “религиозная принадлежность”не раз поднималась на страницах прессы тех лет.

Другой видный публицист начала века, редактор газеты “Шарги - рус” (“Русский Восток”) Мухаммедага Шахтахтлы свое отношение к названию народа и языка выражал так: “Было бы уместным называть Закавказских мусульман азербайджанцами, а их язык азербайджанским языком. Азербайджан часть Закавказья и его население тюрки. Как вос-

точные писатели, так и европейские географы называют это население именно азербайджанскими тюрками. В повседневной жизни название народа и его языка трудно выражать двумя словами, скажем как азербайджанские тюрки или азербайджанско-тюркский язык. Поэтому мусульман Закавказья целесообразно называть азербайджанцами, а закавказский тюркский язык вместо татарского, следует называть азербайджанским языком".

Острая проблема сохранения родного языка, национальной идентичности, корни которых восходят в глубину веков, была почти столь же актуальна и в XX веке и даже грозится перекинуться в наступившее Третье тысячелетие. Как же перекликается горькая жалоба, отраженная в тексте Орхонских надписей со статьей публициста начала XX столетия Салмана Мумтаза. В статье "Гул" ("Раб") он пишет, что у тюрков были такие прекрасные имена как Айхан, Гюнхан, Улдузхан, Денизхан, Огузхан, Лачын, Тарлан, Тогрул, Айдын, Ильдырым, Арслан, Эльджан, Угурлу и они, забыв эти имена, стали называть своих детей арабскими именами, причем с приставкой "гул" ("раб") или слуга, признак рабской психологии: Аликули (Раб Али), Гасанкулу, Гусейнкули, Гуламали, Абдулгасан и т.д. то есть соответственно раб или слуга такого-то.

С завоеванием Россией Азербайджана появилась другая опасность - опасность русификации, загрязнение языка иноязычной лексикой, принятием окончаний национальных фамилий на "ов", "ев", "ский", (кстати, это явление не преодолено и поныне).

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Необходимо подчеркнуть еще одну особенность тюркского самосознания. Это сознание, безусловно национальное и даже в какой-то мере, националистическое. Но оно далеко от ксенофобии, от не только враждебного, но даже пренебрежительного отношения к другим народам, к другим культурам, к другой вере.

Эта толерантность присущая национальному самосознанию, зиждется на менталитете самого народа. Наш народ несмотря на все беды обрушившиеся на него в течении веков, никогда не испытывал чувство вражды, мстительности и ненависти к другим народам. Порой это качество многими нашими патриотически настроенными людьми оценивается отрицательно. И в связи с этим предъявляются обвинения к нашей интеллигенции, которая не призывает народ к ксенофобии.

В начале этой статьи я говорил, что в книге Азера Турана "Пастырь познания" есть моменты с которыми я не согласен. Один из таких моментов - это отношение Азера к интеллигенции. В этом вопросе автор порой выступает как "сердитый молодой человек". И речь идет не только о современной интеллигенции. По мнению Азера даже наши великие классики не безгрешны кое в чем. Имея ввиду пьесу "Кяманча", произведение с потрясающим гуманистическим содержанием, Азер в статье "Комплекс кяманчи" ставит по существу, под сомнение такие свойства нашего менталитета как сострадание и милосердие. Причины наших неудач в карабахской войне он видит именно в этом. С этим категориически нельзя согласиться. Когда Азер Туран пишет: "Ни один армянский писатель не напишет пьесу подобную "Кяманче", хочется ответить: "Этим как раз надо гордиться". И на вопрос Азера: "Ну сколько можно оставаться человеком? "стоит ответить: "До конца. Навсегда".

А на упрек в адрес современной азербайджанской интеллигенции, что она оправдывает свои исторические ошибки, я бы ответил так: это не ошибка наша, а то, чем мы должны гордиться. Гордиться, что, несмотря на все зло, всю чудовищную жестокость по отношению к нам - в 1905-м году, в марте 1918 года - в Баку, Гяндже, Шемахе, Шуше, Губе, Нахичевани, Ленкоране и в других городах и селах, в январе 1990-го года в Баку, в феврале 1992-го года в Ходжалах, мы не потеряли человеческий облик, остались людьми, не стали изуверами. Чтобы бороться с кровопийцами не надо превращаться в таких же вампиров. Если ты окажешься таким же чудовищным злодеем, за что, тогда стоит бороться? Суть нашей борьбы в том и заключается, что мы преодолеем, и несомненно победим оккупантов, оставаясь при этом людьми. И порой стон кяманчи способен призвать людей к подвигу больше, чем грозный зов трубы. Поэтому в корне неверна мысль о том, что в "Карабахском вопросе азербайджанская литература проигрывает армянской".

Мирза Джалил ни в одной плоскости не может проигрывать человеконенавистническим писаниям Раффи, и ни один азербайджанский писатель не опустится на уровень изуверских откровений садиста и террориста Зория Балаяна.[1]

В ответ на упреки Азера в адрес интеллигенции хочу привести и такой факт. Публицист начала прошлого века Гусейн Минасазов, о котором я уже писал, отмечает, что когда во время армяно-азербайджанских столкновений в 1905 году, доведенные до истерики, экзальтированные, фанатичные толпы охотились, соответственно, армяне на азербайджанцев, а азербайджанцы на армян, миллионер Гаджи Зейналабдин Тагиев спрятал армян в своем доме. Заподозрив его, наиболее рьяные маргиналы пришли к нему и потребовали выдать армян. Гаджи сказал, что никаких армян у него в доме нет. Тогда они сказали, поверят ему только в том случае, если он поклянется на Коране. Гаджи так и сделал, поклялся на Коране.

Г.З.Тагиева назвать интеллигентом в определенном смысле, никак нельзя он не имел даже начального образования, но по своему прогрессивному мировоззрению и поступкам на ниве просвещения, он стоил многих интеллигентов. Причем это был глубоко религиозный человек, совершивший паломничество в Мекку. Когда близкие, знавшие о том, что Гаджи сказал неправду, поклявшись на Коране, спросили его о причинах такого поступка, Г.З.Тагиев ответил, да, за это я, может, погубил свою душу, но зато спас несколько душ.

Г.З.Тагиев с женой и дочерью

[1] К сожалению, Акрам Айлисли своим романом "Каменные сны", опубликованным в московском журнале "Дружба народов" №12, 2012 г. опроверг это мое утверждение "переплюнув" азербайджанафобии даже самого Зория Балаяна (позднее добавление к тексту).

Вот, дорогой мой Азер, менталитет нашего народа и его интеллигенции. Неизвестно, были ли аналогичные случаи, когда армяне прятали и спасали азербайджанцев, если и были, то я не знаю, ни одного армянского писателя или журналиста, который осмелился бы написать об этом. А эта беда народа. Зацикленный на мстительности за подлинные или мнимые горести в былом, постоянно травмируемый ссылками на исторические страдания и несправедливости, призываемый ежедневно к вражде и возмездию, народ истощается не только духовно, но и демографически. Люди рождаются от любви. Ненависть - бесплодна.

Русский публицист Сергей Лезов писал в "Российской газете" (28 марта 1989): "Ключевой символ армянского мифа - цивилизованность. Второй важнейший элемент армянского мифа - представление об армянах, как о христианском народе, форпосте христианского мира на Востоке. С этими двумя элементами мифа связан третий - самопонимание армян как вечной беззащитной жертвы в руках нецивилизованных иноверцев. Армянский народ обречен на невинные страдания, подобно самому Христу. Именно эти представления дали возможность азербайджанскому писателю Анару говорить об "армянском мазохизме", о свойственном армянам культе страдания".

Очевидно, С.Лезов имел в виду мое интервью французской газете "Фигаро", которая исказила мою мысль. Встречаясь с ее корреспондентом в Баку, я говорил, что некоторые призывы на митингах в Ереване, как например, "мы заставим солдат стрелять в нас"звучат мазохистски. Газета же приписала мне слова о том, что все армяне - мазохисты. Не в моих правилах оскорблять целый народ и я послал опровержение во французскую газету, но армянская пропаганда в течении многих лет мусолила и по всякому обсасывала эту тему, обвиняя меня во всех смертных грехах, а террористические организации приговорили меня к смерти, о чем поспешили уведомить меня доброхоты из Армении…

Если оглянуть взглядом все историческое зло, которое армянская политика на протяжении многих лет наносила азербайджанцам, можно отметить, как это ни странно, и один положительный момент в этих действиях. Враждебные поступки армян пробудили дремавшие в нас до поры, до времени чувства самоуспокоенности, благодушия и беспечности. Мы, наконец-то осознали, что за обманчивыми и вкрадчивыми словами о дружбе, стоят коварные и зловещие замыслы и надо быть готовыми к отпору им. И первые общественные национальные организации, политические партии у нас возникли именно на этой почве.

ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Возрождение национального самосознания, начавшееся в литературе, искусстве, прессе в начале XX века, вскоре обрело и свое политическое формирование - возникли первые партии. Они отражали раздвоенность общественой мысли - одни партии носили ярко выраженный классовый характер, другие - национальный. Правда первая классовая, иначе говоря, социал-демократическая партия в Азербайджане создавалась с активным участием неазербайджанцев. Старый большевик Султан Меджид Эфендиев в числе первых руководителей "Гуммет", партии социал-демократического толка, называет Сталина, Шаумяна и Джапаридзе. Основным создателем и организатором "Гуммет" считается бу-

дущий Комиссар Бакинской коммуны Алеша Джапаридзе. Но самое интересное, что на ранних этапах в эту партию входили такие азербайджанцы, как богач Иса бек Ашурбеков, будущий лидер религиозной партии "Иттихад" доктор Гара бек Гарабеков, будущий основатель партии "Мусават" Мамед Эмин Расулзаде, один из 26 бакинских комиссаров (эта цифра относительно числа комиссаров оказалась липовой) Мешади Азизбеков. Сохранилась совместная фотография "гумметистов" - Мешади Азизбекова, Мамед Эмина Расулзаде.

Слева первый М.Азизбеков, четвертый М.Э.Расулзаде

Очевидно этих столь разных людей привело в "Гуммет"желание иметь возможность политической деятельности в составе единственной в ту пору партии, где большинство состояло из азербайджанцев.

Стоит отметить, что именно в эти годы обострились армяно-азербайджанские отношения, приведшие, благодаря тайным усилиям царских властей, (пытавшихся подобным образом предотвратить революционные волнения), к кровавым столкновениям. К этому времени армяне были организованы гораздо основательнее, и в партийно-политическом и экономическом отношении, и в отношении вооруженных отрядов.

В результате нефтяного бума в Баку, наряду с азербайджанскими нефтепромышленниками Г.З.Тагиевым, Агамусой Нагиевым, Шамси Асадуллаевым, Муртузой Мухтаровым и другими владеющими почти 30 процентами нефтяных компаний преимущественно небольшого размера, армянские богачи Мирзоевы, Гукасовы, Маиловы, Лиозновы, Арамянцы, Таветосяны, Манташевы и другие владели 55 крупными и средними компаниями. И в отличие от многих азербайджанских богатеев, армянские миллионеры были политически весьма активны, субсидируя политические партии и общественные движения, в том числе террористического толка. Американский исследователь Одри Ольштат отмечает: "Армяне были богатым этническим меньшинством, имевшим с русскими особые отношения,

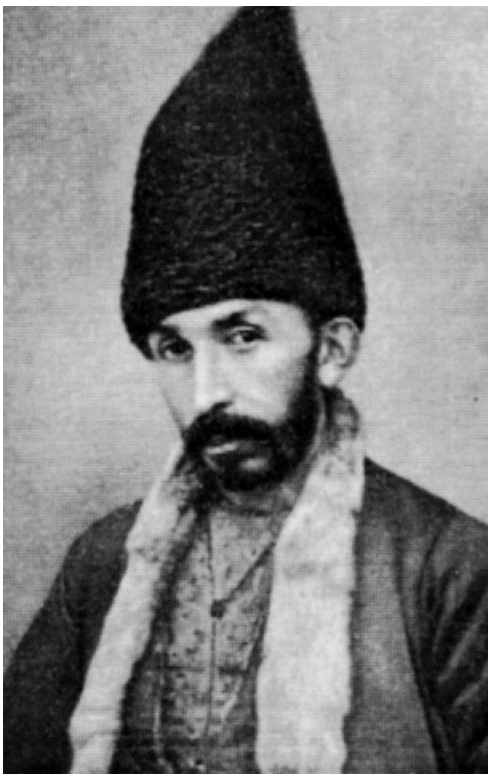
Члены ЦК партии "Гуммет" 1907 г. Азизбеков, Нариманов, Меликов, Исрафилбеков, Эфендиев, Г.Султанов, Юнисзаде, Сардаров, Ахундов

М.С.Ордубади

имперские законы давали больше преимуществ им, чем азербайджанцам. Много армян служило в администрации и судебном аппарате, в то время как азербайджанцам (вообще мусульманам) было запрещено занимать государственные должности".

Первая армянская политическая партия "Арменекан" и ее печатный орган "Армения" появились еще в 1885-ом году …во французском городе Марселе. Партия "Гнчак" ("Колокол") была организована в августе 1887-го года … в Женеве. В 1890-м году в Тифлисе появилась партия "Дашнакцутюн" ("Союз". Полное же название партии "Союз армянских революционеров"). Несмотря на то, что первые две партии возникли в Европе, а третья в Тифлисе, все они имели свои отделения в азербайджанских городах - Баку, Елизаветполе (Гяндже), Шуше и т.д. Хотя дашнаки объявляли себя партией социалистического типа для завоевания респектабельной репутации в Европе, в ее программу входили и входят территориальные притязания к сопредельным странам и террористическая деятельность для достижения этих целей. В структурах "Дашнакцутюн" - террористические организации "Самооборона", "Организация устрашения", "Террористический подготовительный комитет" и др. Именно они развязали кровавую бойню в городах Азербайджана и в других местностях Закавказья, заселенных азербайджанцами. Об этих страшных событиях повествует М.М.Навваб в брошюре "Армяно-азербайджанская война в 1905-1906-м годах". Другие документальные свидетельства армянских зверств, собраны в книге видного азербайджанского писателя М.С.Ордубади.

Мир Мовсун Навваб

Эльдар Азизов, в исследовании "Дифаи"пишет: "Книга М.С.Ордубади написана автором по горячим следам событий, в ее основу положены многочисленные показания свидетелей и 245 писем корреспондентов. При этом писатель, стремясь к беспристрастному изложению событий, использовал материалы, представленные и с той, и с другой стороны. Ордубади использовал и присланные ему Алекпер беком Рафибековым сообщения о кровавых событиях, происходящих в 1905 году в Елизаветполе".

В 1917-м году сразу после февральской революции в России в Баку, Иревани и Гяндже были орга-

низованы Комитеты защиты мусульман. В Гяндже этот Комитет возглавили Алекпер бек Рафибейли и Насиб бек Усуббейли. Алекпер бек руководил открытой деятельностью Комитета, Насиб бек его секретными действиями.

Азербайджанский политический эмигрант в Турции Гусейн Байкара в книге “История борьбы за независимость Азербайджана”, изданной в Стамбуле в 1975-м году, отмечает, что в 1918-м году в ответ на бесчинства армян в отношении мусульманского населения Гянджи было организовано сопротивление во главе с Алекбер беком Рафибейли, который пользовался огромным авторитетом в городе.

Моральный авторитет Алекпер бека был подкреплен вооруженными отрядами гачахов Дели Али, Камбара, главы полиции Сары Алекпера. Армянским погромщикам был дан достойный отпор.

“Армяне запаниковали, - пишет Г.Байкара. - Царский генерал-губернатор Бауер, вместе с офицерами, представителями грузинских дворян и некоторыми другими видными лицами, обратились к Алекпер беку с просьбой приостановить боевые действия. После долгих переговоров Алекпер бек выдвинул определенные условия, они были приняты и боевые действия по призыву А.Рафибейли были приостановлены”.

(Одной из малоисследованных страниц нашей истории является действия гачахов (от слова гачах-беглец) азербайджанских абреков, преследуемых правительством и боровшихся против царских, а затем большевистских властей в конце XIX и начале XX века (включая и первые десятилетия советского режима). Начиная с Моллы Нура - героя одноименного романа А.Бестужева-Марлинского имена Гачах Керема в Газахе, Гачах Неби в Зангезуре, Дали Али, Камбара, Мамед Касыма в Гяндже обрастали легендами, о них, в частности о Гачах Неби, слагались дастаны, создавались песни, популярные по сей день).

В другом месте своей вышеназванной книги, Эльдар Азизов пишет: “Создание в 1906 году партии “Дифаи” явилось ярким выражением роста национального самосознания и консолидации политических сил”.

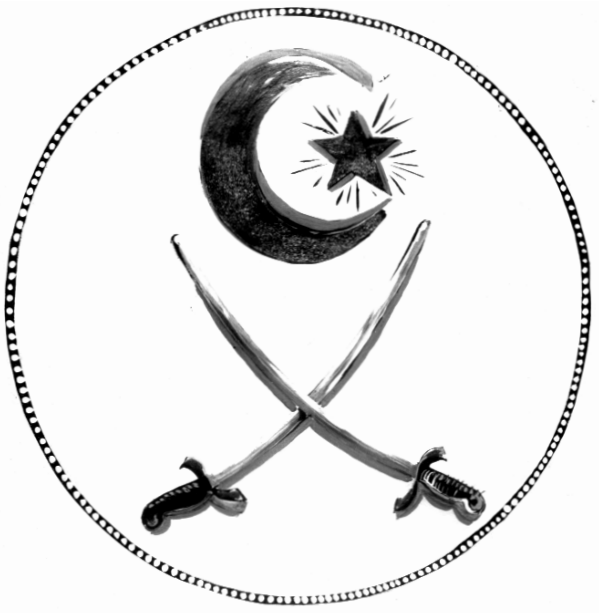
Ротмистр Астроянц в рапорте Елисаветпольскому Губернатору от 16 января 1909 года писал: “Доношу Вашему превосходительству, что как мною установлено, мусульманские партии “Дифаи” и “Мудафие” существуют на средства, собираемые нелегально с мусульманского населения губернии. Руководителями первой партии являются Елисаветпольцы Алекбер бек Рафибеков и Ахунд Молла Мамед Пишнамаззаде… Партия “Дифаи” преследует цель - защиту интересов своего народа. Относительно же движения мусульман в пользу революционеров Персии имеется указание, что оружие покупается тайным

Алекпер бек Рафибейли

Керим бек Мехмандаров

Фамильный герб Рафибейли, ставший позже эмблемой партии "Дифаи"

путем в России и отправляется в пределы Персии в отряды Саттар хана".

Как видно из самого названия одной из первых политических партий Азербайджана

Ахунд Молла Пишнамаззаде (третий в центре) - один из руководителей Гянджинского отдела "Дифаи"

(дифаи от слова мудафие - защита) основным ее предназначением была защита мусульманского населения от армянских угроз.

Партия “Дифаи” был создана в Баку видным публицистом и общественным деятелем Ахмед беком Агаевым (Агаоглы), выпускником Сорбонны.

В Гяндже ее создателями стали Алекпер бек Рафибейли, братья Хасмамедовы, Насиб бек Усуббеков, Ахунд Пишнамаззаде. Прибыв в Гянджу, Ахмед бек встретился с ними.

Другой политэмигрант Наги бек Шейхзаманлы (Кейкурун) отмечает, что Алекбер бек был избран Почетным председателем “Дифаи”, а герб рода Рафибейли стал эмблемой этой партии.

В Карабахе “Дифаи”возглавил известный врач Керим бек Мехмандаров.

ПРОШЛОЕ НАПОМИНАЕТ О НАСТОЯЩЕМ

В одном из своих выступлений Ахмед бек Агаев говорил:

“На Кавказе многие ответственные лица и руководители, боясь армянских террористов, вершат дела не по совести, не по справедливости. Мы, азербайджанцы, не намерены далее терпеть такое положение и открыто заявляем, что до сих пор, пока на Кавказе будут править группы террористов, здесь не восстановятся ни мир, ни покой. Мы говорим, если вы действительно желаете мира, то наряду с другими мерами надо положить конец террору. Нам отвечают, что мы имеем в виду “Дашнакцутюн”. Мы не говорим о “Дашнакцутюне”. Мы требуем ликвидировать террор. А армяне почему то думают только о “Дашнакцутюне”. Очевидно, “Дашнакцутюн”, как-то связан с террором. Мы должны теперь позаботиться о себе. Нам тоже следует создать крепкую, вооруженную партию. И у нас должен быть свой “Дашнакцутюн”. Если правительство позволяет подобные акции одной стороне, то должно позволить и другой, иначе тут явное двуличие”.

Хочу сослаться на объективную оценку в книге американского ученого иранского происхождения (отец-перс, мать-русская) Фируза Каземзаде “Борьба за Закавказье (1917-1921)”: “Многим армянам начал надоедать “Дашнакцутюн”, который терроризировал не только турок, но очень часто и свой собственный народ, вымогая деньги у состоятельных армян и в некоторых случаях убивая тех, кто отказывался от взносов, - пишет Каземзаде и добавляет - “Дашнакцутюн, как партия несет основную часть ответственности, так как часто оказывается ведущей силой в совершении злодеяний. Русские власти играли неблаговидную роль в армяно-азербайджанских столкновениях. Они имели силу предотвратить кровопролитие, а вместо этого они воздержались от вмешательства во вражду этих двух народов. Воронцов-Дашков (Наместник на Кавказе - А.) сам признает, что во время резни в феврале 1905 года власти оставались совершенно безучастными”.

Имея в виду двуличие русских властей и прессы, Ахмед бек в газете “Каспий”писал о том, что в петербургских газетах постоянно публикуются небылицы и клевета по адресу мусульман, тенденциозно и односторонне подаются события, касающиеся карабахского конфликта, сообщается только об убийствах армян, замалчивая куда большее число жертв со стороны азербайджанцев.

Читая в наши дни эти строки, я вновь подумал о том, что как же мало изменилось за почти столетие, в отношениях центральных газет и журналов (сейчас к ним добавилось

и телевидение) в освещении событий азербайджано-армянского противостояния. Вся та же политика двойных стандартов, умолчание о трагедии азербайджанцев и выпячивание бед “многострадального армянского народа”.[2]

Вообще читая книгу Ф.Каземзаде, поражаешься точности совпадений с современной ситуацией в регионе. Еще одна цитата из его книги: “Католикос явно призывал Россию напасть на Турцию, но царское правительство чувствовало, что время еще не назрело. Воронцов-Дашков добавил однако, что в случае войны, надеется, что армяне выполнят его указания. Россия на деле не была заинтересована армянами, она готовилась использовать их в качестве орудия своей экспансионистской политики, не более. Ослепленные своей ненавистью к Турции, армяне не поняли, какая жалкая роль была уготовлена им в грядущей войне”.

Эту незавидную роль армян Турции отмечает и вышеназванный Ов. Качазнуни в книге “Дашнакцутюн больше нечего делать”.

“Осенью 1914 года армянские добровольческие отряды сформировались и выступили против турок, потому что иначе нельзя было (? - А.), - пишет он и добавляет: - Тщетно ставить вопрос - кто персонально ответственен за это. Если бы не было епископа Месропа, Ал.Хатисова, доктора Завриева, С.Арутюнова, Дро и Андроника, появились бы другие и сделали бы то же самое. Если формирование добровольческих дружин являлось ошибкой, то эта самая ошибка была результатом и естественным продолжением того политического направления, корни которого следует искать в далеком прошлом…”

Ов.Качазнуни в меру объективно пишет и об эйфории радужных надежд и об их полном крахе: “Зима 1914 года и первые месяцы 1915 года для всех русских армян, включая и Дашнакцутюн, были периодом воодушевления и надежд. Не сомневались, что война закончиться полной победой союзников, Турция должна потерпеть поражение, подвергнуться расчленению (!-А.) и что местные армяне наконец освободятся”.

Ов.Качазнуни пишет и о наступившем вскоре горьком похмелье.

“Переоценивали силу армянского народа, его политическое и военное значение, а также оказываемую помощь русским. Переоценивали наши весьма скромные достоинства, естественно преувеличивали и наши надежды и ожидания. Летом и осенью 1915г. имели место насильственные переселения турецких армян, массовые высылки и погромы. Все это нанесло армянскому вопросу смертельный удар”.

Следует обратить внимание на то, что точно указывая на причины (создание антитурецких добровольческих отрядов, фактически “пятой колонны”, нанесшей воевавшей Турции удар в спину) и последствия этих событий (насильственное переселение, массовые высылки, погромы) автор ни разу в своей книге не прибегает к термину “геноцид”, вошедшему в моду многие десятилетия позже, ни слова не говорит о якобы 2 миллионах погибших. Ведь книга написана в начале 20-х годов, когда все еще была свежа память о подлинных причинах событий и масштабах потерь.

Не откажешь автору и в трезвой оценке сложившейся исторической ситуации: “Турки знали, что делали, и сегодня у них нет основания раскаиваться: для коренного разре-

[2] Свою лепту в изображение “жестокости” азербайджанцев в отношении армян внес, как это не странно, и писатель А.Айлисли в своем романе “Каменные сны”, в котором ни слова не говорится о массовом уничтожении азербайджанцев армянскими террористами (поздняя вставка).

шения армянского вопроса в Турции этот способ, как показало будущее, являлся самым решительным и самым целесообразным… Факт остается фактом, а это существеннее, что борьба против турецкого владычества, начатая десятки лет тому назад, привели к изгнанию и уничтожению турецких армян и к опустошению турецкой Армении".

Ов.Качазнуни пишет и о тщетных надеждах армян на заступничество России.

Как известно Католикос обращался к Николаю II, с надеждой на русское покровительство. Царь писал в ответ: "Передайте своей пастве, святой отец, что самое блестящее будущее ожидает армян".

Воронцов-Дашков писал Императору: "Со времен Петра Великого в течении всего периода русско-турецких отношений на Кавказе, мы дружественно относимся к армянам, которые всегда были рядом с нами в наших войнах… Если нам и следует опасаться сепаратизма среди различных народов Кавказа, так только со стороны мусульманского населения, по причине его численного превосходства над другими народами и возможности вспышек религиозного фанатизма, а также близости Кавказа к мусульманским государствам. Армяне и грузины прекрасно понимают, что вне России они были бы поглощены мусульманами".

Разве наместник не знал, что территориальные притязания к сопредельным странам предъявляют именно армяне, пытаясь втянуть Россию в войну против Турции, для того, чтобы отнять у нее шесть провинций для Армении.

Следует отметить, что среди высокопоставленных царских чиновников было и весьма циничное отношение к армянам. Например, князь Лобанов-Ростовский, известный русский дипломат писал, что "России нужна Армения без армян". Некоторые армяне полагали - и об этом пишет Качазнуни, - что русские обманули и предали армян, они поступали так, для того, чтобы опустошить Армению и затем переселить туда казаков. "Горько жаловаться на злую судьбу и находить вне нас причину нашего несчастья, - пишет Качазнуни, - эта одна из характерных черт нашей национальной психологии, которой не избегла и партия Дашнакцутюн. В убеждении, что русские подло поступили с нами, как будто заключалось особое утешение (в дальнейшем должна была наступить очередь французов, американцев, англичан, грузин, большевиков - словом всего мира)".

"В 1918 году из Эривани и других населенных азербайджанцами местностей, стало изгоняться население. Бежавший от турок (и предавший их генерал - паша турецкой армии - А.) Андроник в Нахичевани и Зангезуре сравнял с землей более 40 азербайджанских сел. Только в Зангезурском уезде были убиты свыше 10 тысяч человек (более трети из них - дети). После этого Андроник дал телеграмму председателю Бакинского Совдепа Степану Шаумяну, в которой объявил себя сторонником советской власти", - пишет историк Григорий Волынский в статье "Геноциду подвергались и азербайджанцы", опубликованной в московской "Общей газете" (30 апреля - 6 мая 1998 г.)

В обращении той же "Дашнакцутюн" к императору Николаю II говорилось: "Наши сердца переполнено горячим желанием чтобы это, выпавшее на долю нашей дорогой родины испытание, завершилось новой славой русского оружия и разрешением исторических задач России на Востоке. Пусть свободно взвивается русское знамя на Босфоре и Дарданеллах. Пусть Вашей волей, Великий государь, получают свободу народы, оставшиеся под игом Турции".

Однако, зигзаги истории, иногда вынуждали армянских политиков делать совершенно противоположные заявления. Так выступая в Закавказском Сейме представитель Армении Александр Хатисян сказал: “Я заявляю категорически, что армяне являются самыми лояльными гражданами Турции и отразят все поползновения на целостность Оттоманской империи, откуда бы они не исходили”.

Приведя эту цитату Ф.Каземзаде пишет, что “этот поворот тридцатилетней тенденции в умонастроении армян был потрясающим, почти невероятным”.

На самом деле, это было невероятно, ведь всего несколько месяцев назад армяне требовали создания Армянской автономии в пределах шести вилайетов Турции и во имя этой цели прибегали к террору. Хотя как указывалось в книге документов Французского Министерства Иностранных дел, ни в одном из этих вилайетов армяне не составляли большинства.

Провозглашая террор, как один из действенных методов в борьбе за осуществление своих политических целей и территориальных притязаний, в своей официальной программе, “Дашнакцутюн” создал прецедент для деятельности и других террористических организаций, как в Армении, так и во всем мире. Но самое поразительное, что если другие террористические организации в мире, так и определяются, то армянский политический террор, часто воспринимают как форму чисто политической борьбы. Начавшийся еще в конце XIX века террор против турецких политических деятелей, продолжился в XX веке убийством руководителей младотурков Талат-паши, Энвер-паши, Джемал-паши (причем убийцы были оправданы судами), видных деятелей независимой Азербайджанской республики - премьер-министра Фатали хана Хойского, Заместителя спикера парламента Гасан бека Агаева, министра Бехбуд хана Джеваншира (чей убийца также был оправдан), турецких дипломатов в 50-ые годы.

Следует добавить к этому зловещему реестру и взрывы в аэропорту Орли в Париже и в московском метро. Войдя во вкус экстремисты пользуются террором и для достижений внутриполитических целей в самой Армении, достаточно вспомнить расстрел Парламента и его руководителей в Ереване. Но все эти кровавые акции, совершенные армянскими боевиками, отнюдь не осуждаются мировым общественным мнением, как чисто террористическая деятельность, а находят свое оправдание в судах. И даже правозащитники при помощи разных аргументов выступают заступниками боевиков.

Сумгаитские погромы 1988-го года, как выяснилось впоследствии, были организованы определенными структурами КГБ бывшего СССР, с использованием группы уголовников и наркоманов азербайджанцев. Но координировал эти связи с КГБ, руководил неразумными маргиналами и направлял их по соответствующим адресам провокатор армянин Эдуард Григорян.

(И это тоже восходит к традиционным методам борьбы армянских националистов. Величко, ссылаясь на опубликованные документы Французского Министерства Иностранных дел, пишет: “В упомянутой книге говорится о массовых беспорядках, затеянных армянами, которые местами сами стали нападать на турок и курдов, чтобы вызвать резню”).

В книге очевидца событий прокурора Аслана Исмаилова о сумгаитской трагедии приводятся убедительные факты, раскрывающие подоплеку всей этой чудовищной затеи. Она была нужна определенным структурам КГБ для дестабилизации ситуации в стране

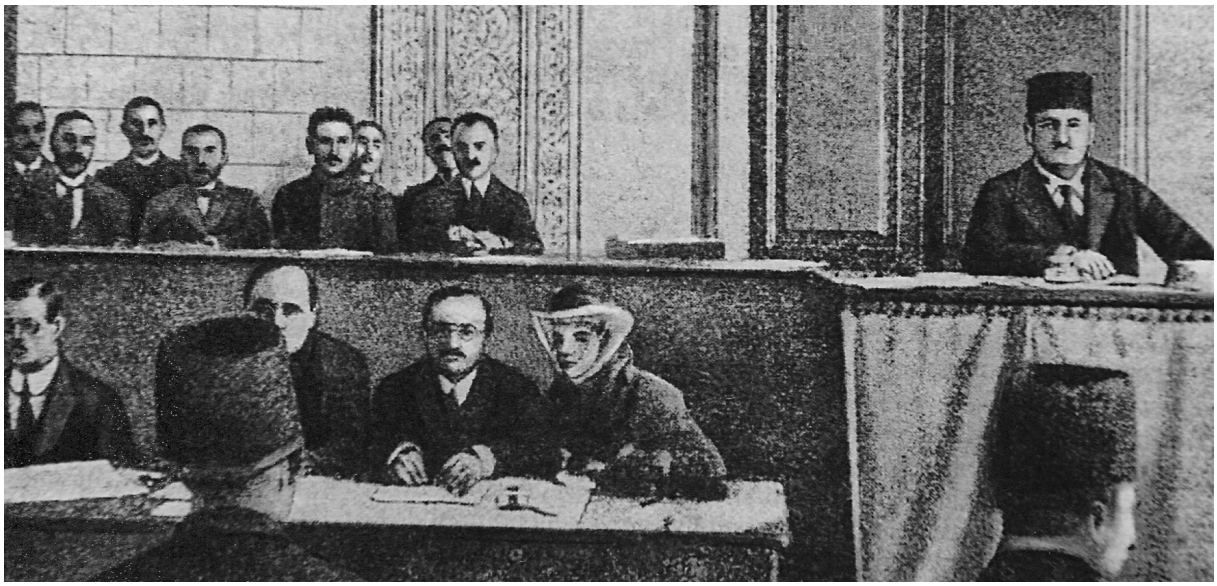
в целом и на Кавказе в частности. А армянам она была выгодна для того, чтобы заявить перед всем миром: как после этого мы можем проживать с азербайджанцами в одной республике? Предводимые Эдуардом Григоряном погромщики зверски убили 26 армян и шестерых азербайджанцев, но благодаря умелой армянской пропаганде (в этом им надо отдать должное) сумгаитское кровопролитие имело в мире гораздо больший резонанс, чем уничтожение целого азербайджанского города Ходжалы, с десятитысячным населением, где по официальным данным было самым жестоким образом истреблено 613 мирных жителей, в том числе старики, женщины и дети, не говоря о нескольких сотнях пропавших без вести, раненных и изувеченных на всю жизнь. Виновные в этом геноциде нынешние руководители Армении имеют наглость открыто заявлять на весь мир: азербайджанцы думали, что мы только шутим, надо было им доказать, что мы не остановимся и перед истреблением мирных жителей.

И все это сходит им с рук. Французские законодательные органы принимают средневековый “антиеретический” закон об уголовном наказании лиц, не согласных с армянской версией событий почти столетней давности. К чести Франции, Конституционный суд страны отменил эти абсурдные законы из-за их несоответствия положениям Основного Закона Республики. Тем самым Франция еще раз доказала, что она страна Руссо и Монтескье, а не вотчина Саркози, с его личными предвыборными интересами.

СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА ВОСТОКЕ

“Дифаи” была самой крупной азербайджанской политической организацией до 1917-го года - появления на исторической арене партии “Мусават” (арабское слова Мусават означает равенство).

Партия “Мусават” была создана в октябре 1911-го года в Баку, Мамед Эмином Расулзаде. Начинавший свою политическую деятельность как член социал-демократиче-

М. Расулзаде выступает на открытии Парламента

ской партии “Гуммет”, выдающийся идеолог независимости Азербайджана, крупный деятель Азербайджанской Республики, а затем, на протяжении всей своей жизни в эмиграции, активный борец за идеалы свободы своей родины, Мамед Эмин Расулзаде, был человеком и патриотических, и левых, даже интернационалистских убеждений. Выступая на открытии Парламента Азербайджанской Демократической республики, он говорил:

“Наше отделение от России не является враждебным актом по отношению к России, мы не чувствовали обиды от русского народа, который не меньше нас страдал под гнетом деспотизма. Мы желаем видеть в России Государство, основанное на демократических началах. Мы любим Россию, но любим и свою независимость”.

В другом выступлении М.Э.Расулзаде говорил: “Мы идем к своим национальным чаяниям, но наше желание не господство над другими нациями или подавление других наций. Наш идеал заключается в том, чтобы жить спокойно и счастливо совместно с другими нациями, быть равноправным членом мирового сообщества и стремиться быть культурной и прогрессивной нацией. Свободу людям, независимость народам!”

Насиб бек Усуббейли

Другой видный политический деятель Азербайджана Насиб бек Усуббейли создал в Гяндже партию “Тюрк едеми Меркезиййат” (партию тюркских федералистов). Во многом программы обеих партий совпадали и потому по обоюдному согласию они в июне 1917-го года объединились под названием партии “Тюрк едеми Меркезиййат Мусават”. Насиб-бей Усуббейли говорил М.Э.Расулзаде, ставшему руководителем объединенной партии, что необходимо сохранить и название партии федералистов, чтобы не обижать ее членов. Все равно в последующем это длинное название сократится и останется только “Мусават”. Так и случилось.

В 1929-ом году Мирза Давуд Гусейнов, один из коммунистических партийных функционеров Азербайджана, позже репрессированный в 1937-м году, выпустил брошюру “Мусават фиркасы кечмишде ве инди” (“Партия Мусават в прошлом и сейчас”). Брошюра написана в русле большевистских пропагандистских клише, в ней нашли место даже такие абсурдные утверждение, как то, что якобы Мамед Эмин Расулзаде мечтал о провозглашении азина с Эйфелевой башни в Париже. Но самое любопытное заключается в том, в советское время в Баку была издана брошюра, в которой отразилась не только история Мусавата, но были опубликованы и программы как этой партии, так и партии федералистов до их объединения. В первой программе партии Мусават (в 1913-м году она была усовершенствована) провозглашались цели объединения всех мусульманских народов, восстановлении их независимости и т. д.

В программе федералистов, был пункт об отмене смертной казни, пункты о бесплатном обучении и обязательном образовании, об изучении в средних школах тюркского и русского языка, организация школ для национальных меньшинств на их языках и т.д.

Фатали Хан Хойский

С провозглашением первой на всем Востоке Республики 28-го мая 1918, Мамед Эмин Расулзаде как руководитель самой большой фракции в Парламенте, а Фатали Хан Хомский и Насиб-бей Усуббейли, в качестве Премьер министров, старались воплотить в жизнь эти и многие другие пункты своих партийных программ (Фатали Хан Хойский, как и Председатель Парламента Алимардан бек Топчубаши были беспартийными).

В царские время высшее образование могли получать юноши из состоятельных или дворянских семей. И естественно, отпрыски таких семей активно включились в публицистическую, просветительскую, и, в конечном счете, в политическую деятельность. Нет ничего удивительного в том, что многие из руководителей независимой Азербайджанской Республики имели ханское и бекское происхождение. (В числе предков главного идеолога и одного из создателей этой Республики Мамеда Эмина Расулзаде не было ни беков, ни ханов) Ханские и бекские приставки в именах и фамилиях деятелей Азербайджанской республики дали повод советской пропаганде клеймить это правительство как ханско-бекское, враждебное, якобы, чаяниям простого народа.

Тадеуш Святоховский в книге “От мусульманской общины к национальной идентичности. Русский Азербайджан в 1905-1920” отмечает, что в программе “Мусават”, ведущей “бека ханской” партии в Парламенте Азербайджанской Демократической Республики, было записано, что земли ранее принадлежащие частным лицам или русскому государству безвозмездно распределяются между крестьянами. Крестьянам дается право пользоваться этими землями.

Здание в Гяндже где располагалось первое правительство АДР

Ф.Каземзаде ссылаясь на советского историка А.Л.Попова, пишет, что “Мусават”нельзя априорно классифицировать как реакционную партию ханов и бе-

Встреча членов правительства первой Независимой Азербайджанской Республики в Гяндже в мае 1918-го года. На переднем плане Алекбер бек, Худадат бек Рафибейли, М.Э.Расулзаде, Н.Усуббейли, Ф.Х.Хойский и др. с картины художника Арифа Мамедова

ков, потому что в начальный период революции “Мусават”стоял на позициях демократии и даже социализма”.

Все враги Азербайджана - будь это белогвардейские генералы с их идеей фикс о “единой, неделимой России”, или большевики с той же идеей, облеченной, однако, в “классовую” терминологию, английский генерал Томсон и “временщик” А.Ф.Керенский, который в своих бредовых видениях представлял “расчлененную украинцами, грузинами, азербайджанцами, горцами, бурятами, якутами, кемалистами (!-А.), казанскими татарами Россию пантюркисткой державой, начиная с Оренбурга и кончая Памиром (!. А)”, в один голос клялись и божились, что независимость не есть чаяния самого нашего народа, а навязанная ему турками и теми же англичанами “самостоятельность ханов”, и служит этот режим лишь интересам имущего класса.

И здесь возникают ассоциации с современностью, когда провозглашение независимости бывших советских республик издевательски шельмовалось на страницах московской прессы как “парад суверенитетов”, а наиболее оголтелые шовинисты упорно твердили, что независимость отнюдь не нужна самим народам бывшего СССР, она выгодна

лишь для местных элит. Несомненно в ряде бывших советских республик, местные власти, освободившиеся от опеки и контроля Москвы, стали относиться к своим получившим суверенитет странам, как к собственным латифундиям, но этот, видимо, исторически неизбежный в определенных условиях, этап, никак не может дискредитировать саму идею национальной независимости. Идею, которая в XX веке обеспечила суверенитет даже наиболее отсталых стран Африки и Океании.

(Любопытна в этом смысле эволюция взглядов кадета П.Н.Милюкова, историка и политика, одного из радетелей единой, неделимой России. Оказавшийся в эмиграции после Октябрьского переворота; Милюков провозгласил в Париже тост в честь своего политического врага Ленина, за то, что он восстановил под именем Советского Союза территорию России в прежних пределах. Он же Милюков говорил, что "Мы, русские, успокоимся только тогда, когда возьмем Константинополь". А к концу своей эмигрантской жизни он с горечью признался, что его страну "погубила идея единой и неделимой России").

Азербайджан неимоверными усилиями создал первую на Востоке не только демократическую, светскую, но и парламентскую Республику, в которой вся власть принадлежала Законодательному органу. Задолго до наименования народно-демократическими просоветских стран Восточной Европы после Второй Мировой Войны, у нас была подлинно народная республика и это закономерно отразилось на названии государства на азербайджанском и русском языках (Азербайджан Халг Джумхуриети - Азербайджанская Демократическая Республика).

"В то время аналогичных республик в Европе не было" - с гордостью отмечал М.Э.Расулзаде в книге "Сиявуш нашего времени".

ПАНИСЛАМИСТЫ И ПАНТЮРКИСТЫ

Политические тенденции, активизировавшиеся в первом и втором десятилетии XX века, которые в конечном счете стали идеологической основой первой демократической республики на Востоке, невозможно понять и объяснить только на основе общественно-культурных процессов в самом Азербайджане. Они, эти идеологические и общественно-политические тенденции самым тесным образом связаны с процессами в духовной и культурной жизни России в целом, а также Турции и Ирана.

Два основных направления в духовной жизни тюркских народов в первом десятилетии XX века - панисламизм и пантюркизм. Много внимания этим вопросам уделял журнал "Мир Ислама", издававшийся Императорским обществом Востоковедения. В номерах за 1913 год, не раз обсуждаются эти проблемы. В обзорной статье "К вопросу о панисламизме"автор ссылается на оценки, опубликованные в английском журнале "The Muslim World" за 1911 год.

"Мы держимся того мнения, что и лорд Кромер, что панисламизм сам по себе не в состоянии дать очень больших результатов, ибо Ислам, как вера, не может устоять перед европейской цивилизацией. Панисламизм может зажечь невежественные фанатические массы и вести их к политической цели, но серьезная опасность идет со стороны пантюркизма. По нашему мнению, националистическое пантюркистское движение в мусульманском мире в России имеет величайшую важность, что подтверждается многими фак-

тами. Мусульманская пресса полна статей, пропагандирующих единство интересов и желательность сближения с Турцией. Многие татарские муллы из деревень восточной России получают газеты и книги из Константинополя, и в восточной России часто можно встретить школьных учителей, получивших образование в Константинополе или Каире".

В другом номере журнала "Мир Ислама" за тот же 1913 год, опубликована беседа с Махмудом Эсед-эфенди, видным государственным деятелем Турции и профессором Стамбульского (в журнале "Константинопольского") университета. Отвечая на вопрос о пантюркизме Эсед эфенди говорит: "Вопрос в том, как нужно понимать это слово. Если вы под ним разумеете объединение в одно государство всех 50 или 70 миллионов тюркского населения живущего в Турции, России, Персии и Китае, то я вам прямо скажу, что эта смешная утопия, которая могла зародиться только в незрелых и горячих головах слишком молодых, слишком увлекающихся людей. Но есть другой вид пантюркизма, сторонником которого я не могу не быть: это культурное объединение тюркских племен всего мира с целью создания общей культуры, общей литературы, развития общих экономических интересов, одним словом, создания или скорее возрождения тюркской цивилизации. Стремление к такому объединению представляет собой движение в высшей степени плодотворное, против которого бороться невозможно".

Важно отметить, что ни один серьезный идеолог пантюркизма никогда и нигде не ставил цель, даже мысленно, об объединении всех тюрков в одном государстве или присоединения их к Турции. Неизменно подчеркивалась лишь задача духовного, культурного объединения тюркских народов. Цель создания новой тюркской империи инкриминировали и приписывали пантюркизму лишь его недоброжелатели и неприятели в определенных целях.

Якоб М.Ландау в книге "Пантюркизм" возникновение этого направления сравнивает с появлением в конце XIX века таких течений как панславизм, пангерманизм, сионизм. Идеологические основы этих течений зародились задолго до их организационного оформления. Панславистский Конгресс состоялся в 1848-ом году в Праге после почти полувековых обсуждений его проблем и философских основ. Сионистскому Конгрессу состоявшемуся в 1897-м году в Базеле, также предшествовали многолетние дискуссии относительно его целей и задач. И идеологические предпосылки пантюркизма автор связывает в первую очередь с веяниями, связанными с просвещенными деятелями тюркских народов в России.

Османская империя наряду с Российской были двумя странами в которых это течение пустило свои корни. Но если пантюркизм в Османской империи, по мнению автора книги "Рождение и развитие тюркизма" современного татарского писателя Рафаэля Мухаметшина, носил политический характер как, средство противостояния османизму и исламизму, то пантюркизм в России носил чисто культурно-просветительское направление, он был призван объединять тюркские народы в сфере культуры, образования, языка и литературы.

Основателем идеологии панисламизма считают крупного мыслителя и общественно-политического деятеля Шейха Джамалаэддина Афгани (1838-1897). Родился он в поселке Асадабад близ иранского города Хамадана, населенного в основном азербайджанскими тюрками. Ахмед бек Агаоглу тесно общавшийся с Шейхом Афгани в Париже, запи-

сал с его слов: “Мои родители из Мараги, но потом переехали в Хамадан. Я родился в Хамадане. Из-за расстройства дел моего отца мы вынуждены были переселиться в Афганистан”.

Ахмед бек Агаоглы отмечает также, что родным языком Афгани был азери тюркский. Призывая к возрождению истинных ценностей Ислама, Дж.Афгани не видел ничего зазорного в приобщении к современным достижениям западной цивилизации. “Если Запад в свое время заимствовал многие научные дисциплины с Востока, сегодня обращаясь к Европе мы просто возвращаем свое достояние”- считал он.

Джавахарлал Неру писал: “В XIX веке в Египте (Афгани некоторое время жил и работал там, а также побывал во многих странах Востока, Европы, в России и Америке - А.) самым большим реформатором был Сейид Джамалэддин. Он был таким религиозным руководителем, который обновлял Ислам в соответствии с потребностями нового мира. Сейид Джамалэддин говорил, что все формы прогресса возможно согласовать с мусульманской религией. Его усилия в деле возрождения Ислама и его обновления имеют много общего с обновлением индийских традиций в Индии”.

Основные идеи Дж. Афгани воплотились в публицистических статьях, сами названия которых говорят об их содержании: “Философия национального единства и истинная сущность языковой общности”, “Деспотия - главный враг прогресса”, “Реформа в Исламе”.

“Вне нации - нет счастья, а без языка нет нации”- провозглашал Афгани. Языковую общность он ставил выше религиозной общности: “История доказывает, что нации в течении веков могут менять свою религиозную принадлежность, но неизменно сохраняют при этом свой язык”. Афгани был убежден, что “Наука и просвещение не на родном языке не может стать достоянием всех”.

Шейх Джамалаэддин Афгани

Основателем идеологии пантюркизма в Турции считается турецкий мыслитель Зия Гек Алп (1876-1924). Но если пантюркизм рассматривать как чисто духовное явление, призывающее не к политическому, а к культурному единению тюркских народов, как об этом было сказано выше, то здесь у Гек Алпа было много предшественников из числа литераторов, поэтов и публицистов в основном в России.

Мамед Эмин Расулзаде в книге “О пантуранизме” писал: “Нет сомнения, что национально-тюркское самосознание мусульманских народов Российской империи, началось уже давно: с того момента, когда первый тюркский драматург, азербайджанец Мирза Фатали Ахундзаде в 1850 году написал свои бессмертные комедии на простом народном языке. В 1875-м году другой азербайджанский народный деятель Гасан бек Зарда-

Юсиф Акчура

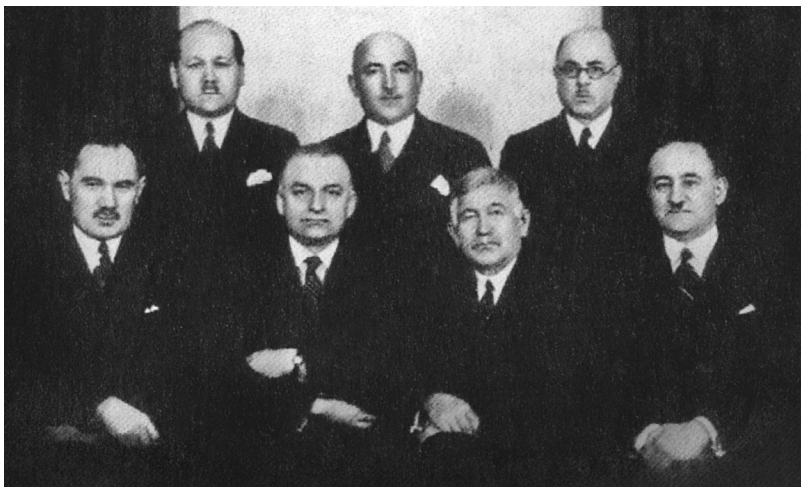
Зия Гек Алп

би учреждает газету "Экинчи" в городе Баку, а двумя годами позже знаменитый Исмаил бек Гаспринский в Бахчисарае (в Крыму) основывает свой ценный "Терджуман", проповедующий реформу народных школ с требованием преподавания на родном тюркском языке. До того обучение шло то на арабском, то на персидском языках".

Той же точки зрения придерживался другой видный деятель пантюркизма, один из его основателей и теоретиков казанский татарин Юсиф Акчура (1877-1935). В книге "Основы тюркизма"он задавался вопросом: "Есть ли другие тюрки которые до западных тюрков (имеется в виду турки Анатолии-А.), занимались бы тюркским сознанием в области языка, и истории? "и отвечая на свой вопрос называет М.Ф.Ахундзаде, отмечая не только факт создания им комедий на азери-тюркском языке, но и то что Мирза Фатали специально ездил в Стамбул, с целью добиться реформы алфавита.

Ю.Акчура с уважением пишет также о И.Гаспринском и Г.Зардаби. Интересно отметить, что в той же книге Ю.Акчура в числе предтеч тюркизма называет поляка Константина Боженского, эмигрировавшего в Турцию. Боженский сражался на стороне турков и принял мусульманскую веру и имя Мустафа Джалалэддин паша. Он же автор книги "Древние и новые турки", изданной в 1869, на которую и ссылается Юсиф Акчура, оценивая его деятельность как предтечи тюркизма. Оценка Боженского со стороны авторитетного идеолога пантюркизма, знаменательна еще и тем, что Боженский - прадед великого турецкого поэта Н.Хикмета, а его враги постоянно попрекали тем, что в жилах Назыма течет чужая кровь. Высокую оценку Боженскому - Мустафе Джалалэддин паше дал и М.Э.Расулзаде.

Француз Франсуа Жоржон в книге "Корни тюркского национализма", посвященной Юсифу Акчуре, отмечает, что основывая теорию пантюркизма как третьего течения между панисламизмом и османизмом, Ю.Акчура пытался оказать влияние на мировоззрение Кемаля Ататюрка. Хотя государство, построенное Кемалом Ататюрком, основывалось на других принципах, но нельзя сказать, подчеркивает

Тюркские политэмигранты в Турции стоит слева первый казах Мустафа Чокай, сидят справа М.Э.Расулзаде рядом татарин Аяз Исхаки

французский автор, что идеи Ю.Акчуры не оказали никакого влияния на формирование идеологии новой Турции.

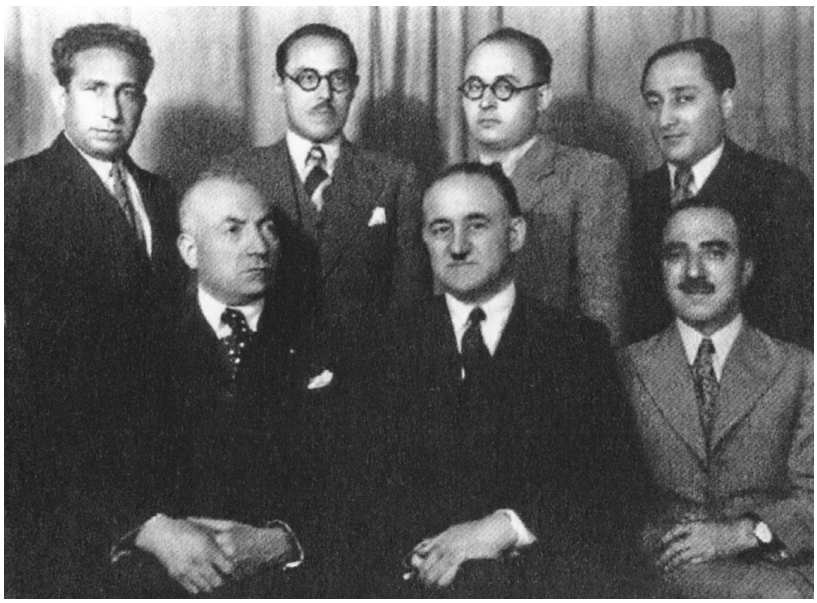
Формирование пантюркизма как общественно политического течения в Турции связывают прежде всего с именем Зии Гек Алпа. Зия Гек Алп в своей посмертной книге "Основы тюркизма", изданной в Анкаре в 1925-ом году писал:

"Когда в Турции султан Абдул Гамид пытался раздавить движение тюркизма, в России действовали два великих тюркиста Мирза Фатали Ахундзаде, чьи оригинальные комедии на азери-тюркском переведены на все европейские языки. И второй это Исмаил Гаспаралы. Девизом его в тюркстве были слова: "Единение в языке, в мыслях, в делах". Газету "Терджуман" понимали как северные тюрки, так и восточные и западные. Эта газета стала аргументом в споре о возможности языкового единства тюрков".

Стоит еще раз подчеркнуть, что пантюркизм как направление духовной жизни возник в России и был внедрен в турецкое общественное сознание эмигрантами первой волны - азербайджанцами Али беком Гусейнзаде Тураном (фамилию Туран он принял уже в Турции), Ахмед беком Агаоглу, казанскими татарами Юсифом Акчурой, Аязом Исхаки, поселившимися в Турции в первом десятилетии XX века.

В самой Турции приверженцами пантюркистских идей, их адептами стали мыслитель Зия Гек Алп, поэт Мехмед Эмин Юрдакул, прозаик Халиде Эдип, литературовед Мехмет Фуад Кепрелю и другие.

Вслед за Али беком Гусейнзаде Зия Гек Алп повторил формулу: "Тюркизироваться, исламизироваться, модернизироваться". Различные аспекты тюркизма рассматриваются в таких книгах Зии Гек Алпа как

Стоят слева Мирзабала Мамедзаде, Керим Одер, Али Азертекин, Халил Мюнти. Сидят Аббаскули Кязымзаде, М.Э.Расулзаде

Шафи бек Рустамбеков

Мирзабала Мамедзаде

“Туркчулуйун есаслары” (“Основы тюркизма”), “Турк тореси” (“Тюркский закон”), “Йени хаят” (“Новая жизнь”), “Турклешмек, исламлашмаг, муасирлешмек”, (“Тюркизироваться, Исламизироваться, Модернизироваться”), “Турк меденииййети тарихи” (“История тюркской культуры”), “Турк ахлагы” (“Тюркская мораль”) и др.

После прихода большевиков к власти в России и оккупации Азербайджана в Турции оказалась вторая волна эмигрантов-тюрков - азербайджанцы Мамед Эмин Расулзаде, Ахмед Джафароглу, Мирзабала Мамедзаде, Садыг бек Агабеков, Шафа бек Рустамбеков, казанские татары Садри Максуди Арсал, башкир Зеки Валиди Токан, казах Мустафа Чокаев (Чокай оглы) и многие другие. (Алимардан бек Топчубаши, Джейхун бек Гаджибейли и многие другие свою эмигрантскую жизнь прожили в Париже).

ПАРАДОКСЫ ПАНТЮРКИЗМА

Возникновение пантюркизма в России объясняется той причиной, что именно тюрки в этой империи, в отличии от турков в Османской империи, опасались ассимиляции и полного исчезновения. Одним из первых и зловещих признаков этих угроз являлось сознательное расчленение тюркского ареала, стремление официальных властей усугубить раскол и различие между тюркскими народами и тюркскими наречиями, то есть классический принцип империализма : “разделяй и властвуй”.

Наиболее прозорливые тюркские деятели закладывали основу пантюркизма, аналогичного пангерманизму и панславянизму. (Парадоксально, что некоторые панславянисты отмечали исторический симбиоз туранского и славянского мира. Александр Блок к своей поэме “Скифы” (! - А.) поставил эпиграфом строчку Владимира Соловьева:

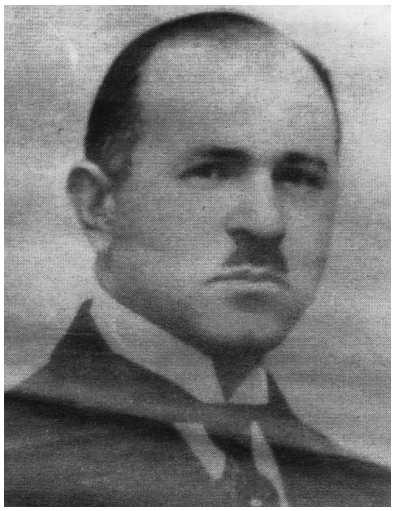
Панмонголизм! Хоть имя дико
Но мне ласкает слух оно.

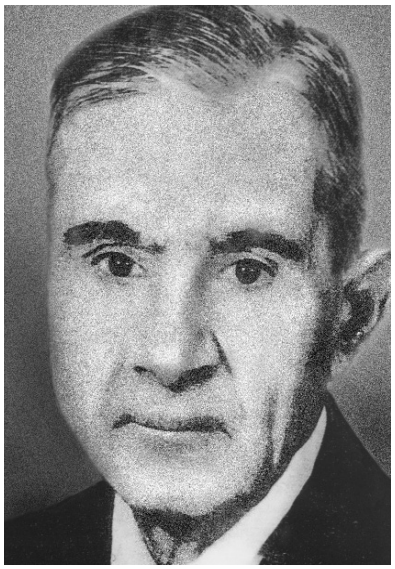
Ахмед Джафароглы

Сидги бек Агабекзаде

Джейхун Гаджибейли

Абдулвахаб Юрдагул

Банин (Умбульбану) внучка М.Нагиева и Ш.Асадуллаева, эмигрировавшая в Европу и ставшая французской писательницей

Другим парадоксом пантюркистского сюжета является то, что о родстве османцев с остальными тюркскими народами далеко за пределами Анатолии, в Турции знали немногие, даже среди интеллигенции. Считается, что пантюркистская идеология была взята на вооружение младотюрками в пику султану Абдул Гамиду, который терпеть не мог это движение. Но, оказывается один из руководителей младотурков Талат паша лишь после 1910 года узнал о том, что турки-османцы имеют родственный народ в Туркестане.

Знаменитый венгерский тюрколог Вамбери вспоминает, что когда он в 1856-м году выступая в Стамбуле развивал свою теорию о единстве происхождения всех туранских народов, то с удивлением обнаружил недовольство на лицах своих слушателей. “Наде-

Талат паша

Энвер паша

емся, вы не ставите нас в один ряд с этими кочевниками из Туркестана"говорили Вамбери аристократы из Стамбула.

Другой видный деятель младотурков Энвер-паша вначале пантуранизм воспринимал как средства объединения не только тюркских, но и всех мусульманских народов от Марокко до Кореи в одном государстве. То есть он пытался использовать, как говорили "Коран для Турана". Позже взгляды Энвер-паши претерпели существенную эволюцию, он пытался воспользоваться подошью большевиков, советских руководителей, для освобождения народов Туркестана. Участвовал в Баку на Первом съезде народов Востока в 1920-ом году, затем сражался вместе с басмачами против Красной Армии и погиб от армянской пули. Некоторые турецкие исследователи характеризуя незаурядную личность Энвер-паши, отмечают также его бонапартистские замашки. Но мне кажется, что уместнее сравнивать Энвер-пашу не с Наполеоном, пусть и неудачливым, а с романтическим героем нашего времени Че Геварой - такое же самопожертвование ради идеи, такая же идеалистическая безудержность во имя химерической цели, тот же обаятельный и притягательный образ современного Дон Кихота.

Определенная эволюция наблюдается и в мировоззрении Зии Гек Алпа. Не только философ, мыслитель, но и поэт, Зия бей провозглашал в программном стихотворении:

Родина для турков не Турция, и не Туркестан

Родина - вечная и великая страна Туран.

Но позже сам же Зия-бей вносит коррективу в эту мысль.

"Пантуранизм, - пишет он, - это утопия, подобная коммунизму Ленина и раю Магомеда".

О тюркизме Зия Гек Алп пишет следующее: "Тюркизм - движение не политическое. Это школа научно-философско-эстетическая. Другими словами, эта борьба за культурное объединение. По этой причине тюркизм до сих пор

организационно не принял формы политической партии. Несомненно, он и впредь на этот путь не станет. Тем не менее, тюркизм не чужд и политическим идеалам… Наравне с культурными, он имеет также и политические идеалы. Тюркизм никогда и ни под каким видом, например, не может мириться с клерикализмом, теократией и реакцией. Тюркизм - это движение современное. Он может мириться и гармонировать только с современными же идейными течениями. Мы - народники в политике, тюркисты - в культуре".

Мустафа Кемал паша

Некоторые исследователи подчеркивают принципиальную антирелигиозность тюркизма и утверждают что Зия Гек Алп повернул "турка от Мекки к Алтаю".

Своему мировоззрению сам Зия-бей дает такое лапидарное определение: "Я турок (тюрок) по национальности, мусульманин по религии, европеец по культуре".

Тюркский идеал Зия Гек Алп распределяет на три ступени:

Туркийечилик (турецкость), Огузчулуг (огузскость), Туранчылыг (туранство).

По мнению мыслителя есть дальние и близкие цели тюркства. Культурное объединение всех тюрков - дальняя цель, духовное, литературное, языковое единство огузской группы - турков, азербайджанцев, туркмен - близкая цель.

По Зие Гек Алпу включение далеких по географическому расположению якутов и алтайцев в орбиту тюркской культуры - представляется трудной задачей, но огузские тюрки, расселенные в четырех странах - в Анатолии, Азербайджане, Иране (иранские азербайджанцы), Туркменистане, - близкие родственники. Они могут организоваться не в политическом, а в культурном плане в единое пространство - Огузстан.

Кемал Ататюрк говорил, если мой физический отец Али Рза эфенди, то родителем моих мыслей является Зия Гек Алп. Но мировоззрение Ататюрка сильно отличается от идейных убеждений его духовного отца. Выступая с трибуны Великого Национального Собрания Ататюрк говорил: "Одной из причин наших нынешних бедствий является неосуществимые программы и планы наших бывших руководителей. Они захотели создать обширную империю, объединив в ней все мусульманские и туранские племена. Отсюда и возник панисламизм и пантуранизм. Вот именно эти мечты и толкнули партию "Единение и Прогресс" к участию в великой войне. Но эти идеалы слишком эфемерны. Будем же мы в нашей политике более скромны и реалистичны. Вот как я лично понимаю панисламизм: как народ мусульманский, мы в высшей степени заинтересованы в судьбе наших братьев, находящихся в других странах. Мы хотим видеть их в счас-

тье и в благоденствии и в особенности желаем, чтобы они обеспечили себе независимость… Но положить в основу нашей деятельности эти наши чувства и вести панисламисткую политику, значило бы повредить нашему делу и подвергнуть опасности нашу страну. Мы сочувствуем их делу, но бороться за него не можем. Мы не мечтатели, не панисламисты и не пантуранисты. Наша цель - обеспечение собственной независимости и ни за что другое крови мы проливать не будем".

Армянский исследователь Зареванд в книге "Турция и пантуранизм" приводит полностью эти слова Мустафы Кемаля, но тут же выражает сомнение в их искренности. "Эти слова успокоили бы многих, тревожащихся за мир на Ближнем Востоке, - пишет Зареванд, - если бы они были искренни. Но, к сожалению дипломатические заявления, как говорил архи-дипломат Бисмарк, предназначены для того, чтобы скрывать, а не выражать мысли и намерения их автора. Таковы и заявления Мустафы Кемаль паши. И это понятно, потому что когда, глава национального движения делал эти свои заявления, Турция вела еще борьбу за свое существование и в этой борьбе единственную помощь она получала от Советской России".

Книга Зареванда вышла в Париже в 1930-м году, а в те же тридцатые годы в Турции были репрессированы и осуждены десятки виднейших идеологов пантюркизма. Долгие годы мы в Советском Союзе переживали за Назыма Хикмета, многолетнего узника турецких тюрем. Но в те же годы, в Советском Союзе сажали и ссылали турецких коммунистов, а в Турции, (из-за опасений перед СССР) в тюрмах томились пантюркисты и националисты. Многие в Турции и поныне с горечью вспоминают, каким издевательствам и даже пыткам подвергались в застенках Юсиф Акчура, Нихал Атсыз и многие другие.

30 ноября го 1931-го года в Анкаре были подписаны протоколы между Советским Комиссаром Иностранных дел М.М.Литвиновым и Министром Иностранных Дел Турции П.Рюштю Арасом, в секретных пунктах которых зафиксировано обязательство Турции относительно депортации из страны наиболее активных политэмигрантов из СССР и прекращение всякой антисоветской пропаганды. Согласно этим протоколам было приостановлена деятельность Загранбюро партии Мусават и депортирован из Турции М.Э.Расулзаде.

И тогда, и раньше, и позже события в Азербайджане, как в целом на Кавказе, неизбежно вписываются в матрицу международных отношений самым активным образом. Первая мировая война и борьба противоборствующих стран - Антанты (Англия, Франция, Россия, Италия) с одной стороны и Германии, Австро-Венгрии, Османской империи с другой - наложили свой отпечаток и на политические процессы в России и на ее Кавказской окраине. Решающим, хотя и не единственным фактором в этих событиях была бакинская нефть, которую не хотели упустить ни белогвардейские генералы, боровшиеся за "единую, неделимую Россию", ни большевики, взявшие власть в Октябре 1917 года. С другой стороны успехи и неудачи в военных действиях англичан или немцев, увеличивали или уменьшали их шансы в обладании нефтяными богатствами Баку.

После победы февральской революции 1917 года в марте того же года по инициативе Закавказских депутатов Государственной Думы России Временным правительством был образован в Тифлисе Особый Комитет для управления Закавказьем. 7-го ноября (по старому стилю 25-го Октября) 1917 года в Петрограде захватили власть большевики.

В.И.Ленин

Одним их первых актов новой власти было объявление Декларации прав народов, за подписью Председателя Совета Народных Комиссаров В.И.Ленина. Первые два пункта этой Декларации гласили:

1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право наций на самоопределение вплоть до отделения от России и образования независимых государств.

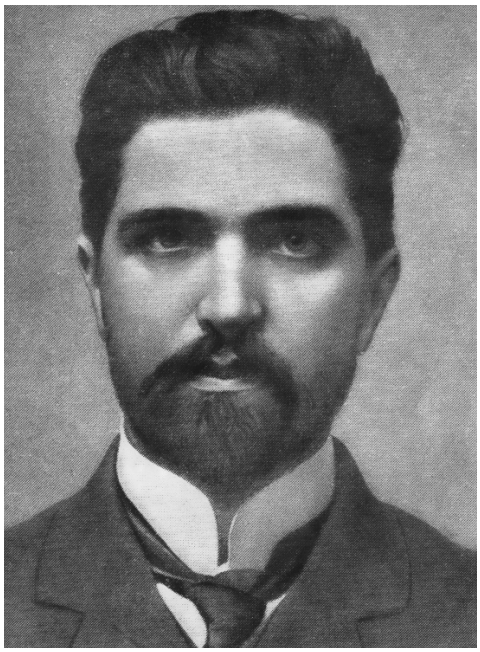
4 дня спустя в Тифлисе было сформировано правительство под названием Закавказский комиссариат, его возглавил грузинский меньшевик Е. Гегечкори. В него вошли трое азербайджанцев (М.Джафаров, Х.Мелик-Асланов, Х.Хасмамедов), трое грузин и трое армян.

14 февраля 1918-го года был избран Закавказский сейм. Грузинский народ в Сейме представляла социал-демократическая партия (меньшевики), армянский - Дашнакцутюн. Азербайджан был представлен четырьмя партиями - Мусават, Мусульманский социалистический блок, Иттихад и социал-демократическая (меньшевистская партия) “Гуммет”. Председателем Закавказского Сейма стал К.Чхеидзе.

Ов. Качазнуни пишет: “В Комиссариате, как впоследствии и в Сейме и правительстве, командную позицию, руководящую роль заняли грузинские меньшевики”. В числе причин этого автор приводит следующие факты: Комиссариат получил свои полномочия от Петроградского временного правительства, а именно, из кругов Государственной Думы. В Думе грузинские депутаты, опираясь на такую мощную организацию как российская социал-демократическая партия, давно уже занимала важные позиции, приобрели влияние и связи. Для ведения государственных дел - по мнению автора, -грузины имели более или менее подготовленных людей. Ни мусаватисты, ни дашнаки такой школы не проходили. “Мусават был новой партией, а Дашнакцутюн больше была подготовлена к подпольной работе”, - отмечает Качазнуни. - Самое же главное в следующем: В Закавказье грузинский народ был наиболее сознательным и наилучше организованным. Помимо того, физическому существованию грузинского народа ниоткуда не грозила опасность. Поэтому грузины были сильнее других”.

Знакомясь с протоколами Сейма, я наткнулся на такой пассаж: “Назначение генерал-комиссара Бакинской (!-А.) и Елизаветпольской губернии собрание нашло неотложно необходимым и подходящим кандидатом признало Худадат бека Рафибекова, которого решили немедленно вызвать из Батума, дать ему широкие полномочия, подчинив ему все общественные и государственные учреждения и должностные лица. Протокол совместного заседания всех мусульманских сеймовых фракций 13 мая 1918г. “

(Более достоверными фактами биографии Х. Рафибейли является то, что он был первым Министром здравоохранения АДР, а в 1919 году стал генерал-губернатором Гянджинской губернии - А.).

Степан Шаумян

БАКИНСКАЯ КОММУНА И ЕЕ ДЕЯНИЯ

19 марта 1917 года в Баку был создан Совет рабочих депутатов. Большинство в Совете составляли эсеры и меньшевики, большевики имели всего два или три места, но, несмотря на это, Председателем Совета был избран Степан Шаумян.

После доклада Сталина в Москве о положении в Закавказье, Степан Шаумян по указу Ленина был назначен Чрезвычайным Комиссаром по Кавказу.

В то время как в городе действовала местная власть - Бакинская Дума под председательством Фатали хана Хойского, Бакинский Совет, под руководством С.Шаумяна не признавая ее, провозгласил себя единственной властью в городе. Бакинский Совет объявил, что Бакинская губерния является частью России и Бакинский Совет подчиняется Совнаркому под Председательством Ленина. Одновременно началась смычка большевика С. Шаумяна с представителями других партий, и, в основном, с дашнаками. Это признает и один из руководителей Дашнакцутюн Качазнуни: “Арм. Рев. Партия Дашнакцутюн в Баку, опасаясь татарского господства, имела довольно тесную связь с местными большевиками и даже способствовала им” (в уничтожении азербайджанских тюрков - А.)

В Октябре 1917-го года состоялись новые выборы в Бакинский Совет.

Ф.Каземзаде пишет: “Несмотря на то, что кандидаты “Мусавата” получили при выборах в Совет большинство, они не вошли в этот орган. В конце концов в Совете осталось 84 левых эсеров, шесть меньшевистских интернационалистов, пятнадцать левых дашнаков, 31 большевика, 52 сочувствующих большевикам и 15 независимых. Те, кто удалился, совершили грубую ошибку, за которую пришлось дорого поплатиться”.

(Стоит вспомнить, что в состав Парламента независимой Азербайджанской Демократической Республики, входили - 7 дашнаков и 4 других армянина и никто из них не отказывался от участия в работе этого законодательного органа).

Власть, возглавляемая Степаном Шаумяном в Баку, был по существу антиазербайджанским режимом. Шаумян хотел подчинить себе и весь остальной Азербайджан с тем, чтобы отдать его снова под власть России. Вслед за Декларацией о правах наций на самоопределение, подписанной Ленином, в Баку тоже была принята аналогичная декларация, с той лишь оговоркой, что право на отделение от России не касается Закавказья. Целью Шаумяна было с одной стороны оторвать Баку от остального Азербайджана, в любом административном делении в будущем, всю бакинскую нефть отдать на откуп большевистской России, и изменить демографический состав города, в первую очередь, естественно, в пользу армян. Прикрываясь пролетарскими и интернационалистскими лозунгами, Шаумян проводил откровенно дашнакскую политику. Неслучайно подавляющее большинство должностей в его правительстве занимали армяне - открытые или

Армянские вооруженные отряды на улицах Баку в марте 1918 г.

скрытые дашнаки. Шаумян демонстративно слал приветственную телеграмму палачу турок и азербайджанцев Андронику Озаняну, издевательски говорил: мусаватисты настолько обнаглели, что мечтают сделать Баку столицей Азербайджанского ханства. Шаумян также приглашал Андроника с его бандой, якобы для защиты революции. Нашелся защитник революции - бывший турецкий паша, у которого, за измену, отрезали ухо!

Наиболее остро антиазербайджанство Бакинской Коммуны и лично Шаумяна проявились в марте 1918-го года. К 6 часам 30 марта Баку стал настоящим полем боя. В течении следующих трех дней большевики вместе с дашнаками уничтожили десятки тысяч азербайджанцев.

Убедительные факты об этих специально организованных погромах приводятся в книге “Март 1918 г. Баку” Солмаз Рустамовой Тохиди. В этой же книге приводятся ряд крайне интересных цитат из С.Шаумяна, наглядно показывающих его позицию и истинное лицо. Вот некоторые из них: “Мусаватисты, желающие автономии Азербайджана, получат в итоге груду развалин”, - угрожает Шаумян в статье, являющейся ответом М.Э.Расулзаде. Он с беспрецедентным цинизмом откровенничает об участии “Дашнакцутюн” в мартовских погромах азербайджанцев: “Мы воспользовались поводом, первой попыткой вооруженного нападения на наш конный отряд и открыли наступление по всему фронту. У нас были уже вооруженные силы около 6 тысяч человек. У “Дашнакцутюн” имелось также 3-4 тысяч национальных частей, которые были в нашем

распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни. Но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. … Если бы они взяли верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана". И далее: "Если иметь в виду их политические цели - отделение Закавказья от России и подчинение турецкому протекторату, ясно, что их победа в Баку привела бы к потере Закавказья для России".

Квинтэссенция убеждений этого "коммуниста-интернационалиста" была выражена в выступлении Шаумяна на заседании Совета 19 апреля 1918 года: "Когда в Баку было, наконец восстановлено некое подобие порядка, улицы были очищены от тысячи мертвых тел, пожары затушены, Совет возвысился как величайшая сила в городе. Мусульмане (!-А.) потерпели поражение и были полностью разоружены, тогда как армяне были ослаблены".

Даже дашнакский лидер Ов. Качазнуни признает, что "в марте во время большевистско-мусаватской борьбы имело место избиение мусульманского населения", хотя, как утверждает он "в меньшем размере", чем избиение армянского населения, после вступления в Баку турецко-азербайджанских вооруженных сил в сентябре того же 18-го года.

Старейший большевик С.М.Эфендиев отмечал, что "дашнаки уничтожали не только мусаватистов, но всех мусульман вообще. Шаумян, Джапаридзе и другие сами стали узниками дашнаков".

Н. Нариманов в письме Шаумяну и Джапаридзе подчеркивал, что "эти события запятнали и очернили Советскую власть".

Но действия Шаумяна вызывали горячее одобрения Ленина, который прислал ему телеграмму следующего содержания: "Дорогой товарищ Шаумян! Мы восхищены Вашей твердой и решительной политикой, соединяйте с ней самую осторожную дипломатию, которая, несомненно стала необходимой в виду данной труднейшей обстановки, и мы победим".

Какого рода дипломатию имел в виду Ленин, стало ясно из дальнейших действий советской власти в отношении Азербайджана.

"В марте 18-го дашнакские военные части с одобрения председателя Совдепа (Шаумяна - А.) под предлогом борьбы с контрреволюцией устроили в Баку азербайджанские погромы. Были убиты 12 тысяч человек, сожжены несколько мусульманских кварталов, обстреляна главная бакинская мечеть. Погромы прекратились только после энергичного вмешательства других комиссаров - Петрова и Джапаридзе, пригрозивших начать артобстрел армянских кварталов города. Выведенные из Баку дашнакские части разрушили и разграбили древнюю столицу Азербайджана Шемаху, Кубу и другие города, - пишет Григории Волынский. - В 1918-1920 годах из Эриванской губернии были изгнаны 280 тысяч азербайджанцев, не менее 70 тысяч были убиты. Как это назвать если не геноцидом". ("Общая газета" 30 апреля - 6 мая 1998г.)

Несмотря на панические страхи Шаумяна Баку стал-таки столицей независимого Азербайджана. Часть преступников, уничтожавших мусульман (Степан Лалаев и другие) были задержаны, осуждены и… амнистированы 9 февраля 1920 года, по случаю международного признания Азербайджанской Республики.

Антиазербайджанские действия коммунистов-дашнаков не ограничивались только Баку. Вооруженные отряды Коммуны совместно с дашнаками, по словам Шаумяна "от-

крыли наступление по всему фронту". В Баку, Шемахе, Кубе погибло около 20 тысяч мирного населения. Один из дашнакских командиров Амазапс обращаясь к кубинцам говорил: "Я герой армянского народа и защитник его интересов. Я прислан сюда (Шаумяном-А.) с карательным отрядом, мне приказано уничтожить всех мусульман от берегов моря (Каспийского - А.) до Шахдага и жилища ваши сравнить с землей".

Отряды во главе с одним из "26" бакинских комиссаров Татевосом Амировым и Степой Лалаяном вырезали мусульманское население всей Шемахи и разгромили до 40 селений. В Шемахе собрав мирных жителей, в том числе женщин и детей в обширной Джума мечети, подожгли мечеть с живыми людьми. Тот же бакинский комиссар Татевос Амиров с вооруженными армянами вошли в помещение "Исмаилийе" (в котором ныне располагается Президиум Академии наук) и подожгли это здание.

Кровавый террор против азербайджанцев перекинулся за границы Азербайджана. Газета "Азербайджан" писала в №1 за 1918: "Положение мусульман в Эриванской губернии не поддается описанию. К концу текущего года число разоренных мусульманских сел доходило до 199. Жители этих сел числом 135 000 душ частью были перебиты армянами и погибли от голода, а частью переселились в местности, занятые турецкими войсками".

Спустя 80 лет после этих страшных погромов развернутая оценка им была дана в Указе Президента Гейдара Алиева: "О геноциде азербайджанцев".

"Все трагедии Азербайджана, произошедшие в XIX-XX веках - говорилось в указе-сопровождаясь захватом земель, являлись различными этапами осознанной и планомерно осуществляемой армянами против азербайджанцев политики геноцида. Лишь в отношении одного из этих событий - мартовской резни 1918 года - была предпринята попытка дать политическую оценку… В ознаменование всех этих трагедий геноцида, совершенных против азербайджанского народа, постановляю:

1. Объявить 31 марта Днем геноцида азербайджанцев.

2. Рекомендовать Милли Меджлису Азербайджанской Республики рассмотреть вопрос о проведении специальной сессии, посвященной событиям, связанным с геноцидом азербайджанцев.

ГЕЙДАР АЛИЕВ
Президент Азербайджанской Республики
г. Баку. 26 марта 1998 года.

Драматически сложилась судьба С.Шаумяна и его соратников. Его власть была предана теми, с кем он пытался создать общий блок борьбы с мусаватистами - эсерами, меньшевиками и теми же дашнаками. Бакинский Совет вынужден был сдать свою власть Диктатуре Центрокаспия, которая благополучно бросила всех комиссаров в тюрьму.

22-летнему А. Микояну удалось вырваться из тюрьмы и освободить всех своих товарищей во главе с Шаумяном. Об этом пишет Э.Бурджалов, автор книги "Двадцать шесть бакинских комиссаров", изданной в 1938 году, но не объясняет каким образом Анастасу Микояну это удалось. Шаумян, Джапаридзе, Фиолетов и др. на баркасе "Лейля" ушли в море. Однако вскоре команда баркаса взбунтовалась. Матросы заявили, что в Баку остались их семьи и в Астрахань они не поплывут. Комиссарам пришлось вернуться в Баку.

На берегу их встречали вооруженные отряды дашнаков, эсеров и меньшевиков. 35 человек, в том числе Степан Шаумян, Джапаридзе, Азизбеков, Фиолетов, Сурен Шаумян и др. были арестованы. Их поместили в тюрьму на Шемахинке, потом перевели в баиловскую тюрьму.

Как пишет Ф.Каземзаде “Микояну, который каким-то образом (! -А.) не был арестован, удалось добиться приказа об освобождении заключенных и вывести их из тюрьмы всего за несколько часов до того, как азербайджанские отряды вступили в город”.

И сам Микоян, вместе с бакинскими комиссарами, сыновьями Шаумяна, женами Джапаридзе, Фиолетова и другими сели на пароход “Туркмен” с целью отплыть в Астрахань. Но выйдя в море корабль изменил курс и доставил пассажиров в Красноводск. Предатели помогали вылавливать комиссаров из общей массы пассажиров. Сыновей Шаумяна Сурена, Левона, жен Джапаридзе, Фиолетова и …самого Микояна (! - А.) заключили в тюрьму, остальных комиссаров вывезли в Агджакумскую пустыню, где они по официальной версии и были расстреляны.

Микоян же дожил до глубокой старости неизменно находясь в высших эшелонах власти Советского Союза, как говорилось “от Ильича до Ильича, без инфаркта и паралича”.

Советские историки в трагической участи комиссаров винят англичан и диктатуру Центрокаспия. Но тот же Э. Бурджалов пишет: Для того, чтобы замести следы, организаторы расстрела распускали слуги, будто бакинские комиссары увезены в Индию”.

В течении долгих лет советская историография мифологизировала эти события, начиная с самой цифры - 26. Хотя эта цифра не соответствует ни количеству комиссаров, ни количеству арестованных, она была канонизирована в литературе, в науке, в поэзии В. Маяковского, С.Есенина, многих азербайджанских поэтов. Что касается отправления в Индию, покойный академик З.Буниядов утверждал, что Степан Шаумян, в частности, окончил свою жизнь в Индии. И в самом деле, когда были раскопаны могилы комиссаров в Ба-

Расстрел Бакинских комиссаров. С картины Бродского

ку, останков Шаумяна не обнаружили и вообще останков оказалось 23, а не двадцать шесть.

Советские историки, обвиняющие турков во всех грехах, никак не могли инкриминировать им уничтожение комиссаров, поскольку они были увезены из Баку до того, как в город вошли турки. Если бы их арест был бы произведен при тюрках, наши историки в течении 70 лет клеймили бы турецких захватчиков, уничтоживших славных сынов Азербайджана Шаумяна, Джапаридзе, Арсена Амиряна, Сурена Осепяна и других, имена и статуи которых семьдесят лет украшали улицы и площади Баку.

Скульптура Меркурьева "Казнь бакинских комиссаров" в бывшем сквере 26 комиссаров. Ныне снесена

Вооруженные силы Бакинского Совета стремясь захватить Гянджу и свергнуть Правительство Азербайджанской Демократической Республики, огнем и мечом дошли до Кюрдамира, с чудовищной жестокостью уничтожая по пути мирных жителей в городах и селах. На помощь истекающему кровью Азербайджану пришла Исламская Кавказская армия из Турции. Командовал ею молодой генерал Нури-паша, младший брат Военного Министра Энвер-паши.

Решительное сражение между Исламской Кавказской армией и войсками Бакинской Коммуны произошло в районе Геокчая в течении четырех дней.

"В очерках истории Коммунистической партии Азербайджана" (1985 г.) сказано: "В развернувшихся 27 июня - 1 июля 1918 года ожесточенных боях в районе Геокчая советские войска потерпели неудачу и отступили. Военное положение Бакинской коммуны резко ухудшилось. Бакинские части Кавказской Красной Армии вынуждены были перейти к обороне. Большевики не жалели сил, чтобы остановить наступление турецких интервентов и мусаватистов. М.А.Азизбеков, Э.А.Берг, П.А.Джапаридзе, Г.Н.Корганов, М.М.Мамедъяров, И.В.Малыгин, А.И.Микоян, Б.М.Сардаров, Ф.Ф.Солнцев, Г.Г.Султанов и другие руководящие партийные и советские работники делали все возможное, чтобы не допустить отхода войск".

Переписывая сейчас этот кусок из "Очерков", я поражаюсь не только умению авторов, так цинично переворачивающих истинные сюжеты истории своего народа с ног на голову, но, как не странно невольно предаюсь и ностальгическим воспоминаниям об улицах старого Баку по которым ходил долгие годы своей жизни. Эти улицы как раз носили имена большевиков, сражавшихся на стороне тех, кто был виновен в геноциде азербайджанского народа и против тех, кто хотел спасти его от полного уничтожения.

Отец мой всегда с неприязнью относился к бакинским комиссарам, хотя не знал и сотой доли того, что раскрылось нам в последние годы, уже после его смерти. В его детской памяти сохранился обстрел Геокчая с окрестных гор пушками Бакинской Коммуны и он часто рассказывал нам об этом.

Нури паша

После отступления Советских войск в районе Геокчая путь в Баку был фактически открыт и взятие его турецкими и азербайджанскими частями было вопросом времени.

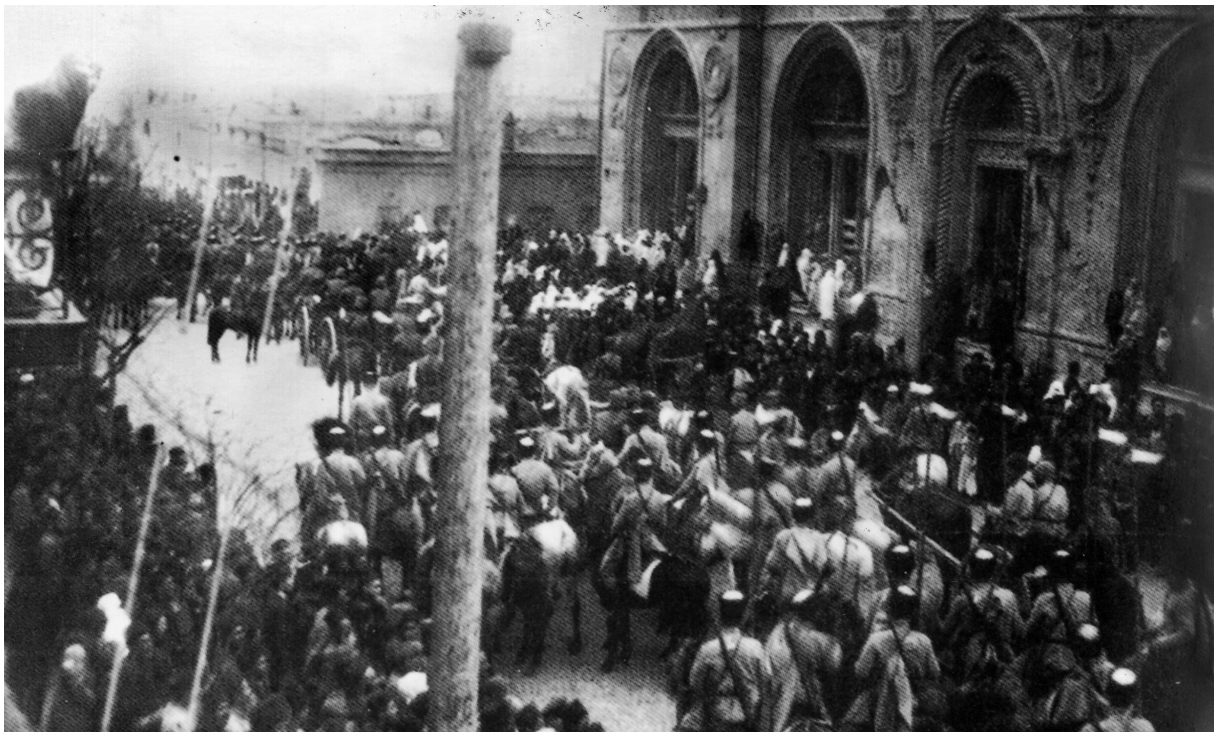
ОСВОБОЖДЕНИЕ БАКУ

В Баку объединенные турецкие и азербайджанские вооруженные силы вошли 15 сентября 1918-го года. Но потерпев поражение в Первой мировой войне Турция была вынуждена подписать 30 октября 1918 года Мудросское перемирие, согласно условиям которого она обязалась вывести свои войска из Закавказья, включая, естественно, Баку. Баку объявлялся сферой влияния Великобритании и Главнокомандующий английскими вооруженными силами генерал Томсон, взявший на себя полномочия Коменданта города, сразу же объявил власть Правительства Азербайджанской Демократической Республики нелегитимной. Он заявил, что "не существует республики, родившейся согласно всеобщему желанию азербайджанского народа, имеется только правительство, организованное интригами турецкого командования". Томсон потребовал очищение Баку к десяти часам утра 17 ноября не только от турецких, но и от азербайджанских войск.

Можно предположить каких трудов, усилий, энергии и воли стоило молодому азербайджанскому правительству сохранить суверенитет страны в условиях английской оккупации. Это была почти неразрешимая задача и все же она была решена. Спустя не-

Третий слева в среднем ряду Худадат бек Рафибейли, пятый слева Нури паша

Воины Кавказской Исламской армии на улицах Баку в сентябре 1918 г.

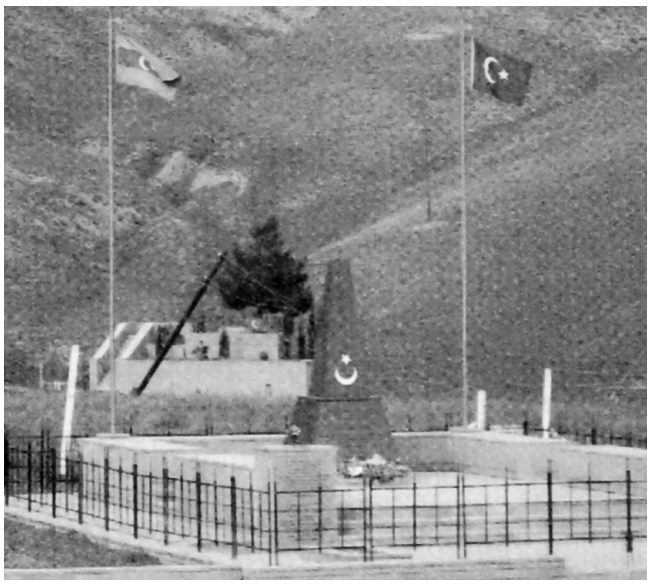

Мемориал турецким солдатам в Шехидляр Хиябани

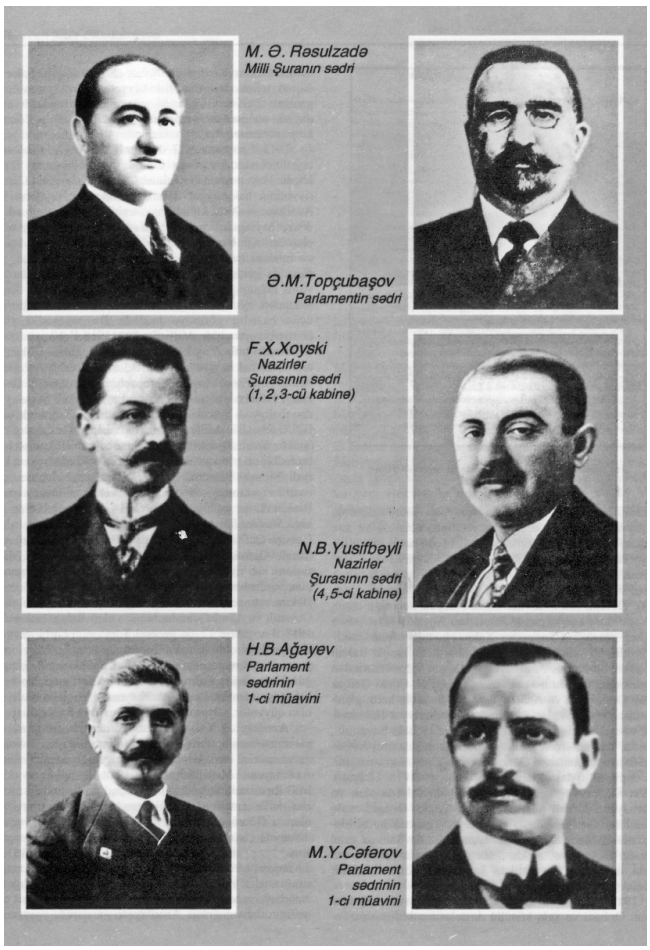

Мурсал паша

сколько месяцев Томсону пришлось де факто признать Азербайджанское правительство Фатали Хана Хойского единственной реальной властью в стране.

Могила Турецкому солдату вблизи Шемахи

Лидеры АДР

Но мы несколько забежали вперед по хронологии. Вернемся на более ранний период исторических событий в Закавказье.

В мае 1918-го года судьбоносные события происходили в Тифлисе, на заседаниях Закавказского Сейма. Назревал час распада Закавказья. А.Церетели на заседании Сейма 26 мая 1918-го года заявил о распаде Закавказской республики и сообщил, что на следующий день Грузия объявит о своей независимости.

А 28-го мая Азербайджанская делегация, провозгласив себя Временным Национальным советом мусульман Закавказья, сообщила о том, что берет правление Восточным Закавказьем в свои руки. Председателем Временного Национального совета был избран Мамед Эмин Расулзаде, Председателем исполнительского органа - Фатали Хан Хойский. Меня всегда удивляло, что в заявлении азербайджанской делегации по поводу провозглашения независимости, есть некоторый извинительный оттенок, мол, мы вынуждены были заявить о выходе из Сейма, после того, как из него вышла Грузия.

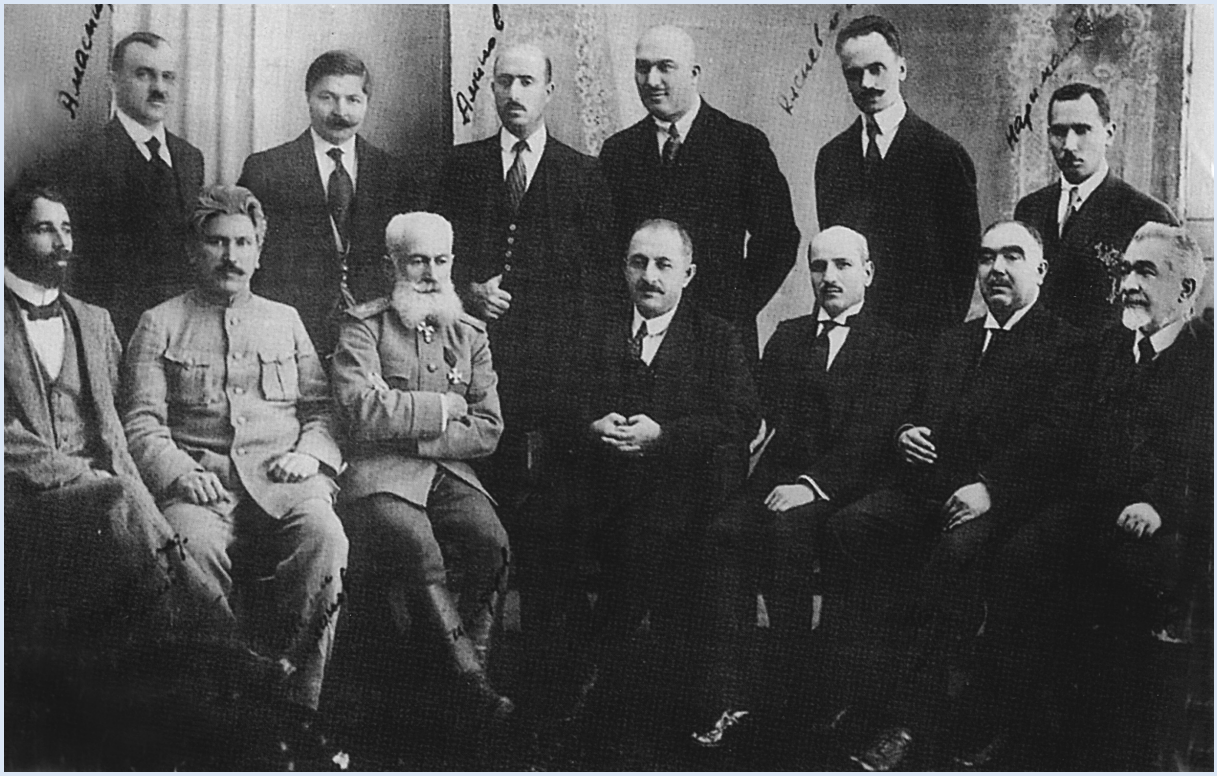
28 мая на заседании мусульманского Национального совета Ф.Х.Хойский предложил до выяснения некоторых вопросов на местах, воздержаться от объявления независимости Азербайджана, а образовать Азербайджанское полноправное правительство для ведения мирных переговоров с державами. После обсуждения этого вопроса Совет 24 голосами при двух воздержавшихся высказывается за немедленное объявление Азербайджана независимой демократической республикой в пределах Восточного и Южного Закавказья, после чего был оглашен Акт о независимости.

Члены правительства Н.Усубекова

Заседание правительства АДР

IV Кабинет министров. Сидят слева: А.Сафикурдский, А.Кардашов, С.Мехмандаров, Н.Усуббеков, М.Ю.Джафаров, А.Гасанов, стоят слева: Х.Амастыюр, Р.Кагланов, А.Аминов, Дж.Гаджинский, В.Кленовский, Н.Нариманов

Члены Правительства АДР

Карта Азербайджана в период АДР

В тот же день о своей независимости объявила Армения. Азербайджанское правительство из благородных побуждений согласилось на то, чтобы столицей Армении стал Иревань - главный город Иреванского ханства, большинство населения которого составляли тогда азербайджанцы.

Но вскоре аппетиты армян распространились и на другие азербайджанские территории - Нахичеван, Карабах, Зангезур.

Достойный отпор головорезам Андроника дали азербайджанские вооруженные силы во главе с назначенным губернатором Карабахской губернии легендарным героем Султан беком.

ВОЙНЫ В ЗАКАВКАЗЬЕ

За короткое время независимости трех Закавказских республик Армения развязала войны не только с Азербайджаном, но и с Грузией.

Султан бек

Спровоцировав бунт армян в районах Грузии с преимущественно армянским населением, Армения по словам Ф.Каземзаде “совершила вероломное нападение на Грузию”. Выступая в Парламенте Грузии премьер-министр Ной Жордания сказал:”Правительство Армении нарушило соседские отношения, которые устанавливались в течении многих веков. Оно нарушило исторические традиции как армянского, так и грузинского народа”.

И в наши дни Армения предъявляет притязания не только на Карабах и Нахичеван, но и на грузинскую Джавахетию. Видимо армяне свое предназначение военного форпоста России понимали и понимают прежде всего как дестабилизатора положения в Закавказье.

Армянские притязания к Грузии, и не только территориальные, но и исторические, культурные, в свое время возмутили великого грузинского писателя Илью Чавчавадзе. В книге “Армянские ученые и вопиющие камни” И.Чавчавадзе пишет: “Пора сорвать маску с этой группы армян, мудрецы которой задают нам, грузинам, от мала до велика, без исключения, такого трезвону, пора взглянуть на них прямо, без прикрас. Пора нам опомниться и не праздновать труса перед этими лже-либералами, пред этими арлекинами истинного либерализма, затыкающими нам рот с целью скрыть под священным плащом народолюбия свое фиглярство, двуличие, бессердечие”.

Что же так разгневало патриарха грузинской литературы? Прежде всего ложь армянских историков, в доказательство древности своего народа ссылающихся на сочинения Моисея Хоренского. А это сочинение, - напоминает Чавчавадзе, - не что иное как простая копия с компиляции лживого повествователя Марбоза Катына. Писатель резко отзывается также об утверждении молодого в те годы ученого Г.Марра (будущего известного языковеда), профессора армянского языка в С. -Петербургском университете. “По мнению Г.Марра, если существуют какие-либо зачатки культуры в Грузии, то чуть ли не по милости армян. “Вздумай грузины отрицать это, полкультуры их, грузин, сгинет”, - говорит это вновь восходящее светило науки”.

Когда я прочел эти страницы в книге И.Чавчавадзе, я подумал что неожиданное для многих обращение И.Сталина к вопросам языкознания и разоблачения им учения Марра может быть было не случайным. Может быть даже с подсказки Берии Сталин “вспомнил” об оскорбительных высказываниях этого ученого о грузинской культуре.

Отповедь И.Чавчавадзе армянскому журналисту Арцруни, стоит того, чтобы остановиться на ней более подробно. Итак, армянский журналист принимает и сопровождает заезжего французского гостя Кутули по Тифлису, вводить его в круг армянской интеллигенции, знакомит со священнослужителями. В честь француза устраиваются кутежи, пиры в садах, ему распевают песни и романсы, угощают изысканными блюдами. И все это выдается за армянское, как и сам город Тифлис. Француз в восторге от армянского города, от самих армян, от их гостеприимства, культуры, кухни. Только одно ему не понравилось: все встреченные им женщины были с большими, как гора, носами. Но недогадливому французу тут же объяснили, что женщины с большими носами не армянки, а грузинки. Чавчавадзе с сарказмом благодарит армян, что оставили им, грузинам, хотя бы носы.

16 июня 1918 года Первый кабинет Азербайджанского правительства во главе с Ф.Х.Хойским переезжает в Гянджу.

Власть в Гяндже до этого, находилась в руках Нури-паши. Нури-паша, заявивший, что он солдат, а не политик, и его советник Ахмед бек Агаоглы заверили членов Азер-

байджанского правительства, что Турция не станет вмешиваться во внутренние дела Азербайджана. Но взаимоотношения турецкого Командования с азербайджанским правительством были не столь безоблачными и сопровождались рядом серьезных проблем. Тем более несправедливыми представляются слова английского генерала Томсона, что Азербайджанское Государство создавалось интригами турецкого командования.

М.Э.Расулзаде писал: “Турки пришли к нам как воины, для защиты народа. Это верно. Но среди нас были свои беки и паши, которые стремились к тому, чтобы здесь управлял Стамбул”.

Специфическую роль в этих вопросах играл советник Нури-паши по гражданским делам Ахмед бек Агаоглу. Азербайджанский патриот Ахмед бек оказался в еще большей степени турецким патриотом и по словам А.Балаева “он больше всего опасался того, что азербайджанские тюрки пойдут по пути формирования самостоятельного государства”.

Судьбу Азербайджана Ахмед бек, как и его единомышленник Али бек Гусейнзаде за несколько лет до этого (вспомните то, о чем говорилось на предыдущих страницах) видели лишь в составе Османского Государства, как одну или две ее провинции.

Знакомясь с этими фактами я задумывался. Никто не может сомневаться в личной интеллектуальной честности и Ахмед бека и Али бека, в их любви к своей исторической Родине, заинтересованности в ее будущем. Так в чем же была причина их подобной позиции? В том, что они уже давно адаптировались в турецкой среде, активно, на равных с турками, участвовали в политической жизни этой страны? Немаловажен был и фактор языка (в особенности А.Гусейнзаде полностью придерживался норм османско-турецкого).

Или может быть, причина в по человечески понятной ревности к тому, что независимость их исторической родины осуществляется усилиями и с участием других людей, а, скажем, Ахмед бек остается посторонним наблюдателем, хотя и обладающим влиянием на Нури-пашу. Трудно разобраться во всех этих сложных чувствах, но еще одно объяснение позиции Ахмед бека, к его чести, заключается в том, что он ясно представлял опасность отдельного, независимого существования Азербайджана и только в составе другого, более сильного государства его историческая родина, по его мнению, могла бы гарантировать свое спокойное существование. Характерно и то, что, Ахмед бек не исключал и включение Азербайджана в состав Советской России, поверив в искренность демагогии большевиков о равноправии и суверенных правах наций. Характерно в этом смысле выступление Ахмед бека, правда после поражения Турции во второй мировой войне:

Али бек Гусейнзаде в пожилые годы

Ахмед бек Агаоглы в пожилые годы

“В результате мировой войны Турция, на которую до сего времени опирались азербайджанские тюрки, оказалась побежденной. Поскольку азербайджанцы могут ориентироваться только на Турцию и Россию, то с поражением Турции им ничего не остается, как связать свою судьбу с судьбой России. Тем более что в культурном отношении Россия стоит на более высокой ступени, нежели Турция. Исходя из этих соображений, а также если азербайджанский вопрос не будет разрешен на мирной конференции в Европе, то азербайджанский народ должен согласиться войти в состав общероссийской федерации”.

В целом ярый пантюркист Ахмед Агаоглу проявлял определенные симпатии к Советской России. Посол Советской России в Турции Аралов отмечает заслуги Ахмед бека Агаоглу в установлении дружественных отношений между Анкарой и Москвой. Симпатизировал Агаоглу, особенно в начале 20 годов, и Советскому Азербайджану, особенно Нариману Нариманову. На основе документов складывается впечатление, что Ахмед бек относился к Нариманову гораздо теплее, чем к руководителям АДР. Нариманов принял участие в судьбе Агаоглу, во время его ссылки на остров Мальта, а Ахмед бек, всерьез задумывался о возвращении в Советский Азербайджан. В письме к Руководителю правительства Нариману Нариманову Агаоглу признается что, состарился и хотел бы посвятить последние годы жизни своей родине и быть похороненным на ее земле. Нариманов тотчас пригласил Ахмед бека в Баку, на ответственную должность. Итак, оставаться в Турции или ехать в Азербайджан?

Как пишет Вилаят Кулиев, автор интересных исследований о роде Агаоглу, и в частности об Ахмед беке, по трезвому размышлению тот в этой дилемме выбрал все же Турцию, решил остаться в ней и не испытывать судьбу.

Но вернемся со времени этой переписки на несколько лет назад.

15 сентября 1918-го года Баку был освобожден Кавказской Исламской Армией и азербайджанскими воинскими частями под командованием Нури-паши и Мурсал Баку-паши (Баку к его фамилии было добавлено после освобождения города).

М.Э.Расулзаде настаивал, чтобы в Баку вошли прежде всего азербайджанские вооруженные силы, или по крайней мере, освободили город совместно с турками. Так и случилось. Исламская Кавказская Армия и молодые воины Азербайджана вошли в город со стороны Волчьих ворот и Баила.

Насиман Якублу в книге “Освобождение Баку” пишет: “14 сентября еще до рассвета Освободительная армия спустившись с Шубанинских гор к Ясамальским холмам заняла позиции у входа в город. После тридцати шести часов кровопролитных боев появился автомобиль Иранского консула с белым флагом. Находящийся в автомобиле армян-

Здание Парламента АДР, ныне здание Рукописного фонда

Стела независимости

ский командующий заявил о готовности сдать город. В боях за Баку шехидами пали свыше тысячи бойцов".

17 сентября из Гянджи в Баку переехало правительство Ф.Х.Хойского и этот город был объявлен столицей Азербайджанской Демократической республики (Шаумян перевернулся в гробу, если он в самом деле в это время был мертв).

Азербайджанская Демократичская Республика - первая демократическая, парламетская Республика на востоке. (Правда, ради исторической справедливости следует вспомнить, что до этого, в течении очень краткого времени просуществовала и Крымско-татарская Демократическая республика). АДР - просуществовала день в день ровно 23 месяца, и в ее истории помимо двух важнейших событий 1918-го года - 28-го мая - Дня провозглашения независимости и 17 сентября, объявления Баку столицей Государства, еще две важные даты того же года - это 7 декабря - Открытие Парламента и 28 декабря - признание законности Азербайджанского правительства со стороны Командования Союзных войск в Закавказье.

Мемориал турецким солдатам в Шехидлер Хиябани

Суверенное Азербайджанское Государство было объявлено Актом о независимости, принятом 28-го го мая 1918. В этом важнейшем документе, под названием "Постановление о провозглашении Азербайджана независимым государством" говорилось:

1. Отныне народы Азербайджана являются носителями суверенных прав и Азербайджан, состоящий из Восточного и Южного Закавказья, полноправным независимым государством.

2. Формой политического устройства независимого Азербайджана устанавливается Демократическая Республика.

3. Азербайджанская Демократическая Республика стремится установить добрососедские отношения со всеми членами международного сообщества, а в особенности с сопредельными народами и государствами.

4. Азербайджанская Демократическая Республика гарантирует в своих пределах гражданские и политические права всем гражданам без различия национальности, вероисповеданий, социального положения и пола.

5. Азербайджанская Демократическая Республика всем народностям, населяющим ее территорию, представит широкий простор для свободного развития.

6. До созыва Учредительного собрания во главе управления всем Азербайджаном стоит Национальный Совет, избранный народным голосованием и Временное правительство, ответственное перед Национальным собранием".

М.Э.Расулзаде отмечал, что обнародовав Декларацию 28 мая 1918 года Национальный Совет Азербайджана подтвердил существование азербайджанской нации в политическом смысле этого слова. Тем самым понятие "Азербайджан" из географического, этнографического, лингвистического превратилось в политическое определение".

Очевидно, читатель заметил что в этом разделе моей работы я большое место уделяю вопросам истории и политики, хотя тема моя "Культура и национальное самосознание".

Дело в том, что само появление на исторической арене независимого Азербайджанского государства и именно под этим названием - обусловлено ожесточенными идейными дискуссиями между разными общественно-политическими силами, но его зарождение прежде всего плод деятельности многих представителей азербайджанской интеллигенции разных поколений, деятелей культуры, литературы, печати, просвещения от Мирзы Фатали Ахундзаде до Мирзы Джалила Мамедкулизаде и других. Именно на их идеях, чаяниях и усилиях оформилось национальное самосознание народа, нашедшее свое высшее воплощение в создании своего суверенного Государства.

Мухаммед Хади

Эти идеи определили характер и строй Государства в форме демократической, парламентской, светской Республики, его географические пределы, да и само название страны.

Очень точно сказал об этом Мирзабала Мамедзаде:

"В формировании мысли о национальной независимости, отразившейся в конечном счете в Хартии о создании Государства, огромную и ценную

роль сыграли деятели нашей культуры от М.П.Вагифа до Гусейна Джавида, от Мирзы Фатали до Узеира, от “Экинчи”до газет “Азербайджан”и “Йени Гафгазья”.

В свою очередь недолгое самостоятельное существование Азербайджанской республики стало мощным стимулом для появления произведений в разных жанрах литературы искусства, проникнутых пафосом чисто азербайджанского патриотизма, (слово “Азербайджан”фигурирует в названии и содержании большинства стихов), благородными идеями тюркской солидарности, воспевания национального флага. С чувством гордости приветствовали независимость Азербайджана такие поэты, прозаик, драматурги, публицисты как М.Хади, А.Шаиг, Наджаф бек Везиров, Ф.Кочарли, А.Ахвердов, С.С.Ахундов, Г.Джавид, Санылы, С.М.Ганизаде,

Джафар Джабарлы

Абдулла Шаиг, Гусейн Джавид, Ахмед Джвад, Сеид Гусейн с картины Октая Садыхзаде

О.Фаиг, С.Мумтаз, А.Музниб, Эмин Абид, Эйналы Султанов, Г.Минасазов, Узеир и Джейхун Гаджибейли, Юсиф Везир, Сеид Гусейн, Уммигюльсум, молодые Ахмед Джавад, Джафар Джабарлы, Али Юсиф и многие другие. Ахмед Джавад автор слов гимна Азербайджанской Демократической республики, музыку к которому написал Узеир Гаджибейли. Они же авторы - соответственно слов и музыки - и песни “Волновалось Черное море” ставшей популярной в Турции и сохранившейся именно в этой стране в течении советского периода истории.

Молодой Джафар Джабарлы - стенографист Парламента, написал не только стихи, посвященные Государственному флагу, но и пьесы “Поко-

рение Эдирне” и “Траблисская война” из истории победоносных турецких войн. Молодой драматург был представлен Нури-паше, который подарил ему часы. На стихи Дж. Джаббарлы “Олкям” (“Моя страна”) написанных в 1919-ом году, уже в советское время Асеф Зейналлы создал романс, ставший жемчужиной вокальной лирики.

Но не только этот текст перешел от времени независимости в советские годы. Многие идеи, темы, национальные ценности литературы того времени, в какой то форме (иногда в весьма завуалированной), продолжали существовать и в советские годы. Несмотря даже на жестокие репрессии 1937 года, которые унесли большую часть вышеназванных литераторов, свеча национальной духовности не погасла и несколько поколений донесли ее до поры восстановления нашей независимости в 1991-м году.

За два неполных года независимости, несмотря на жестокий внешний и внутренний прессинг, Демократическая республика сумела осуществить ряд важных мер в области культуры. В 1919-м году был открыт Бакинский государственный университет, Азербайджанский государственный театр, были созданы Театральное общество, общество писателей и редакторов “Зеленые перья”. Были утверждены важнейшие атрибуты Государства - флаг, гимн, герб.

Выступая на открытии Парламента 7 декабря 1918-го года М.Э.Расулзаде сказал: “На мою долю выпало великое счастье открыть заседание первого азербайджанского парламента и честь поздравить вас, уважаемых депутатов. . . Мы не хотим жить под игом давления, ибо счастье и свобода в независимости. Для этого трехцветное знамя, поднятое Национальным Советом, символизирующее независимый Азербайджан и олицетворяющее тюркскую национальную культуру, исламскую цивилизацию, демократические ценности, современной Европы, вечно будет развеваться над нами.

“ОДНАЖДЫ ПОДНЯТОЕ ЗНАМЯ …”

Последняя фраза стала крылатым выражением и вошла в тюркское национальное сознание наряду с лозунгом Исмаил бека Гаспралы: “Единение в мыслях, делах, языке”и триадой Али бека Гусейнзаде и Зии Гек Алпа “Тюркизироваться, исламизироваться, модернизироваться”.

(Не могу удержаться, чтобы не выразить свою гордость: после 74 лет, в ноябре 1995-го года Первое заседания Милли Меджлиса восстановившего свою независимость Азербайджана, посчастливилось открыть мне).

27 мая 1918-го года, то есть спустя лишь месяц после провозглашения независимости, правительство издало закон о Государственном языке. Турк дили (тюркский язык) был официально объявлен государственным языком Азербайджана. В законе указывалось, что до того, как все овладеют родным языком, допускается использование в учреждениях русского языка.

Молодое Государство подвергалось ожесточенным политическим давлениям и прямым угрозам со всех сторон. С Юго-Запада непомерные армянские притязания покрывали почти всю территорию Азербайджана. Ультра-националисты в Армении, стране не имеющий вообще выхода к морю, мечтали о некоей супердержаве с берегами у двух морей. Бредовая идея “Великой Армении от моря до моря”предполагала, что границы этой

мифической супердержавы будут омываться через захваченные территории Турции не только Черным, но и Средиземным морем.

Перечисляя в Меморандуме, предъявленным весной 1919 в Париже армянской делегацией великим союзным державам 7 вилайетов Турции, целиком Эриванскую, частично Тифлисскую, Елизаветпольскую губернии, предлагали включить их в состав Великой Армении планируя создать государство от моря до моря, от Карабахских гор до Аравийских пустынь.

- Как можно было осуществить это империалистическое требование? - задается законным вопросам сам Качазнуни и сам же отвечает на него: Ни армянское правительство, ни руководящая партия Дашнакцутюн и в мыслях не имели такого абсурдного проекта. Как же случилось, что делегация выставила требование “от моря до моря?” Это странно и невероятно, но армянский Париж (т. е. эмигрантские круги - А.) выдвинул эти требования, а наша делегация поддалась господствующему в колониях настроению - явление, весьма знакомое нам”

И нам - добавлю я, проецируя сказанные Качазнуни на наши дни. Именно зарубежная армянская диаспора, сама живущая комфортно и в достатке, спровоцировало, субсидировало и продолжает субсидировать, пропагандистки обеспечивать движение Миацум в Армении и Карабахе, в результате этой бесперспективной авантюры прежде и больше всего пострадал и продолжает страдать сам армянский народ, в этом смысле поистине многострадальный.

Даже А.Микоян, которого трудно заподозрить в симпатиях к туркам писал в 1919 году: “Армянские шовинисты, опираясь на поддержку союзнического империализма и черносотенного генерала Деникина, еще лелеют химерическую, ставшей преступной идею создания “Великой Армении” в исторических (? - А.) ее пределах от Черного моря почти до Средиземного в составе семи вилайетов. Отсутствие армян и наличие исключительно мусульманского населения на этой территории не смущает их. “Великая Армения” может опираться не на волю большинства населения, а будет навязана ему силой империалистического оружия, будет насаждаться кровью и железом на грудах развалин и невинных трупов “инородцев” путем очистки “Армении” от преступных элементов, от мусульман. Программа создания такого зла и кошмара насилия успешно поддерживается союзническим империализмом, надеющимся в лице армян найти наилучших, наиболее способных и преданных своих агентов, через которых он хочет грабить Турцию, превратив ее в колонию, в область применения финансового капитала союзников”.

Ай да Микоян, ай да молодец!

(Цитату привожу из книги Джамиля Гасанлы “Внешняя политика Азербайджанской демократической республики (1918-1920)”).

В течении этих двух с неполных лет, армянские власти флиртовали то с Деникиным, являясь по их собственному признанию авангардом деникинской Добровольческой Армии в борьбе с Грузией и Азербайджаном, то с большевиками, надеясь за свои услуги получить часть азербайджанских земель.

С юга к бедному Азербайджану свои притязания выдвигало Иранское Государство. Его представитель на Версальской Конференции предъявил Меморандум со следующими требованиями:

“На севере есть города и области, отторгнутые от Персии, после русских войн. Мы намерены оспаривать города Баку, Дербент, Шеки, Шемаху, Гянджу (Елизаветполь), Карабах, Нахичевань, Эривань. Эти области должны были возвращены Персии, так как они уже составляли часть Персии”.

Самое обидное было то, что против независимости Азербайджана, самого названия страны, выступали не только официальные лица Ирана или ярые персидские шовинисты, но даже такие демократы - азербайджанские тюрки, как старый друг М.Э.Расулзаде Сеид Гасан Тагизаде, а чуть позже руководитель освободительного движения в Южном Азербайджане Шейх Мухаммед Хиябани.

“Даже С.Дж.Пишевери, впоследствии ставший лидером национального движения иранских азербайджанцев во время второй мировой войны, в 1918 году придерживался позиции неприятия независимости Азербайджана, также считая его исторической областью Ирана”, - пишет А.Балаев.

Но самую большую и реальную опасность представляли силы, угрожавшие Азербайджану с севера. В начале нашей независимости эта была Армия генерала Деникина. Советское правительство, которое боролось с Белой армией, предлагало Азербайджану заключить Союз против Деникина. Министр иностранных дел Фатали хан Хойский в ответ на ноту Народного Комиссара по иностранным делам Советской России Чичерина отвечал, что готовы заключить такой Союз, но для этого Советское правительство должно прежде всего признать независимость Азербайджана. Чичерин уклонялся от этого, ибо понятно, что дело не в Деникине, победив его Советская Россия, сама будет иметь виды на Азербайджан.

Ф.Х.Хойский писал советскому Наркоминделу: Ни в одной из двух радиограмм Народного Комиссара Чичерина не было ясно и категорически выражено безусловное признание независимости Азербайджанской республики, тогда как подобное признание было сделано Советским правительством в отношении Польши, Финляндии и Эстонии, несмотря на тот факт, что Советское правительство было даже в состоянии вооруженной борьбы с ними.

Оказалось, что фарисейством была не только декларация, подписанная Ленином о самоопределении народов России вплоть до отделения, но и всякие разглагольствования Западных демократов о равноправии, справедливости, свободе. Миром правят лишь эгоистические интересы больших держав, которым нет дела до малых. Страны победители в Первой мировой войне были враждебно настроены по отношению к большевистской России, но им было совершенно безразлична и судьба народов, с таким трудом добившихся независимости. В уже упомянутой замечательной книге Джамиля Гасанлы о внешней политике Азербайджана в 1918-1920 годах, приводится множество огорчительных фактов, касающихся того, каких усилий и унижений стоило азербайджанским дипломатам стремление донести правду о положении своей страны до так называемой мировой общественности. Опять невольно возникают ассоциации с сегодняшней действительностью, когда относящиеся друг к другу, мягко говоря, весьма прохладно США, Россия и Франция в рамках Минской группы трогательно единодушны в индифферентном отношении к кровоточащей карабахской проблеме.

А в далеком 1920-ом году Деникин был разгромлен Советскими войсками и Одиннадцатая Красная Армия оккупировав Дагестан вышла напрямую к границам Азербайджа-

на. Угроза стала неизбежной реальностью. Незадолго до краха Азербайджанской Республики, Ф.Х.Хойский обращается с письмом к Чичерину.

“После того, как Дагестан был очищен от деникинских войск, народ Азербайджана надеялся жить в мире, не опасаясь Севера…. Между тем наблюдаются значительное сосредоточение вооруженных сил Советского правительства в пределах Дагестана в районе Дербента вблизи границы Азербайджанской республики. Правительство Азербайджана не зная о намерениях Советского правительства, просит, чтобы его немедленно информировали о причинах и целях сосредоточения войск в вышеупомянутых районах”.

Эта была последняя, отчаянная акция Азербайджанской дипломатии перед большевистской оккупацией.

Ответа на ноту Ф.Х.Хойского не последовало. Ответ пришел на бронепоезде и штыках XI Красной Армии.

Самое горькое в судьбе Азербайджана было то, что помимо внешних врагов в самой стране действовала “пятая колонна”, вернее несколько “пятых колон”. Узеир Гаджибейли писал в 1919-м году: “Есть один Деникин, который угрожает нам извне. И есть много деникиных, гложущих нас изнутри”.

И в самом деле, независимость Азербайджана не воспринимали внутри страны самые различные силы. Открытыми или скрытыми врагами независимости Азербайджана были и члены его Парламента - не только армяне-дашнаки и русские черносотенцы, но и сами азербайджанцы - члены партии “Гуммет” или возглавляемой Гара бек Гарабековым клерикальной партии “Иттихад”. Некоторые были прямыми агентами Москвы - это прежде всего Азербайджанские большевики. Любопытен и такой факт: Гара бек Гарабеков, - по свидетельству турецкого журналиста и политического деятеля Мухиддина Биргена, - “в свое время секретные инструкции, вверенные ему партией “Единение и Прогресс”для организации на Кавказе национального движения, изменнически передал царскому правительству”.

Были и люди, не связанные непосредственно с Москвой и с большевиками, но полагающие, что Азербайджан не сможет просуществовать самостоятельно. Поэтому одни видели Азербайджан в составе России, другие в форме Конфедерации с Ираном или присоединенным к Турции. Протурецкие элементы, как это не прискорбно отмечать, сыграли немаловажную роль в советизации Азербайджана.

Насиб бек Усуббеков, Премьер-министр Азербайджана направил денежную помощь Мустафе Кемалу в декабре 1919 года, но как пишет Святоховский, это не изменило общей ситуации в отношении Турции к большевистской угрозе Азербайджану.

Гасан Гасанов в книге о Нариманове пишет: “В телеграмме, которую послал из Ростова в Москву Орджоникидзе, говорилось: Мустафа Кемал паша просит Азербайджан пропустить советские войска через свою территорию, дабы они вышли к границе Турции для ее защиты”. Характерно и письмо Халил-паши Ататюрку: “Я двинусь на Баку, а оттуда в Иран”.

Кязым Гарабекир-паша, имевший большие заслуги в защите азербайджанцев в Нахчевани от дашнакских банд, считал, для будущего исламского мира необходимо большевизация Азербайджана”.

Кязым Гарабекир

Конечно, подобная ситуация, в значительной степени, диктовалась объективными причинами. Турецкий историк О. Коджамин отмечает, что “Наступление британских войск на Стамбул 16 марта 1920 года оказало решающее влияние на характер советско-турецких отношений, склонив таких видных турецких лидеров, как Кязым Гарабекир и Фазиле Чакмак, к идее наладить связи с большевиками для получения от них военной помощи”.

Об этом пишет и азербайджанский историк Муса Гасымов: “Стремление англичан задушить большевизм в колыбели, а также захватить турецкие земли, сделали Анкару и Москву союзниками”.

Россия соглашалась доставлять кемалисткой армии оружие и боеприпасы, а также оказать финансовую помощь. Взамен турецкая сторона отказывалась от всяких притязаний на Закавказье, признав этот регион сферой влияния Советской России.

Я полагаю, что эти факты лучше изложить словами вышеупомянутого Мухиддина Биргена,

Третий слева Мустафа Кемаль, Кязым Гарабекир, Февзи Чакмак

работавшего в 20-х годах в Азербайджане. Вот как характеризует М.Бирген одного из главных фигурантов в оккупации XI Красной Армией Азербайджана, турецкого генерала Халил пашу.

“Эти неблагодарные и аморальные люди, - отмечает М. Бирген, - во главе с авантюристом Халилом пашой сыграли гнусную роль, в пользу подпольной работы русских большевиков подготовлявших советизацию Азербайджана”.

Далее М.Бирген пишет: “Халил паша 27 апреля 1920 года выезжает в Баку, чтобы принять командование Красной армией, будто бы идущей на помощь Анатолии, но командование отправляет его для объяснения в Москву, к товарищу Ленину, и он больше в Баку не возвращается”.

Халил паша - дядя Энвер паши и Нури паши.

Азербайджанский историк - эмигрант Г.Байкара считает, что подлинной целью Халил паши было обеспечить лидерство Энвера паши в освободительном движении Турции.

Халил паша

Мустафа Кемаль Ататюрк

Но необходимо отметить и то, что по мере укрепления Турции как независимого и достаточно сильного Государства, в 1933 году К.Ататюрк в одной из речей выразил свое стратегическое видение будущих взаимоотношений Анкары с тюркскими республиками Советского Союза:

“Сегодня Советский Союз наш друг, сосед и союзник. Мы нуждаемся в этой дружбе. Но никто не может знать, что произойдет завтра. Подобно Османской или Австро-Венгерской империй может разделиться, развалиться (имеется ввиду СССР - А.). Нации, которые он (СССР - А.) крепко держит в руках, могут разбежаться. Мир может вступить в новые соотношения. Поэтому Турция должна знать, что следует делать в этой

Памятник Ататюрку в Баку

ситуации. Сегодня под управлением этого нашего друга живут наши братья, с которыми у нас общий язык, общая вера. Мы должны быть готовы позаботиться о них. Быть готовым - не значит молча ждать того дня. Надо готовиться? Как готовятся нации к этому? Строя духовные мосты. Языковая общность один из этих мостов. Вера - один из мостов. История - один из мостов. Мы должны опуститься к своим корням и воссоединиться внутри нашей разъединенной событиями истории. Мы не можем ждать, чтобы они приблизились к нам. Мы сами должны приблизиться к ним".

А в апреле 1920 года в Азербайджане близилась трагическая развязка. XI Красная армия уже перешла северные границы Азербайджана и двигалась в сторону Баку. Отборные части молодой Азербайджанской Армии сражались с армянскими захватчиками в Карабахе. Немногочисленные вооруженные силы на Северных границах

Генерал Самедага Мехмандаров

страны не были в состоянии оказать какое-либо серьезное сопротивление наступлению Красной армии.

Министром обороны Азербайджана был генерал Самед ага Мехмандаров, а его заместителем генерал Алиага Шихлинский, оба прославленные царские военачальники, герои Порт-Артура. А.Шихлинский заслужил прозвище “бог артиллерии”.

С.Мехмандаров прямо заявил, что сопротивление наступающим частям - бессмысленно, мы продержимся лишь в течении нескольких часов. М.Э.Расулзаде пытался возразить, что даже эти несколько часов важны для истории. В ответ в самом Парламенте обвинили Расул-заде и мусаватистов в нежелание оказать помощь… Турции (! - А.) Ведь наряду с вооруженной акцией в отношении Азербайджана советская власть пустила в оборот эффектный пропагандистский трюк - якобы Красная армия под командованием турецких офицеров направляется в Анатолию на помощь кемалистам. Получалось, что именно Азербайджанские власти препятствуют помощи Турции в ее освободительной борьбе против западных империалистов. Особенно ратовал за беспрепятственный приход советских войск член парламента большевик Алигейдар Караев. Отвечая Караеву Расулзаде сказал: “Я здесь слышал речь не члена азербайджанского парламента, а уполномоченного России, агента России. Вы не поборник независимости, а заговорщик, пытающийся ее уничтожить”.

Генерал Алиага Шихлинский

Адмирал Асланбеков

Депутат А.Гараев применяя в Парламенте непарламентские выражения угрожает М.Э.Расулзаде: - Я выколю твои глаза, - Ты уже выколол глаза нации! - парирует Мамед Эмин и добавляет: - Алигейдар, вспомнишь меня, когда товарищи будут расстреливать тебя.

Интересно, вспомнил ли А.Гараев перед расстрелом эти слова Расулзаде.

Ужасно то, что капитулянские речи Гараева встречались аплодисментами даже в самом парламенте. В том числе турецкими представителями, сидевшими в ложе для почетных гостей. Как отмечает А.Балаев "Подобное поведение турецких представителей в Азербайджане было следствием достигнутых договоренностей между кемалисткой Турцией и большевистской Россией, которые стали одним из ключевых факторов, приведших к падению АДР".

27 апреля в 12 часов дня азербайджанскому парламенту был предъявлен ультиматум следующего содержания: "Красный флот Социалистической Советской Азербайджанской Республики (оказывается уже было название фактически пока еще не существующего государства - А.) предлагает вам немедленно сдать власть Советскому Рабоче-крестьянскому правительству во главе с тов. Н.Нариманов ым. Красный флот в этом случае гарантирует спокойствие и мир всему населению Баку без различия национальностей. Командующий Красным флотом Советского Азербайджана Чингиз Ильдрым".

Самого Наримана Нариманова в это время в Азербайджане не было. Так впервые в истории была испытана модель, которую затем не раз Советская власть применяла в отношении разных стран - Грузии в 1921-ом году, прибалтийских стран в 1940, Венгрии в 1956, Чехословакии в 1968, Афганистана в 1979 годах. Суть этой модели заключалась в том, что вне пределах оккупируемой страны создается ее марионеточное правительство и на советских штыках эта "власть" внедряется в саму страну. Еще на памяти имена таких внедренных извне в собственную страну лидеров - Янош Кадар, Густав Гусак, Бабрак Кармал.

Чингиз Ильдрым

Для обсуждения Ультиматума Парламент собрался на экстренное вечернее заседание. Пока шло обсуждение ультиматума орудия Каспийской военной флотилии были направлены на здание парламента.

Член парламента М.Г.Гаджинский, который был назначен Председателем Комиссии для переговоров с коммунистами, сообщил, что власть должна быть сдана коммунистам до 7 часов вечера. Если их условия будут приняты Красная Армия не войдет в Баку. Все чиновники останутся на своих должностях. Меняются лишь члены правительства и их места занимают только азербайджанцы, разумеется, коммунисты. Партии, представленные в парламенте, смогут продолжить свою деятельность, по отношению к ним, как и к членам правительства не будут предприняты ни-

какие административные меры. Представители клерикальной партии “Иттихад”, партии “Эхрар”и социалистической фракции единодушно высказались за передачу власти большевикам. Социалист Самед ага Агамалыоглу решил сострить в этот трагический момент, вспомнив название комедии Узеира Гаджибейли: “О олмасун, бу олсун” (“Не та, так эта”) то есть если не мусаватисты, так коммунисты. М.Э.Расулзаде и Ш.Рустамбеков выступили против принятия ультиматума. М.Э.Расулзаде заявил: “Господа! Мы остались перед лицом агрессивного ультиматума… Утверждают, что прибывшая из России оккупационная армия отправиться на помощь Турции. Если даже командующий армией вторгшийся в пределы Азербайджана без нашего разрешения, является турком, от этого она вовсе не перестает быть русской и оккупационной. Ее целью является восстановление границ в пределах 1914 года. Придя сюда под предлогом оказания помощи Анатолии, эта оккупационная армия никогда не покинет наши пределы”.

Стенограмма последнего заседания парламента сохранила и ремарку о том, что после принятия решения о фактической капитуляции Шафи бек Рустамбеков заплакал.

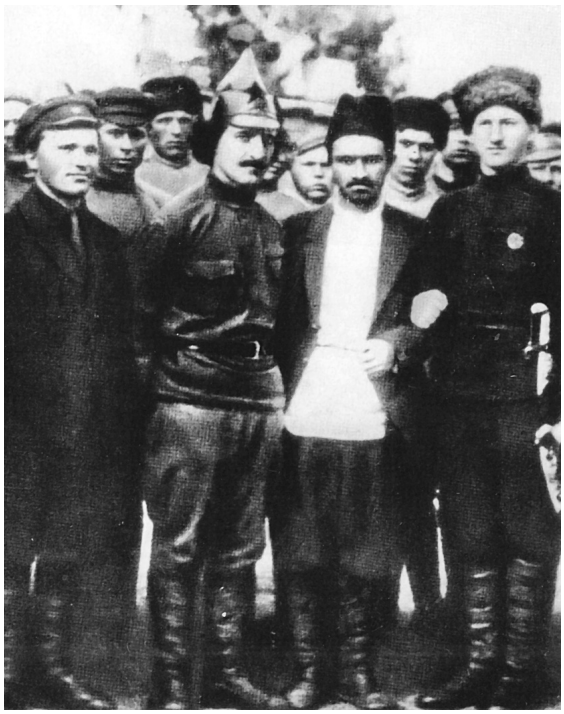
ОККУПАЦИЯ

К утру 28 апреля Баку был занят XI Красной армией, вслед за которой шли турецкие офицеры во главе с генералом Халил-пашой, агитировавшие азербайджанцев не оказывать сопротивление большевикам. Как докладывал Г.К.Орджоникидзе В.И.Ленину сразу после взятия Баку большевистскими частями, “весьма активную роль в пользу революции сыграли турецкие аскеры и офицеры”.

В первый же день установления новой власти были нарушены все пункты ее соглашения с парламентом. Вопреки уверениям о том, что войска не войдут в Баку, они, конечно же вошли в город. Ведь еще 17 марта 1920 года Ленин писал: “Взять Баку нам крайне необходимо. Причем в заявлениях быть сугубо дипломатичными”.

Вот какой дипломатии учил Владимир Ильич своего ученика Шаумяна - лицемерию и коварству. В один и тот же день Ленин дает две телеграммы - Нариманову: “Да здравствует независимый Азербайджан” и Орджоникидзе: “Берите всю полноту власти в свои руки”.

Естественно никакого направления в Анатолию на помощь Турции и не помышлялось. И, наконец, был нарушен еще один, жизненно важный пункт соглашения - арестованы все члены руководства Республики, не успевшие скрыться, были расстреляны видные политические и общественные деятели Фирудин бек

“Освободители” Азербайджана Слева Киров, Орджоникидзе, Микоян, Ефремов 28 апреля 1920 г. в Баку

Гасан бек Агаев

Исмаил хан Зиятханов

Кочарли, Худадат бек Рафибейли, Исмаил хан Зиятханов, Мамед Багир Шейхзаманлы, расстреляны все высшие офицеры Азербайджанской армии. Пули наемных убийц достигли Фатали хана Хойского и Гасан бека Агаева в Тифлисе, Бехбуд бека Джаваншира в Стамбуле, Несиб бека Усуббейли в самом Азербайджане.

Был расстрелян весь высший офицерский совет Азербайджанской армии, генералы и полковники: Сулкевич, (Начальник штаба, бывший председатель Крымского правительства), И.Усуббеков, Принц Эманулла Мирза Гаджар, принц Кязым Мирза Гаджар, Гадим бек Гейтабаши, Габиб бек Салимов, С.Герай Тлехас, Макаев, Рустам бек Шихлинский, Алиев, Искандер Сейхулин…

Азербайджанская Республика подписывала договор с Грузией о взаимопомощи в случае агрессии. Когда премьер-министру Грузии Н.Жордания был задан вопрос, почему же Грузия не выполнила своих договорных обязательств, не пришла на помощь Азербайджану, он ответил: мы пришли бы на помощь, если бы сам Азербайджан оказал бы сопротивление.

Чувствуя, что рано или поздно такая же участь ждет и меньшевистскую Грузию, для солидарности с ней в Тифлис приехали деятели Второго Интернационала во главе с К.Каутским. Один из руководителей II Интернационала Ренодель открыто призывал Грузию к войне с Советским Азербайджаном: “Грузия должна стать во главе народов Закавказья и освободить несчастных азербайджанцев от коммунистов, которые уничтожают всякую свободу”.

И в самом деле, столь безропотное и покорное подчинение агрессивным действиям, пусть несравненно более сильной стороны, легло бы позором на страницы нашей истории, если бы спустя месяц не произошло Гянджинское восстание.

ГЯНДЖИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Джейхун бек Гаджибейли справедливо задавался вопросом: Как случилось что мы, азери, так легко, без сопротивления, без протестов уступили свою богатую и цветущую страну ястребам. Почему не сделали ничего, чтобы смыть это черное пятно? Где же на-

ша гордость? Наше достоинство? Гянджинское восстание - эта целая эпопея, утвердившая вновь нашу честь и достоинство. И в то же время символ различия нации от политиков, пекущихся лишь о своей славе.

В любом случае тюркская кровь, пролившаяся в мае в Гяндже, смыло пятно позора 27 апреля".

В книге покойного Ханлара Байрамова "Гянджинское восстание 1920" указаны следующие причины этого знаменательного события:

1. В этом городе силен дух свободолюбия еще со времен восстания Бендера (средневековый бунтарь - А.) и сопротивления царским войскам со стороны Джавад хана.

2. 10 мая в Гяндже начались репрессии, были арестованы самые видные деятели города Худадат бек Рафибейли, Исмаил хан Зиятханов (потомок Джавад хана), Мамед Багир Шейхзаманлы, загадочно исчез Несиб-бей Усуббейли (как выяснилось позже убитый наемным убийцей в одном из районов Азербайджана - А.), вынуждены были покинуть родину гянджинцы Гасан бек Агаев, Халил Хасмамедов, Фатали хан Хойский, Наги Шейхзаманлы и другие.

Халил Хасмаммедов

3. Сообщения о том, что в Баку и в других городах под именами беков, ханов, помещиков, мусаватистов жестоко преследуются и арестовываются множество достойных людей, отбирается их имущество".

Далее Х.Байрамов пишет: "После долгих лет исследований этих событий в Гяндже я пришел к выводу, что актом переполнившим чашу терпения народа был арест 10 мая Худадат бека Рафибейли попытка увезти его в Баку. Народ с оружием в руках хотел вырвать его из рук конвоиров на вокзале, но сам Худадат бек решительно воспротивился этому: - Я прожил всю свою жизнь с честью и ни в чем не виноват, - сказал он обращаясь к толпе.

- Прошу не проливайте крови, чтобы это не легло пятном на весь наш род".

Наги Шейхзаманлы

Другой видный исследователь, писатель-публицист Рафаэл Гусейнов, автор уникальной книги о роде Рафибейли, пишет: "Худадат бек пожертвовал собой, чтобы спасти свой род и свою семью от жестоких возмездий со стороны властей".

Журналисты Азад Шарифов и С.Абдуллаева в статье "Не признаю себя виновным", посвященной Х.Рафибейли пишут: "Арестованному Рафибейли

Худадат бек Рафибейли

было предъявлено несколько обвинений, в том числе преследование большевиков, членство в мусаватской партии. Но к мусавату, как, впрочем к никакой другой политической партии, Худадат бек не принадлежал. На допросе, протокол которого, к счастью, сохранился, он полностью отрицает свою причастность к преследованиям большевиков. Доказательство тому, говорил он, служит открытая деятельность в Гяндже, ярых большевиков. Но главное обвинение другое - поджог армянских сел и притеснение населения губернии".

Авторы приводят два доноса, подписанные армянами и добавляют: "Любопытно, что оба доноса датированы 12 мая, т. е. днем, когда Рафибейли был арестован. Достоверность приведенных в них фактов никем не проверялась. Да нужно ли это было? Заработала изуверская машина репрессий, и одним из первых жертв стал Худадат бек Рафибейли. Ни одного документа, подтверждающего вину Рафибейли, не считая, конечно, дюжины доносов армян, в деле нет. На что в таком случае надеялись следователь Сафикян и те, кто стоял, за его спиной? Быть может на метод выбивания "чистосердечного признания? ". Рафибейли, что называется не оправдал этих надежд. "В предъявленном обвинении не считаю себя виновным, - говорил он на допросе. - Если бы я мог представить документы, все имающиеся в моем распоряжении доказательства, то было бы ясно, что я невиновен".

Такой возможности ему не дали. Ему не дали и последнего слова. Спешно, в тайне от людей Худадат бека вывезли июньским днем на один из небольших островов на Каспии и расстреляли. Его жизнь оборвалась в 43 года".

Неоднократные репрессии, ссылки, аресты и казни коснулись и многих его родственников. Позже советские историки инкриминировали Худадат беку и организацию самого Гянджинского восстания, хотя оно произошло спустя две недели после его ареста и отправки в Баку.

Джамиль Гасанлы в книге "Внешняя политика Азербайджана в советский период (1920-1939)" пишет: "Арестованный 12 мая и переправленный в Баку губернатор Гянджи Худадат бек Рафибейли и 76 высокопоставленных офицеров Национальной армии, арестованные на следующий день после начала восстания, были расстреляны на острове Нарген".

По мнению Дж.Гасанлы для понимания настоящей сути кровавых событий в Гяндже исключительно важное значение имеет доклад руководителя турецких коммунистов Мустафы Субхи, направленный ЦК АК (б) П, Азревкому и Г.Орджоникидзе. В этом докладе М.Субхи отмечает, что среди причин гянджинского восстания главную роль сыграл арест губернатора Х.Рафибейли. Этот факт признавал и Комиссар по иностранным де-

лам М.Д.Гусейнов. После ареста Худадат бека, ряд видных представителей гянджинской интеллигенции, и среди них его двоюродный брат Джавад бек Рафибейли прибыли в Баку и обратились к Нариманову с целью спасти гянджинского губернатора. Но, увы, уже было поздно. Худадат бек был расстрелян.

Джангир Кязымбейли

Основной организатор и руководитель гянджинского Восстания полковник Джангир бек Кязымбейли в своих воспоминаниях отмечал, что оно началось 25 мая и было окончательно подавлено в ночь с 3 на 4 июня.

“Джангир Кязымбейли родился в 1888 году в Гяндже. Окончил Петербургскую Военно-летную Академию, участвовал в Первой мировой войне, - пишет доктор философских наук Этибар Наджафов. - После провозглашения Азербайджанской Демократической Республики вернулся на родину и возглавил один из полков Гянджинского гарнизона. Джангир бек был человеком далеким от политики, не входил ни в какую партию. Главным смыслом всей его жизни было служение Отечеству”

После подавления восстания Джангир беку удалось спастись и переправиться за границу. Эмигрантом он и прожил всю последующую жизнь в Турции, Польше, Италии, Германии. Умер в Берлине в 1955 году. Ханлар Байрамов познакомился в Стамбуле с сыном Джангир бека и получил от него рукопись легендарного полководца о гянджинском восстании.

“Гянджинское восстание по своему упорству и понесенным жертвам является одним из крупнейших восстаний - пишет Дж.Кязымбейли. - Главнейший причиной этого восстания является характер азербайджанского народа, всегда боровшегося за свою честь, свободу и независимость. Большевики 27 апреля 1920 года обманным путем, без борьбы захватившие Азербайджан, сразу же приступили к советизации страны, совершенно не считаясь с особенностями народа, игнорируя его характер, традиции, веру и применяя крайний террор и жестокость”.

Желающие более подробно ознакомиться с деталями подготовки восстания и его ходом могут обратиться к книге Х.Байрамова, в которую воспоминания Дж.Кязымбейли включены полностью на азербайджанском и русском языках.

Важен вывод к которому приходит Джангир бек: “Кровь, обильна пролитая в этот исторический день героическими защитниками города, каким бы не был исход борьбы всегда будет символом его моральной победы”.

За гянджинским восстанием последовали аналогичные события и в других городах Азербайджана - в Тертере, Шуше, Агдаме, Шеки, Закатале, Губе и все они были подавлены самым жестоким образом. В особо секретно-оперативной директиве начальника штаба XI Красной армии от 26 мая 1920 года говорилось: “В Елизаветполе (сразу же по-

сле советизации Гянджу снова стали называть Елизаветполем - А.) идет восстание, в Тертере только что подавлено такое, в Баку как будто бы готовится, возможно ожидать всеобщего восстания. Начальникам районов при подавлении восстания не ожидать приказа, действовать самостоятельно, проявляя полную инициативу для беспощадного истребления восставших, расстреливая без суда все подозрительные элементы. Для предупреждения восстания взять четырех заложников для будущих расстрелов в случае восстания из среды наиболее видных и влиятельных слоев населения. Мелкие вспышки подавлять с суровой жестокостью и беспощадностью".

Надо ли объяснять откуда идут корни современного террора и практика расстрела заложников?

Один из большевиков азербайджанцев, отличившийся особенной жестокостью в подавлении Гянджинского восстания, выступая с балкона Бакинского Совета бахвалился:

- Знайте, что я не оставил в Гяндже ни одного человека с папахой (бир башы папаглы гоймадым). То есть не оставил в живых ни одного мужчины. Спустя 17 лет после жесточайших пыток расстреляли как самого этого оратора, так и его жену и брата жены.

РЕВОЛЮЦИЯ, НАЧАВШАЯСЯ С ТЕРРОРА

Утвердив террор, как форму укрепления собственной власти она, власть, и сама оказалась заложницей террора.

Начав свою политическую биографию с террора, "избиения младенцев" - убиение царской семьи с детьми, в том числе с сыном, цесаревичем Алексеем - больным гемофилией подростком, большевики всю свою историю построили на терроре - начав этот путь еще при жизни Ленина и при всевластии Троцкого, Свердлова, Дзержинского. Пик террора был достигнут в Сталинское время. Сталин, которого Троцкий называл самой выдающейся посредственностью в партии, одного за другим уничтожил всех ярких личностей в руководстве, причем их же собственными руками, вернее, руками друг друга…

Разрушительная стихия октябрьского переворота наиболее сконцентрировано воплотилась в Троцком и Сталине. Невозможно отлучить Троцкого (как это делалось при Сталине) и самого Сталина (как это делалось при Хрушеве) от самой сути революции, самой ее логики, постольку, поскольку мы признаем ее разрушительное начало. Невозможно разрушение без ярости, без слепого озлобления, ненависти к разрушаемому. В психологической сердцевине революции стоит чувство зависти. Где-то я читал про знаменательный диалог между революционером 1917 года и правнучкой декабристов.

- Что вы хотите? - спрашивает правнучка

- Мы хотим, чтобы не было богатых.

- А мои прадеды хотели, чтобы не было бедных.

Это принципиально разные позиции. Одно дело стремиться улучшить состояние бедных, другое дело уничтожать богатых, при этом ни на йоту не улучшив жизнь люмпенов. В этом смысле и сейчас, когда так яростно говорят про олигархов, ни в коем случае не оправдывая неправедные богатства последних, я полагаю, что ненависть к ним диктуется прежде всего чувством зависти. Это наглядно проявилось и в событиях в Азербайджане начиная с конца 80-х годов прошлого столетия и до наших дней.

Возвращаясь к Сталину и Троцкому, можно сказать, что оба они воплощали эту слепую ярость революции, заквашенную на зависти, конечно, с индивидульными отличиями, нюансами в характере, судьбе, жизненном опыте каждого. Сталин в детстве и юности вытерпел социальное унижение, Троцкий - национальное. Но в силу отличия темпераментов революционная ярость у Троцкого воплотилась в романтически выспренной форме, а у Сталина в бухгалтерски-заземленной. Но всякая слепая ярость, одинаково закономерно переходит в необузданную жестокость, которая так же неизбежно становится самоцелью, самовыражением, самоутверждением.

Говорят революция пожирает своих детей, но правомерно ли называть Революцией большевистский переворот в Октябре 1917 года или это был просто заговор группы хорошо организованных фанатиков. У поэта С.Я.Маршака есть емкое определение: “Мятежи не кончаются удачей, или их называют иначе” (цитирую по памяти). Мятеж окончился удачей и его назвали Великой Октябрьской Социалистической Революцией. Он может считаться революцией в том смысле, что как всякая революция и эта пожрала своих детей. И не только в Центре, но и на периферии.

А в чем собственно суть Революций вообще? Очевидец “окаянных дней” России, великий И.А.Бунин писал: “Революция есть только кровавая игра в перемену местами, всегда кончающаяся только тем, что народ, даже если ему удалось некоторое время посидеть, попировать и побушевать на господском месте, всегда в конце концов попадает из огня, да в полымя”.

А специфическая особенность Октябрьского переворота, самым ярким и емким образом выражена в “Интернационале” - гимне коммунистов:

“Весь мир насилия мы разрушим, а затем…” Но дело в том, что насилие не разрушили, но ЗАТЕМ его стало гораздо больше. И еще одна примечательная фраза из этого гимна: Кто был ничем тот станет всем”. Этого, пожалуй, удалось добиться…

Так каков же вывод? Значит слова М.Э.Расулзаде о том, что “однажды возвысившееся знамя больше никогда не опуститься”, не подтвердились.

Нет, история все же подтвердила их, и не только тогда, когда по инициативе Гейдара Алиева это трехцветное знамя было поднято в Нахичевани как атрибут автономной республики, а потом стало и официальным знаменем всего Азербайджана. Но они, эти слова, оказались верными еще и потому, что недолгое существование независимого Азербайджана стала причиной сохранения его государственности, пусть и в формальном виде, как четкого административно-географического понятия, с тем же названием, почти в тех же границах и с той же столицей.

Приведу еще одну цитату из книги А.Балаева (в этом разделе я обильно использовал его книгу, порой даже не ссылаясь). А.Балаев пишет: “Большевики для которых еще в 1918 году даже упоминание о независимости Азербайджана было равносильно проклятию, вынуждены были считаться с реалиями, созданными за 23 месяца независимости Азербайджана. И в первую очередь им пришлось смириться с тем фактом, что Азербайджан стал реальностью на политической карте мира. Поэтому большевики вынуждены были отказаться от планов расчленения азербайджанских земель между соседними республиками - Грузией, Арменией и Российской Федерацией и согласиться на сохранение хотя и в номинальной форме национальной государственности”.

Ленин (ковер)

К этим словам остается добавить, что и Сталин был за расчленение Азербайджана на области, без сохранения ее в качестве республики. За это были и некоторые азербайджанские большевики. Мирза Давуд Гусейнов и Алигейдар Караев ратовали за то, чтобы Азербайджан был включен в состав Российской Федерации. Против этого категорически выступал Нариман Нариманов.

“За неделю до отъезда из Москвы, я целый час докладывал товарищу Ленину об Азербайджане, информировал его о внутреннем и внешнем положении республики, мы беседовали о том, как действовать, чтобы Азербайджан был вечно счастливым”.

Нариманов, очевидно, убедил Ленина в необходимости создания самостоятельной Азербайджанской республики. Более того, Ленина интересовали лишь Баку (естественно из за нефти) и прибрежная полоса Азербайджана. Нариманов же доказал ему, что “без Азербайджана нет Баку, и без Баку нет Азербайджана”. Именно под влиянием Нариманова сложилась позиция Владимира Ильича о будущем устройстве Азербайджана. Один из азербайджанских коммунистов Дадаш Буньятзаде писал о встрече с Лениным в ноябре 1918-го года:

“Я сообщил Ленину, что в нашей стране существует два течения: первое - при освобождении Баку и Азербайджана нужно создать самостоятельную Социалистическую Советскую Республику, второе - никакой республики не надо, необходимо разделить Азербайджан на губернии и присоединить к РСФСР.

Ильич по этому поводу прямо сказал, что первое мнение о создании самостоятельной республики - правильно, а второе является колонизаторством и даже глупостью”.

Обратите внимание когда этот разговор происходит - в ноябре 1918 года! Уже почти полгода Азербайджан существует как независимое, суверенное Государство. А в столице другого государства его руководитель обсуждает с неизвестно кого представляющим человеком, будущую судьбу чужой страны. И это, убежден Ильич, не колонизаторство.

Дадаш Буньятзаде

О характере “независимости” советского Азербайджана свидетельствует и такая телеграмма Владимира Ильича Нариманову: “Ни в коем случае не заключайте договора ни с германцами, ни с кем-либо другим о внешней торговле без согласия Обл-внешторга и без санкции Цека РКП. Ответьте телеграфно о получении и исполнении, а затем письмом сообщите все подробности. Ленин”.

И все же провозглашенный 28 мая 1918 года как независимое Государство Азербайджан сохранился - как политическая, административная и географическая единица.

Нариманов признавался, что идея азербайджанской независимости связана с партией Мусават и ее лидером М.Э.Расулзаде.

Как же сложилась судьба самого Расулзаде после 28 апреля 1920 года? Ему удалось скрыться в глухом селение Лагич и написать там книгу “Сиявуш нашего времени”.

Перечитывая в Лагиче монументальную эпопею “Шахнаме”Фирдоуси, М.Э.Расулзаде нашел много общего в судьбе одного из героев поэмы Сиявуша и участи Азербайджанской Демократической Республики.

М.Э.Расулзаде был выслежен чекистскими ищейками, перевезен в Баку и попал в лапы одного из большевистских палачей Панкратова, начальника Особого отдела. Его, как и двух его единомышленников двоюродного брата Мамед Али Расулзаде и Аббасгули Кязымзаде, также оказавшихся вместе с ним в Баиловской тюрьме ждала участь других крупных деятелей АДР если бы не вмешалась фортуна в лице …Иосифа Виссарионовича Сталина.

Некоторые исследователи считают, что еще до встречи Мамед Эмина со Сталиным, жизнь ему сохранил Нариманов. Если бы Расулзаде попал в лапы ЧК до приезда Нариманова в Азербайджан, с ним расправились бы так, как расправились с другими видными деятелями АДР. Уже в баиловской тюрьме Расулзаде удалось ознакомиться с номером газеты “Бакинский рабочий”, где Нариманов сообщал, что Мамед Эмин заключен в тюрьму для того, чтобы обезопасить его. За М.Э.Расулзаде решительно выступил и иранский революционер Гейдар Амиоглы из Южного Азербайджана.

Сталин будучи в Баку узнал об аресте Расулзаде и пожелал встретиться с ним. Встреча состоялась в тюрьме, в кабинете Панкратова, которому Сталин велел выйти, чтобы поговорить с Мамед Эмином с глазу на глаз. Они были знакомы еще со времен совместной борьбы против царского режима.

В своих воспоминаниях о встречах со Сталиным Расулзаде говорит, что знал его под подпольной кличкой Коба. В свое время в Баиловской тюрьме сидел и Сталин. И вот в той же тюрьме эти два революционера, пути которых затем резко разошлись, встретились как старые товарищи по совместной борьбе. Один в данное время влиятельный руководитель победившей власти, другой - бесправный и обреченный узник. В этих воспоминаниях о Сталине Расулзаде, видимо из скромности, не касается того, как его семья фактически спасла Кобу от смерти. Об этом свидетельствуют другие источники. Но и Сталин, судя по воспоминаниям Расулзаде, не напоминает об этом. Зато он говорит Мамед Эмину: “Я знаю, сколько вы сделали для борьбы с царизмом и вообще для революционного движения”.

Сталин предупреждает Расулзаде, что азербайджанские большевики жаждут его крови (очевидно те самые радикальные коммунисты, которые вообще были и против неза-

М.Э.Расулзаде

висимости Азербайджана и одного из которых, а именно - Алигейдара Караева - Расулзаде клеймил в Парламенте как советского агента. - А.)

Сталин предлагает Мамед Эмину отправиться с ним в Москву. Расулзаде соглашается с условием, что будут освобождены и поедут вместе с ним и двое других его арестованных соратника.

На вокзале Сталина, Мамеда Эмина и Мамед Али Расулзаде (Абаскули пока не разрешили) провожают Орджоникидзе, Буду Мдивани. Вскоре к ним присоединяется Нариман Нариманов. Поистине неисповедимы пути истории. Нариманов, главный коммунист Азербайджана провожает Главного мусаватиста в Коммунистическую столицу в сопровождении Сталина!

Вся жизнь М.Э.Расулзаде тема увлекательного романа. Вынужденные переезды из страны в страну, конспирации и тюрьмы, преследования и опасности, дни триумфа и дни краха, создание как он сам выражался “из ничего независимого Государства”, революционная работа в Иране, два года жизни в советской Москве, встречи, беседы там же с Энвер пашой, тайное бегство из СССР, полный опасности переход финской границы, продолжение политической деятельности в Турции, высылка из этой страны и возвращение в нее, и между этим вояжи в европейские страны Польшу, Румынию, встречи с германскими политиками в годы мировой войны…

Важным эпизодом в этом “романе”было совместное путешествие со Сталиным в Москву. Вернее этот пятнадцатидневный путь в вагоне со Сталиным мог бы стать основой целого сериала. Представьте две недели ежедневного общения со Сталиным, беседы на самые разные темы в непринужденной, неофициальной обстановке - как много черт раскрылось бы в характере каждого. Причем Расулзаде же не знал в точности, подлинных целей действий Сталина, не знал, что его ждет в Москве. Может быть арест. Может Сталин вырвал его из застенков в Баку, чтобы публично судить в Москве.

О чем только они не беседовали в сталинском вагоне? О демократии и социализме, терроризме и национальной политике, причем, Сталин был откровенным противником демократии, открыто выражал свою веру в террор, как основу укрепления власти. Он противник индивидуального террора - это метод эсеров, но он за массовый террор, за то, чтобы держать всех в страхе, как это делал Иван Грозный, который является для него образцом сильного Правителя. Он запросто признавался Расулзаде, что лично убил 59 англичан и много других врагов. Признавался также в том, что назначение Степана Шаумяна Чрезвычайным Комиссаром на Кавказе было ошибкой. С уважением говорил о Ленине и с презрением о Троцком, как о позере, эгоисте, крайне неискреннем “старом меньшевике”. И вообще, замечает Расулзаде, у Сталина были явные антисемитские замашки, евреев он называл оскорбительным для них словом жид. Естественно затрагивались и со-

бытия в Азербайджане, -Что ваша власть могла дать народу Азербайджана? - спрашивал Сталин у Расулзаде - Мы привили народу вкус к свободе - отвечал Мамед Эмин.

Знакомясь с историческими фактами, меня всегда удивляло отношение Сталина к Расулзаде. Сталин не тот человек, который помнит с благодарностью оказанную ему когда-то спасительную помощь. И не тот человек, который предается сентиментальным ностальгическим воспоминаниям о былой дружбе. Ведь это он уничтожил почти всех своих близких друзей, включая Орджоникидзе (если он в самом деле считал их друзьями). Не пожалел даже своих ближайших родственников.

Одно из объяснений, которое выдвигают исследователи, заключается в том, что Сталин недолюбливал Нариманова и хотел бы видеть на его месте Расулзаде. То, что это не совсем фантастическое предположение подтверждает и сам Расулзаде. В воспоминаниях о Сталине он говорит, что татарский коммунист Мирсаид Султан-Галиев, в те годы близкий к руководству и позже репрессированный Сталиным, как-то при встрече с Мамед Эмином в Москве сказал, что в Кремле всерьез рассматривается вопрос о назначении Расулзаде Председателем Совнаркома Азербайджана вместо Нариманова. Более всех изумился этому Расулзаде - лидер Мусавата - руководитель Советского правительства? Да, это было бы нонсенсом.

Как бы то ни было, в то время как все первые лица Азербайджанской Республики были или уничтожены или спаслись бегством за рубеж, главный деятель этого Государства спокойно жил в течении двух лет в Москве, преподавал персидский язык в Высшем учебном заведении и пользовался покровительством Сталина, который косвенно, через других лиц предлагал ему разные академические должности, от которых, впрочем Расулзаде упорно отказывался. В упрямстве отказов Расулзаде - виден его сильный характер, а в том, как церемонился с ним Сталин трудно узреть характер Сталина.

Иосиф Сталин

Но эта игра не могла продолжаться долго и Расулзаде сделал свой выбор. С помощью видного татарского просветителя Мусы Бикиева и других татарских друзей ему удалось пересечь советскую границу и очутиться в Финляндии.

Расулзаде вырвался из СССР на весельной лодке. Много лет спустя Назым Хикмет вырвался из Турции на моторной лодке. Все таки технический прогресс существует.

Покидая СССР Расулзаде оставил письмо Сталину: “Уважаемый Сталин. Мое освобождение из тюрьмы вызвало радостное удивление моих друзей. Это было каким то чудом и этим чудом я обязан Вам. Вы не забыли нашей старой дружбы и вырвали меня из бакинской тюрьмы. В течении двух лет моего пребывания в Москве я также пользовался вашей дружбой. За это я благодарен Вам. Но я не попрощался с Вами, ибо

знал, что узнав о моих намерениях вы воспротивились бы их осуществлению. Прошу не считать мое решение неуважением к Вам".

Далее Расулзаде пишет о том, что политика Советской России по существу ничем не отличается от политики царской власти и мои убеждения не позволяют мне оставаться более в этой стране.

"Оставаясь верным своим убеждениям, я продолжаю оставаться вашим доброжелателем в личном плане. Я никогда не забуду то добро, которое вы сделали для меня"

Можно представить как взбесило это письмо и поступок Расулзаде Сталина, который безусловно счел это черной неблагодарностью. Плюс ко всему бегство Расулзаде компрометировало самого Сталина, как человека содействующего врагу. Еще больше бесила Сталина эмигрантская деятельность Расулзаде.

Ознакомившись с его брошюрой, изданной в Турции, Сталин обратился с письмом к руководителям Азербайджана. Он советовал им, что "ответ на реакционную брошюру Расулзаде должен быть наступательным. Ни в коем случае не оправдываться, а наступать, обвиняя его в следующих грехах:

"1. В ренегатстве. Он был большевиком, но изменил нам.

2. В измене интересам самих турок, так как он сам и его партия Мусават мешали Красной армии помогать туркам, препятствовали взятию Баку.

3. В измене азербайджанскому народу.

4. В измене интересам всех народов Востока.

5. В организации армяно-татарской резни. Обозвать его азербайджанским Пуришкевичем" (!-А.)".

Расул Расулзаде, растрелянный сын Мамедамина Расулзаде

Была репрессирована вся семья Расулзаде. Жена Умбюль ханым погибла в ссылке. В ссылке погибла в начале 1938 года и мать Мамед Эмина Марал ханым. 15 января 1938 года в Баку был расстрелян старший сын М.Э.Расулзаде Расул.

Но до самого Расулзаде рука советской разведки не дотянулась, как она дотянулась до Троцкого в далекой Мексике. Или более близкий для нас пример - ликвидация в Германии А.Фаталибейли - Дуданкинского. Понятно, что Сталину было не до Расулзаде, гораздо важнее для него было расправиться с Троцким. Но каким образом советские спецслужбы организовавшие убийство Фаталибейли, оставили в покое Расулзаде, политически более активного и авторитетного врага СССР? Загадка, на которую нет ответа. Во всяком случае для меня.

В годы Второй мировой войны Расулзаде встречался с представителями нацистской верхушки, но поняв, что даже в случае победы немцы не думают о восстановлении независимости Азербайджана, прекратил всякие контакты с ними.

“Правда, в 1943 году немецкие власти сделали еще одну, последнюю попытку склонить М.Э.Расулзаде к сотрудничеству - пишет А.Балаев. - Но выступление М.Э.Расулзаде в 1943 году перед азербайджанскими легионерами привели к полному разрыву всех контактов немецких властей с ним”.

В этом выступлении он открыто заявил, что “Германия, отнявшая самостоятельность и свободную государственную жизнь многих народов и покончившая с их государственной независимостью, никогда не даст независимость Азербайджану, находящемуся под коммунистической оккупацией”.

Требовалось немалое мужество, чтобы так откровенно сказать об этом в 1943 году перед лицом нацистов.

В начале войны, когда немцы были заинтересованы в сотрудничестве с ним М.Э.Расулзаде удалось, спасти и облегчить участь сотен азербайджанцев, попавших в плен. Исследователь и дипломат Рамиз Абуталыбов в брошюре “Свои среди чужых, чужые среди своих”отмечает, что многих мусульман, в том числе азербайджанцев, как “обрезанных” немцы принимали за евреев и расстреливали. После вмешательства М.Э.Расулзаде массовые расстрелы на этом основании военнопленных были прекращены. Эта акция помогла выжить не только азербайджанцам, но и евреям - уроженцам Азербайджана, которые выдавали себя за азербайджанцев. М.Э.Расулзаде сыграл важную роль не только в спасении немалого числа военнопленных азербайджанцев, но и переброски их в Турцию.

Сам изгнанный из этой страны под давлением советского правительства, прожив несколько лет в Польше, Румынии, он вернулся в Турцию, когда ее отношения с СССР резко испортились из-за территориальных притязаний, предъявленных Анкаре Советским Союзом (формально от имени грузинских и армянских ученых).

Как пишет Дж.Гасанлы в Книге “хрушевская “оттепель”и национальный вопрос в Азербайджане (1954-1959) “Вопрос передачи Карса и Ардагана Армянской ССР выглядел настолько реальным, что уже были созданы областные комитеты Армянской компартии по Карсу и Ардагану. А.Кочинян был в 1946 году утвержден секретарем Карского (!-А.) областного Комитета партии”.

Опасаясь прямой агрессии Турция вступила в НАТО и многие изгнанные политэмигранты вернулись. Вернулся и Расулзаде и пережил своего старого “друга”, спасителя и непримиримого оппонента Сталина на два года, успев написать воспоминания о встречах с ним.

Умер Мамед Эмин Расулзаде в 1955 году. Перед кончиной он трижды произнес: Азербайджан, Азербайджан, Азербайджан.

Это были его последние слова.

СОВЕТСКИЙ АЗЕРБАЙДЖАН

28 апреля 1920 года начался новый - советский - период истории Азербайджана, который продлился 71 год.

Чем был этот период для Азербайджана - благом, несмотря на все ошибки, недостатки, даже преступления, благом, особенно в области культуры, окончательного формирования национального самосознания, развития индустрии, науки, образования, появле-

Нарман Нариманов

Памятник Нарман Нариманову. Скульптор Джалал Карягды

ния местных кадров во всех сферах? Или все же злом, несмотря на все эти достижения? Видимо окончательный ответ на этот трудный вопрос еще не созрел.

Могла ли сохраниться Азербайджанская Демократическая Республика или же она, как и Грузия, Армения, была обречена на советизацию и в дальнейшем на поглощение Россией, под “псевдонимом” СССР? Был ли шанс у политической линии Расулзаде или же положение после падения АДР спас Нариманов, сохранив целостность Азербайджана в качестве Союзной республики со столицей в Баку?

Утверждается, что нынешний независимый Азербайджан - приемник Азербайджанской Демократической Республики. Да, это так. Но чтобы сохраниться в этом качестве - отстоять свое “право на жизнь” - Азербайджан должен был пройти долгий путь при советском режиме со всеми потерями и лишениями, но и с неистребимым инстинктом самосохранения - в первую очередь при помощи культуры, языка, литературы, искусства. Все эти вопросы требуют тщательного, спокойного и объективного исследования, баз всякого рода политических и или партийных спекуляций. Одно ясно - из нашей истории XX века нельзя сбросить ни Расулзаде, ни Нариманова, как это пытались и пытаются порой делать.

Если Азербайджанская Демократическая республика ассоциируется прежде всего с именем М.Э.Расулзаде, то первые годы Азербайджанской ССР связаны с деятельностью Наримана Нариманова. Расулзаде называют основателем независимого Азербайджана, что справедливо отчасти и ее главным идеологом, что совершенно справедливо. За исключением краткого времени, когда он был Председателем Национального Совета, Расулзаде никакой официальной должности в АДР не занимал. Но он был лидером самой большой фракции в Парламенте - Мусаватской фракции - и таким образом в значительной степени определял политику страны. Недаром в советское время Правительство независимого Азер-

байджана называли мусаватским правительством, а этот период - мусаватским периодом.

Даже в период независимости мусаватистов обвиняли в том, что они занимают все ключевые должности в АДР. Отвечая на такие обвинения М.Э.Расулзаде приводил целый список должностных лиц, не являющихся членами партии Мусават. В частности он называет генерал губернаторов - Карабаха Хосров Пашу бека Султанова, Гянджи Худадат бека Рафибекова, Баку Амир бека Нариманбекова и других.

Нариман Нариманов был Председателем Совнаркома, иначе говоря Премьер Министром Советского Азербайджана, но фактичсеки у него было гораздо меньше власти, чем у Расулзаде. С первых же дней Советский Азербайджан напрямую управлялся из Москвы и ее эмиссарами в Баку.

Врач по профессии, писатель по литературному дарованию и политик по призванию - Н. Нариманов - трагическая фигура в истории Азербайджана XX века.

Памятник М.А.Расулзаде. Скульптор Джаваншир Джавадов

Свою политическую деятельность он, как и Расулзаде начинал как Социал-демократ, как один из активных руководителей организации Гуммет. По свидетельству знавших его людей он оставался социал-демократом, даже будучи официально членом Коммунистической партии. Бывший коммунист, ставший затем членом партии Мусават А.Ахмедов, утверждал, что по своим политическим убеждениям Нариманов был социал-демократом европейского типа. Шамиль Гурбанов в книге “Нариман Нариманов. Последние годы жизни”приводит такой факт: “Нариманов говорил турецкому дипломату Рзе Нуру: Что такое большевизм? Эта мерзость нам не подходит”.

(Имя Рзы Нура привлекло меня и в книге историка Мусы Гасымлы в крайне любопытном лично для меня аспекте: “Ставшая в последствии известной поэтессой Нигяр Рафибейли вспоминает, как она распространяла сочинения Рзы Нура”-пишет М.Гасымлы.

Когда и где она вспоминала - мне об этом ничего не известно. Далее М.Гасымлы продолжает: “В этих сочинениях утверждалось, что независимость Азербайджана (советского - А.) носит формальный характер, эта страна фактически находится под колониальной властью России. Н.Рафибейли сообщает (где, когда? -А.), что их учитель Эмин Абид поручал распространение этих книг и журналов лишь тем своим ученикам, которым доверял”.

Несомненно историк опирался на какие-то источники, когда писал об этом. Но на какие?).

Нариманов наряду с Н.Везировым, А.Ахвердовым, Дж.Мамедкулизаде стал непосредственным последователем М.Ф.Ахундзаде в драматургии, автором исторической

пьесы “Надир Шах”, сценических произведений “Невежество”, “Шамдан бек”, повести “Бахадур и Сона” и др. Следует отметить, что даже в те годы советской власти, когда имя Нариманова как политического деятеля было под запретом, его литературная работа упоминалась в книгах по истории литературы и театра. Так например Джафар Джафаров в своей книге, посвященной истории азербайджанского театра не раз обращается к его драматургии. Оппонент Нариманова Расулзаде, критикуя его политическую позицию, отмечает заслуги в литературе.

В чем же драматизм или даже трагизм личности Нариманова?

В том, что идеи и идеалы, которым он посвятил всю свою сознательную жизнь, за которые сидел в тюрьмах, в действительности оказались прямо противоположными своим первоначально провозглашенным целям.

Когда в середине 50 годов запрет с имени Нариманова был снят, историки стали писать монографии о нем, полностью игнорируя настоящие трудности его судьбы, создавая идиллическую картину совершенно безпроблемного существования своего героя. А после восстановления Азербайджаном своей независимости опять некоторые историки, особенно молодого поколения, стали вешать на Нариманова всех собак, обвиняя его в предательстве интересов нации. Появились, однако, и серьезные, объективные работы в которых многогранная личность Нариманова рассматривается в полном объеме, как говорится “без гнева и пристрастия”. Запомнились брошюра писателя Эльчина, уже упомянутые книги партийного и государственного деятеля, дипломата Гасана Гасанова, литературоведа Шамиля Гурбанова и ряд других.

В книге “Деятельность и взгляды на государственность Наримана Нариманова”Гасан Гасанов пишет о том, что Нариманов поддержавший в начале Азербайджанскую Демократическую Республику, вскоре осознал неизбежность ее падения и чтобы выйти из этой сложной ситуации с наименьшими потерями стал искать пути спасения. Выход он видел в принятии социалистической системы, в идеологии коммунизма с национальным уклоном, в Союзе с Россией, и в тесных связях с кемалисткой Турцией.

Эльчин подчеркивает, что Нариманов был приверженцем коммунистических идеалов в теории, но когда их стали воплощать в жизнь в совершенно деформированном и извращенном виде, он испытал глубокое разочарование.

В письме Премьер-министру АДР Н.Усуббейли из Астрахани, Нариманов упрекает Насиб бека в том, что его правительство, якобы, готово сотрудничать с Деникиным против Советской России. (Эти факты не подтверждаются - А.).

“Деникин - царский генерал и лозунг его известен - пишет Нариманов -Он заставит вас петь “Боже царя храни”и под звуки этого гимна разлетится ваше Учредительное собрание с вашей республикой, разлетитесь вместе с ней и вы”.

“После 25 летней общественно-литературной, политической работы я весь разбитый, стою одной ногой в могиле - продолжает Нариманов и уверяет Усуббейли, что “спасение человечества в уничтожении капитала и в торжестве труда”.

Из этого искреннего убеждения следует вывод:

“В такой серьезный момент, когда огненные языки пожара всемирной революции охватывают чуть ли не обетованные острова, я призываю вас и ваших единомышленников отказаться от роли могильщиков. Имейте мужество сказать: мы не поняли характера

русской революции, мы не могли учесть все последствия разрушительной империалистической войны, мы сходим со сцены и да будет Советская власть в Азербайджане. Пусть это письмо будет историческим документом".

Оно и стало историческим документом, это письмо, документом наивных иллюзий чистого и простодушного человека. К тому же, не один Нариманов, а все коммунисты в это время искренне верили в скорейшее наступление всемирной Революции (как религиозные люди - ждут второго пришествия или мусульмане возвращения Махди). А если будет мировая революция, равноправными странами станут не только Азербайджан и Россия, но и коммунистическая Германия, Франция, Англия, Турция. А пока этого не произошло, надо срочно вступить в Союз с Россией.

Отсюда и сакраментальная фраза Нариманова: "Вечное счастье Азербайджанской республики связано с Россией", которая в Советское время украшала площади Баку, а ныне предъявляется как главное обвинение Нариманову. Обвинение в коллоборационизме, в сотрудничестве с оккупантами, в том, что он добровольно взял на себя роль азербайджанского Квислинга (норвежский премьер, имя которого стало нарицательным понятием из за сотрудничества с немецкими оккупантами в годы Второй мировой войны).

Хотя в самом союзе с Россией, если этот союз действительно равноправный, ничего худого нет. Гораздо более неприятно воспринимается другая цитата из Нариманова: "Я сделал все, что возложено было на меня Советской Россией, путем упорных трудов. Советская Россия может быть спокойной за Советский Азербайджан, он твердо усвоил, что нефть Азербайджана принадлежит России" (15 сентября 1921).

Откровеннее не скажешь.

Знакомясь с такого рода заявлениями Нариманова, я невольно вспоминаю два факта из далекой и относительно близкой истории. Когда Тамерлан подступил к границам Ширванского государства Ширваншах Ибрагим вышел ему навстречу с разными дарами, каждый из которых был в числе девять, и лишь рабов, преподнесенных завоевателю, было восемь. Ширваншах уточнил: а девятый раб - я сам.

Ширван не был разорен. Ценой собственного унижения правитель спас свою страну.

В годы Второй мировой войны Французский Президент маршал Петен объявил Париж открытым городом и сдал его немцам без боя. Генерал Де Голль возглавил сопротивление немецким захватчикам. После победы над Германией, Петена судили как предателя, а Де Голля чествовали как героя. Петен потерял свою честь, но сохранил Париж. Вот такой нелегкий выбор ставит история порой между власть имущими. Каждый делает выбор исходя из своего понимания долга перед своей страной, своим народом и перед самим собой. Вспомнился и афоризм: "Ради Родины можно рисковать всем чем угодно, но Родиной рисковать нельзя".

Если бы Нариманов не стал бы сотрудничать с советской властью, какая судьба ждала бы его самого и Азербайджан . Сам он в этом случае подвергся бы репрессиям, был бы расстрелян, если бы не сумел во время скрыться. Но где? В империалистических странах, которых он клеймил всю жизнь? Да и как туда добраться? В Иране, где он в свое время устраивал революцию? В кемалистской Турции, которая была в эйфории медового месяца с Советской Россией. И кто бы стал руководителем Азербайджана, хоть и формальным? Тот же Алигейдар Караев, о котором Нариманов сказал:- "весь

Алигейдар Караев

Мирза Давуд Гусейнов

Азербайджан знает его как продажного во всех отношениях человека". Дело в том, что если на посту Нариманова оказались А.Караев или М.Д.Гусейнов, это было бы не то что плохо. Не стало бы самого Азербайджана.

Об умонастроениях, скажем, Алигейдара Караева, говорят следующие его слова: "Для того чтобы разгромить Деникина азербайджанские рабочие рука об руку с русскими рабочими помогут московском товарищам, в случае необходимости переступив через труп Азербайджана" (!-А.)

В тот исторический момент связь с Россией, видимо была неизбежностью. В этом была своя логика. Но пламенное сердце Нариманова - истинного, а не карьерного революционера, эту логику принимало с определенными условиями. Он ясно осознавал, если не он, то кто будет вести борьбу за честь и достоинство Азербайджана, да и за само его существование, за право на жизнь? Ведь вокруг него не было никого, кого бы это волновало как Нариманова.

Выше приводились слова Нариманова о том, что нефть Азербайджана принадлежит России. Но ведь помимо этой риторической фразы была и его реальная борьба за то, чтобы хозяином своих богатств был сам Азербайджан. Именно на этой почве Нариманов не раз сталкивался с Серебровским, который вел себя как хозяин бакинской нефти. В ответ на жалобы Нариманова Ленин великодушно говорит: - Сколько вам нужно нефти, я поручу, чтобы вам выделили. - Владимир Ильич, - ответил Нариманов, - нефть принадлежит Азербайджану, это Вы скажите, сколько вам нужно, мы обсудим и решим.

Может такой диалог стал основой сатирического стихотворения Самеда Мансура на эту тему.

Чтобы понять задачи, которые ставил перед собой Нариманов до установления советской власти в Азербайджане, его умонастроение накануне советизации Азербайджана, достаточно внимательно почитать знаменитую статью "С каким лозунгом мы идем на Кавказ", написанную им в феврале 1919 г.

НАРИМАНОВ И МАРТОВСКИЕ СОБЫТИЯ

В этой статье Нариманов подробно останавливается на мартовских событиях 1918 года. “Армяне брали мусульман группами в плен в свой штаб, по дороге их самым вероломным образом расстреливали. Дело дошло до того, что даже принадлежность мусульманина к большевизму не спасала его. Дашнаки говорили: -никаких большевиков мы не признаем, раз ты мусульманин то этого достаточно. Кого хотели - убивали, кого хотели - грабили и раздевали, опустошали дома. Нет такого злодеяния, которого не учинили бы над мусульманами. Под флагом “большевизма”дашнаки чинили всевозможное насилие над мусульманами”.

Ясно, что такие слова мог написать только человек, глубоко осознающий лживость “большевистского” интернационализма руководителей Бакинской коммуны. И тем не менее Нариманов все еще искренне верил, что в отличии от мусаватистов, не сумевших защитить мусульманское население, это сделает революционная Россия. Также искренне верил Нариманов в то, что “начавшаяся в России революция не есть российская, а будет мировой и заразит весь мир”.

Как марксист, он оценивал даже эти мартовские события с чисто классовых позиций, явно межнациональные столкновения между армянами и мусульманами считал в основе своей борьбой буржуазии и пролетариата.

Мартовские события произвели ошеломляющее впечатление и не только на Нариманова, но и на таких азербайджанских большевиков, как Мешеди бек Азизбеков, Султан Меджид Эфендиев и другие. Тем не менее и после этих событий и Нариманов, и Азизбеков, и Мир Гасан Везиров оставались в числе комиссаров Бакинского совета, учинившего эту кровавую бойню. Некоторые историки это ставят в вину Нариманова. Однако непредвзятое ознакомление со статьями Нариманова на эту тему, воссоздают подлинную картину его отношения к мартовской трагедии.

Алеша Джапаридзе

С целью предотвратить резню, он организует на своей квартире встречу Расулзаде с Шаумяном. Но и это не останавливает дашнаков в осуществлении задуманных им планов по уничтожению мусульман.

“Я полностью убедился, что власть в Баку находится в руках дашнаков” - с некоторым запозданием догадывается Нариманов.

В письме от 3 апреля 1918 года адресованном руководителям Бакинского Совета С.Шаумяну и И.П.Джапаридзе Нариманов уже после мартовской трагедии, без обиняков утверждает, что “политическая борьба превратилась в национальную. Это пятнает Советскую власть, чернит ее. Если в ближайшее время не разорвете эту черную завесу и не снимете это пятно, большевистская мысль и Советская власть

здесь удержаться не сумеют…Я очень прошу вас задуматься над написанным здесь и как можно скорее найти средство, чтобы залечить израненные сердца мусульман”.

Письмо возымело свое действие, Джапаридзе, который пользовался авторитетом среди мусульман, обещал, что отказавшись от других дел, возьмет в свои руки безопасность мусульманской части.

Опасность не миновала и самого Нариманова. Дашнакские боевики ворвались в его квартиру, и не найдя его там, увели племянника, которому чудом удалось спастись. Только после телефон-ного звонка Шаумяну Нариманова оставили в покое. В статье “Взгляд на захват Кавказа” (февраль 1919) Нариманов писал: “Кто может назвать гражданской войной зверское уничтожение мусульманского населения вооруженными бандами армян? Меня самого, тюркского большевика, мог спасти от рук армянских банд только т.Шаумян… Допустим, что мартовские события в Баку представляли гражданскую войну. Как же тогда назвать зверские деяния дашнаков Амирова и Степы Лалаева, совершенные им после этого в Шемахе? “

И в то же время - и это тоже горький факт нашей истории - под Обращением Бакинского Совета Народных Комиссаров от 1 июля 1918 наряду с подписями Шаумяна, Джапаридзе, Фиолетова, Карганова, Кариняна и других, к сожалению, стоят и подписи Н.Нариманова и М.Г.Везирова. В этом обращении азербайджанские беки и ханы обвиняются в том, что якобы, объединившись с националистами-дашнаками и грузинскими дворянами-меньшевиками ведут предательскую политику по отношению к трудящимся классам Закавказья. В этом обращении есть и такая позорная фраза: “Правда, в Баку были жертвы из мусульманской бедноты, но это те темные массы, которые беки и ханы обманным путем вывели против рабочих, против Советской власти”.

А ведь тот же Нариманов в статье (23 мая 1918) обвинял Шаумяна за такие слова: “если даже во время боев в некоторых местах гражданская война примет национальную окраску, настоящие социалисты из-за этого естественного положения дел не должны расстраиваться и падать духом”.

Ковер с изображением Ленина и Нариманова

Естественно, “настоящий социалист”Шаумян не расстраивался и не падал духом оттого, что, как пишет Нариманов, 99 процентов гибнувших в идущей в Закавказье войне, являются представители лишь определенной национальности, то есть мусульмане…

Бесславно закончилась власть Бакинского Совета, возглавляемого Шаумяном, недолго длилось и “царствование”Диктатуры Центрокаспия.

Баку был освобожден Кавказской Исламской армией и азербайджанскими вооруженными силами и стал столицей независимого государства. Но и век этого государства оказался недолгим. XI Красная армия, под лживым предлогом помощи кемалистской Турции вторглась в Азербайджан, захватила Баку и свергла законную власть.

Если первым обманом была якобы вооруженная помощь Турции, то второй обман связан с руководителем советского Азербайджана. Им должна была быть достаточно авторитетная фигура, которую бы принял народ. Никого авторитетнее Нариманова, врача, литератора, публициста всю свою жизнь ратовавшего за интересы своей нации, среди азербайджанских коммунистов не было. Нариманов оказался крайне востребованным для осуществления советской политики и не только в Азербайджане, но на Кавказе и на Востоке в целом. Его называли Ленином Востока. На собраниях провозглашался лозунг: Да здравствует Великая Революция! Да здравствуют ее вожди тт. Ленин, Троцкий и Нариманов".

قرمزی آذربایجان

КРАСНЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН

Первая страница газеты "Гырмызы Азербайджан" ("Красный Азербайджан") украшена портретами Ленина и Нариманова

Не дождавшись Мировой революции на Западе большевистские политики стали все чаще поглядывать на Восток, надеясь, что эти страны восстанут против империалистов. Освободительная борьба Мустафы Кемаля в Турции и революционное брожение в Иране (в частности партизанское движение дженгелийцев Кучук хана) подогревали эти надежды.

"Мы, - говорил Ленин, - действительно, выступаем теперь не только как представители пролетариев всех стран, но и как представители угнетенных народов. Мы выступаем как представители 70% населения земли".

Вскоре в обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока советское правительство объявило: "Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя, о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, ныне порваны и уничтожены…Мы заявляем, что договор о разделе Персии… Турции…порван и уничтожен".

Именно с этой целью привлечения Востока на свою сторону Исполком Коминтерна и ЦК РКП(б) сразу после советизации Азербайджана принял решение провести в Баку Первый Съезд Народов Востока в сентябре 1920 года. 1 сентября съезд открыл Нариман Нариманов.

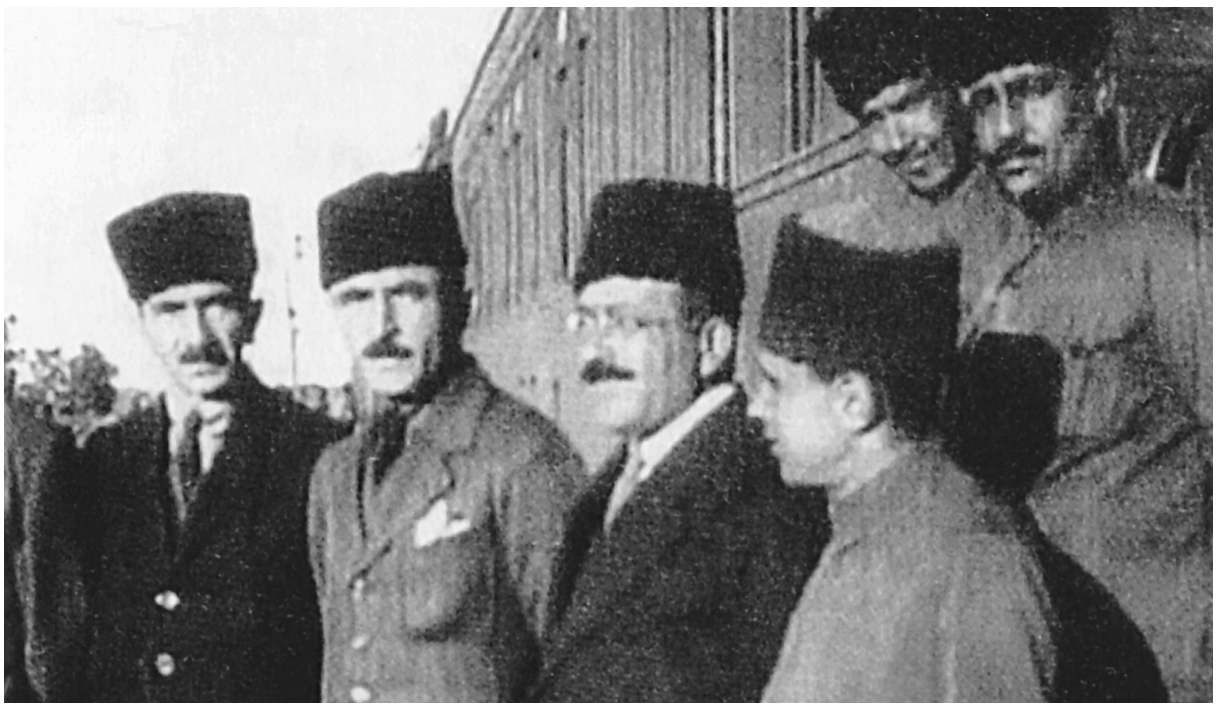
- Товарищи, - сказал он, - сегодня на мою долю выпало счастье открыть первый, невиданный, неслыханный в мире съезд, Съезд Народов Востока. Седой Восток, первый

Ковер с изображением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина

давший нам понятие нравственности и культуры, сегодня будет говорить о горе, о тяжких ранах, нанесенных ему в течении веков капиталом буржуазных стран".

Съезд с 1891 делегатом из 14 стран был пестрым по национальному и классовому составу. Наряду с коммунистами (составляющими подавляющее большинство), участниками были и беспартийные, иранские революционеры, члены Бунда, комсомольцы, эсеры и даже один анархист. Среди участников были руководители Коминтерна Зиновьев, Радек, Бела Кун, лидер иранских коммунистов Гейдар Амиоглу, будущий вождь Вьетнама

Энвер паша в Баку

Хо Ше Мин, коммунисты - японец Сен Катаямы, американец Джон Рид, турок Мустафа Субхи. Но и … Энвер паша. Хотя Энвер паша и объявил, что является приверженцем идей Коминтерна Президиум не счел возможным дать ему слово, согласившись лишь на письменное заявление.

Мустафа Субхи

“Мы считаем, - писал Энвер паша в этом Заявлении, - что Азербайджан принадлежит азербайджанцам. Если мы попали здесь в ложное положение, то это была наша беда”.

“Ложным положением”, очевидно, Энвер-паша считал спасительную помощь Азербайджану Кавказской Исламской армией под командованием его младшего брата.

Одним из самых активных участников Съезда был руководитель турецких коммунистов Мустафа Субхи. К сожалению, по возвращению на родину Субхи вместе с другими 15 турецкими коммунистами были убиты и брошены в море. Вскоре после возвращения со Съезда в Москву заболел и скончался Джон Рид.

В Манифесте Съезда к Народам Востока есть весьма любопытные пассажи, наталкивающие на определенные размышления.

“Англичане заняли священный для мусульман (!-А.) Константинополь, - говорится в Манифесте, - разогнали турецкий парламент, арестовали всех народных вождей, лучших из них расстреляли, а других сотнями сослали на остров Мальта, где и заточили в темных и сырых подвалах старинной крепости”.

Интересно, возникли ли у кого-то из делегатов, особенно азербайджанцев, ассоциации с 28 апрелем 1920 года, когда в Баку точно так же был разогнан парламент, убиты вожди и сотни, если не тысячи, были сосланы, правда не на Мальту, а в Соловки…

Степень гнева и ярости делегатов к англичанам -”проклятым колонизаторам и империалистам” - чувствуется в стиле и такой фразы:

“Первый Съезд представителей Народа Востока громко, на весь мир, заявляет капиталистам правящим Англией: Не пожрать вам, собакам, Народы Востока, не обратить вам - жалкой кучке угнетателей - в вековое рабство, сотни миллионов восточных крестьян и рабочих. Слишком большой кусок вы захватили, не по зубам окажется он, и этим куском вы подавитесь!”

Нариманов и Султан-Галиев попытались было предложить идею Общетюркской Коммунистической партии, которая на федеративных началах объединилась бы с РКП (Б), но руководители Коминтерна решительно воспротивились этому. Тем не менее авторитет Нариманова, особенно после Съезда, в ту пору был весьма высок.

Чичерин, который был настроен против Нариманова и которого Нариманов демонстративно покидая заседания в Москве, обругал, даже он писал: “Познакомившись с т. Наримановым, я сейчас же убедился, что это превосходнейший руководитель партийной про-

паганды и агитации среди мусульман России и Ближнего Востока. Например, его речь к муллам об отделении церкви от государства по простоте, наглядности и убедительности - верх совершенства. Его советы пропагандиста среди мусульман замечательно разумны".

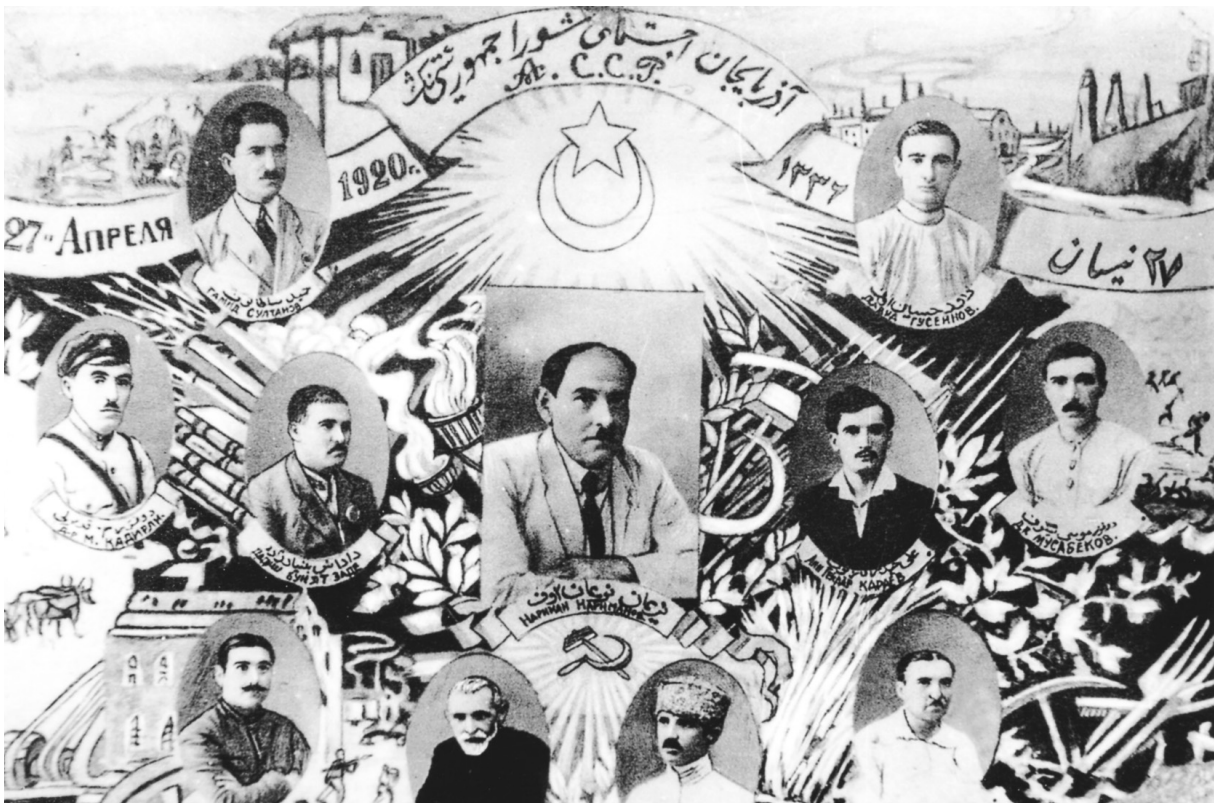
Выступая от имени Тифлисских рабочих М.Орехелашвили называл Нариманова "великим вождем не только Советского Азербайджана, но и Ближнего Востока".

ДРАМА НАРИМАНОВА

Таким образом становится совершенно очевидным, почему настоящие властители Советского Азербайджана в лице Орджоникидзе, Кирова и Микояна, нуждались в формальном руководителе - азербайджанце, по какой причине так настойчиво приглашали Нариманова в Баку и обращались по этому поводу даже к самому Ленину. Особенно усердствовал в этом направлении Микоян, которого позже Нариманов назовет самым умным среди коммунистов-дашнаков. У "умного" Микояна, оказывается, был свой план в отношении Нариманова. "Мы выберем Нариманова Предревкома, - говорил он, - и так его окружим, чтобы он не мог особенно пользоваться своим влиянием".

И хотя Нариманов признавался "Я перерос возраст быть ширмой", именно в этом качестве его и хотели использовать.

Через десять лет, после смерти Нариманова, когда даже имя его больше не упоминалось, в юбилейном письме "отцу советских народов товарищу Сталину" по поводу

Состав правительства Нариманова

15-летия установления советской власти в Баку “Трудящиеся Азербайджана” писали: “Под знаменем большевистской партии, на основе твоих указаний, непосредственно руководимые твоими соратниками Серго Орджоникидзе, Сергеем Мироновичем Кировым, Анастасом Микояном, азербайджанские рабочие и крестьяне подняли вооруженное восстание (у кого-нибудь из этих рабочих и крестьян было хоть какое-то имя? - А.) против гнета мусаватистов и в апреле 1930 года, при поддержке русского пролетариата и его доблестной Красной армии, установили в Азербайджане рабоче-крестьянскую власть”.

Как видно, “трудящиеся Азербайджана”забыли не только Нариманова, но даже и Ленина, а к Сталину обращались, как к Богу, на Ты.

Интересно вот, что. В письме “Трудящихся” говорится о “восстании рабочих и крестьян Азербайджана”, в то время как товарищ Сталин утверждал, что в Азербайджане пролетариата нет. Да и восстание, как известно, произошло не против мусаватистов, а против большевиков в Гяндже и других городах. Но дело даже не в этом. Ведь советская пропаганда неизменно провозглашала, что революции не экспортируются, а происходят по желанию самого народа. Как в таком случае объяснить, что советскую власть в Азербайджане устанавливала Красная армия предводимая руководителями, среди которых не было ни одного азербайджанца.

Она же свергла власть избранного народом Парламента. Конечно, уже после установления советской власти в числе Наркомов, партийных секретарей были и азербайджанцы (кстати грызущиеся между собой), но все они, повторим, все без исключения, были уничтожены в двадцатые и тридцатые годы, а на имя затравленного, а возможно и отравленного Наримана Нариманова, было наложено табу. Как же советская пропаганда может объяснить этот факт, полностью противоречащий утверждению, что власть в Азербайджане была установлена по желанию самих азербайджанцев, мечтавших, якобы жить и работать под руководством Орджоникидзе, Кирова и Микояна в Баку, Ленина, Троцкого и Сталина в Москве? Московские партийные историки не соглашались даже с теми азербайджанскими учеными, которые хотели доказать, что и сами азербайджанские коммунисты сыграли какую то роль в советизации страны. Московские ученые считали, что роль азербайджанцев преувеличена даже в полностью лояльной “Истории Коммунистической партии Азербайджана”. За попытку заступиться за авторов этой книги поплатился своей должностью заведующий отделом ЦК Компартии Азербайджана Шихали Курбанов. (Правда, впоследствии Первому Секретарю ЦК КП Азербайджана Вели Ахундову удалось выдвинуть Ш.Курбанова на еще более высокую должность секретаря ЦК по идеологии. Об этом в дальнейших страницах).

Возвращаясь в Баку в мае 1920 года, Нариманов надеялся не только устраивать счастливую, свободную жизнь Азербайджана, но верил в близкое революционное освобождение всего Востока. Эта вера, казалось, подтверждалась, и многими обстоятельствами. Еще работая в Москве в Наркомате национальностей Нариманов имел обстоятельную беседу со Сталиным. “Он просил меня серьезно взяться за Восточный отдел, так как центр тяжести нашей политики переносится на Восток, который, в развитии социальной революции будет играть важную роль”.

В этот же контекст вписывается и письмо Г. Чичерина Н. Нариманову от 2 июля 1920 года: “Окажите всяческое содействие Халил паше (все тот же вездесущий Халил паша -

А.) в его поездке в Турцию. Мы считали бы полезным организацию имеющихся там турок в отряды для отправки в Персию на помощь Кучук хану, и еще лучше было бы присоединить азербайджанские части (в порядке добровольчества). Помощь живой силой должна быть оказана немедленно. Провал персидской революции был бы непоправимым ударом для революции на Востоке и приостановил бы развязывание революций в других восточных странах. Информируйте нас чаще о положении дел в Персии и Азербайджане".

И, наконец, самым ярким проявлением революционного движения на Востоке была освободительная война, которая велась в Турции под руководством Мустафы Кемал паши. Советское руководство, и в том числе Нариманов, воспринимали эту борьбу не только как национально-освободительную, но и как антиимпериалистическую, которая, должна была естественным образом завершиться советизацией Турции. Приветствие Азревкома Революционной Турции от 26 апреля 1921 года подписанное Н.Наримановым, кончается призывами: "Да здравствует революционная Турция!. Да здравствует Союз Советской Федерации с Турцией! Да здравствует мировая борьба за освобождение угнетенных под знаменем Третьего Интернационала".

Но вопреки этим радужным ожиданиям ни в какой Союз с Советской Федерацией Турция не вошла и ее борьба продолжалась отнюдь не под знаменем Третьего Интернационала.

Оказывая помощь Турции, в том числе и материальную, Нариманов выступал не только с классовых, но и с национальных позиций. В ответ на слова о долге, говорил, что брат не дает брату в долг, он поддерживает его в нужный момент.

Взамен социалистических революций в странах Востока Нариманову пришлось столкнуться с объединенными силами коммунистов-дашнаков, великодержавных русских большевиков и радикальных азербайджанских коммунистов, обвиняющих Нариманова в национал уклонизме. Нариманов с горечью отмечает, что его в национализме обвиняет тот самый Микоян, который был еще членом дашнакской партии, когда он, Нариманов публиковал свой интернационалистский роман "Бахадур и Сона", о любви юноши азербайджанца и девушки армянки.

С горькой иронией Нариманов отмечает и тот факт, что обвиняющие его в отходе от коммунистических идей люди -это бывшие мусаватисты, меньшевики, эсеры - Мирза Давуд Гусейнов, Алигейдар Караев, Рухулла Ахундов.

Во время вторжения в Азербайджан и захват Баку XI Красной Армией Нариманова, как известно, не было в стране. Более того, некоторые исследователи полагают, что и письма и заявление от его имени появлялись без его ведома.

16 мая 1920 года Нариманов прибывает в Баку из Москвы.

"В Баладжарах меня встретили некоторые товарищи и по-видимому были очень рады моему приезду. "Может быть, будет конец тем безобразиям, которые происходили до вас, так выразились они - Азербайджан грабят вовсю, расстреливают направо и налево". Ознакомившись с делами, я назначил заседание президиума Ревкома и пригласил тов. Панкратова, который тогда фактически управлял всем. Я поставил вопрос, чтобы без санкции Ревкома никого не расстреливать. Гусейнов Мирза Давуд и Караев высказались против".

Этим волевым решением Нариманов, вопреки кровожадным желаниям М.Д.Гусейнова и А.Караева, сохранил несколько жизней чудом спасшихся от панкратовской секиры видных азербайджанцев. Из расстрельных списков были вычеркнуты фамилии Узеира Гаджибейли, престарелого Г.З.Тагиева, Пишнамаззаде. Нариманов выразил глубокое сожаление, что до его приезда, были казнены Фирудин бек Кочарли, а также Худадат бек Рафибейли, с которым как врач, был знаком. Их гибель непростительная ошибка Гамида Султанова - сказал Нариманов. С большим риском были спасены генералы С.Мехмандаров и А.Шихлинский. Он отослал их в Москву с сопроводительным письмом Ленину. Охарактеризовав генералов как крупных специалистов, нужных для строительства армии, Нариманов заключает свое письмо такими словами: “политическое убеждение их: они ненавидят мусаватистов…” (и это о генералах один из которых был военным Министром, а другой его заместителем в мусаватском правительстве).

Все действия Нариманова, направленные на удовлетворение духовных интересов Азербайджанского народа - объявление азербайджанского языка государственным, кадровая политика, даже решение воздвигнуть памятник поэту М.А.Сабиру, вызывали яростное сопротивление антиазербайджанских сил в руководстве, включая и многих азербайджанцев. Воспользовавшись отсутствием Нариманова в Баку во время его поездки на генуэзскую конференцию, именно азербайджанские коммунисты сократили число часов изучения тюркского (азербайджанского) языка в школах и опубликовали в газетах статьи о национальном уклоне. Когда же по возвращении в Баку Нариманов восстановил количество часов изучения языка и ответил на упреки в уклонизме, то эти факты стали для его противников новым доказательством его национализма.

В национализме Нариманова обвиняли местные коммунисты М.Д.Гусейнов, А.Караев, Э.Ханбудагов, Р.Ахундов и другие. Некоторые предлагали, исключить его из партии, а братья Агазаде, которых Нариманов называл авантюристами, требовали даже его расстрела. К сожалению, в этой компании, судя по свидетельству современников, не чистоплотных и в моральном отношении людей, оказался и Рухулла Ахундов, которого многие помнили как интеллигентного человека, просветителя, имеющего немалые заслуги в области культуры, науки и печати.

Сторонниками Нариманова до конца оставались Мовсум Кадирли (Исрафилбеков), писатель-коммунист Таги Шахбази и отчасти С.М.Эфендиев. Нариманова поддерживал и Председатель ГПУ М. Дж. Багиров, будущий руководитель Азербайджана. Защищая Нариманова он даже пытался напасть на М.Д.Гусейнова с саблей в руках. Позже, по мере ослабления позиций Нариманова Багиров отошел от него.

Султан Меджид Эфендиев

Таги Шахбази

Отец мой рассказывал, что Багиров не раз повторял: “Доктор (Нариманов - А.) был честным человеком, но его подводили”.

Подводили как раз те, на одного из которых Багиров поднял саблю. Одно время Нариманова поддерживал и Дадаш Бунъятзаде, но писатель-коммунист М.С.Ордубади, хорошо осведомленный в партийных подковёрных играх, считал, что Бунъятзаде предаст Нариманова за очень низкую цену, что и случилось, когда он перешел на сторону Мирзояна. Горький урок истории заключается в том, что спустя двенадцать-тринадцать лет после смерти Нариманова, были репрессированы и расстреляны, все вышеупомянутые ответработники - и сторонники Нариманова и его противники, и азербайджанцы, и армяне (за исключением Микояна). Были убиты Орджоникидзе и Киров.

Нариманов прекрасно понимал, что за ультра радикальными азербайджанскими большевиками стоят все те же дашнаки коммунисты - Микоян, Мирзоян, Саркис.

Не случайно один из ответработников Советского Азербайджана Гаджиев, который запомнился современникам своей крайней невежественностью, выступая против Нариманова говорил: “Я сам лично рабочий котельщик азербайджанский, но до этого времени я не видел, какой коммунист может быть таким диктатором, как тов. Нариманов. Раз он так поступает, то его не только выбирать не стоит, но и в кандидаты не следует указывать. Ведь он шел против лучших товарищей Микояна, Саркиса и др…”

БЕКА - Бакинский Комитет Коммунистической партии Азербайджана фактически был второй, а возможно и первой властью в Советском Азербайджане, а его как правило возглавляли только армяне.

“БЕКА в Азербайджане - все, - писал Нариманов. - После Микояна, секретарем БЕКА делается Саркис, а после Саркиса - Мирзоян. По всей вероятности, после Мирзояна будет Каспаров и т. д. Никто так не развратил рабочих, как Саркис, никто так не разложил партию как Мирзоян”.

Если за азербайджанскими ультра - радикалами стояли Микояны, Саркисы и Мирзояны, то за последними стояли Киров и главным образом Серго Орджоникидзе. “Кирову внушено было действовать совместно с Мирзояном - считал Нариманов - даже если бы Кирову не внушено было бы, он подпал бы под влияние этой компании, так как его внутренний мир находит удовлетворение в действиях этой компании”.

Еще более резко отзывается Нариманов о Серго Орджоникидзе. Он пишет, что Центр доверяет не ему, Нариманову, а Серго, “Серго же - больше доверяет тем мелким душам, которые для сохранения и укрепления своего положения лакействовали перед ним и

кричали о национальном уклоне в Азербайджане. А это очень нравилось Серго… Серго ведет себя так, будто мы все подчиняемся ему, - отмечает Нариманов. - Он ведет себя как наместник Кавказа”.

“По теории Орджоникидзе, конечно, можно население маленького Азербайджана систематически уничтожать, но из кого будет состоять тогда республика?” - вопрошает Нариманов. “Серго нужно было удалить меня из Азербайджана для того, чтобы убить всякое препятствие в развитии своей “кавказской”политики. Он обратился к Мирзояну за советом, Мирзоян сказал: “Мы только ждем твоего согласия и Нариманова здесь не будет”. Серго сказал: “Валяй”. И действительно меня избирают в Председатели ЦИКа Союза ССР. Снимают под видом представления высшей должности в Москве. Мирзоян и Серго торжествуют, сняли меня и ничего особенного не произошло, нет не только восстания в Азербайджане, но даже никто не осмеливается произносить имя Нариманова”.

Еще в 1921 году Орджоникидзе сообщал Ленину и Сталину: “Нариманновская группа окружена… Задача поставлена свергнуть Нариманова”.

Это удалось спустя три года под предлогом его повышения и путем перевода в Москву.

Но расправиться с Нариманновым не так просто, слишком высок его авторитет в Азербайджане. Выстроив логическую цепочку - кто за кем стоит, - Нариманов решается на еще один смелый шаг: прямо заявляет, что за Серго стоит сам Сталин. “Серго и Сталин не доверяют нам, тюркам, а судьбу Азербайджана доверяют армянам-дашнакам”. Причем он это пишет в письме, адресованном самому Сталину. В письме под заглавием: “В Центральный Комитет тов. Сталину И.В. Копии: тов. Троцкому Л.Д. тов.Радеку К.Б. К истории нашей революции на окраинах” дав широкий обзор ситуации на Кавказе, Нари-

Н.Нариманов и С.Орджоникидзе

манов говорит о своей заветной цели создать из Азербайджана образцовую советскую республику на Востоке и о тех, кто препятствуют осуществлению этой задачи. “Действия этой компании направлены именно к тому, чтобы совершенно обезличить Азербайджан. С одной стороны идет дашнакская работа под флагом коммунизма, а с другой стороны бывшие эсеры, медленно и упорно подтачивают Советскую власть”.

Нариманов вспоминает, что Сталин как-то сказал ему: “Серго испортился”. - Нет, он не испортился, - не соглашается Нариманов, его испортили слишком переоценивая его государственный ум.

Заканчивая письмо Нариманов приводит факты, когда против него были использованы самые грязные методы борьбы. “Вот пример, который прекрасно характеризует работу Бакинской парторганизации и, конечно, Серго, а политика Серго поддерживается Сталиным, - пишет он самому Сталину и заканчивает фразой: Дальше некуда идти. Всего этого, я повторяю, не забудут честные работники - коммунисты-тюрки в Азербайджане”.

Еще более трагичный характер носит его письмо В.И.Ленину.

Еще работая в Азербайджане, Нариманов как-то в беседе с Лениным сказал, что скоро в Азербайджане останутся только он сам и Пятница (имея ввиду, что все еще сохранялся мусульманский выходной день - Джума-Пятница) Ленин отшутился: Значит вы Робинзон?

В свое время Нариманов всей душой верил в искренность воззваний о свободе народов и для скорейшего слияния менее культурных народов с более культурными и следовательно для усиления и развития революции искал естественные пути. А на самом деле нефтяными богатствами распоряжается глава Азнефти “Серебровский, который не признает Советский Азербайджан”.

“Дорогой Владимир Ильич, - пишет Нариманов, - неужели слова “Независимый Азербайджан” не из Ваших уст? Теперь положение рисуется так: Армения, которая все время поддерживала Деникина, получила самостоятельность и вдобавок территории Азербайджана. Азербайджан, из трех республик первый, бросившийся в объятия Советской России, теряет и территорию и самостоятельность. Я обращаю Ваше внимание на это. Если в кратчайший срок Центр не в состоянии будет положить конец всем гнусностям дашнаков-коммунистов, весь мусульманский Восток отвернется от нас. Я заявляю Вам об этом серьезно и прошу Вас серьезней отнеситесь к этому вопросу, если только интересы угнетенных Востока действительно дороги нам”.

Святая наивность!

В 1935 году, когда отпала необходимость в лживых словах о независимости республик, руководители СССР Сталин и Молотов с предельной откровенностью писали в поздравительной телеграмме Азербайджанской Коммунистической партии: “Союз Советских Социалистических Республик живет черным золотом Азербайджана - нефтью. Хлопковые плантации Азербайджана из года в год дают больше хлопка текстильной промышленности нашей страны”

В 1925-м году Нариманов ненадолго приезжает в Баку. Ахмед Ахмедов - бывший гумметист, коммунист, перешедший уже в годы советской власти в подпольную партию “Мусават” (арестован и расстрелян в 1928 году) свидетельствует, что во время приезда Нариманова у него на квартире собирались те, кого называли уклонистами. У них, и

прежде всего у самого Нариманова была глубокая разочарованность в политике Центра, которую они называли “красным империализмом”. Уклонисты встречались на квартирах и после смерти Нариманова и эти встречи носили характер почти подпольной политической сходки, хотя участники все еще занимали ответственные посты в Коммунистической партии и в правительстве. Ахмедов отмечает, что была даже идея создания подпольной партии Гуммет.

Следует отметить, что в 20-ые годы уцелевшие “иттихадисты”, которые так рьяно ратовали за приглашение Красной Армии, теперь подпольно боролись против коммунистов.

А Мирзабала Мамедзаде, Джафар Джаббарлы и другие были организаторами подпольной ячейки мусаватистской партии в Баку.

Еще один парадокс истории - в Советском Баку в подполье действуют не только мусаватисты и иттихадисты, но и те коммунисты, которым приклеили ярлык национал-уклонистов.

Если при жизни Ленина была хотя бы гарантия личной неприкосновенности Нариманова, то через год после смерти Ильича, он скончался при весьма загадочных обстоятельствах.

“Заклятый друг” Нариманова Орджоникидзе угощает его долмой из листьев (ярпаг долмасы), привезенных из Баку. После обеда с диагнозом острой дисперсии и диареи Нариманова госпитализировали. Перед смертью он успел сказать: “меня отравил Серго”.

Зато достаточно было громких слов над его гробом. Тот же Серго в патетической речи называл Нариманова самым крупным представителем нашей партии на Востоке. В день похорон Нариманова во всех учреждениях Москвы и других городов Советского Союза были приостановлены работы… Нариманов был похоронен у кремлевской стены. На ленте венка, возложенного на гроб Нариманова от ЦК партии, было написано: “Революционному вождю народов Востока, боровшемуся за полное освобождение их от оков империализма”.

Казалось, мертвый Нариманов уже никому не опасен. Но это тоже оказалось иллюзией. Вскоре после его кончины вместе с ярлыком национал-уклониста, Серго пустил в оборот выражение “наримановщина”, а другой “старый кавказский друг” Микоян, предлагал убрать прах Нариманова из Красной площади, как националиста. Но этому воспротивился Сталин: “Не трогайте Нариманова”. Однажды он даже сказал М.Дж.Багирову: “Доктор был самым уважаемым человеком среди нас. Иногда лечил нас когда хворали, вытаскивал из кармана врачебную печать и писал рецепты”.

“Призрак” Нариманова еще долгие годы не давал покоя партфункционерам. Когда в альманахе “Гобустан” было опубликовано интервью писателя Исы Гусейнова, автора сценария фильма о Нариманове, где он призывал молодежь “нариманизироваться”, это вызвало переполох даже в московских партийных сферах. Об этом я пишу в эссе “Мои гобустанские годы”, включенном в этот том.

Сразу после смерти Нариманова в 1925 году началось систематическое вытравливание его имени из истории. Совсем по Оруэллу - будто бы такой личности вообще не было. Особенно усердствовал в этом Азербайджан. Если кое-где (в Астрахани, Казани, Узбекистане) по забывчивости административных органов, уцелело имя Нариманова в названиях улиц, в Азербайджане от него в течении долгих лет не оставалось никакого следа.

И когда спустя много лет, после смерти Сталина и расстрела М.Дж.Багирова, Нариманов все же был морально реабилитирован, усилиями Гейдара Алиева ему воздвигли

монументальный памятник в Баку. Опять-таки возникли определенные трудности и в Москве (очевидно, не без участия армян) и в самом Баку, где доброхоты "опасались", что этот памятник будет спорить с монументом С.М.Кирову. Измеряли даже рост обеих памятников и лишь упорство и воля Г.Алиева смогли преодолеть и эти препоны.

2 июля 1959 года было принято постановление Президиума ЦК КПСС "с рекомендацией не преуменьшать роль Шаумяна и не раздувать роль Нариманова". И только в 1972 году, как пишет Джамиль Гасанлы "Г.Алиеву удалось добиться полной реабилитации Н.Нариманова. В газете "Правда" была опубликована статья Г.Алиева о его деятельности".

Но и на этом злополучная судьба не оставила в покое память Нариманова - в эпоху рыночной экономики прямо перед памятником построили дом, который заслонил его, а не в меру прыткие историки стали искать ошибки, упущения Нариманова, тиражировать нападки на него.

Прежде чем перейти к последнему документу, как бы подытоживающему жизнь Нариманова, - неоконченному письму к сыну, я хочу напомнить еще об одной его услуге нашему народу - сохранению Карабаха в составе Азербайджана.

Приведу цитату из текста, подписанного, вместе с Н.Наримановым, Б.Мдивани, и, как ни странно, Анастасом Микояном: "Мы предостерегаем Центр от колебаний в вопросе Карабаха и Зангезура, в интересах того, чтобы не превратить Азербайджан в ублюдка, состоящего на попечении Красной Армии и раздаваемого армянам и грузинам…"

4 июля 1921 года состоялось заседание Пленума Кавбюро ЦК РКП (б), обсуждавшего карабахский вопрос.

Из протокола:

а) Карабах оставить в пределах Азербайджана. Голосуют за: Нариманов, Махарадзе, Назаретян. Против: Орджоникидзе, Мясников, Киров, Фигатнер.

б) Нагорную часть Карабаха включить в состав Армении. Голосуют за: Орджоникидзе, Мясников, Киров, Фигатнер.

в) Заявление товарища Нариманова: Ввиду той важности, которую имеет карабахский вопрос для Азербайджана, считаю необходимым перенести его на окончательное решении в ЦК РКП.

Постановлено: Нагорный Карабах включить в состав ССР Армении. Ввиду того, что вопрос о Карабахе вызвал серьезное разногласие, Кавбюро ЦК РКП считает необходимым перенести его на окончательное решение ЦК РКП".

Нариманов со всей резкостью обращается к Сталину и Орджоникидзе: "Я не допущу, чтобы Карабах хоть на один день остался под пятой армян. Этой ночью я или верну Карабах или решу этот вопрос по-другому".

По всей видимости "этой ночью" Нариманову удалось связаться с Лениным и получить его добро, ибо уже на следующий день Кавбюро принимает другое решение.

Из протокола: Слушали: Тт.Орджоникидзе и Назаретян возбуждают вопрос о пересмотре постановления предыдущего Пленума о Карабахе. Постановили: Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджанской ССР, предоставив ему широкую област-

ную автономию с административным центром в гор. Шуше, входящем в состав автономной области.

Голосуют: за 4, воздержались 3".

С возникновением Карабахской проблемы в конце восьмидесятых годов XX столетия, армяне, ссылаясь на эти протоколы, утверждают, что Карабах отдал Азербайджану Сталин. Это чисто шулерский прием замены ясного глагола *"оставить"* на глагол *"отдать"*. В постановлении говорится о том, чтобы оставить Карабах в составе Азербайджана, где он и был до этого, а не передать его Азербайджану. (все курсивы здесь мои - А.).

В любом случае не следует забывать об этом подвиге Нариманова, когда начинают упрекать его в том, что он согласился на передачу Зангезура Армении. Во-первых, нет ни одного документа за подписью Нариманова, указывающего на то, что он отдал Зангезур Армении. Во-вторых, к моменту советизации Зангезур находился под юрисдикцией Армении, и, в-третьих, не следует забывать, что политика - искусство возможного. Нелепо предъявлять претензии Нариманову за передачу Зангезура, так же как нельзя укорять правительство АДР за уступку Армении города Иревана.

Нариман Нариманов скончался от сердечной недостаточности (по некоторым предположениям был отравлен) 19 марта 1925-го года в Москве, в возрасте 55 лет.

Его незаконченное письмо от 28 января 1925 года, к сыну Наджафу, написанное менее чем за два месяца до смерти, звучит как горькое завещание: "Дорогой мой сын Наджаф! Моя жизнь была полна забот, и я уже с двадцати лет был обременен семьями брата и сестер. Я вырастил, воспитал за эти 30 лет 11 человек, из них 8 девиц выдал замуж, а трех племянников воспитывал на свое скудное жалованье. Все это пишу для того, чтобы ты не упрекал меня в том, что мною сделано для человечества мало…

Я был социал-демократом, но эта организация все более и более отделяется от идеала. Я принял программу большевиков с особенным удовольствием т. к. в ней я видел и вижу скорое осуществление именно моей программы: уничтожить рабство на земле… Быть может ты прочтешь эти строки, когда и большевизма не будет. (! - А.) Но это не значит, что большевизм не годится, это будет означать, что мы не сумели его удержать, мы не достаточно оценили его, мы плохо взялись за дело. Откровеннее сказать: мы настолько стали надменными от власти, что занимаясь пустяками, дрязгами, упустили главное из рук. Власть портит многих. Так и случилось: власть окончательно испортила многих довольно хороших видных работников, которые решились взять судьбу огромного государства в свои руки и диктаторствовать безотчетно… Это необходимо было первое время, но продолжить такое состояние до сих пор, это значило приближать большевизм к краху.

Сейчас, когда пишу тебе эти строчки, дело наше доведено до того, что самые близкие друзья коммунисты не могут друг с другом говорить на тему о наших вопиющих недостатках вследствие неумения управлять государством теми, которые после Ленина назвали себя "законными наследниками" его.

Обо всем этом ты узнаешь из моего обширного доклада в ЦК. Этот доклад даст тебе возможность разобраться во всем этом и из этого же доклада узнаешь, что твой отец имел смелость говорить то, что многие другие не могли делать из боязни лишиться службы и власти…

Наджаф Нариманов

Дорогой мой Наджаф! Не гонись за властью, потому что она портит человека”…

Наджаф Нариманов геройски погиб на фронтах Второй мировой войны.

Как выяснилось из дальнейшего хода истории, значение личности Нариманова не ограничивается Азербайджаном и даже Кавказом, Россией и Востоком. Его идеи оказались удивительно созвучны тем веянием на Западе, которые в середине XX века стали называть еврокоммунизмом, национальным коммунизмом, и “социализмом с человеческим лицом” и клеймились со стороны ортодоксальных коммунистов как ревизионизм. (В частности в Югославии И.Б.Тито).

ГОРЬКАЯ СУДЬБА ТЮРКСКИХ КОММУНИСТОВ РОССИИ

Но до этого деятельность Нариманова оказала огромное влияние на многих тюркских коммунистов России. Если в царские время национальные чаяния тюрков выражались в просветительских, культурных акциях, то после 1905 и избрания в Думу депутатов, представляющих мусульман, возникло политическое слагаемое борьбы за национальные интересы. В деятельности отдельных партий, в печати стали все чаще появляться планы федерального устройства России. Требования предоставления культурной автономии населяющим ее народам перерастала в желание создать автономные образования. Но, разумеется, - все в составе единой России. Время для другого варианта еще не созрело. До февраля 1917 года и М.Э.Расулзаде выдвигал идею территориальной автономии Азербайджану в рамках Российского государства. Более того, Расулзаде предлагал предоставление нациям России право на самоопределение, затем все эти новообразования, по его мысли, могли вместе с Россией образовать Государственный Союз в форме федеративной демократической республики. В общем, прообраз будущего СССР или даже той формы совместного сосуществования, которое готовил Горбачев в Новоогареве.

После октябрьского переворота и обнародования ленинской декларации о правах наций на самоопределения, вплоть до отделения, многие национальные деятели связали свои надежды на возрождение народов, с большевиками.

Историческим нонсенсом является, что Идиль-Уральскую Советскую Республику возглавил Садри Максуди, а Башкирскую Зеки Валидов (Зеки Валиди Тоган). Быстро разочаровавшийся в политике большевиков Садри Максуди эмигрировал в Турцию и стал одним из видных идеологов пантюркизма. Зеки Валиди встречался с Лениным и Троцким, высоко отозвался об их уме и искренности, но вскоре также убедился в своих заблуждениях (не в уме, а в целях Ленина и Троцкого) и покинув свой высокий пост, при-

соединился к басмачам. После разгрома басмачества перебрался в Турцию и, испытывая личную неприязнь к Садри Магсуди, оказался с ним в одном лагере пантюркистов. В Турции Зеки Валиди Тоган прославился как крупный ученый, автор "Всеобщей истории тюрок".

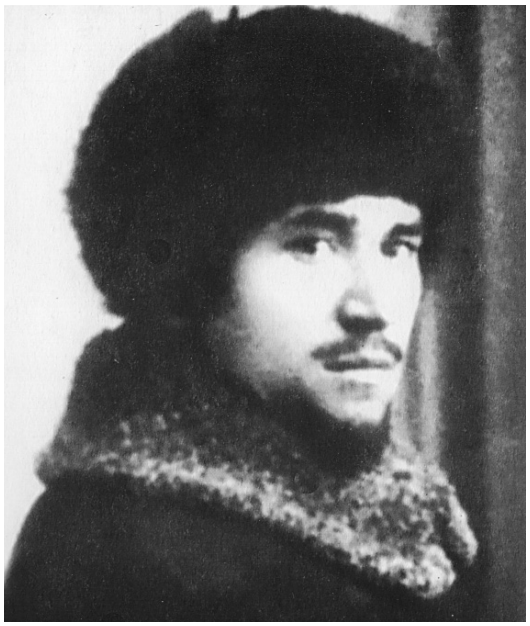
Борьбу за интересы своих народов уже в условиях советской власти повели тюркские коммунисты. Их чаяния и мечты были самые разные - от желания иметь статус союзной, а не автономной республики для Татарстана, Башкирии, Крыма, до создания объединенной Татаро-Башкирской республики или даже возрождения более обширной Идель-Уральской Республики с включением в нее не только Татарстана и Башкирии, но и Чувашии, Мари. Была даже идея создания Советской Федеративной Туранской Республики объединяющей всех тюрков, в том числе Кавказа и Туркестана. Ну как было тут не испугаться ревнителям единой, неделимой коммунистической России?

Казанские татары Мулланур Вахидов, Мирсаид Султан-Галиев, партийный, деятель, писатель, автор романа "Голод" Галимджан Ибрагимов, ученый Галимджан Шараф, крымские татары - руководители Крымской Республики Вели Ибрагимов, Исмаил Фердевс, узбеки - Председатель Совнаркома Узбекской ССР Фейзулла Ходжаев, Первый Секретарь ЦК КП Узбекистана Акмал Икрамов, казахи - заместитель Председателя Совнаркома РСФСР Турар Рыскулов, ученый Ахмед Байтурсун, Председатель Совнаркома Казахстана, писатель Сакен Сейфулин, который переписывался с Н.Нариманoвым, глава провозглашенный в 1917 году казахской автономии Алаш Орда Алихан Бикейханов, а также Омар Сулейменов (отец Олжаса Сулейменова), киргиз Торекул Айтматов (отец Чингиза Айтматова), карачаевец Омар Алиев, кумык, Руководитель Дагестана Дж.Коркмазов - были коммунистами (порой не согласными друг с другом), занимали высокие посты, но всех их постигла одинаковая участь. Все они, за исключением Муллануpа Вахидова были обвинены в национал-уклонизме и расстреляны. Муллануру Вахидову повезло - он погиб задолго до сталинских репрессий, еще 1918 году, - попал в плен к чехословацким мятежникам, которые и заблаговременно расстреляли его… Поэтому он остался в официальной истории Советского Татарстана, ему воздвигли памятник в Казани. В свои юные годы я плыл по Волге на теплоходе, который носил имя "Молланур Вахидов".

А друг, соратник и единомышленник М.Вахидова Мирсаид Султан-Галиев стал первым коммунистом-тюрком исключенным из партии и арестованным еще в 1923 году за национал-уклонизм. Наряду с ярлыком "нариманoвшина" в партийном лексиконе появился и термин "султан-галиевщина".

Небезызвестный по работе в Азербайджане, в качестве руководителя партийной организации, непримиримый противник Нариманова, Левон Мирзоян выдвинутый на пост Первого Секретаря Коммунистической партии Казахстана, обратился с письмом к Сталину о национал-уклонизме в этой республике и, получив добро, уничтожил Сакена Сейфуллина, Турара Рыскулова, Алихана Бикейханова. Как пишет Гасан Гасанов, в городах Казахстана до сих пор сохраняются памятники и мемориальные доски, посвященные этому заклятому врагу тюрков. Есть и улицы, носящие его зловещее имя.

"Перед открытием XII партсъезда у нас происходили отдельные фракционные совещания нацработников - членов съезда. Первое совещание было созвано по моей и тов.

М. Султан-Галиев

М.Султан-Галиев первая жертва среди тюркских коммунистов России 1928 г.

Нариманова инициативе" (из показаний Султан-Галиева на следствии 24 января 1929 г.).

После Нариманова Султан-Галиев был самым крупным деятелем среди тюрков-коммунистов. Во вступительном слове к книге Избранных трудов М.Султан-Галиева, изданной в Казани в 1998 году Индус Тагиров и Булат Султанбеков пишут: "Личности более противоречивой, чем Мирсаид Султан-Галиев, среди политиков XX века не так легко найти. С одной стороны, он - убежденный коммунист, с другой - ниспровергатель, казалось бы краеугольных положений марксизма - идеи диктатуры пролетариата и основанной на ней "аксиомы" о победе мировой социалистической революции, борец за счастье родного народа, и в то же время враг национальных организаций, борец за создание национального государства и человек, активно способствовавший краху Идиль - Уральского штата. И перечень тезисов - антитезисов можно было бы продолжить. Султан-Галиев стал одной из первых, точнее, самой первой среди коммунистов-националов, жертв сталинских репрессий не случайно".

Называя Султан-Галиева "великим провидцем", авторы Вступительного слова, подчеркивают, что он предсказал крах и СССР (он считал эту страну видоизмененной русской империей) и мировой колониальной системы, распад Британской, Французской империй.

"Не случайно портреты Султан-Галиева заняли достойное место в кабинетах лидера Египетской революции Гамаля Абдель Насера и вождя Алжирской революции Ахмеда Бен Беллы" - пишут они.

Султан-Галиев не предугадал лишь то, что британцы и французы давно примирились с утратой своих колоний, а в России все еще не преодолено имперское мышление, все еще теплится надежда на территориальное восстановление бывшего СССР под эгидой, разумеется, Москвы.

Если не касаться личных, крайне враждебных взаимоотношений Сталина и Троцкого, то одним из главных противоречий между ними в теоретическом аспекте было то, что Сталин верил в победу социализма в одной, отдельно взятой стране, то есть в России, а

Троцкий - нет. Но если Троцкий ожидал мировую революцию в Западных странах, Султан-Галиев в отличии и от Сталина, и от Троцкого верил, что революция произойдет как восстание угнетенных народов Востока. Как то Троцкий сказал ему, “я думал, вы человек Сталина, но убедился в обратном, когда увидел, как Сталин не подал вам руки”.

Сталин не только не подал руки, он поэтапно уничтожал Султан-Галиева. После ареста в 1923 году и освобождения, он во второй раз был арестован в 1928 году и, наконец, расстрелян в 1938 году.

Большевистские вельможи любили называть себя слугами народа. Свое неприятие советской реальности Султан-Галиев выразил емкой фразой: “Слуги народа живут гораздо лучше самого народа”.

Султан-Галиев был тесно связан с Азербайджаном, до революции некоторое время жил и работал в Баку. По мнению Халида Какынча, турецкого исследователя, автора изданной в Стамбуле книги “Султан-Галиев и национальный коммунизм” на его мировоззрение оказали влияние идеи не только татарского мыслителя Юсифа Акчуры, но и азербайджанца Али бека Гусейнзаде. Х.Какынч особо выделяет статьи Юсифа Акчуры “Два направления тюркизма” и Али бека Гусейнзаде “Влево, влево, в левую сторону”. Автор помещает эти статьи в качестве дополнения к книге о Султан-Галиеве.

В книге также рассматривается связь Султан-Галиева с турецким коммунистом Мустафой Субхи. Султан-Галиев взял у М.Субхи обширное интервью, во время его пребывания в Москве и написал скорбный некролог после трагической гибели Субхи и его товарищей в Черном море. Халид Какынч отмечает, что Султан-Галиев по своим взглядам, особенно относительно отношения к религии, был близок к Нариманову. Знаменательно, что предисловие к книге Халида Какынча написал выдающийся турецкий поэт левых убеждений Атилла Ильхан, проявляющий особый интерес к деятельности и Султан-Галиева и Наримана Нариманова.

В казанской книге Султан-Галиева также широко освещаются его связи с Азербайджаном. В статье “Батум и Армения” он дает четкое определение политике дашнакской Армении: “Советской России при ее продвижении на Восток неминуемо придется столкнуться с Арменией, так как в настоящее время эта страна в результате стараний дашнаков с одной стороны, и при благосклонном содействии Антанты - с другой, превращается в черное гнездо международной контрреволюции”. Коснувшись известных притязаний Армении на турецкие территории и поддержке этих требований со стороны Антанты, Султан-Галиев констатирует: “Взамен этой поддержки Армения обещала Антанте вооруженное восстание против Советской России и препятствование ее союзу с Турцией и Азербайджаном. В этом смысле между Арменией и Деникиным в период наступления Деникина на Москву был заключен тайный договор”.

К сожалению, оказавшись в плену советской пропаганды, Султан-Галиев неверно трактует советизацию Азербайджана. В статье “К объявлению Азербайджанской советской республики” он пишет: “Буржуазно-националистический Азербайджан сам по себе взорвался изнутри. Бакинский пролетариат, руководимый Азербайджанской коммунистической партией Гуммет, не дожидаясь прихода Красной Армии, сверг правительство Усуфбека Насиббекова и объявил Баку (? - А.) и Азербайджан Советской республикой”.

На самом деле, как знает читатель, все было не так. Неправильно интерпретирует Султан-Галиев и отношение правительства АДР к Советской России. По предыдущим страницам читатели помнят, что в ответ на ноты Чичерина о заключении Союза против Деникина, тогдашний Министр Иностранных дел Фатали Хан Хойский просил четкого ответа по поводу признания независимости Азербайджана, на что Наркоминдел России ни разу не дал конкретного ответа. А Султан-Галиев ответы Ф.Х.Хойского Чичерину преподносит так: “Как же мы можем говорить о каком-либо союзе, ведь мы… независимое государство”. Таков был смысл всех радиограмм Ф.Х.Хойского”.

Ни по смыслу, ни по тексту, таких слов нет ни в одной радиограмме Ф.Х.Хойского.

В показаниях на заседании Центральной контрольной комиссии ВКП (Б) 27 февраля 1929 года Султан-Галиев отвечает и на вопрос о связях с азербайджанскими коммунистами: “В Азербайджане “правыми” партийцами, которые в одно время находились в связи с нами, мы считали т.т. доктора Султан-Меджида Эфендиева, д-ра Исрафилбекова, т.Таги Шахбази. Эфендиева мы знали с 1919 года, со времен II съезда комнар-востока. Исрафилбекова - с того же времени (он тогда был против нас и на совещании у Ильича резко выступил лично против меня, присоединился он к нам совместно с покойным т. Нариманов в 1920 г.) т. Шахбазова же я знаю с 1917 г. еще со времен февральской революции в Баку, когда он был членом “Гуммета”. С покойным Нариманов я лично был знаком еще с 1915 г. Со всеми ими, за исключением Исрафилбекова, я находился в 1923 г. в переписке. После исключения из партии я видел еще один раз т. Эфендиева в 1926 г, заходил к нему в номер и беседовал с ним по вопросу об отношении азербайджанских “правых” к оппозиции. Т.Эфендиев развивал ту мысль, что, по его мнению, существовавшая при Н. Нариманове точка зрения о необходимости ориентации в нацвопросе на Троцкого оказалась ошибочной, и что ориентацию эту следовало бы изменить и не обострять наших отношений с ЦК партии. При этом тов. Эфендиев сообщил, что мысль эту разделяют и остальные азербайджанские “правые”. Я лично против постановки т. Эфендиева не возражал, находя, что в условиях Азербайджана, это, пожалуй, и верно. Больше с ним я не встречался”.

Знакомясь с трудами Султан-Галиева, книгами о нем, в том числе с посвященным ему романом моего друга, татарского писателя Рената Мухаммеди, я получил более полное представлении о личности Султан-Галиева, о котором до этого имел весьма скудные представления. Передо мной встал яркий образ искреннего человека, с пламенной душой, еще в юношеском возрасте поверившего в коммунистические идеи, включившегося в активную борьбу за их воплощение и ставшего влиятельной фигурой в партии не достигнув еще и тридцати лет. А в тридцать один год ему пришлось встать перед судилищем своих же товарищей и соратников на Пленуме. Затем, исключенный из партии, уже перед советским судом, одним из создателей, которого, по его собственным словам, был он сам.

Книга на английском языке о великом турецком поэте Назыме Хикмете называется “Романтический коммунист”. Таким же романтическим коммунистом был, на мой взгляд, и Мирсаид Султан-Галиев. Оказывается, он был к тому же поэтом. В казанскую книгу включено несколько дивных стихов Султан-Галиева. Фрагментом одного из них я хочу завершить этот раздел посвященный светлому сыну татарского народа.

Я был метеором и в пустоту
бесконечности носился…
Я слабо светил…И свет мой лишь
мглу бесконечную мне освещал
Не знал я, кто носит меня по пустыне
темноты.
Не знал, зачем свечу я…
И казалось мне, что нет конца
Этому морю мрака и что бесконечно долго
носиться я буду в нем.
одинокий и слабо светящий…

“Носиться в море мрака” ему довелось не долго. В 1938 году в возрасте 46 лет, Мирсаид Султан-Галиев был расстрелян.

ПРОБУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ЮЖНОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Развитие национального самосознания в Южном Азербайджане в конце XIX начале XX века шло несколько иным, отличным от Северного Азербайджана - путем, хотя духовная, культурная и литературная связь между двумя частями одного народа никогда не прерывалась. Однако исторические и политические события в Российской империи и Иране имели свои специфические особенности и национальное самосознание, естественно определялось реальностью этих стран. И на Севере и на Юге общественно-политическое взгляды формировались в основном на почве идей, выраженных в художественных и публицистических текстах М.Ф.Ахундзаде, Г.Зардаби, М.А.Сабира, М.Дж.Мамедкулизаде, Джемаледдина Афгани, Зейналабдина Марагаи, Мирзы Абдулрагима Талыбова Тебризи. Но если на Севере эти взгляды определялись дискуссиями в печати, политической и партийной деятельностью, то в Южном Азербайджане события развернулись в форме бурных революционных выступлений. И каждый раз эти судьбоносные восстания начинались в Иранском Азербайджане, в “туманном Тебризе”.

Недаром удостоенный прозвища “Сардари милли” (“Вождь нации”) Саттархан говорил, что “Азербайджан как каменный котел, он медленно согревается и также медленно стынет”. События в Иране 1906-1911 годах определяют как “Революцию Мешруте” (Мешруте - Конституция).

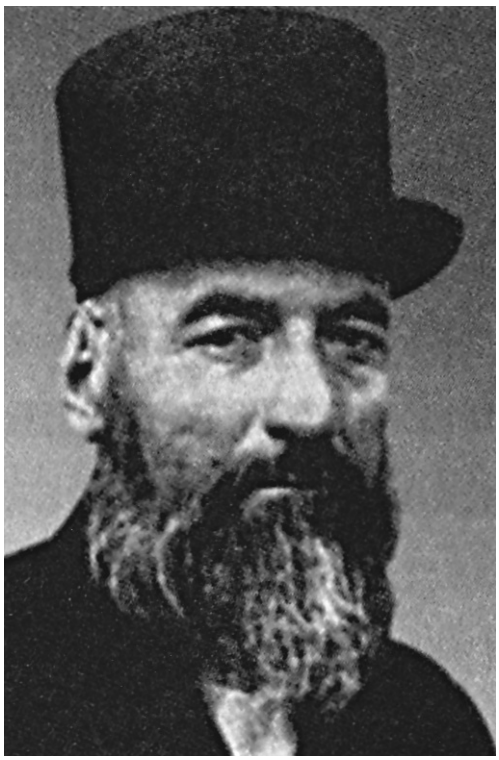
Эта революция имела большой резонанс в мире. Ленин называл Саттархана Иранским Пугачевым. В Европе его сравнивали с Гарибальди. Но, наверное, уместнее было бы сравнить его с Кромвелем, ибо возглавляемое движение имело антимонархический характер и ставило целью устройство Конституционной политической системы в Иране.

Говоря модным ныне термином, Саттархан был харизматическим лидером. Еще при жизни его образ в сознании широких масс был мифологизирован. Бытовали легенды, будто тело Саттархана из бронзы. По словам Пишевари народ верил, “пули не брали

Саттархана. Он идет на врага открыв грудь и направляемые в его сторону пули падают вниз как град. Из любого боя он выходит живым и невредимым".

Глава Тебризского энджумена (совета), ближайший друг Саттархана Багирхан, получивший прозвище Салари милли (Национальный главнокомандующий), а также их ближайшие соратники Али Мусье, молодой в те годы Шейх Мухаммед Хиябани, Гейдар Амиоглу (будущий руководитель Иранской компартии), трагически рано погибший поэт-романтик Саид Салмаси начали свои действия в Тебризе, но их целью было не отделение Азербайджана от Ирана, как приписывали им их враги, а создание достойного существования и азербайджанцам и другим народам Ирана в рамках общего демократического Государства.

Во время "революции Мешруте" осуществляются меры связанные с азербайджанско-тюркским языком. Если до 1905 года только отдельные просветители вроде Мирзы Гасана Рушдийе пытались наладить преподавание на родном языке, при Саттар хане были заложены твердые основы образования на азербайджанско-тюркском.

Мирза Гасан Рушдие

Революционные события в Иране привлекали пристальное внимание общественности Северного Азербайджана. М.А.Сабир посвятил восторженные стихи Саттархану. С целью познакомиться лично с Саттар ханом в Тебриз поехал Мамед Эмин Расулзаде.

В книге "Иран и его революция" Ахмед бек Агаоглу утверждает, что на антишахские выступления в Иране повлияла и деятельность турецких революционеров в Иране.

Министр Иностранных Дел Великобритании сообщал: "Русский посол потребовал от иранского правительства, чтобы Саттархан и Багирхан были выдворены из Азербайджана силами вооруженных сил Ефрем хана и Бахтияра".

Бахтияры персидское племя, обитавшее на юге Ирана, а Ефрем хан - руководивший дашнаками в Гилане в те годы Ефрем Давидян.

И шахские власти всеми силами пытались отдалить Саттархана и Багирхана от Азербайджана. Не в силах добиться этого боевыми действиями, власти усиленно приглашали их в Тегеран. Ш.М.Хиябани прибыв в Тебриз, пытался отговорить Саттархана от поездки в Тегеран. Но мастеру интриг, "иранскому Талейрану", министру внутренних дел Ахмеду Кавамус-салтане удалось обманным путем заманить Саттархана, и он со своими бойцами прибыл в Тегеран.

Широко известно определение Ленина царской России, как жандарма Европы. Но царская власть выступала в качестве жандарма и на Востоке, в частности в Иране. По приглашению шахского правительства в подавлении "Революции Мешруте"активно

участвовали казаки под предводительством Ляхова.

Трижды в XX веке - Южный Азербайджан пытался отстоять свое национальное достоинство - во время Революции мешруте в 1906-1911гг., в 1920-1921гг. и в 1945-1946гг. И во всех трех этапах освободительного движения Кавам сыграл свою зловещую роль палача азербайджанского народа. Мастеру политических игр Ахмеду Кавам-ус-салтане, получившему кличку “лиса Ахмед”, удалось рассорить и двух видных Иранских революционеров Гейдара Амиоглы и Кучук хана, а затем уничтожить каждого из них одного за другим.

Так же вероломно он расправился и с движением Саттархана. В августе 1910 года Саттархана и его бойцов-федаинов количеством около 300 человек в парке Атабек в Тегеране внезапно окружили 7 тысяч вооруженных людей, и стали обстреливать из пушек. Саттархан был серьезно ранен в ногу. После этого он до конца жизни в 1914 году оставался под домашним арестом. Посетив его в доме Кавам сказал с беспрецедентным цинизмом: - Господин Саттархан, неужели вы думали, что я вроде Мамедалишаха? -имея в виду предыдущего безвольного царя Ирана.

Саттархан на коне

Но, как бы то ни было, Саттархан и возглавляемая им “Революция мешруте” дали Ирану Конституцию и парламентскую систему. За эти заслуги на трибуне Иранского Парламента была помещена мемориальная доска с именами Саттархана и Багирхана.

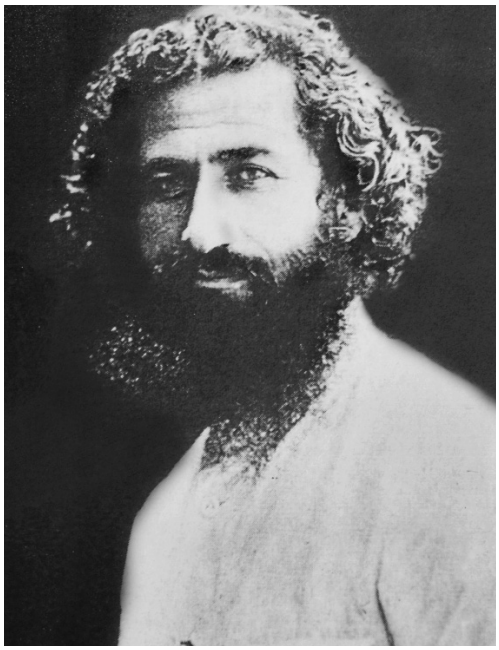
В Иране появились политические партии. В становлении левых политических партий в Иране большую роль сыграла деятельность в этой стране в разное время Наримана Нариманова и Мамед Эмина Расулзаде.

Новый этап освободительной борьбы народа Южного Азербайджана связан с именем былого соратника Саттархана Шейха Мухаммеда Хиябани.

Еще один крупный деятель Южного Азербайджана Сейид Джафар Пишевари, возглавивший правительство Демократического Азербайджана в

Багир хан

Кючук хан

Гейдар Амиоглу

1945-м году, сравнивая этих двух революционеров, писал: “Если смотреть с точки зрения храбрости, Саттархан был героем. Он не сдался врагам. Но если смотреть с точки зрения науки, мысли, эрудиции место Шейха (Хиябани А.) выше. Сардар (Саттархан - А.) был бесстрашен, Шейх также бесстрашен, но он в то же время был ученым”.

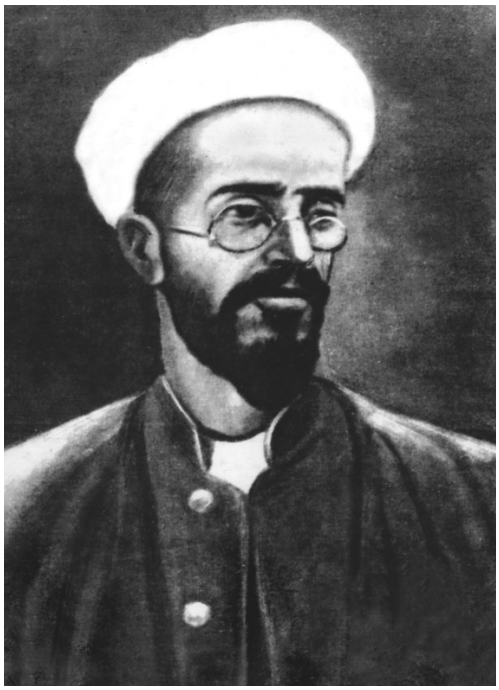
И другие источники подтверждают глубокие знания Шейха Мухаммеда - ученого и философа. Родился он в 1880 году в селении Хамне близ Тебриза. Это небольшое селение знаменательно, во-первых, тем, что там же родился и Мирза Фатали Ахундзаде. Хамне также родина нынешнего духовного лидера Ирана Али Хаменеи. В предисловии к книге Али Азери “Государство Азадстан и Шейх Мухаммед Хиябани”выдающийся современный поэт и ученый Гамид Нитги отмечает что, день его рождения день в день совпадает с годом и днем гибели Хиябани. Активный участник Революции Мешруте Хиябани за особый героизм, проявленный в боях в квартале Хиябан (5 марта 1909 г.) Тебриза принял эту фамилию. В новых условиях, учитывая опыт Революции Мешруте Саттархана в Иране, Движения Танзимат в Турции, и сложную судьбу независимости Северного Азербайджана (советизацию Азербайджана Шейх считал “другим лицом царизма”), Хиябани продолжил и развил идеи свободолюбия.

“Там где нет демократии ни о какой свободе не может идти и речи”, - говорил он.

Идеологические основы борьбы Хиябани формировались на страницах газеты “Теджеддут” (“Обновление”) издаваемой его другом Мирзе Таки Рифатом. Хиябани был избран депутатом Парламента Ирана. Он боролся за реализацию достижений Революции Мешруте, то есть соблюдения духа и буквы Закона. Но убедившись в невозможности достижения этих целей парламентским путем и хорошо зная коварство тегеранских правителей, Хиябани возглавил восстание в Тебризе, начавшееся 7 апреля 1920-го года.

Он преобразовал Демократическую Партию Ирана в Демократическую партию Азербайджана. Реформы, которые намечал Хиябани, носили демократический характер, были направлены на социальную защиту угнетенных слоев населения. “Мы хотим

создать в Иране такое демократическое правительство, чтобы оно реально выражало бы интересы народа и обеспечило бы подлинную свободу", - говорил он.

Ш.М.Хиябани

В то же время он ставил и чисто национальные задачи. Страстная любовь к своей родине Азербайджану освещает весь жизненный путь Хиябани, определяет все этапы его борьбы. Его борьба была направлена на утверждение независимости Азербайджана и обеспечения широкого употребления азербайджанско-тюркского языка, внедрения этого языка в образовательную систему.

"Резня, погромы, несправедливости, жестокость не могут уничтожить независимость Азербайджана, - писал Хиябани, - не могут задушить требования свободы народа. О Азербайджан, о азербайджанская Демократия… Подними голову. Ты одинокий странник дороги обновления и эволюции, ты приобрел опыт, прошел через испытания и теперь перед тобой открывается новая эпоха. Для восстания против деспотизма, против иностранной агрессии, для борьбы с внутренними провокационными элементами, - требуются мужество и честь, самоотверженность и воля. О бессмертный Азербайджан, подними голову и живи вечно…"

В апреле 1920 года, Красная армия свергла Азербайджанскую Демократическую Республику. В том же апреле 1920 года Хиябани в Тебризе провозгласил независимую азербайджанскую республику под названием Азадстан (Страна Свободы).

Небезызвестный Ахмед Кесреви, молодой человек в те годы, пишет: "В дни восстания один из близких людей Хиябани отмечая самоотверженность Азербайджана в борьбе за свободу и Конституцию, предложил заменить название страны Азербайджан на Азадстан. После падения Русской империи тюркоязычные азербайджанцы Кавказа создали республику и назвали ее Азербайджанской Республикой. Создатели этой республики надеялись, что однажды эта страна объединится с Иранским Азербайджаном. В этом была причина названия Азадстан".

Это - версия азербайджанца Ахмеда Кесреви -азербайджанафоба с молодых лет. Он приводит и такой характерный факт своей стычки с Хиябани: "На одном собрании мы направили вопросы Хиябани. Он сказал: у этих людей сердца не чисты. Пусть сначала очистят свои сердца и замыслы, тогда я отвечу им". Я привел один анекдот из журнала "Молла Насреддин". Шейх был разгневан. Нервно произнес: "Я не люблю молодых, особенно невоспитанных молодых". И я не сдержался и произнес: "я тоже не люблю консерваторов, особенно злых шейхов".

Этим собрание закончилось и все ушли. Я больше не видел Хиябани. Теперь я думаю, что не должен был говорить такое, ведь он был на 17-18 лет старше меня. Я должен был смолчать в ответ на его слова. Всему виной молодость".

Важное значение в биографии Хиябани имела его встреча с М.Дж.Мамедкулизаде, когда тот поселился в Тебризе. Мирза Джалил задумал возобновить здесь издание журнала “Молла Насреддин”. Ему посоветовали издавать журнал на персидском языке, он отказался наотрез, и выпустил несколько номеров журнала на азербайджанско-тюркском. После гибели Хиябани М.Дж.Мамедкулизаде принял приглашение советских властей и вернулся в Баку.

Следует отметить, что М.Дж.Мамедкулизаде, которому предлагали возглавить органы просвещения в Баку (возможно пост Наркомпроса), заявлял, что ни на какую официальную должность он не претендует, хочет лишь продолжить издание журнала “Молла Насреддин”в советском Азербайджане. Немало настрадавшись от цензуры - царской в Тифлисе и шахской в Тебризе, Мирза Джалил надеялся, что теперь в Баку полная свобода печати, и он будет писать и издавать свой журнал, так как хотел. Советские литературоведы в течении многих лет цитировали фельетон М.Дж.Мамедкулизаде “Шура” (“Советы”), который начинался словами о том, что писатель “благодарит свою совесть за то, что ему довелось дожить до установления близкой его душе власти - власти советов”. Но на этом месте цитата из фельетона обрывалась, ибо в продолжении М.Дж.Мамедкулизаде в свойственной ему ироничной манере высмеивал некоторые особенности нового строя. Особенно доставалось депутатам Советов. Он пишет о том, что встретил группу депутатов возвращавшихся из Баку и спросил, какие вопросы они решили на Совете. В ответ депутаты сообщили, что ездили на автомобилях, купили войлочные папахи, а что говорилось на Совете толком так и не поняли. Фельетон кончается словами: “Дорогие мои, оказывается, Совет означает то, что несколько депутатов сидят в вагоне и выясняют между собой, куда же они ездили, откуда возвращаются, зачем ездили туда и что поняли из того, что там говорилось. Вот, оказывается смысл слова Шура (совет). Это и есть Шура - мои дорогие. Вот и все”.

Естественно, что фельетон с такой концовкой не включался ни в одно из изданий произведений великого писателя в советское время. Суть советской системы М.Дж.Мамедкулизаде своим острым умом и цепкой наблюдательностью понял очень рано, сразу после переезда из Ирана. Уже в 1922-м году он пишет еще один фельетон, в котором описывает, как хотел купить билет на поезд. На железнодорожном вокзале перед одной из касс стояла длинная очередь, а перед другой никакого не было. Писателю объяснили, что вторая касса предназначена для ответработников. - Это замечательно, - говорит Мирза Джалил и вносит дельное предложение: а нельзя ли проложить отдельную железную дорогу для ответработников. Одни рельсы для обычных людей, другие для руководителей.

Разумеется, журнал с таким направлением не мог долго продержаться в советское время, хотя с трудом все же выходил аж до начала тридцатых годов, В конце концов, М.Дж.Мамедкулизаде пришлось отказаться от своего детища. О перипетиях его трудной судьбы, в том числе и в советские годы - подробно говорится в эссе “Большое бремя понимать”, включенном в первый том этой книги.

Возвращаясь к судьбе Хиябани, необходимо отметить, что он также, как и Саттархан, не ставил целью отторжение Азербайджана от Ирана. Он представлял Азербайджан как автономную демократическую республику в составе обновленного, живущего по Кон-

ституции Ирана, обеспечивающего достойное существование всем народам страны, уважение к языку и обычаям каждой нации. Хиябани хотел изменить подчиненный Тегерану статус Азербайджана, влить в его вены свежую кровь.

“О, любимый Азербайджан, - писал он, - ты - глаза Ирана открытые Западу. Ты как чуткое и чувствительное сердце, направляешь родину к свету. Ты как волшебная сила, которая оставаясь верным яркому прошлому Ирана, ведешь его к европейской цивилизации. Во имя всех жертв и самоотверженности, во имя крови, оросившей эту землю на пути к свободе, воплоти в жизнь наши ожидания, о высокий Азербайджан”.

- Мы не испытываем вражды к Тегерану, - говорил Хиябани. - Все государственные учреждения находятся там. Мы будем встречаться с новым кабинетом. Будем требовать признания национального правительства. Если они согласятся на наши желания, будем сотрудничать с ними. В противном случае продолжим нашу борьбу.

Ни о каком сотрудничестве, ни о каких уступках, ни о какой национальной автономии в Тегеране и не помышляли. Там думали и планировали, как покончить с Хиябани. В начале стали прибегать к самым примитивным методам: пытались подкупить. Предложили ему вознаграждение (взятку!) в размере 60 000 туменов, с условием, чтобы он отказался от борьбы. Хиябани с возмущением отверг эти предложения. “Разве человек, поставивший целью жизни свободу и независимость своей родины, может продаться за какие либо деньги? - спрашивал он. - Настоящий Азербайджанец, Азербайджанский тюрок никогда не польстится на деньги, чтобы отказаться от борьбы”.

Жена Хиябани говорила, что казаки (последователи тех же казаков, которые уничтожали саттархановцев) ворвавшись в дом Хиябани после его гибели, удивлялись бедности обстановки. Они предполагали, что Шейх должен жить роскошной жизнью в богатстве и достатке. Хиябани испытал и горечь предательства людей, которым он делал добро и вспоминал слова Имама Али: “Остерегайтесь зла в отношении вас от людей, которым вы сделали добро”.

И гибель свою Хиябани встретил достойно.

После подавления казаками в сотрудничестве с английскими силами, тебризского восстания Хиябани некоторое время скрывался в доме одного из своих друзей. Отверг разные варианты спасения и был убит самым изуверским образом. Сначала его ранили, сломали руку, начали избивать, затем его окровавленное тело носили по улицам Тебриза в назидание другим - будущим - бунтарям. С истинным демократом расправлялись теми же методами, каким спустя почти целый век расправились с диктатором Каддафи.

Шейх Мухаммед Хиябани - один из самых светлых и чистых политиков Азербайджана XX века. Своей жизнью и смертью он подтвердил слова, сказанные в последнем выступлении:

“Тебриз хочет, чтобы власть принадлежала народу. Весь Азербайджан разделяет это наше желание. Если Тегеран выступит против наших желаний, Азербайджан снова восстанет. Мы хотим демократического правления во всем Азербайджане. Все должны иметь возможность откровенно выражать свои мысли. За это право, в случае необходимости, мы готовы пожертвовать жизнью. Умереть с честью на этом пути, лучше бесчестной жизни”.

Вместе с Хиябани жестоким образом были казнены все его сторонники.

Есть такая тюркская максима: “Меч был в наших руках, а перо в руках наших врагов”, имея ввиду, что Ираном всегда правили тюрки, а официальным языком державы был персидский.

В 1921-м году в Иране не только перо, но меч оказался в руках персов. Рза хан, сместив тюркскую династию Каджаров, объявил себя Шахом Ирана. “Я не крал корону каджаров, - скажет позже Рза-шах, - она валялась на улице, я ее подобрал и возложил на свою голову”.

Это еще один урок истории. В эпоху смут к власти могут придти все кто угодно. После отрекшегося от трона Николая Романова, после бегства Керенского, большевики взяли корону власти, валявшуюся на улице, и возложили на головы Ленина и Троцкого.

Пишевари давая характеристику Рза шаху, писал: “Он с самого начала не был прогрессистом. Его мнимым реформам не верил ни простой народ, ни прогрессивно настроенная интеллигенция. Все знали, чем все это кончится. Пытались разными путями предотвратить диктатуру. Но по мере укрепления диктатуры Рзы шаха увеличивались и его аппетиты. Он хорошо знал иранские народы. Лучше всех понимал свое истинное положение, а также подхалимство окружающих его чиновников. Знал, что все они врут, знал, что все они лицемеры, пользующиеся его авторитетом ради собственных благ. Поэтому он относился с подозрением и презрением ко всем”.

Рза шах был деспотом, диктатором, тираном вроде Сталина, но в более мелком, иранском масштабе. Многими чертами своего характера он напоминал также М.Дж.Багирова. Это не просто мои слова. Я помню как Мирза Ибрагимов, однажды признался, что создавая образ Рзы шаха в романе “Наступит день”, использовал некоторые особенности поведения Багирова. Имея возможность в течении многих лет наблюдать Багирова вблизи Мирза муаллим замечал, как тот с такой же подозрительностью относится к людям из своего окружения, не верит их преданности, что, кстати, подтвердилось после падения “киши” (“хозяина”, как его называли), когда против него резко выступили былые соратники. Видимо это тоже особенность судьбы диктаторов - больших и малых, провинциальных.

Как все диктаторы Рза шах также жаждал величия и могущества своей страны. С этой точки зрения он был политиком, тяготевшим к Западу, но, разумеется, не к его духовным, демократическим и гуманистическим ценностям, а к его техническому и индустриальному развитию. Эта тяга особенно усилилась после посещения Турции и ознакомления с реформами Мустафы Кемала. Конечно, ни на какой плоскости - ни в моральном, ни в интеллектуальном плане - фигура Рзы шаха не сопоставима с великой личностью Ататюрка. И в отличии от Ататюрка он не хотел заменить тысячелетнюю Иранскую монархию республиканским строем. Но стремясь к индустриализации, он не осознавал, что в интеллектуально порабощенной стране никакой технический прогресс не возможен.

Впрочем, я понимаю, что это мое утверждение спорно. Технический прогресс состоялся и в нацистской Германии, и в фашисткой Италии, и в сталинском СССР. Эта так. Но правдой является и то, что подобные режимы, основанные на подавлении и жесточайших репрессиях, рано или поздно терпят крах. И судьба самого Рзы шаха и спустя 40 лет его сына-наследника Мухаммед Рзы шаха завершились полным крахом. 17 сентября 1941-го года лишился трона и был изгнан из своей страны Рза шах. Он умер через год.

22 летним вступивший на трон Мухаммед Рза был также смещен всенародным движением и в 1979-ом году с позором изгнан из страны.

В царствовании Пехлеви, как при отце, так и при сыне - азербайджанско-тюркский язык подвергся особым гонениям. Запрещенный не только в школах, в прессе, в издании книг, в учреждениях и предприятиях, на собраниях, он преследовался даже в частной переписке. В Иране мне рассказывали, что один человек получил наказание за то, что в своем письме другу, написанном на персидском языке вместе “азизи-мен” (мой дорогой на персидском языке), написал “азизим” (мой дорогой на тюркском).

Идеологическим обоснованием такой политики были “изыскания”ученых, среди которых, к сожалению, этнических азербайджанцев было в немалом количестве, утверждавших, что автохтонным населением Азербайджана был персоязычный народ. А тюркский язык этому народу навязали орды “диких монголов и тюрков”. Набивший оскомину знакомый бред, доживший до наших дней. Честные, объективные ученые в самом Иране отвечали этим бредням. Так, например, Мукаррем писал: “Те, кто утверждает, что монголы силой навязали азербайджанцам свой язык, весьма невежественные люди. Если монголы, властвовавшие в Азербайджане менее ста лет, навязали нам свой язык, то почему же владеющие нашей страной в течении шести веков персы не сумели возродить здесь свой язык. У нас был один язык, у нас есть один язык, и будет один язык. Это тюркский язык, который мы унаследовали от своих предков”.

Шовинистические утверждения, будто тюркский язык был навязан азербайджанцам после монгольских нашествий- абсурдны. Чужой язык поработителей можно внедрить официально - в странах даже с самым многочисленным составом населения и со своими исконным языками, как, например русский в Российской империи, английский в Индии, французский в Алжире, персидский в Иране. И этим навязанным языком заставят пользоваться на собраниях и в медиа, на страницах книг и в школьных учебниках. Но как можно внедрить в народную речь пословицы и поговорки, колыбельные и погребальные, обрядовые и любовные песни, сказки и легенды, целые эпические циклы? Они исконны, первоначальны, ни один народ не может навязать другому фольклорную стихию родной речи.

За право говорить на своем родном языке, хотя бы у себя дома, на улицах и рынках, Азербайджан заплатил дорогой ценой, кровью своих лучших сыновей и дочерей.

ГОДЫ РЕПРЕССИЙ И ССЫЛОК

В 20-ые годы залитым кровью оказался не только Южный, но и Северный Азербайджан. Сразу после советизации Азербайджана, сотни не казненных новыми властями, не убитых киллерами деятелей АДР, были сосланы в лагеря смерти. Замечательный русский писатель Олег Волков, также оказавшийся узником Соловков, написал проникновенные и благородные слова об азербайджанцах, с которыми встретился там, в ссылке. Он пишет о мученической гибели мусаватистов, о гордости и достоинстве, с какими эти люди несли в лагерях свой тяжкий крест, об их истерзанной муками плоти и о несокрушимости их несломленного духа.

В книге “Погружение во тьму”О. Волков пишет:

“В то время в Бутырках их было около трехсот, ссылаемых на Соловки членов партии мусаватистов. Цвет тюркской - по позднейшему, азербайджанской - интеллигенции… Мне открылся мир неведомый и своеобразный. Мир небольшого народа, отчаянно отстаивающего свою самостоятельность, свои традиционные воззрения и обычаи дедов. Когда потом пришлось жить бок о бок с мусаватистами на Соловках, я видел, каким сыновним уважением окружены у них седоглавые, как заботливо следят старшие, чтобы никто не был обделен за братской трапезой, как внимательны к тем, кто ищет уединения для молитвы… По ним я мог судить, насколько далеко дошло за минувшее десятилетие одичание русского общества. Как ожесточились характеры по сравнению с окраинным народом, куда позднее проникли и где на первых порах осторожно внедрялись заповеди новой морали”.

Волков отмечает, что на первых порах все мусаватисты были поселены вместе в одном из старых монастырских корпусов, но вскоре их попытались разъединить. Тогда они объявили голодовку.

“Большинство мусаватистов было настроено стоять до конца. Добровольно обрекшие себя на смерть смотрели на меня, как на чужого человека, находящегося от них по другую грань жизни.

Пусть и знали, что пришел друг. Их все-таки сломили. Обещали - приходил к ним сам начальник лагеря Эйхманс - дать работу по желанию и вновь поселить их вместе. Тут же принесли еду - горячее молоко, рис. Само собой - обманули. Знали, что у человека ощутившего счастье перехода на рельсы жизни после трехнедельного соскальзывания в тупик смерти, уже не хватит духа вновь с них сойти. Не поддались лишь староста мусаватистов и несколько его ближайших друзей. Мы с Георгием пытались их уговорить - Я решил умереть- твердо сказал нам староста - Не потому, что разлюбил жизнь. А потому, что при всех обстоятельствах мы обречены. Большинство из нас не переживет зиму -едва ли не все больны туберкулезом. Оставшихся все равно уничтожат- расстреляют или изведут на штрафных командировках. Мы и на Соловки привезены с тем, чтобы покончить с остатками нашей самостоятельности. В Баку мы для них реальные и опасные противники. Мы и наши цели слишком оболганы, чтобы я мог коротко объяснить трагедию своего народа. - Он закрыл глаза и долго молчал. На осунувшемся его лице мы прочли волю человека, неспособного примириться с отвергаемыми совестью порядками - так уж лучше так, не сдавшимся.

Напоследок он пошутил: Я потребовал перевода с острова … в солнечную Шемаху! Случится мимо ехать - поклонитесь милым моим садам, кипарисам, веселым виноградникам. Прощайте, друзья, Таких русских, как вы, мы любим.

Оглядываясь на мою длинную жизнь - я это вписываю в 1986 году- я вспоминаю случаи, когда чувствовал свою вину русского, из-за принадлежности к могучему народу - покорителю и завоевателю, перед которым приходилось смиряться и поступаться национальным. Так было и в некоторые минуты… общения с венгерским студентом. Но особенно - когда развернулись перед глазами трагическая эпопея мусаватистов: словно и я был участником насилия над слабейшим”.

Приводя такой большой кусок из книги Олега Волкова я хочу сказать, что и я сам лично чрезвычайно люблю русский народ, из-за таких его представителей, как этот старейший русский писатель с обостренной совестью.

Доктор Б.Э.Агаоглу, один из активных деятелей “Мусавата”был в числе первых узников советского концлагеря. В конце 20 годов ему удалось вырваться из СССР и также написать в эмиграции воспоминания о Соловках.

“Когда в 1927-ом году азербайджанскими политическими заключенными была объявлена голодовка - протест, - пишет Агаоглу - все заключенные - украинцы, грузины, горцы, туркестанцы и т.д. изъявили желание присоединиться к этой голодовке и разделить участь своих азербайджанских товарищей. Правда, решение это не было приведено в исполнение, но только потому, что сами азербайджанцы воспротивились этому. Они боялись - разделения и изоляции политических заключенных, а поэтому предпочли голодать сами. Но морально они были удовлетворены: они воочию убедились, что здесь на далеком севере, среди чужой и неприветливой природы, в лапах профессиональных палачей-чекистов они не одиноки. Вся “инородческая”Россия, спаянная единством несчастья и единством цели, выказала им свою солидарность”.

Знакомясь с этими горькими свидетельствами, я вспомнил также произведение великого русского писателя Ф.М.Достоевского “Записки из мертвого дома”, которое когда-то очень давно читал. Вновь перелистав страницы этой потрясающей книги человеческих страданий, я убедился, с какой глубокой симпатией и даже с каким-то нежным сочувствием относится писатель к ссыльным кавказским тюркам, с которыми общался на каторге.

(У Достоевского они названы “дагестанскими татарами”, но как известно, татарами на Кавказе в то время называли азербайджанских тюрков).

С особо добрым чувством Достоевский вспоминает юного Алея (по всей видимости, Али). В примечаниях к этому произведению читаем: “Любимыми героями Достоевского в “Записках из мертвого дома”становится тихий и ласковый юноша Алей”. Далее в тех же примечаниях сказано: “Личная честность и благородство, религиозное смирение и деятельная любовь - вот главные черты, которым наделяет Достоевский своих излюбленных героев. Создавая впоследствии Мышкина (“Идиот”) и Алешу (“Братья Карамазовы”) он, в сущности, развивал тенденции, заложенные еще в “Записках из мертвого дома”. Описывая пьянку во время православного праздника, Достоевский отмечает, что кавказцы смотрели на весь этот “страм”с любопытством и вместе с тем и с некоторым омерзением. А один из кавказских тюрков говорил: “Яман, яман! (так у Достоевского) - ух, яман! Аллах сердит будет”.

В самом Азербайджане жестоко подавлялись любые очаги сопротивления. Даже членов небольших вооруженных групп объявляли бандитами и расстреливали без суда и следствия. Под видом раскулачивания уничтожалась наиболее жизнестойкая часть крестьянства. А “уничтожение кулака, как класса в условиях Азербайджана и всего Кавказа означало ничто иное, как поголовное истребление главной массы населения”- писал М.Э.Расулзаде.

Судьба всего Азербайджана висела на волоске. Ведь Сталин запросто выслал мусульманские народы Северного Кавказа и Крыма. Что стоило ему сделать то же самое с азербайджанцами. Но для беспрекословного исполнения этого дьявольского замысла, необходим был духовный геноцид нации, который и состоялся в 20-30 годы, а своего апогея достиг в 1937-ом году.

Угроза выселения азербайджанцев - оптом, целиком, всю нацию- висела над нами и в годы войны. Гитлеровская Германия просила у Турции 48 часов для транзитной пере-

броски своих войск на Кавказ. Правительство Исмета Иненю не согласилось. Если бы все же этот транзит в 48 часов состоялся, то в первые же 24 часов были бы высланы или уничтожены все азербайджанцы и взорваны все бакинские нефтяные промыслы. Говорят, что в глубоко тайных архивах ЦК или НКВД есть даже документы, подтверждавшие это намерение. Как то в беседе с Гейдаром Алиевым я спросил его об этом. Он сказал, что не имеет никаких сведений об этом.

Если все же такой план был в действительности, то осуществление его не состоялось, во-первых, из-за отказа турецких властей дать разрешение на транзит. А, во-вторых, азербайджанцев от депортации спас, видимо Багиров, убедивший Сталина в абсолютной лояльности и преданности своего народа. Впрочем, если это в самом деле так, то Багиров спасал не только свой народ, но и самого себя, ибо понятно, что в случае депортации первым был бы расстрелян он сам.

Точно также, когда говорят, что Сталин спас СССР в годы Великой Отечественной войны, не следует забывать, что в то же время он спасал свою собственную шкуру. Руководители стран, даже самых больших, тоже люди и собственная жизнь им также дорога, как и всем остальным смертным. Во имя Родины они готовы посылать на смерть миллионы своих граждан, но только не самих себя.

Антисталинисты утверждают, что он уничтожил 30-40-50 миллионов людей. - Что вы? -возмущаются сталинисты - только 4-5 миллионов.

Другое чудовище XX века Гитлер также уничтожил миллионы людей, пытался стереть с лица земли целые народы - евреев, цыган, громадное количество славян. Но за исключением участников реального заговора против него, никого из высшего руководства страны и армии он не казнил. До конца оставались рядом с ним ближайшие соратники и их семьи.

Сталин же уничтожал не только невидимую массу своих граждан, но и своих коллег, людей с которыми был хорошо знаком, с которыми прошел и через подполье, ссылки в царское время и кто работал с ним бок о бок после Октября. Мало того, он ежедневно общался, работал, а по вечерам пировал с Молотовым, Калининым, Микояном, Кагановичем, ели, пили, шутили, а в это самое время в тюрьмах и ссылках томились жены Молотова, Калинина, Поскребышева, сын Микояна. До самоубийства был доведен родной брат Кагановича. Калинин, как формальный Глава государства вручал в Кремле ордена и медали, а в это время его жена в сибирской ссылки травила вшей из своей одежды. Один лихой кавалерист Буденный оказался молодцом, с пулеметом в своей московской квартире отстоял свою жену от чекистов.

Существует такая зловещая игра известная под названием “русская рулетка”. В барабан пистолета вставляется несколько пуль и одну или несколько отверстий в зависимости от условий игры, оставляют пустыми. Затем крутят барабан, приставляют дуло к виску и нажимают курок. Так испытывается судьба, кто-то выживает, кто-то гибнет. Когда задумываешься о трагедии 37 года, на ум приходит сравнение с русской рулеткой. Часто от чистой случайности зависело, уцелеет ли человек или будет подвергнут аресту, ссылке, расстрелу. В Азербайджане, к примеру, были расстреляны и бывшие мусаватисты, иттихадисты, беспартийные, чем-то неугодившие коммунистам, но и сами и коммунисты, нередко сами чекисты, которые до собственной казни расстреливали других. В

шестидесятые годы прошлого столетия была популярна крамольная песня на слова Юза Алешковского:

Товарищ Сталин, вы большой ученый-
В языкознанье знаете вы толк
А я простой советский заключенный
И мне товарищ - серый брянский волк.

За что сижу, воистину не знаю,
Но прокуроры, видимо, правы,
Сижу я нынче в Туруханском крае,
Где при царе сидели в ссылке вы.

То дождь, то снег, то мошкара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры разводили пламя -
Спасибо вам, я греюсь у костра.

В этой песне есть и такие точные слова, выражающие суть эпохи:

Вчера мы тут хоронили двух марксистов,
Тела одели ярким кумачом,
Один из них был правым уклонистом,
Другой, как оказалось, ни при чем.

Исходя из этой же “логики”сажали, ссылали, казнили людей самых разных убеждений, судеб, социальных слоев. Расстреляли поэтов мусаватистов Ахмеда Джавада, Музниба и прозаиков коммунистов ТагиШахбази, Б.Талыблы, Г.Назарли, были уничтожены престарелый литератор, просветитель, иттихадист Султан Меджид Ганизаде и работник ЧК поэт Г. К. Санили, арестованы, казнены молодой поэт Микаил Мушфиг, автор популярного стихотворения “Пой тар, кто тебя забудет”и Наркомпрос, критик Мустафа Кулиев, запретивший преподавание тара в Консерватории, репрессирован великий драматург Гусейн Джавид и бесследно исчез яростный критик его творчества Ахмед Тринич.

Но, очевидно, в этой алогичности была все же своя логика. Когда уничтожаются совершенно разные люди без всякой логической увязки, страх сковывает души всех без исключения. Как поется в той песне, среди репрессированных и “правые уклонисты”и те (большинство!) которые вообще ни при чем. С другой стороны репрессии против коммунистов, ответработников, чекистов, могут восприниматься и как акты возмездия за те бесчинства, которые они творили до этого в отношении невинных людей. Поэтому, сейчас, когда всех без исключения репрессированных объявляют жертвами и даже героями, якобы боровшимися с властью, то в этом тоже большая несправедливость. Также нелепо обвинять всех, кого сия чаша миновала в том, что они чудом выжили.

В замечательном антитоталитарном романе английского писателя Дж. Оруэлла “1984” больше всего меня поразило глубокое и верное наблюдение автора: жертвы в конце концов начинают любить “Большого брата”- Диктатора, безжалостно уничтожающего их всех. Знал ли Оруэлл о том, что многие (особенно коммунисты) перед расстрелом выкрикивали: “Да здравствует товарищ Сталин!”Ведь многие из жертв считали, что все эти беззакония творятся без ведома великого вождя. Даже в наши дни, когда на основе тысячи документов разоблачена чудовищная садистская сущность сталинского режима, огромное количество людей добровольно считают Сталина “Лицом России”, мечтают о “новом Сталине”, который огнем и мечом наведет порядок в этом “беспределе”. И каждый думает, что будут уничтожены все ненавистные им люди, но самих их сия чаша минует. Роковое заблуждение всех времен и всех народов.

И это после публикации “Архипелага ГУЛАГА”а Солженицына, после “Колымских рассказов” Варлама Шаламова, после мемуаров Нины Мандельштам, вдовы погибшего в ссылке поэта Осипа Мандельштама, после “Крутого маршрута” Гинзбург (матери писателя В.Аксенова), “Большого террора” английского писателя Р.Конквиста, и десятка других документальных и достоверных свидетельств о чудовищных преступлениях эпохи Сталина.

Да, миф Сталина внедрен в сознание нескольких поколений с запасом прочности ни на одно десятилетие. Может быть, он был гениальным гипнотизером, сумевшим усыпить и подчинить своей воле многомиллионное население целой страны. Гипноз продолжается по сей день, многие все еще не очухались от его воздействия. Я назвал бы Сталина и самым долгоумирающим, а возможно и вовсе не умирающим тираном в истории.

К сожалению, в нашей Азербайджанской литературе произведений о трагических событиях тех лет, не очень много. Я не раз уговаривал наших выживших после бериевских лагерей писателей Сулеймана Велиева и Гюльгусейна Гусейноглу, написать о своих мытарствах в ссылке. Покойный С. Велиев после этого написал повесть “Даже птица со сломанным крылом, оказывается, может летать” (Этот длинный на русском языке точный перевод названия произведения в оригинале звучит более емко: “Ганады сынмыш гуш да учармыш”). Но уважаемый Гюльгусейн Гусейноглу, несмотря на постоянные обещания в ответ на мои предложения, так и не написал о том, как был приговорен к расстрелу, а затем после замены расстрела на 25 летний срок, десять лет провел в ссылке.

И С.Велиев и Г.Гусейноглы, как и другие выжившие ссыльные вернулись на родину во второй половине 50-х годов, после разоблачений Хрущевым сталинских злодеяний, (хотя и сам Хрущев был далеко не безгрешен в годы массовых репрессий). В эти же годы появилась поэма Расула Рзы, посвященная горькой судьбе его друга молодости Микаила Мушфига. Назым Хикмет писал: “Поэма Расула Рзы “О если бы не было роз” посвящена трагедии одного поэта в годы культа личности. Это одно из первых произведений в советской литературе на эту тему, оно затрагивает крайне важные темы и проблемы, которые беспокоят всех нас”.

В другом стихотворении Расул Рза первым в советской литературе поставил рядом название Освенцима - нацистского концлагеря и Колымы - советского пункта смерти.

Этой же болезненной теме посвящены роман Мехди Гусейна “Подземные реки текут в море”, пьеса Ильяса Эфендиева, поэма Бахтияра Вагабзаде “Два страха”и другие.

Микаил Мушфиг

С чувством благодарности нужно отметить подвижнический труд наших ученых, выявивших в архивах бесценные документы и на их основе высветивших из небытия имена и судьбы многих жертв “красного террора”. В числе этих книг “Красный террор”академика Зии Бунядова, “Ответ даст история” Муртуза Садыхова (покойный автор сам был сослан в юном возрасте вместе со всей своей семьей, я написал предисловие к этой его книге), “Черные тени белых пятен”историка Джамиля Гасанлы, “Болевые судьбы” Насимана Якублу и другие.

Эта тема привлекала пристальное внимание писателей поколения “шестидесятников”.

В одном стихотворении Вагиф Самедоглу пишет о себе:

Родился в 1939.

Был арестован в 1937.

Эта хронологическая неувязка ставила в тупик многих. Но эти строчки точно выражали суть мироощущения нашего поколения, которое формировалось в свете разоблачительных документов касающихся эпохи репрессий. Эти документы производили на нас обжигающее, ранящее впечатление.

Лично меня всегда особенно волновала судьба детей. Так во время посещения Освенцима меня больше всего поразила витрина, за которой грудой лежали детские туфли, обувь уничтоженных детей. В “Архипелаге Гулаге” до глубины души трогает сцена, где Солженицын описывает юную девочку, которую из-за какой-то мелкой провинности вертухай выставляет из барака в морозную ночь и та умоляет палача, “дяденька, я больше не буду, пустите меня в барак”.

И Солженицын пишет (цитирую по памяти): “В тот момент я понял, что обязательно должен выжить хотя бы ради этой девочки, чтобы написать о ее муках”.

Я привожу здесь одно письмо из книги Насимана Якублу. Это письмо 14 летнего сына Рухуллы Ахундова Фарида бывшей их няне Александре Дмитриевне.

“Дорогая Шурочка! Это второе письмо, которое я пишу вам. Не знаю, получили ли первое письмо. Мы с Нелей (с сестрой Фарида) живем в детском доме НКВД. Жить здесь очень трудно. Не выпускают наружу и нет школы, чтобы учиться. Весь день сижу и вспоминаю вас, наш дом, школу, своих родных. Я не плачу при людях, но внутри себя все время плачу. Шурочка, дорогая, забери Нелю и меня отсюда. Многих забирают родственники, близкие. Надо написать письмо Когану в НКВД, что хочешь забрать нас. И если он разрешит, ты забирай нас быстрее. Потому что очень скоро нас пошлют в разные детские дома”.

Я переписывал это письмо 31-го августа 1997-го года, для включения в свою книгу раздумий и воспоминаний (кстати, эту книгу я все еще не завершил). Мне было в то вре-

мя 60 лет. Я многое повидал, много пережил, терял очень близких и родных людей. Мне казалось, что достаточно окреп, чтобы не поддаваться эмоциям. Но переписывая это письмо (тогда я еще не работал на компьютере, а писал от руки чернилами) я заливался слезами, и слезы растворялись чернильными пятнами на странице. Сейчас, перелистывая эти расплывшиеся страницы, я вспомнил это.

Я читал о чудовищных пытках, которым подвергся Рухулла Ахундов. Перед расстрелом, ему сломали кости и выкололи глаза.

Но вот это отчаянное письмо ни в чем не повинного юноши, у которого вдруг отняли все - родителей, семью, дом, свободу, а теперь еще хотели разлучить навеки с сестрой, производит на меня такое же потрясающее впечатление, как и муки его отца. Я сразу вспоминаю и трудные судьбы своих друзей - Чингиза Айтматова, Таира Салахова, Тогрула Нариманбекова, Олжаса Сулейменова, чьи родители также были репрессированы, и которые так же ощутили горькую сиротскую долю.

Рухулла Ахундов

И еще я думаю о том, что так вполне могла бы сложиться и наша судьба, когда заместитель НКВД Азербайджана Хорен Григорян подал рапорт М. ДЖ. Багирову, с предложением сослать Нигяр Рафибейли. Если бы ее сослали, отец пошел бы за ней, а нас - меня и двух моих малолетних сестер отдали в какой-нибудь детский дом. Причем в разные дома. Резолюция Багирова “оставить!” спасла нашу семью.

ЛИТЕРАТУРА. СТАВКОЙ БЫЛА ЖИЗНЬ

Обезличивание и обескровливание нации, как всегда начинали с писателей и поэтов.

В наши дни расхожим местом стало обвинение в адрес писателей, что они якобы сами виноваты в своей участи, что топили друг друга, доносили друг на друга, а в результате гибли все. Конечно, и среди писателей, как и среди представителей различных профессий, были разные люди - были стукачи и доносчики, завистники и трусы, карьеристы и демагоги. Но само время, сами обстоятельства, сама необходимость выживания в экстремальных ситуациях заставляли проявляться в людях - а писатели тоже люди- самые худшие их качества. Ставкой была жизнь. Если литературные амбиции и вызванное ею соперничество в другие, более спокойные времена, можно было сравнить с шахматными соревнованиями, то в эпоху репрессий противостояние приобретали характер гладиаторских боев - или должен был убить (заложить, оклеветать, лжесвидетельствовать) или быть убитым (заложенным, оклеветанным).

Более или менее благородным поведением было хотя бы неучастие в травле своих коллег, в молчании, в неосуждении осужденных. О какой-либо защите репрессированных не

могло быть и речи, ибо, если кто-то заступился бы за кого-то, немедленно разделил бы его участь, ничего не изменив в судьбе осужденного.

Сама власть толкала писателей на предательство и клевету. Я уж не говорю о чудовищных пытках, под которыми давали показания арестованные. Как осуждать писателя коммуниста Беюкага Талыблы, который в своих показаниях обвинил в национализме и антисоветизме Г.Джавида, Абдуллу Шаига, Юсифа Везира, Таги Шахбази, Самеда Вургуна, Сулеймана Рустама, Мехди Гусейна, Микаила Мушвига? Более того он заявил, что ему известна контрреволюционная группа организованная Гаджи Назарли в составе С Вургуна, Мехди Гусейна и Расула Рзы. Как я могу осудить его, если предполагаю, вернее, знаю, под какими пытками он вынужден был давать такие показания.

Мемориал в честь репрессированных в Союзе писателей Азербайджана

Огтай Садыхзаде. "Репрессированные писатели"

В юные годы, роясь в отцовской библиотеке, я наткнулся на книгу - стенографический отчет о московских судебных процессах 30-х годов. Позже эту книгу кто- то стащил у нас и потому, я привожу поразивший меня пример, по памяти. Помню, что все обвиняемые признавались во всех преступлениях, которые им инкриминировались. И лишь один Крестинский не признает своей вины. В стенограмме указывалось, что сразу после этого Председательствующий объявляет перерыв. Через два часа заседание возобновляется, и Крестинский принимает все обвинения. И ежу понятно, за эти два часа с ним сделали такое, что он в корне изменил свою позицию.

В Азербайджане не только директивные, но и печатные органы прямо призывали писателей доносить друг на друга, разоблачать друг друга еще до того, как это сделают чекисты. Некий Г. Рыклин писал в газете "Правда"8 июня 1937-го года: "Советский Азербайджан цветет новыми людьми, замечательными талантами, строите-

лями, борцами за социалистическую культуру. Бывшие обитатели кочевых шатров (?! - А.) изучают Физули и Пушкина. Старые ашуги слагают песни о партии большевиков, о Сталине. Радостные огни страны приводят в бешенство врагов азербайджанского народа - националистов, мусаватистов, троцкистов. На фронте культуры долгое время бесконтрольно распоряжался троцкист и мусаватист Рухулла Ахундов. Он возглавлял Азербайджанский филиал Академии наук, руководил Комитетом по делам искусств, хозяйничал в Союзе писателей. Все эти организации и учреждения он засорял "своими"людьми - скрытыми и открытыми врагами народа. Еще совсем недавно возглавлял Союз писателей член партии Алекперли, тот самый Алекперли, который написал хвалебную статью о контрреволюционном романе "Садаф" мусаватиста Ахмеда Джавада. Алекперли, под чьей редакцией вышла гнусная фашистская книга мусаватиста Юсуфа Везиря "Студенты".

После Кязыма Алекперли во главе Союза писателей стал Сейфулла Шамилов. И почти ничего не изменилось. Болезнь продолжается. Поговорите с Шамиловым, и он с гордостью расскажет вам, как возглавляемый им Союз борется с врагами: "Мы исключили Али Назима, Ахмеда Джавада, Рафили". Как будто все в порядке (!-А.) Но дело в том, что правление Союза рьяно "разоблачает"врагов, уже разоблаченных другими организациями".

Вдумайтесь в эти слова, автор статьи прямо призывает писателей разоблачать своих коллег еще до того, как за них "возьмется" НКВД. Что касается исключенного за национализм из Союза Микаила Рафили, то он в отличии от расстрелянных Али Назима, Ахмеда Джавада не был репрессирован, через некоторые время был восстановлен в членах Союза писателей, чтобы опять-таки, спустя несколько лет вновь быть исключенным из него теперь уже … за космополитизм.

Призыв Рыклина не остался безответным. В газете "Бакинский рабочий" от 14-го июня появилось сообщение о том, что 12-го июня вечером закончилось общее собрание советских писателей Азербайджана, продолжавшееся 3 дня. Признавая правильность статьи тов. Рыклина "Ухищрения врага"в "Правде"от 8-го июня, писатели в своих выступлениях указывали на крупнейшие недочеты и ошибки правления Союза.

"Однако, ни выступление Председателя Союза Шамилова и секретаря Самеда Вургуна, ни выступление бывшего руководителя Союза Алекперли не удовлетворили собравшихся - утверждается в газете - выступавшие в прениях писатели (С. Рустам, Дж. Хандан, А. Фаруг, Сарывелли, М. Рагим) признавая правильной статью в "Правде", указывали, что с помощью злейших врагов народа Рухуллы Ахундова и Микаила Гусейнова и вследствии полной потери бдительности руководством Союза писателей в течении ряда лет (Назарли, Алекберли, Шамилов, Самед Вургун), в среду азербайджанских писателей проникли агенты японо-германского фашизма (!-А.), троцкисты, национал-уклонисты, мусаватисты, пантюркисты и всякого рода контрреволюционные элементы, как-то Али Назим, Ахмед Джавад, Талыблы, Таги Шахбази, Али Рази, Гусейн Джавид, Санылы, Мушфиг, Сеид Гусейн и др. Собрание постановило освободить Шамилова от обязанности председателя и Самеда Вургуна от обязанности ответственного секретаря СП. Собрание избрало новое правление в составе 7 человек: Али Мамедова (председатель), А.Г.Расулзаде (ответственный секретарь), С.Рустама, С.Вургуна, М.С.Ордубади, Мкртычяна и Камского".

Партийный деятель Али Мамедов проработал Председателем Союза писателей в течении очень краткого времени .

СПАСЕНИЕ ИСКУССТВОМ И НАКАЗНИЕ ИСТОРИЕЙ

Говоря об этой эпохе, я часто обращаюсь к слову “парадокс”. Что поделаешь, если сам ход событий парадоксален. В годы жесточайших репрессий в отношении не только писателей, но и ученых, деятелей искусства, артистов (были репрессированы и расстреляны ведущие актеры Азербайджанского драматического театра Аббас Мирза Шарифзаде и Ульви Раджаб), когда им предъявлялись смехотворные обвинения не только в пособничестве японо-германскому фашизму, но куда более опасные и серьезные обвинения в национализме, пантюркизме, появились два программных образца нашей культуры, воплотивших в наивысшей форме национальный дух азербайджанского народа - опера “Кёроглу” Узеира Гаджибейли и драма “Вагиф”Самеда Вургуна.

Узеир Гаджибейли

Не схематичным сюжетом и неуклюжими текстами арий, вышедшими из-под пера романиста М.С.Ордубади, а бессмертной гаджибековской музыкой, опера “Кероглу”была и осталась наиболее ярким выражением патриотического духа азербайджанской нации. Неслучайно в дни подъема освободительного движения в конце 80-х начале 90-х годов прошлого века на многотысячных митингах на площади “Азадлыг” (“Свобода”) звучала увертюра “Кероглы”, призывая народ к единству, борьбе и мужеству.

В пьесе “Вагиф”Самед Вургун воспевал величие, красоту и крайнюю необходимость родного азербайджанско-тюркского языка, перед искусственно навязываемым народу чужим языком. В пьесе это - персидский язык, но зрители воспринимали слова о приоритете родного языка в современном контексте и потому несколько поколений азербайджанской молодежи знали наизусть почти весь текст стихотворной драмы Вургуна. Кстати, слово “тюрк”, до этого времени употреблявшееся как название нации, ее языка, и в самых разных сферах (“тюркский театр”, “тюркская литература”, “тюркские газеты”, “тюркские словари”и т.д.) прозвучавшее в одном из стихотворений Самеда Вургуна, во время чтения этого произведения в Кремле на приеме у Сталина, привлекло внимание вождя. Поэт передавал привет Сталину от “тюркских девушек, без чадры и косметики”. Привет от тюркских девушек Сталину, наверное, понравился, но его насторожило, что эти самые девушки все еще “турчанки”. “Мир Джафар, - сказал он Багирову, - ваш народ - это азербайджанцы а не турки” (или тюрки). Так решил Сталин и это не обсуждалось. Сталину нужно было во чтобы то ни

Самед Вургун

стало отделить азербайджанцев от турков и потому он помимо изменения самого имени нации предпринял еще несколько соответствующих шагов в этом направлении. Думаю, особое внимание, которое уделял он Низами, связано с тем, что поэт писал не на тюркском, а на фарси. В истории Азербайджана не должно было остаться никаких тюркских следов и потому Сталин советовал нашим ученым искать корни своего народа в нетюркской Мидии. Сельджуки, огузы, разумеется, были объявлены чужеродными пришельцами и захватчиками, посягнувшими на наши земли. Многие наши ученые, взяв за основу эти сталинские тезисы, остаются в их плену по сей день. Необходим был еще один шаг в направлении окончательного размежевания Азербайджана и Турции - наш отказ от латинского алфавита, пионерами которого на Востоке были мы. Ну как можно было допустить, чтобы мы с турками пользовались одним и тем же алфавитом и естественно, без труда знакомились бы с литературой друг друга?

УГРОЗЫ ЯЗЫКУ

О проблемах связанных с переходом с латиницы на кириллицу я пишу в этом томе, в статье посвященной Первому тюркологическому съезду. Об отношении к этому вопросу азербайджанской интеллигенции, в том числе нашей семьи я подробно писал в эссе “Борьба вершится и сегодня”, включенном также в первый том этой книги. Не стоит здесь повторяться. Отмечу что в нашей семье и отец, и мать, и дядя по отцу писатель Энвер Мамедханлы, считали этот переход самой большой драмой в духовной жизни нации, после трагических событий 1937 года. Я, как мне кажется, понимаю сейчас их тогдашнее душевное состояние. Они воспринимали, очевидно, переход на кириллицу, как первый шаг к полной русификации и исчезновению родного языка. Этого к счастью, не произошло, но такая опасность все же была вполне реальной. Выступая на XVI съезде Компартии, Сталин прямо заявил, что конечной целью национального строительства в СССР должно быть слияние всех национальных культур “в одну общую культуру с одним общим языком”. Каким языком мыслился этот “общий язык”, ни для кого не было секретом. Газета “Правда”от 9 июня 1934-го года писала: “Турецкая терминология пахнет пантюркизмом. Нужно вместо этих терминов употреблять советские (читай русские - А.) которые в бесчисленном количестве появились в процессе создания социалистической культуры”.

Мирзабала Мамедзаде в статье “Советская языковая политика в Азербайджане”приводит список этих слов-терминов, запестривших на страницах азербайджанской прессы: обзор, картина, описание, начальник, паровоз, счет, часть, паек, предприятие, карточка, печать, предмет, поклон, негодяй, округ, район, райком, мещанин, гражданин, почта, союз и т. д. или же такие уродливые словосочетания-гибриды: “прошение вердим” (подал прошение), “мешат елеме” (не мешай), “мектеб предметлери” (школьные предметы), “собранияя гедирем” (иду на собрание).

Это цитаты из статьи М.Мамедзаде, написанной в 1936-ом году и опубликованной в Турции. Интересно отметить, что почти в то же время - в 1938-м году Самед Вургун и Расул Рза выступают со всей резкостью против этого же явления - засорения азербайджанского языка - на Сессии Верховного Совета Азербайджана в Баку.

Самед Вургун говорил: “Язык - честь нации, его история, его совесть”. Поэтому, считал поэт, язык надо сохранить чистым, незамутненным, незасоренным. Почему вместо “сеферберлик” мы должны употреблять “мобилизация”, вместо “малиййе” - “финансы”, вместо “меденииййет” - “культура”.

Расул Рза с иронией говорит, что газете “Коммунист” (органу ЦК КП Азербайджана) может быть присуждено первенство в засорении нашего языка и приводит целый список слов из этой газеты:: натура, участок, механизатор, сорт, позиция, транспорт, спекуляция, экипаж, рейс, продукция, корпус, учот, хормейстер, авария, просент, простой, комиссариат, масштаб, машинист, ларйок, структура, инструксия, буксир - “можно привести еще сотню подобных слов из наших газет -говорил Расул Рза, которым, при небольшом усилии, можно найти эквиваленты на азербайджанском языке”.

Это цитата из доклада Расула Рзы “Сегодняшнее состояние азербайджанского языка и будущие задачи”. Доклад был сделан на специальном совещании, посвященным проблемам языка в 1939 году, созванном по инициативе Расула Рзы, когда он стал Председателем Союза писателей Азербайджана.

До этого доклада, выступая на сессии Верховного Совета Азербайджана, Расул Рза говорит еще более резкие слова:

“Человек, не знающий толком своего родного языка, не может достаточно усвоить и чужой язык… Несколько человек не вправе решать судьбу языка… Самый большой хранитель языка - народ. Язык народа - история народа. Пусть иные наши издательские работники не спешат создавать *великий коммунистический язык будущего* (курсив мой - А.) Как говорится, не закатывают штаны до

Самед Вургун и Расул Рза

половодья и не парятся до прихода лета. Пусть не засоряют наш язык вследствие своей безграмотности".

Может и неосознанно с его стороны, но эти слова Расула Рзы прямо противоречат установке Сталина о будущем "общем языке".

Азербайджанские писатели, наиболее последовательные защитники языка, не раз критиковали за пренебрежительное отношение к родному языку даже влиятельных партийных и правительственных функционеров. Самед Вургун писал в одном из стихотворений:

Отчего же не выступать на родном языке
товарищу комиссару?
Разве есть какое-то величие
в этой дурной привычке (не делать этого)

(подстрочный перевод)

Выступая на сессии Верховного Совета, Расул Рза говорил:

"Есть люди, которые недостаточно оценивают роль азербайджанского языка - основного языка республики. Сегодня в деле изучения азербайджанского языка, его применения на деле, образования на этом языке, есть определенные недостатки. Здесь присутствует Министр просвещения республики товарищ Мамедов, безусловно, он знает, из года в год сокращается количество учеников поступающих в азербайджанские школы. Эта не просто фраза. За этой фразой стоит судьба нашей науки, нашей литературы, нашего искусства. Это не может не беспокоить всех нас. Язык надо защитить от всякого рода агрессии".

Необходимо отметить и тот факт, что дети всех азербайджанских писателей получали среднее образование на родном языке. Литераторы были едва ли не единственной прослойкой в республике, которая обучала своих детей на азербайджанском языке.

"Только благодаря тогдашним усилиям руководителей СП Азербайджана Мирзы Ибрагимова, Расула Рзы и др. азербайджанский язык остался живым и продолжил свое естественное развитие - говорит Рустам Ибрагимбеков в беседе с корреспондентом Вести. Аз. - Недавно поднятые архивные документы выявили, что шла настоящая война, из Москвы приезжали различные комиссии, потому что из Баку неазербайджанская часть населения, писала жалобы, с целью вытеснения азербайджанского языка даже на бытовом уровне. И, повторяю, в те времена СП Азербайджана был единственной опорой нашего родного языка. Только за один этот факт, мы должны быть благодарны нынешним писателям и всей писательской организации в целом".

ЦЕНА ПЕРЕХОДА С ЛАТИНИЦЫ НА КИРИЛЛЛИЦУ

Решение о переходе с латиницы на кириллицу воспринято было большинством азербайджанской интеллигенции негативно. В 1939 году Народный комиссар Внутренних Дел Емельянов и сотрудник Комитета Григорян доносили о настроениях азербайджан-

ских писателей в связи с этой акцией: “Писатель Э.Мамедханлы говорил: мы маленькая нация, и нас хотят русифицировать посредством алфавита. Есть сведения, что Самед Вургун и Расулов (так в документе - А.) Рза, возвращающиеся из Москвы, резко высказались против перехода на новый алфавит”.

Мирза Ибрагимов и Расул Рза

Эта акция проводилась по прямому указанию самого Сталина. По свидетельству близких в то время к Багирову партийных функционеров, в частности - Мир Теймура Якубова, Мир Джафар сам был не в восторге от этого решения Сталина, он даже не торопился послать в Москву соответствующие материалы. Однажды даже Сталин позвонил и сердито спросил: - Мир Джафар, долго ли я буду ждать? Немедленно пришлите материалы.

На этом вопрос для Багирова был окончательно решен. Он должен был стать самым активным проводником сталинского поручения. Выступая на совещании в Баку, Багиров говорил: “Партия, правительство и лично товарищ Сталин одобрили ставшее общенародным движение за переход на русскую графику”.

И тут поступило письмо на имя Багирова от поэта А.Фарука, причем озаглавленное: “Шаг назад”. Письмо А.Фарука было воспринято Багировым как вражеская провокация, как выпад чуть ли не против Сталина. Доброхоты тут же доложили, что Фарук является родственником Расула Рзы (очень дальним - А.) Багиров счел, что это Расул Рза подучил Фарука написать такое письмо. Расул Рза резко возразил Багирову, сказав, что свою позицию всегда выражает сам и от своего имени. Более того он сказал Багирову: Разве вы отвечаете за все поступки своих родственников?

Это взбесило Багирова: Я этими вот руками расстреливал своих родственников, - сказал он.

После этого отец тут же был смещен со своего поста Председателя Союза писателей и на долгое время попал в черные списки. Благо компания репрессий, к этому времени прекратилась и дело ограничилось тем, что не только сам Расул Рза, но и его книги были исключены из списка Декады в Москве. Помимо критических выпадов в его адрес, со стороны нового руководства Союза писателей, на долгое время исчезло любое упоминание его имени в печати.

В это время началась Великая Отечественная война. Абдулла Фарук был отправлен на фронт и погиб в боях. Расул Рза добровольно отправился корреспондентом армейской газеты в Крым.

АЗЕРБАЙДЖАН В ГОДЫ II МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В азербайджанской редакции фронтовой газеты “Боевая Крымская” выходящей на четырех языках - (русском, азербайджанском, грузинском, армянском) военными корреспондентами работали Джафар Джафаров (заместитель Главного редактора Березина), Расул Рза, Али Велиев, Аббас Заманов, Насир Иманкулиев, Ибрагим Новрузов. Помимо материалов для самой газеты, они систематически отправляли в Баку очерки и сообщения о героизме азербайджанских бойцов на Крымском фронте. Это было крайне необходимо, ибо наши недоброжелатели распускали слухи, что азербайджанцы не умеют воевать, что они чуть ли не содействуют врагу, готовы дезертировать и сдаваться. Особенно усердствовал в этом направлении высокопоставленный политкомиссар в Крыму Мехлис, именно его усилиями и инструкциями распространялась эта клевета. Даже Хрущев в своих злосчастных мемуарах отмечает, что Мехлис ненавидел кавказцев.

После отступления советских войск из Крыма, наши писатели вернулись в Баку и Расул Рза написал подробное письмо М.Дж.Багирову, в котором приводил конкретные факты возмутительного отношения некоторых русских офицеров к азербайджанским бойцам. 28 января в Гамыш-Буруну пьяный капитан стрелял в лейтенанта азербайджанца, но промахнулся так как был в невменяемом состоянии. Мы тут же составили акт по этому поводу и все подписали. Офицеры называют наших не азербайджанцами, а оскорбительным словом “елдаши”. Это слово в русском языке носит неприличный характер. К месту и не к месту ругают наших бойцов по матери, а для азербайджанца это хуже смерти. Распускаются ложные сведения, что якобы Феодосию сдали азербайджанцы. Выступая на общем собрании партийных работников, Мехлис утверждал, что азербайджанцы воюют хуже всех. Так же негативно относятся и к грузинам, называя их “тифлисскими духанщиками”.

По возвращении в Баку Расул Рза был принят Багировым. Отец рассказывал, что в течении нескольких часов он информировал Багирова о бесчинствах в отношении азербайджанцев на крымском фронте. Багиров тут же при нем позвонил в Москву, и еще больше сгущая краски, сообщил кому-то высокопоставленному (может быть Берии?) об отношении к кавказцам в Крыму. В частности о позиции Мехлиса.

Видимо Мехлису сделали замечание по этому поводу и он затаил обиду на Багирова. Уже в послевоенные годы, будучи Председателем Контрольной Комиссии, он послал большую группу в Азербайджан, с целью организовать и собрать компромат на Багирова. Багиров несколько раз пытался попасть на прием к Сталину, наконец это ему удалось, и он излил ему всю душу (по рассказу отца это было собственное выражение Багирова: урейими бошалтдым). В течении нескольких часов вся камарилья Мехлиса была выдворена из Азербайджана не солоно хлебавши. Якобы Сталин сказал Мехлису: Вы уже второй раз сталкиваетесь с Багировым. Не советую вам столкнуться с ним в третий раз.

Азербайджанцы самоотверженно сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны от Северного Кавказа до Прибалтики.

Трехмиллионный Азербайджан послал на фронт 600 тысяч своих граждан, то есть значительную часть своего мужского населения призывного возраста. Половина их - 300 тысяч не вернулись с войны. Большая часть погибла в боях, часть была застрелена своими же - СМЕРШ-ом или по приговору военного трибунала на основании того, что не владея

русским языком, соглашались с обвинением в дезертирстве (как рассказывал нам об этом мой отец). Часть попала в плен, и там тоже судьба пленных сложилась по-разному.

За активное участие в освобождении Таганрога легендарная 416 дивизия, состоящая в основном из азербайджанцев, получила название Таганрогской и в этом городе - родине Чехова - возвышается мемориал в ее честь. Первым среди азербайджанцев Героем Советского Союза стал Исрафил Мамедов, в последующие годы этого же высокого звания были удостоены более 70 уроженцев Азербайджана - в их числе будущий академик Зия Буниядов, Аслан Везиров, Гафур Мамедов, заслонивший своим телом командира, Адиль Гулиев, Мелик Магеррамов и многие другие.

О подвиге летчика протаранившего фашистские самолеты и погибшего в бою Гусейнбалы Алиева писательница Кетлинская опубликовала очерк в “Правде”под названием “Мужество”. На всю страну прославились боец Бахтияр Керимов, в одиночку уничтоживший 11 врагов и снайпер Зиба Ганиева, боевая летчица Зулейха Сеидмамедова, партизан Мехди Гусейнзаде, сражавшийся под кличкой “Михайло”и погибший в Юго-

Исрафил Мамедов

Мехди Гусейнзаде

Памятник Мехди Гусейнзаде в Баку

Ахмедиййе Джебраилов

славии. Его подвиг был отражен в повести “На дальних берегах” Имрана Касумова и Гасана Сеидбейли и в фильме режиссера Тофига Тагизаде по сценарию этих же авторов.

Другой партизан - участник Французского Сопротивления Ахмедиййе Джебраилов по партизанской кличке Мишель Армед, был удостоен Президентом Шарлем Де Голлем высшей награды Франции, орденом Почетного легиона.

Крупнейшим военачальником - генерал-майором танковых войск был Ази Асланов. Вопреки присказке “генералы умирают в своей постели”Ази Асланов погиб на фронте.

В свое время Ази Асланов был представлен ко второй Звезде Героя Советского Союза, но из-за бюрократической волокиты не получил ее при жизни. Второй Золотой звезды Героя Советского Союза он был удостоен спустя много лет после смерти. Большие усилия в этом деле проявил журналист и режиссер-документалист Муса Багиров снявший фильм о генерале. М.Багиров скрупулезно собрал все необходимые документы, неоднократно обращался с письмами в соответствующие инстанции и настойчиво обивал пороги высоких учреждений в Москве. Письмо М.С.Горбачеву в поддержку предложения о присвоении посмертно второй звезды Ази Асланову подписали и писатели С.Рустам, Анар, Гусейн Аббасзаде (автор романа “Генерал”об Ази Асланове), Балаш Азероглу, Иван Третьяков, Юсиф Самедоглу.

В день когда был, наконец подписан указ о награждении Ази Асланова второй звездой, один из высокопоставленных московских партийных функционеров сказал Мусе Багирову: “Эту звезду заслужил Ази Асланов, но добились Вы. Можете несколько дней носить ее у себя на груди в Москве, вы достойны этого”.

Ази Асланов единственный азербайджанец, удостоенный звания Героя Советского Союза дважды.

Посмертно этим званием был награжден и знаменитый разведчик Рихард Зорге. Р.Зорге родом из Баку и в нашем городе ему установлен весьма оригинальный памятник.

Ази Асланов

В боях с фашистскими захватчиками погиб и старший сын Мир Джафара Багирова Джангир (Владимир) Багиров. Если старший сын Сталина Яков попал в плен, а по мнению его отца, это был самый большой позор, то сын Багирова, старший лейтенант, летчик в последнем бою - 8 июня 1943 года уничтожил 7 вражеских самолетов и героически погиб. Посмертно был награжден орденом Ленина.

Говорят, что в последний день перед расстрелом, Багиров попросил отвезти его к могиле сына, которая тогда была в Нагорном парке. Позже ее куда-то перенесли и имя Владимира Багирова в числе героев войны больше нигде не упоминается.

Памятник Рихарду Зорге в Баку

У войны много лиц, она по-разному разворачивает судьбы людей. Кто-то заслуживает самых высоких наград, кто-то проходит ее от звонка до звонка, звеня лишь медалями. Кто-то погибает на войне, кто-то пропадает без вести, а кто-то попадает в плен. Но и у пленных, как уже было сказано, судьба складывается по-разному. Одни, как Мехди - Михайло или Ахмедийе Джабраилов действуют в рядах партизан, другие волей неволей оказываются в рядах легионеров, сражающихся против советской армии. Сталин сказав: “у нас нет пленных, есть лишь предатели родины”и не пожалевший спасти даже родного сына, закрыл дорогу на Родину для всех, кто оказался в руках врага. Триста пленных азербайджанцев, которые тогдашнее турецкое правительство сдало Советским властям были тут же прямо на границе расстреляны. Остальных также или расстреливали или ссылали в Сибирь. Неизвестно, какая судьба ожидала бы того же Мехди Гусейнзаде, если бы он каким то образом вернулся на Родину. Ахмедийе Джабраилова, после возвращения в родной город Шеки, в течении долгих лет допрашивали и пытали чекисты.

Джангир (Владимир) Багиров

Вовсе не оправдывая легионеров, сражавшихся против “своих”, (некоторые современные историки выдают их действия чуть ли не за героизм) -необходимо просто понять мотивы их поступков и дать им объективную оценку.

Одним из самых известных легионеров был Абдуррахман Фаталибейли - Дуданкинский, в свое время окончивший военную Академию в Москве вместе с Министром Обороны СССР маршалом Андреем Гречко. Гречко так отзывался о своем бывшем сокурснике: “Он обладал удивительно ясным умом, аналитическим мышлением. Он был прирожденным командиром. В вопросах военной тактики с ним не мог сравниться никто из нас”.

В 30-е годы, обучаясь в Москве, моя мама Нигяр Рафибейли была знакома с супругой Дуданкинского из рода Зиядхановых, которую мама называла Меличкой, помнила и самого Або (его так и называла) Дуданкинского (его фамилия от названия села в Нахичевани, откуда он родом), коренастого по ее словам, молодого офицера, который поднимал свою жену-калеку на своих плечах по лестнице.

Не буду затрагивать этапы многосложной биографии Дуданкинского, об этом подробно рассказано в книге историка Насимана Ягублу “Абдуррахман Фаталибейли - Дуданкинский”.

Приведу лишь отрывок из его “Отчета Азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны”по которому можно судить о позиции и целях легионеров:

“После непрерывных восстаний и кровавых битв наши народы убедились в том, что кровавый большевизм может быть уничтожен лишь в союзе с внешней силой. Отсюда, безусловно, они были союзниками любой державы, объявившей войну СССР. В тот период, когда Сталин был союзником Гитлера, когда они вместе делили Польшу, уничтожая независимость Балтийских стран, когда Европа пылала в огне, все наши симпатии были на стороне Англии, Франции, Бельгии и других западных стран, а также на стороне Америки, своим голосом протестовавшей против всего этого. При нападении Советов на Финляндию, мы с затаенным дыханием ожидали объявления Англией и Францией войны СССР. Мы восхищались стойкостью английского народа, оставшегося лицом к лицу с Гитлером - союзником Сталина. Если бы Запад объявил войну Советам в период советско-финской войны, тогда мы с первого же дня были бы его союзниками, как против Сталина, так и против Гитлера. Но со дня нападения Германии на СССР положение изменилось. Национальные интересы Запада сделали его союзником Советов, а нас союзниками Германии. Не питая никакой ненависти к Западу, продолжая симпатизировать ему, мы не могли ради него сражаться за большевизм, как он, Запад не отказался ради нас от союза с большевизмом.

А.Фаталибейли - Дуданкинский

Удар немцев 22 июня 1941 года показал полную несостоятельность мифа о полководческом “гении”Сталина и абсолютное нежелание народов СССР сражаться за коммунизм. Этим объясняется небывалое количество военнопленных в начале войны.

Вместо того, чтобы использовать эти массы людей, вооружить их и дать им возможность самим покончить с советами, Гитлер посадил в их в концлагеря, в которых были созданы такие условия, чтобы люди в них вымирали массами. В числе этих обреченных на медленную смерть были также тюрки и кавказцы, из которых очень многие погибли в зиму 1941-42 гг.

Абсолютная неспособность немцев руководить народами, стремление Гитлера к установлению господства "Геррнфолька" над "Унтерменшами" спасло большевизм от неминуемой гибели, превратив народы СССР из ненавистников большевизма в его защитников. Германия не хотела признать независимость ни одного народа и, поступая так, Гитлер оставался верен принципу национал-социализма, не признававшего прав других народов.

Положение воинских частей Азербайджана было катастрофическим. Во всех этих частях каждый немецкий солдат был диктатором.

В остминистериум господствовали некоторые "знатоки Кавказа", которые об азери-тюрках писали, что они "кочевники магометане, которых нельзя считать коренными кавказцами (знакомые мотивы, не так ли? -А.) Эти пришельцы являются отпрысками монгольской (!-А.) расы. Они тяготеют к Турции и это их тяготение всегда вело к бедствиям и нарушало единство Кавказа"

Никто не мог произносить слов "тюрок" и "независимость" (как все же схоже поведение столь противоположных режимов! - А.) Мы должны воспользоваться всеми малейшими возможностями, представляемыми нам немцами, чтобы придать борьбе наших соотечественников характер борьбы за независимость нашей родины, воспитывая их в духе тюркских традиций, добиваться полных прав для наших легионеров, защищать их интересы, честь и достоинство, всемерно оберегать их жизнь. Для достижения хотя бы части этого, необходимо было, прежде всего, привести в порядок так сказать, свой дом, т. е. объединить все разрозненные группы на основе единой национальной программы.

Это навело на мысль созыва Курултая, с участием представителей всех организаций и частей Азербайджана, чтобы объединиться и мощным голосом оповестить всему миру, что мы азери-тюрки, сражаемся за независимость своей родины и не намерены своей кровью способствовать замене одного господина другим".

В другой статье под названием "Борьба за признание независимости Азербайджана" А.Фаталибейли пишет:

"При бесчисленных встречах с немецкими политическими и военными деятелями, на митингах, собраниях, празднествах и на страницах печати … все борцы напоминали и требовали признания независимости Азербайджана. 22-го марта 1944-го года в Родезе Джейхун бек (Гаджибейли - А.) сказал немцам: - Не забывайте, мы тюрки стояли у ворот Вены.

При встрече в первой половине 1944 года, с Имперским министром Альфредом Розенбергом, после длительной беседы министру было заявлено: "Если бы знали, что в результате нашей борьбы, вместо большевиков хозяевами в Азербайджане будут немцы, тогда мы ни одного шага не ступили бы вместе с Вами". На это почему то министр ответил: - Независимость не выпрашивается, а заслуживается трудом и кровью".

17-го марта 1945-го года (перед самим крахом Германии - А.) Рейхминистр Альфред Розенберг от имени Германского Имперского Правительства признал независимость Азербайджана. Это признание независимости было заслужено и добыто кровью наших бойцов и трудами нашей интеллигенции.

Азери-тюрки нашли в себе достаточно мужества в условиях диктаторской Германии создать свой подлинно демократический национальный орган, свободный от какого бы то ни было внешнего влияния. Мы благодарны германскому народу, давшему нам возможность сражаться против большевизма и признавшего независимость Азербайджана. Мы Азери-тюрки знали и знаем Германию и германский народ и нам не было и нет дела до ее формы государственного правления, это собственное дело германского народа.

За последние 140 лет истекших со дня смерти Джавад хана Азери-тюрки в таком массовом количестве и так длительно впервые вели вооруженную борьбу против своих угнетателей на международной арене. Они обильно залили вражеской кровью горы и долины Кавказа, Кубани, Перекопа, просторы Украины, Белоруссии и Польши. Что бы там ни было и чего бы это нам не стоило мы отомстили за кровь наших отцов и братьев, за слезы наших матерей, сестер, жен и детей.

Бойук Танрым, Бойук Танрым,
Сен бизим ганымызы йерде гойма".

Майор А.Фаталибейли был боевым офицером, умелым организатором вооруженных сил, и при этом широко эрудированным политическим деятелем, блестящим оратором. Его аргументированные выступления по радио "Свобода"бесили советские власти и было решено расправиться с ним. Специальный киллер-азербайджанец, агент советской разведки был отправлен в Мюнхен, втерся в доверие к Фаталибейли (есть даже их совместные снимки) и в 1954-м году на его же квартире хладнокровно убил Або. После возвращения в Баку, его самого убрали, чтобы замести следы.

Автор известных книг "Технология власти", "Партократия", книг о Сталине, Берии, чеченский ученый-публицист Абдуррахман Авторханов, был не только тезкой, но и близким другом Абдуррахмана Фаталибейли. У них была схожая судьба. Попав в немецкий плен, они оба пытались сделать все, чтобы организовать движение за освобождение своих народов. И финал их жизни мог бы быть одинаковым, если бы судьба не сберегла Авторханова. После убийства своего друга Авторханов писал: "В год его убийства, Або пригласил меня на какой-то большой праздник в Ной-Ульм, где находилась Азербайджанская колония. Главным поваром на этом празднике был его убийца. Там Або и познакомил меня с ним. Судьба связала меня с Або и в трагическом смысле. НКВД СССР приговорил нас обоих к смерти в одном и том же году, еще при Сталине. Або убили в 1954-ом году, в том же году сдался американской разведке восточный немец, который был заслан убить меня. Я попрощался с Або на ульмском кладбище. Або глубоко любил свой родной Азербайджан, но он не был шовинистом. Он был пламенным и убежденным патриотом Кавказа".

А.Фаталибейли был связан и переписывался с видными представителями азербайджанской эмиграции - Джейхун беком Гаджибейли, Мамед Эмином Расулзаде. И хотя в опре-

деленные периоды у него были разногласия с Расулзаде, Мамед Эмин отозвался на его смерть словами искренней скорби, считал невосполнимой потерю столь ценного деятеля.

Хочу написать несколько слов и о другом феноменальном азербайджанце Мехмете Алтунбайе. Алтунбай - родом из Гянджи, в детские годы был свидетелем жестокого подавления гянджинского восстания. Это сформировало его мировоззрение неприятия советского режима. Получив образование и став профессиональным пилотом, он задумал вырваться из СССР. В 1942 году сев за штурвал своего самолета, он вместе с единомышленниками впервые в истории нелегально пересек границы Советского Союза, вылетел в Иран, оттуда перебрался в Турцию. Прожив всю жизнь в этой стране, он написал воспоминания и значение своего поступка выразил в нескольких словах во вступлении к книге: “Я первый в истории тюрок, полетевший к Свободе…Более того, так как это был первый случай угона самолета из Коммунистической России, я могу с гордостью сказать, что являюсь не только первым тюрком, но и вообще первым человеком, отважившимся на подобный шаг”.

Участие Азербайджана, причем весомое участие в Великой Отечественной Войне, проявилось в том, что он обеспечивал фронт топливом и горючим. Об этом не раз говорили видные советские военачальники, в том числе прославленный маршал Георгий Жуков, заявивший, что без бакинской нефти войну невозможно было бы выиграть. В образной форме об этом писал и русский писатель Леонид Собелев: “Бензин, как и снаряды, был витамином войны. А бензин - это был Баку. На бакинском горючем врывались наши танки в Пруссию, на бакинском бензине овладели военным небом герои-летчики, на бакинском топливе глиссеры Днепровской флотилии перебрасывали через реку Шпрее десант в кварталы Берлина. Спасибо, бакинским нефтяникам, оправдавшим надежды героев!”

Мехмет Алтунбай

Бакинские нефтяники не только оправдывали надежды героев фронта, они и сами были героями, не зная ни сна, ни отдыха в течении всех четырех лет войны добывая горючее для сражающейся армии. Инженеры буровики и геологи Сулейман Везиров, Сабит Оруджев, Эюб Тагиев, Юсиф Сафаров, Ага Курбан Алиев, рабочие Ага Нейматулла, Павел Каверочкин - были подлинными героями тылового фронта.

“Мавр сделал свое дело, мавр может уйти”. Многих из этого списка “достойно” отблагодарили, за самоотверженное служение Родине в трудные годы. Впав по разным причинам в немилость у властей после окончания войны они, как и многие другие видные нефтяники, были выдворены из республики. Но и за пределами Азербайджана, они достойно служили своему призванию. Герой Социалистического труда С.Везиров организовал

Сулейман Везиров

Сабит Оруджев

добычу нефти в Туркменистане и заложил там целый город Небит Даг. Трижды лауреат Сталинской премии Эюб Тагиев стал первопроходцем нефтяной индустрии Индии, Бразилии, Аргентины. Сабит Оруджев, будущий министр газовый промышленности СССР, дважды лауреат Сталинской премии Юсиф Сафаров, геолог Ага Курбан Алиев стояли у истоков легендарных Нефтяных Камней.

Мне посчастливилось хорошо знать и Сулеймана Везирова и Юсифа Сафарова. Юсиф Сафаров - мой тесть, отец моей супруги Земфиры, Сулейман Везиров - тесть моей сестры Фидан, супруги Рауфа Везирова, сына Сулеймана Азадовича. Как то мне на глаза попала маленькое сообщение в газете. В нем говорилось о том, что на Каспий прибыла трубоукладочная баржа, которую привел дизель-элетроход - буксировщик. Что же так взволновало меня в столь обычной заметке? А то, что баржа эта называлась “Сулейман Везиров”, а буксировщик, который доставил ее в Азербайджан “Юсиф Сафаров”. То что имена двух этих людей, коллег и близких друзей, как бы снова соединились, мне показалось глубоко символичным. Вспомнились строчки Маяковского о людях “воплотившихся в пароходы…” Еще в те далекие годы я написал об этом и моя заметка “В пароходы, в строчки и в другие долгие дела…”была опубликована в “Литературной газете” (3 ноября 1976).

Я запомнил и рассказ Ага Курбана Алиева о том, как многие сомневались в возможности освоения Нефтяных Камней, в базировании там “нефтяного хозяйства”. “Зальет волнами всегда неспокойного и разбушевавшегося Каспия”- утверждали они. И тогда Ага Курбан Алиев принес на заседание бюро ЦК Азербайджана, на котором обсуждался этот вопрос… голубиные яйца и объяснил, изумленным участникам совещания: это голубиные яйца из Камней, часть осталась там, можете проверить. А голуби никогда на стали бы оставлять яйца там, где их могли залить волны. Голуби чувствуют при-

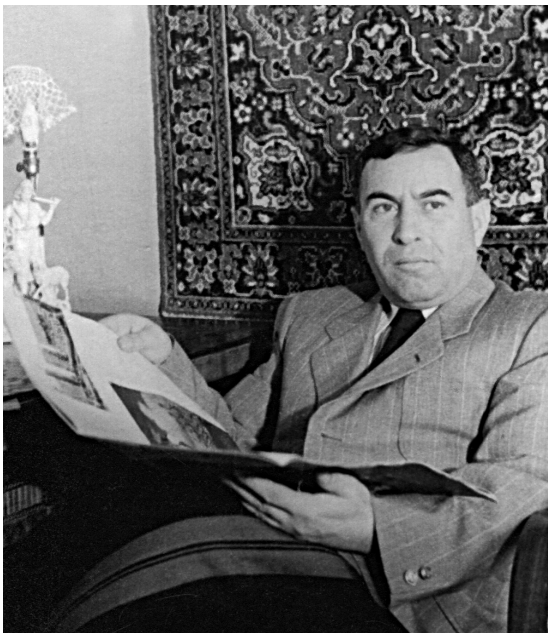
роду лучше людей". Вопрос был решен. Во всяком случае так рассказывал А.К.Алиев.

В 2007-ом году в газетах появилось сообщение, что в экспозиции музея нефти в городе Хьюстон (США) нашли место портреты двух представителей Азербайджана Юсифа Сафарова и Ага Курбана Алиева, как пионеров освоения морской нефти.

Нефтяник нового - после Везировых, Оруджевых, Тагиевых, Сафаровых - поколения Фарман Салманов, Герой социалистического труда, Лауреат Ленинской премии, член-корреспондент Академии наук СССР, открыл и освоил залежи тюменской нефти. "Без тюменской нефти СССР в экономическом плане был бы поставлен на колени" - заявил А.Косыгин.

Вагид Алекперов - Президент крупнейший нефтяной компании "Лукойл". Выпускник Бакинского Индустриального института, В.Алекперов пользуется неизменно высоким рейтингом в списке влиятельных политиков России.

Таким образом два азербайджанца - Фарман Салманов и Вагид Алекперов - в числе главных лиц, обеспечивших энергетическую самодостаточность как Советского Союза, так и Российской Федерации.

Юсиф Сафаров

Эюб Тагиев

Стоит вспомнить еще одного азербайджанца, сыгравшего важную роль в советской космической программе - Керима Керимова. Керим Аббасали оглу Керимов - генерал-лейтенант инженерной службы, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премии СССР в 1942-ом году окончил Азербайджанский индустриальный институт, а в 1943 году Военно-артиллерийскую академию. . В 1966-ом году он был утвержден Председателем Государственной комиссии по летным испытаниям пилотируемых космических кораблей. Эту ответственную должность он занимал в течении 25 лет. Заместителями у него в разное время были Президент Академии наук СССР М.Келдыш, академики С.П.Королев, В.Н.Челомей и другие. В некрологе в связи с его кончиной в 2003 году, говорилось: Деятельность Керима Керимова, посвятившего всю свою жизнь развитию космической ракетной техники, составляет неотъемлемую часть истории покорения космоса в XX веке. Его имя было тесно связано

Фарман Салманов

Вагит Алекперов

с осуществлением в бывшем СССР многих уникальных научно-технических проектов в области изучения космоса. Под его непосредственным руководством осуществлялось создание мощных ракетоносителей “Союз”, а также орбитальной станции “Салют”.

Я был знаком с братом Керима Керимова востоковедом Мобином, близким другом моего двоюродного брата историка, члена-корреспондента Академии Наук Азербайджана Октая Эфендиева. Мобин в относительно молодом возрасте погиб в авиакатастрофе. Керим Керимов прилетел на его похороны и в то время в Байконуре произошел взрыв. Керим Алиевич безусловно погиб бы при этом взрыве, окажись он в это время там. Таким образом гибель брата спасла ему жизнь. Бывают такие вот неожиданные коллизии в судьбах людей.

Еще один всемирно известный ученый-азербайджанец - Люфти Заде, живущий и работающий в США.

Лютфи Заде родился 4 февраля 1921 года в Баку в семье отца-азербайджанца Рагима Алескерзаде и матери еврейки Фани Кофман-Алескерзаде. Учился в бакинской школе № 16 до десяти лет, пока семья не переехала в Иран (отец был родом из Ардебиля). После окончания Тегеранского университета Лютфи отправляется в США, оканчивает Массачусетский технологический институт и Колумбийский Университет, становится гражданином США.

В мировой науке Лютфи Заде прославился, разработав теорию нечеткой логики. После этой теории появились новые научные дисциплины - нечеткая физика, химия, психология, топография и т. д. Лютфи Заде действительного и почетного члена многих Академий мира, называют Эйнштейном современности. Друг и последователь Лютфи Заде в Азербайджане Рафик Алиев стал инициатором фильма, снятого про этого выдающегося ученого,

Журналистка Фирангиз Ханджанбекова считает, что “теория Лютфи Заде напоминает ско-

Рафик Алиев и Лютфи Заде

рее религию, нежели науку, даже не философию, а именно религию по скорости распространения и восприятия".

Представитель нашего народа, вернее представительница, американская гражданка азербайджанского происхождения из Ирана Экуше Энсери побывала даже в Космосе.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ШАНС

Вторая мировая война ознаменована была для нашего народа еще одним важным явлением - впервые в XX столетии появился шанс объединения Северного и Южного Азербайджана.

Согласно договору между СССР, Англией и Ираном, в случае угрозы (в данном случае со стороны Германии) на территорию этой страны (Ирана) могли быть введены войска Великобритании и СССР, а после окончания войны, не позднее чем через шесть месяцев выведены оттуда. Таким образом юг Ирана заняли английские войска, север - советские.

Северный Иран - это Южный Азербайджан, территория исконного проживания азербайджанских тюрков, составляющих единый народ со своими северными братьями и разделенными с ними в результате русско-персидских войн в XIX веке.

Керим Керимов

Астронавтка Экуше Энсери

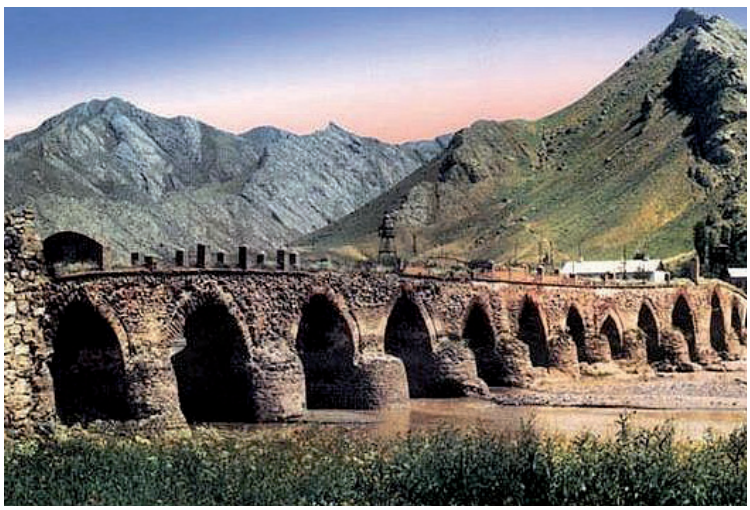
С советским военным присутствием было обеспечено и политическое, идеологическое, культурное участие СССР в общественной жизни Южного Азербайджана. Активные усилия в этом проявили в основном партийные, советские деятели, представители интеллигенции из Баку. Это, естественно, стимулировало подъем национально-патриотических чувств азербайджанских тюрков, которые годами жестоко подавлялись Тегераном после разгрома движения Ш.М.Хиябани.

Чувства радости и восторга, которые испытывали патриотически настроенные жители Южного Азербайджана, можно было сравнить с всеобщим воодушевлением в Азербайджане Северном в период недолгого существования независимой страны в 1918-1920-х годах. Следует отметить, что и для северных азербайджанцев это были годы душевного подъема, светлых (увы, не сбывшихся) надежд на воссоединение. И советские поэты, писатели, публицисты, возможно, впервые за последние десять-пятнадцать лет писали совершенно свободно, искренне, не по официальному заказу на злобу дня, а выражая самые глубокие чаяния своих душ. Пытаясь формировать национальное самосознание своих южных братьев, они отражали и свои собственные потаенные национально-патриотические настроения. Эти тенденции ярко выражены в стихах “Тоска моста”Самеда Вургуна, “Тоске по Югу” Сулеймана Рустама. В стихотворении Самеда Вургуна описывается “тоска моста” (между Северным и Южным Азербайджаном), по которому в течении стольких лет никто не проходит.

В образной форме поэт выражает тоску разобщенности двух частей единой родины. Сулейман Рустам обращаясь к персидским шовинистам, говорит: я же не посягаю на твой язык, почему же ты посягаешь на мой.

Уже после трагического конца Южно-азербайджанской автономии Самед Вургун написал стихи “Сожженные книги” о том, как шахские сатрапы, подобно нацистам, бросали в огонь книги, изданные на азери-тюркском языке.

Осознавая менталитет Ирана и значения религиозного фактора в Южном Азербайджане решением ЦК КП (б) от 6 марта 1944 года в Баку было создано Духовное управление мусульман Кавказа. Создание религиозного органа в государстве, основанном на идеологии атеизма, само по себе было нонсенсом, но чего не сделаешь ради Большой политики. Руководителем этого управления - Шейх-уль-исламам Кавказа - был утвержден (выбран, назначен - здесь любой глагол правомерен) Ахунд Ага Ализаде. Это был авторитетный и высокообразованный теолог, который еще в 1915 году перевел Коран на азербайджанско-тюркский язык и занимал ту же самую должность Шейх-уль-ислама в период независимой Азербайджанской рес-

Мост через Аракс. (Худаферин)

публики (1918-1920). Удивительно, как он сохранился при советской власти, не был репрессирован и вот, в силу исторических обстоятельств стал востребованным в определенное время. В соответствии с задачами, поставленными перед ним, его вояж в Иран, по словам Джамиля Гасанлы "был разработан Государственным Комиссариатом Безопасности СССР". Естественно, власти и религиозные круги Ирана не могли не догадываться об этом. Распространялись слухи, что Шейх-уль-ислам послан самим Сталиным и будет читать проповедь … на русском языке. Провокационно задавали вопрос: Шейх - полковник или генерал советской разведки? А.Ализаде прочел такую прекрасную и содержательную проповедь на азербайджанско-тюркском языке, что все вынуждены были признать - в современном Иране нет религиозного деятеля столь высокого уровня. Иранские деятели, при всей своей многоопытности, не могли до конца осознавать всю степень умелости советских спецслужб, которые способны были направить на решение своих политических задач даже самых искренних верующих. Ахунд Ага Ализаде был принят с большими почестями молодым шахом Ирана Мухаммедом Резой и его визит в значительной мере снизил опасения и страхи перед безбожным режимом северного соседа.

Шейх-уль-ислам был дедом трагически погибшего Магсуда Ализаде, первого секретаря ЦК ЛКСМ Азербайджана и здравствующего академика, видного ученого Акифа Ализаде.

В журнале "Азербайджан", который редактировал Расул Рза была опубликована большая статья Ахунда Ага Ализаде. Я помню, после встречи с Шейхом отец с восхищением говорил о его уме, эрудиции. Но в то же время, он со смехом отмечал, что "наш шейх политически весьма подкован. Вручив свой текст, посоветовал мне до публикации все же ознакомить с ним ЦК партии".

То что события в Южном Азербайджане развивались под контролем советских, и в первую очередь, азербайджанских партийных органов - является неопровержимой правдой. Но это только часть правды. Второй и наиболее важной частью правды является то, что национально-освободительное движение в Южном Азербайджане было выражением самых искренних чаяний общественности Северного Азербайджана, мечтой писателей, поэтов и интеллигенцию. В краткий период современной истории задачи советской власти (независимо от их целей) совпали с желанием Азербайджанского народа. Поэтому представлять события 45-46 годов в Южном Азербайджане как искусственное явление, спровоцированное советским правительством, крайне неверное суждение. Никак не могу согласиться с некоторыми мнениями ученого-историка Насиб Насибзаде, автора ценной книги "Разделенный Азербайджан", посвященной этим проблемам. Насиб Насибзаде считает, что роль интеллигенции Северного Азербайджана сводилась только к тому, чтобы пропагандировать "большие достижения", "преимущества советского общества"на путях построения социализма и коммунизма (кавычки везде Насибзаде - А.) Автор хочет доказать, что основной целью "государственных патриотов" (и термин этот и кавычки принадлежат Насибзаде - А.) было вызвать ненависть к Ирану и "освободить" (кавычки Насибзаде - А.) Южный Азербайджан. Автор с иронией приводит непереводимую азербайджанскую пословицу ("озуна умадж ума билмир, башгасына эриште кесир"), суть который заключается в том, что сам будучи несвободным Советский Азер-

байджан вознамерился освободить Южный. Эти утверждения, конечно, крайне тенденциозны, и выражают скорее эмоциональную ненависть молодого в те годы историка к советскому режиму, нежели объективную истину. Поэты, прозаики, ученые Северного Азербайджана - патриоты без кавычек - пропагандируя и воспевая великое историческое наследие нашего народа, богатую сокровищницу его литературы, искусства, заслуги его прославленных правителей прошлого, утверждая вечность родного языка - выступали не апологетами советского режима. И разве достижения Северного Азербайджана в области хотя бы культуры по сравнению с Азербайджаном Южным, не являются фактом?

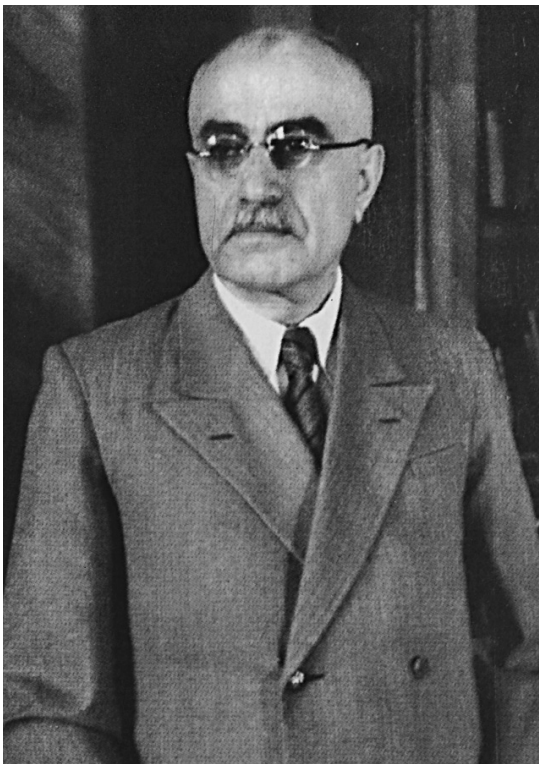
Знакомый и с другими работами Насиба я высоко ценю его и как ученого, и как патриота своего народа и поэтому не могу не выразить свое несогласие с рядом его тезисов. Вызывает серьезное возражение и другая мысль в книге "Разделенный Азербайджан": "Годы с 1920 по 1980, которые мы обозначаем как советский период, ознаменованы полным застоем политической мысли в Азербайджане. Миссию развития политической мысли выполнили азербайджанские эмигранты".

Как бы высоко не оценивали мы ныне заслуги эмиграции в изучении и сохранении истории, национальных идеалов Азербайджанской Демократической республики, было бы несправедливо отрицать роль интеллигенции Советского Азербайджана, которая в не менее трудных условиях сумела отстоять наш родной язык, ценности литературы, искусства, фольклора. Кроме того, ведь тексты, идеи наших соотечественников в Турции или европейских странах не доходили до нас и следовательно, никак не могли влиять на общественно-политическое сознание народа. И, естественно, невозможно было создание значимой, чисто национальной, не растворенной в местной среде, азербайджанской культуры за рубежом. Деятельность интеллигенции в Советском Азербайджане, несмотря на все идеологические ограничения, обеспечивала преемственность и последовательность национально-культурных традиций. И задача интеллигенции в 1945-46 годах была приобщить к этим традициям и южных азербайджанцев. Задача - несопоставимая по масштабам с деятельностью любых эмигрантских групп.

К сожалению, азербайджанская эмиграция не смогла оказать существенного влияния и на политику Турции, которая в те годы занимала антисоветскую позицию и в вопросе Южного Азербайджана. Фактор Турции в данном аспекте был не положительным, а отрицательным элементом. Доносы, которые посылали в Москву армяне и русские дипломаты в Иране, ставили целью напугать Сталина угрозой присоединения Южного (вкупе с Северным) Азербайджана к Турции. Этот вопрос нервировал и М.Дж.Багирова. В ответ на сведения, которые посылал ему Азиз Алиев из Ирана, Багиров писал последнему: "Дело дошло до того, что Анкара и Тегеран стали спорить между собой насчет того, кто должен быть покровителем этого народа. Будто бы 5-миллионному народу необходим покровитель. Объявились его новые защитники - турки-османцы. Утверждают, что южные азербайджанцы - ихние. Не знаю, где они были до сих пор, кто препятствовал им до этого *(подчеркнуто мной - А.)*

Обратите внимание на последнюю фразу. И не забывайте КОГДА и КЕМ сказаны эти слова. Багиров, который всегда выставлял себя как самый яростный враг Турции, будто бы сняв маску с лица, обвиняет турков: - где вы были до сих пор? Почему были равнодушны к судьбе южных азербайджанцев? Кто мешал вам выразить свое отношение?

В этих словах с одной стороны кроется упрек туркам за безразличие к судьбе южных азербайджанцев, с другой стороны констатируется факт: если вы не сумели сделать это, то хотя бы теперь не мешайте нам.

Мир Джафар Багиров

В связи с этим вспоминаю один эпизод, который в свое время рассказал мне покойный Яшар Гараев. Я попросил его записать этот рассказ, он выполнил мою просьбу. Вот текст, записанный Яшаром Гараевым: “Про это я слышал от покойного Араза, в квартире его отца Мамеда Арифа. А Ариф муаллиму этот эпизод рассказал Имран Касумов. Мир Джафар Багиров часто заходил к Теймуру Гулиеву (Председатель Совета Народных Комиссаров Теймур Гулиев был тестем Имрана Касумова - А.). На этих неофициальных беседах за чайкой чая, иногда участвовал и молодой Имран. Однажды Багиров обратился к присутствующим: Скажите, вам понравилась моя речь на утреннем совещании?

Все сразу ответили:

- Прекрасно выступили товарищ Багиров.

Еще раз повторив свой вопрос и получив такой же единодушный ответ Багиров затем спросил: Почему ни один из вас не спрашивает, если я выступаю по вопросам нефтяного производства, с какой стати неоднократно провозглашаю: “долой пантюркизм”, “надо на корню уничтожать турецких и исламских шпионов”. К чему я повторял эти слова, разве они были к месту?

Наступило долгое молчание, которое прервал сам Мир Джафар:

- Если я каждый день по несколько раз не буду ругать пантюркизм и панисламизм, думаете вы сможете так спокойно жить в Баку, в этой стране?”

Победивший во Второй мировой войне Советский Союз стал расширять сферу своего влияния в Южном Азербайджане. В решении Политбюро ЦК ВКП (б) от 6-го июля 1945-го года есть пункты относительно Южного Азербайджана. Работу в этом направлении поручается вести ЦК КП (б) Азербайджана и лично Первому секретарю М.Дж.Багирову, а также действующей в Тебризе тройке во главе с Мирзой Ибрагимовым (в тройку входили также секретарь ЦК Гасан Гасанов и Нарком Внутренних дел А.Атакишиев). Несколько пунктов касались вопросов культуры: Было создано Общество Азербайджано-Иранской дружбы и Самед Вургун был избран ее председателем. Решено было также издавать газету “Ветен угрунда” (“За родину”) и ежемесячный иллюстрированный журнал типа “Огонька” на арабской графике с целью распространения ее за Араксом. Главным редактором журнала был утвержден Расул Рза, его заместителем Мехди Гусейн. Первый номер этого журнала под названием “Азербайджан” вышел в сентябре

1945-го года. По решению Политбюро Народному Комиссару Внешней торговли Анастасу Микояну поручалось обеспечить эти издания высококачественной бумагой. Впервые в советское время издавался такой иллюстрированный журнал на азербайджанском языке с цветными вкладышами. Но самое главное было в том, что впервые в этом издании освещались история, литература, культура, наука, борьба за свободу Азербайджана - Северного и Южного под одной обложкой. Конечно, на страницах журнала отражались и установки коммунистической идеологии, но может быть это был единственный период в советской истории, когда цели московских руководителей совпадали с чаяниями азербайджанского народа. В каждом номере печатались также карикатуры из журнала "Молла Насреддин" М.Дж.Мамедкулизаде, в том числе и знаменитый рисунок, отображающий человека (народ!) в рот которого пытаются засунуть чужой язык.

В журнале публиковались материалы не только об азербайджанских поэтах, писателях - классиках и современниках, композиторах, художниках, архитекторах, ученых, но и статьи о корифеях мировой литературы, искусства, культуры. Признаюсь, начав издавать альманах искусств "Гобустан" я во многом опирался на опыт журнала "Азербайджан".

Видный историк Джамиль Гасанлы так оценивает роль этого журнала: "Журнал "Азербайджан", выходивший в 1945-1946-ом годах был самым интересным и самым важным с точки зрения национальных интересов изданием за все годы существования советской власти. Во-первых, в каждом номере этого журнала общественно-политическая, культурная, литературная жизнь, история Южного и Северного и Азербайджана охватывались и освещались в совокупности. Во вторых, то, что журнал предназначался для Южного Азербайджана избавлял его в некоторой степени от требования большевистской идеологии, господствующей в Советском Азербайджане. Он затрагивал коренные вопросы, связанные с интересами, судьбой и историей народа. Идея общей Родины, одного и того же народа, единой нации - чувствовалась в каждом номере "Азербайджана".

Карикатура из журнала "Молла Насреддин"

В номерах №3-4 (октябрь-ноябрь, 1945) журнала Азербайджан была опубликована статья Расула Рзы "Национальное сознание и национальная гордость". В статье, в частности, говорится: "Нации, чьи национальное сознание не пробудилось или не достаточно развилось, вынуждены постоянно находиться под властью и гнетом других, склоняют головы не только перед внешними силами, но и перед авторитетом и влия-

нием реакционных кругов в своей собственной среде. Несомненно, национальное возрождение, пробуждение национального сознания не дело одного дня, или одного года, оно рождается в суровых и безжалостных бурях многих веков. Наличие отдельных прогрессивных деятелей, ученых и писателей еще не доказывают, что народ продвигается по пути возрождения. Для того, чтобы воспринимать Свободу как неизбежность, необходимо осознание этого широкими массами народа, приобщение этих масс к своеобразным особенностям своих традиций, культуры и бытовых ценностей. Но с другой стороны большую роль играют отдельные люди, вышедшие из этого народа - общественные деятели, революционеры, писатели, художники, ученые, просветители, призванные развивать и направлять национальное самосознание по пути свободы и независимости. Ученые, писатели и революционеры из Иранского Азербайджана сыграли очень важную роль в борьбе народа за свободу и независимость народа. Имена всемирно известного ученого и поэта Шамса Тебризи, Саиба, Саттархана, Багирхана, Рушдийе, Моджуза, Шейха Мухаммеда Хиябани вписаны золотыми буквами в страницы истории нашего народа. Чувство национальной гордости прямой результат национального самосознания. Народ, у которого не пробудилось национальное самосознание, народ, не поверивший в свои собственные творческие силы, лишается и чувства национальной гордости.

Мы гордимся, что мы азербайджанцы. Но эта гордость не связана с тем, что мы считаем себя “избранным народом”, или “лучшим, чем другие”. Она связана с тем, что в “Книге Жизни”, почерк и нашего народа занимает почетное место”.

К сожалению, после вывода советских войск из Ирана журнал прекратил свое издание. Я помню с какой грустью рассматривал отец только что вышедший, пахнущей типографской краской последний номер журнала “Азербайджан”. Он считал этот номер лучшим. Помню и его слова: свеча угасая в последний раз вспыхивает особенно ярко, так и наш журнал.

Расул Рза попытался сохранить журнал и обратился с письмом к М.Дж.Багирову с предложением продолжить издание журнала в Баку. “В работе журнала принимали участие лучшие деятели культуры Азербайджана. Вокруг журнала сгруппировался профессиональный рабочий коллектив, приобретен богатый опыт. Как известно, в Азербайджане нет журнала с таким профилем. Редакционная коллегия считает, что было бы целесообразно сохранить журнал в таком объеме, в таком формате и издавать его новым азербайджанским алфавитом”.

Неизвестна реакция Багирова на это письмо. Но журнал прекратил свое существование.

Касаясь общественно-политических процессов в Иране и Южном Азербайджане в годы второй мировой войны, волей-неволей приходится вновь обращаться к фигуре Сталина. В эпоху великого вождя его считали лучшим другом, попечителем и выразителем интересов Азербайджанского народа. В последующие годы, особенно в период независимости, он объявлялся злейшим врагом Азербайджана. Мне кажется, что в вопросах, связанных с Южным Азербайджаном отношение Сталина к азербайджанскому народу не играло существенной роли. Сталин к этому вопросу, как и к другим подобного рода проблемам, относился с чисто прагматических позиций. Он, при всей коммунистической риторике, считал себя самодержцем огромной империи и ему, естественно, хотелось постоянно расширять пределы этой империи за счет соседних стран - будь то Финлян-

дия, Польша, Румыния, или, в данном случае - Иран. Присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии разжигали его территориальные аппетиты.

Но в первые - трудные для СССР годы войны, первоочередной стратегической задачей Сталина было путем ввода войск в Северный Иран обеспечить безопасность южных границ страны, не допустить гитлеровцев к бакинской нефти. Эта задача, совместно с Великобританией была выполнена, англичане ввели войска на Юг, СССР на Север Ирана. Захват Ирана со стороны Германии был предотвращен. К этому времени произошел перелом в ходе войны и теперь Сталин уже не торопился соблюдать условия договора и вывести войска из Ирана.

И тут вступал в силу азербайджанский фактор. До этого в сферы интересов советской политики не входила судьба Южного Азербайджана - не раз в течении XX века поднимавшегося на борьбу с шахским режимом. После смерти Саттархана, после гибели Хиябани и разгрома его движения, выступления против шахского режима произошли в 39-ом году в Ардебиле, в 1940-ом году в Тебризе и Ахаре.

Таги Эрани

Марксист-азербайджанец химик доктор Таги Эрани, окончивший Тегеранский и Берлинский Университеты, а затем преподававший персидскую, азербайджано-тюркскую, арабскую поэтику и логику в Берлинском Университете, был арестован в 1937-м году, обвинен в борьбе против Реза шаха и после долгих пыток в 1940 году был умерщвлен в темнице. “Ему сделали укол хинина при температуре 40 градусов и он умер”- пишет Пешевари.

(К сожалению доктору Т.Эрани в студенческие годы принадлежат и такие утверждения, за которые он впоследствии испытывал угрызения совести. Так вторя иранским шовинистом, он в молодости как то заявил: “Пришлые монголы навязали свой тюркский язык местным арийским народам”).

Кроме десятков казненных за свои убеждения, в шахских тюрьмах томились сотни политических заключенных, а тысячи были сосланы.

Но подобно тому, как в Иране жестоко подавлялись все попытки инакомыслия, в Советском Азербайджане было наложено табу вообще на всякое упоминание об этих проблемах вплоть до 1941-го года. Только во время войны Сталин “вспомнил”о Южном Азербайджане. И тут же о нем “вспомнила”советская пропаганда. Ведь как обычно то, что Сталин приобретал силой оружия, его пропагандистская машина пыталась обосновать при помощи пера. С переломом в ходе войны особенно часто стали “вспоминать”о злосчастной участи разделенного народа. Ныне обнародованные секретные циркуляры демонстрируют все коварство и лицемерие советской политики. Советским эмиссарам в Иране рекомендуется вести себя так, будто мы и не помышляем устанавливать здесь советскую

власть. В этом циркуляре, обнаруженном Джамилем Гасанлы, есть даже пункт об алфавите. “Если мы решаем вопрос об объединении (т. е. присоединении Южного Азербайджана к СССР-А.) *хотим мы или нет надо сохранить на определенный срок, тот алфавит которым там пользуются* (курсивы мои - А.).

Типичные советские методы: В Москве решают осчастливить Южный Азербайджан, присоединив его к СССР и тут же планируют заменить тамошний алфавит (естественно на кириллицу). Итак, начинает разыгрываться азербайджанская карта.

И в этот момент на авансцену выходит сильная и зловещая фигура Мир Джафара Багирова - ему отведена главная роль в южно-азербайджанской политике Советского Союза. Как не раз бывало в истории, вновь возникла характерная ситуация - официальная политика совпала с личными вожделениями отдельного политического деятеля. Несмотря на неисчислимые раны, которые Багиров нанес азербайджанскому народу, его интеллигенции, возможно, он был не лишен определенных патриотических чувств. Скорее всего, судя по некоторым его поступкам, он, конечно, не был лишен и своеобразной любви к своему народу. Но в данной момент очевидно, не эти чувства владели им, а страстное желание объединить Южный и Северный Азербайджан и став во главе самой мощной республики на Кавказе повысить таким образом свой собственный статус в масштабе всего СССР.

Сошлюсь вновь на исследования Джамиля Гасанлы. Он пишет, что 6-го июля 1945-го года Багиров был вызван в Москву. В приемной Сталина его встретили Берия и Микоян, поздравили: - В состав Советского Азербайджана входит такая огромная территория и вы превзойдете даже Украину.

Точно так же решенным вопросом считали в Москве и раздел Турции. 26 тысяч квадратных километров Восточной Анатолии должны были поделены между Арменией и Грузией. Причем грузинское руководство было недовольно тем, что Армении доставалось в четыре раза больше турецкой территории, чем Грузии. В общем, как говорится, делили тушу неубитого медведя.

Можно только догадываться о том, что происходило в связи с этими планами в душах Берии, Микояна и Багирова.

Но не будем вторгаться в тайные помыслы политиков, тем более, что чужая душа - потемки. Обратимся к фактам. Багиров со всей энергией своей незаурядной личности, с волей, упорством и надо сказать с большим умением взялся за южно-азербайджанский вопрос.

В течении короткого времени Азербайджан превратился из объекта, всецело управляемого Москвой в относительно самостоятельный в своих действиях субъект Большой политики. Наряду с моими собственными умозаключениями, я широко пользуюсь в этом разделе соображениями, фактами и документами, с которыми знакомился в солидных исследованиях Джамиля Гасанлы, посвященным этим проблемам. Так как моя работа не является сугубо научной, я пытаюсь не затруднять чтение постоянной ссылкой на цитаты, но выражаю искреннюю благодарность Джамиль муаллиму, за то, что он своими ценными трудами ввел меня в круг проблем истории этого периода. Я так же выражаю благодарность ученым-специалистам в этой области, чьими исследованиями пользовался - Шевкет ханым Тагиевой, Солмаз ханым Рустамовой-Тохиди, Насибу Насибзаде, Халеддину Ибрагимли и др.

В марте 1941-го года М.Дж.Багиров отправил Сталину 35-ти страничную “Краткую справку о Южном Азербайджане”. “В этой справке, - пишет Дж. Гасанлы, - содержался краткий исторический обзор, детальный анализ данных о Южном Азербайджане и его границах, населении, городах и населенных пунктах, культурном уровне населения, сельском хозяйстве, земледелии и землепользовании, торговле, национальном вопросе, умонастроениях. В частности, там отмечалось: “Шахское правительство Ирана, зная тяготение азербайджанского народа к Советскому Азербайджану, с каждый днем усиливает полицейский режим и меры репрессий”.

Территорию Южного Азербайджана Багиров определяет как 230 тысяч квадратных километров. Его территориальные границы, указанные Багировым от реки Аракс до Хамадана и поныне оспариваются иранскими шовинистами. И в те годы, в официальной ноте Иранского правительства подписанной Реза шахом, говорилось, что “границы Ирана, за исключением границы с Турцией, не являются официальными”, то есть самым откровенным образом ставилась под сомнение советско-иранская граница. В той же ноте Азербайджанская ССР называлась Кавказским Азербайджаном, а ее столица - Бадкубе. Один из идеологов панираниз ма доктор Афшар (судя по фамилии тюрок), предлагал, чтобы иранское правительство потребовало изменение названия Азербайджанской ССР и назвала ее Аранской ССР, на что Мирза Ибрагимов резонно заметил: “Господин Афшар думает, что название советских республик можно менять подобно иранским газетам и журналам, которые каждый день выходят под разными именами”.

Чтобы “насолить”азербайджанцам улицу носящую имя Хагани назвали в честь английского ученого Брауна. В Баку тут же имя Хагани заменило название улицы “9 января”.

Вновь из нафталина вытаскивался тезис о том, что “культурных ариев азербайджанцев” отуречили дикие кочевники. Вопрос, почему же в течении стольких веков “культурным ариям”не удалось уничтожить язык “диких кочевников”и восстановить свой “культурный язык”, остается открытым.

Этот вопрос не являлся чисто научно-лингвистическим, академическим, он имел явную политическую подоплеку. Тогдашний Премьер Министр Ирана Хакимюлмюлк убеждал американцев, что тюркский язык не является родным для азербайджанцев.

Панираниста и некоторые мангурты-азербайджанцы утверждали и утверждают поныне, что самая большая беда постигшая Иран, это вторжение диких огузов. Любопытно, что дикими огузами в течении долгих лет, называли наших предков и кое-кто из горе-ученых Советского Азербайджана. Об одном из них я в свое время писал, что по его мнению азербайджанцы по ошибке говорят на своем родном (тюркском) языке. В Иране это ставилось как конкретная практическая задача: так как язык азербайджанцев, по их мнению, был насильно изменен, эта историческая ошибка должна быть исправлена и обеспечено повсеместное внедрение персидского языка с целью полного забвения народом тюркского.

Один из наиболее оголтелых иранских шовинистов выражался цветистыми фразами: “Язык тюрков надо вырвать с корнем. Этот язык надо изгнать из страны и с персидским языком галопом помчаться через реку Аракс (т. е. в Северный Азербайджан - А.) Поднимись о утренний ветер и донеси до тебризцев, что родная земля Зардушта не место для Чингиза (имеется ввиду Чингиз хан и те же злополучные монголы - А.)

Неудивительно, что советская политика в отношении Южного Азербайджана вызывала откровенное, но до поры до времени бессильное раздражение шахских властей. Но плюс к этому Багиров сталкивался и с кознями своих соседей по Союзу, армянами, которые тоже “положили глаз”на Северные территории Ирана. По сравнению с азербайджанскими тюрками армяне здесь и вообще в Иране составляли ничтожное меньшинство. Но подобно тому, как противоречие между тремя независимыми странами Закавказья - Азербайджаном, Грузией и Арменией в 1918-1920 годах, возникли из за дашнакских притязаний на земли соседних народов, в 40-ые годы в Южном Азербайджане они стали претендовать даже на… Тебриз.

Армянские интересы выражались в совместных - открытых или тайных действиях, шовинистически настроенных членов просоветской партии Туде (она же правопреемник Коммунистической партии Ирана, созданной Микаэляном (Султанзаде), армян-членов этой партии и сотрудничающих в этом вопросе с ними националистических армянских партий дашнаков и гнчакистов.

Некий Арташес Аванесян, член руководства партии Туде доносил в Москву, в ЦК, что мол, цель М.Дж.Багирова и С.Дж.Пишевари, заключается в том, чтобы к трехмиллионному Советскому Азербайджану присоединить пятимиллионный Южный, и таким образом превзойти Украину. Будто Москва сама не знала об этом.

В ответ Багиров стал собирать материалы на Аванесяна и руководство Туде, объявив их английскими агентами. И добился того, что Москва в определенный период перестала морально и материально опекать эту партию.

Не только Туде, но и националистические армянские партии действовали под особым контролем НКВД. Некий Мелик Тангян был до 1929-го года резидентом британской разведки в Иране, сотрудничал и с дашнаками и с органами госбезопасности СССР. Как всегда армяне “флиртовали” одновременно и с Москвой, и с Вашингтоном, и с Лондоном, а также с шахским правительством и его противниками.

В это же время из разных мест Ирана переселялись в Урмию, на турецкую границу армяне, собираясь потребовать создания здесь армянской автономии. (Видимо опыт создания Нагорно-Карабахской Автономной Области из переселенных в свое время из Ирана армян, не прошел даром). Откуси часть территории Ирана, часть земель Турции, вот тебе и Великая Армения от моря до моря.

Узнав от оперативников о происках армян, в том числе и НКВД Армянской ССР, бывший чекист Багиров незамедлительно обращается к Сталину с целью взять инициативу в свои руки. Сообщив, что население встречает наши воинские части с воодушевлением, Багиров отмечает, однако, что мы не оставляем в крупных городах своих представителей, которые обеспечивали бы порядок и нормальную жизнь.

Багиров пытался как можно быстрее внедрить группу возглавляемую секретарем ЦК Азербайджана Азизом Алиевым, чтобы получить контроль над ситуацией. В конце концов, это ему удалось. Удался ему и другой сложный маневр, он добился того, чтобы чекисты Армянской ССР не вмешивались в дела Южного Азербайджана. В советской системе, особенно во внешней политике, роль органов госбезопасности была более влиятельной чем даже роль советских и партийных органов. Поэтому отстранение соответствующих армянских органов от дел Южного Азербайджана развязывало руки Багиро-

ва для более решительных действий. Выступая на совещании в Баку он говорил: “Будучи в Нахичевани, я на 3-4 часа посетил Тебриз. В нескольких местах Тебриза я встретил 7-8 летних мальчиков и девочек, захотел с ними побеседовать. Однако при виде остановившейся машины они бросились бежать. Я сказал им по-азербайджански: “Идите сюда”. Услышав мою речь, они вернулись ко мне… Земля Южного Азербайджана - наша настоящая Родина. Так сложилось исторически, что это азербайджанские земли. Крупнейшие города Ирана - Казвин, Урмия, Миане, Марага, Тебриз, Ардебиль, Салмас, Хой, Энзели и другие были родиной наших предков. И если хотите знать правду, то и Тегеран - древний азербайджанский город”.

Советская политика в отношении Южного Ирана определялась тремя факторами. Первый фактор - на первом этапе -это занятие советскими войсками территории Северного Ирана. Второй фактор - деятельность азербайджанских кадров - советских, партийных деятелей и чекистов, работавших под разными дипломатическими или экономическими прикрытиями. И, наконец, третий немаловажный фактор - эта работа представителей интеллигенции Советского Азербайджана - поэтов, писателей, ученых, работников печати, художников, артистов, музыкантов на Юге. Этот третий фактор был наиболее эффективным по той причине, что воздействовал на чувства населения Южного Азербайджана, истосковавшегося по родной речи, родной музыке, родному искусству. 87 выступлений Бакинского театра Оперы и Балета, солистов Филармонии осенью 44-го года в разных городах Южного Азербайджана собирали более 60 тысяч зрителей.

Музыка - самый краткий путь к сердцам людей, но по открытой музыкой дороге к своим сородичам пришла поэзия Азербайджана. Наряду с поэтами Северного Азербайджана обрели право голоса и поэты Юга - пожилые (Али Фитрет, Этимад, Сеффет, Хабиб Сахир) и молодые - Мухаммед Бирия, Балаш Азероглу, Али Туде, Медине Гюльгюн, Окюма Биллури, персиянка Жале и другие. На поэтических вечерах поэты Севера и Юга выступали вместе, прославляя Родину и Свободу, воспевая Джаваншира и Бабека, Шах Исмаила Хатаи и Кероглу, Саттархана и Багирхана. Таким образом закладывался общий идеологический, духовный, исторический фундамент единого Азербайджана.

Руководителем Советской, (в какой то мере азербайджанской) политики на местах в начальный период был, как уже было сказано, видный государственный и партийный деятель Азиз Алиев. Азиз Алиев - один из немногих ответработников Азербайджана советского периода, чье имя и при жизни и после смерти вспоминают с уважением. А. Алиев, очевидно не без протекции Багирова был избран Партийным руководителем Дагестана.

Историк Эльдар Исмаилов в своей значительной книге “Власть и народ. 1945-1953) пишет: “Именно Багирову в 1942 г. Сталин поручил формирование высшего руководства Дагестана на уровне первого и второго секретарей областного комитета партии. И предложения Багирова были приняты, В результате посланные из Азербайджана в Дагестан на работу Азиз Алиев и Аршавир Агабабов заняли, соответственно, посты первого и второго секретарей обкома партии”.

Кое-кто утверждал тогда, что “Багиров без единого выстрела оккупировал Дагестан”. Имя А.Алиева пользуется большим уважением в многонациональном Дагестане, еще и потому, что дагестанцы при нем, избежали драматической участи других народов Север-

ного Кавказа, сосланных со своих земель. Позже отношение Багирова и А. Алиева испортились, он впал в немилость, был смещен со всех постов и оказался в опале. Но в годы войны Багиров смело защищал его от советских дипломатов и военных деятелей в Иране, писавших доносы на Азиза Алиева. Со всей решительностью Багиров писал Сталину, что на руководителя азербайджанской группы клевещут те советские военные и дипломаты в Иране, которые все свое время проводят в пьянстве и распутстве и недовольны Азизом Алиевым за то, что он не участвует в их оргиях.

Азиз Алиев

Надо отметить, что Багиров вообще не церемонился даже с самыми высокопоставленными советскими генералами. Уже в послевоенные годы в Баку, в качестве командующего округом направили известного генерала Колпакчи. С первого дня он повел себя вызывающе, захватывал квартиры для своих людей, ни с кем не считался. Багиров направил к нему второго секретаря ЦК Чеплакова. Тот его даже не принял. Но у Багирова были свои методы и свои связи, посредством которых он ставил на место зарвавшихся выскочек. Через три дня, после неудачного вояжа Чеплакова, генерал Колпакчи пришел на заседания Бюро ЦК, отрапортовал по военному: “Товарищ Багиров, генерал-полковник Колпакчи явился в ваше распоряжение.

- Вы опоздали, - ответил Багиров. - Вы не соизволили принять второго секретаря ЦК, а должны были по прибытию в город в первую очередь явиться в штаб партии. Вы свободны генерал Колпакчи и в течении суток должны покинут Баку. Можете идти”.

Я помню в те годы этот поступок Багирова стал легендой в устах бакинцев.

На определенном этапе иранских событий, когда верилось, что и здесь сработает вариант Западной Украины и Западной Белоруссии, то есть присоединения Южного Азербайджана к Северному, Багиров выступает в беспрецедентном тоне выразителя вековых чаяний своего народа. Он напутствовал направляющихся в Тебриз:

“Вы едете туда по очень важному вопросу. Выполняя стоящую перед вами задачу вы окажете большую услугу Азербайджанскому народу. Выполняя эту задачу вы воплотите в жизнь мечту разделенного столетиями народа. Вы соедините разлученных друг от друга сердца, любовь, чувства”.

А слова, которые произнес Багиров принимая представителей интеллигенции из Тебриза, будто сказаны не коммунистом, а чистым националистом.

“Хватит, пятимиллионный народ дошел до крайности. Видимо не только азербайджанские братья, живущие в Иране, но и само иранское правительство поняло…что если будет нужно, мы снова возвысим наш голос. Где школы, где азербайджанский язык, где учеба, где

газеты и книги на тюркском (!-А.) языке. Мы будем ставить эти вопросы перед ними Мы хотим, чтобы азербайджанскому народу дали право распоряжаться собой. Раз мы - азербайджанцы, то мы знаем своих азербайджанцев. Мы знаем, что такое честь, хватит быть рабами, деятилетиями, столетиями азербайджанский народ был в рабстве… Все, что вы видите здесь - принадлежит азербайджанскому народу. Вы как дети Азербайджана имеете право требовать здесь вашу долю. Но и вы должны действовать. Кровь нации должна бурлить".

И еще Багиров добавил:

"Там живут наши единокровные братья и сестры. Объясните им, что разделенный народ не может так жить вечно. Он должен или воссоединиться или погибнуть".

И эти слова будто произносит не секретарь ЦК коммунистической партии, а звучат они на митингах 89-90 годов на площади Азадлыг.

Не только Багиров, но и Сталин в это время произносит слова, которые сегодня могут показаться невероятными из их уст.

Сталин говорит Багирову: "Надо исправить ту историческую ошибку, которую допустил русский император Александр I и воссоединить обе части Азербайджана". Еще он говорит Багирову, что на плечи коммунистов Азербайджана легла задача добиться хотя бы автономии для Южного Азербайджана. Это было бы их исторической победой.

Для осуществления этой цели, до того, как организовать правительство в Южном Азербайджане, необходимо было создать политическую партию. В Советском Союзе была составлена программа Азербайджанской Демократической партии и сугубо секретным образом переправлена в Тебриз.

Консул Великобритании в Тебризе доносил своему правительству, что "Азербайджанская Демократическая Партия опаснее партии Туде (Народной партии). В Туде нет влиятельных людей, а в Азербайджанской Демократической партии есть много авторитетных личностей и ее программа составлена весьма разумно. Возражать против требований, выраженных в этой программе трудно. Если этой партии удастся претворить в жизнь свои идеи, ее будет защищать все население Азербайджана, таким образом она может далеко зайти".

Члены Туде, особенно армяне, как уже говорилось, в начале к Азербайджанской Демократической Партии отнеслись сугубо отрицательно. Активный деятель Туде Арсен Шахназарян заявил: "Мы не будем действовать совместно с членами Демократической партии, мы будем бороться с ними. Рано или поздно или они уничтожат нас или мы их".

Кроме деятельности в составе Туде, армяне попытались создать свою демократическую партию, а когда это не удалось, изменили тактику, решили идти к цели другим путем. Не только тудеисты поменяли свое отношение к АДП от негативного на положительное. Но даже националистическая партия Гнчак объявила в Париже о самоликвидации и предложила 100 своим членам вступить в Азербайджанскую (!-А.) Демократическую Партию. "Не надо бояться - говорил один из армянских деятелей- и мы армяне должны вступить в эту партию".

Опять напрашивается аналогия с 1918-м годом, когда армяне приняли участие в Парламенте АДР.

Спустя несколько лет тудеисты добились ликвидации Азербайджанской Демократической Партии и включение ее членов в Туде.

Выбор руководителя Азербайджанской Демократической Партии и, следовательно, главы будущего правительства, был доверен Багирову. И он остановился на кандидатуре своего тезки Мир Джафара (Сеид Джафара) Джавадзаде Пишавери, испытанного революционера, еще в очень молодом возрасте занимавшего в течении недолгого времени пост Министра Иностранных дел Гиланской Советской республики (оказывается, была и такая - А.). Избранный в 1929-м году Первым секретарем Иранской коммунистической партии, он представлял иранских коммунистов на конгрессе Коммунистического Интернационала в Москве, имел опыт работы и в Советском Азербайджане в тридцатые годы, затем был переброшен в Иран, прошел через ад самой страшной шахской тюрьмы Гаср-Гаджар.

Пишавери родился в 1893-м году в Южно-азербайджанском городе Халхал. В совершенстве владевший кроме родного языка персидским, русским, арабским, французским, он был также выдающимся публицистом, издававшим в Тегеране первую в стране марксистскую газету “Коммунисте-Иран”, а в 1941 году вернувшись из ссылки - газету “Ажир” (“Волнение”).

М.Дж.Пишавери

Москва вначале доверяла Пишавери, как стойкому коммунисту, марксисту, интернационалисту. Но это порождало для Пишавери и проблемы. Не только иранскими консерваторами, но и в мировом, в том числе, турецком общественном мнении он оценивался как ставленник Москвы. А его патриотический настрой, вызывал настороженное отношение уже со стороны Москвы.

В определенном смысле его судьбу можно сравнить с судьбой Н. Нариманова. Такая же чистая, бескорыстная любовь к своему народу, такие же заблуждения насчет истинных намерений Москвы, такое же разочарование и такой же загадочно-трагичный конец.

Оба в своей деятельности опирались на теоретические положения работ Ленина. Но в мировоззрении и Нариманова и Пишавери, наряду с общими коммунистическими догмами, важное место занимали восточные особенности, черты восточного менталитета, образа жизни, психологии. Оба пытались соединить эти две тенденции в единой национал-коммунистической системе.

В 1943-м году в редактируемой им газете “Ажир” Пишавери писал: “Я был одним из молодых иранцев принявших участие в борьбе за свободу живущих в России наций. Помимо стремления к свободе, меня к этой борьбе привлекли раздумья о нации, к которой я принадлежал. Я знал, что спасение и счастье моей родины и моего народа связаны с победой режима русских революционеров. Я знал, что если вместо славного ленинско-

го знамени над Россией взовьется другое знамя, независимость и свобода народов Ирана всегда будет под угрозой".

Не приходится сомневаться в искренности этих слов, написанных 1943-м году в Тегеране - столице шахского государства. Пишавери, как и Нариманов, счастье своего народа видел в Союзе с коммунистической Россией. Духовная близость между Нариманов-ым и Пишавери проявилась и в следующем факте. Как известно, в сталинские годы имя Наримана Нариманова было под запретом. Оно упоминалось лишь в некоторых диссертациях на исторические темы и то в негативном плане. А Пишавери в 1944-м году в газете "Ажир" пишет о Н.Нариманове с большим уважением и симпатией.

Багирову, несомненно докладывали об этом.

Как ученый Пишавери работал над историей партии "Адалет", в организации которой Нариманов играл активную роль. Встретившись с Пишавери Мир Джафар Багиров говорил ему: "Сейчас не время заниматься историей партии, Адалет", - Может быть еще по этой причине. Пишавери писал не только о Нариманове, он упоминает и репрессированного С.М.Эфендиева. "Из кавказских азербайджанцев можно назвать доктора Нариман бека Нариманова и Султан Меджида Эфендиева, - пишет Пишавери, - которые в те времена проявляли живой интерес и уважение к нашей борьбе".

Повторю, он называл эти имена в 1944-м году, хотя, несомненно, знал о том, что в 1937 году Султан Меджид Эфендиев был объявлен врагом народа и расстрелян. Один этот факт говорит много о личности Пишавери - о его чувстве исторической справедливости, о самостоятельности его суждений, о том, что касаясь недавней истории Северного и Южного Азербайджана, он не оглядывался на Сталина и Багирова.

То, что Пишавери не был ортодоксальным, догматически мыслящим коммунистом, подтверждается и тем, что возглавляемую им Демократическую партию, он видел именно соответствующей своему названию - приверженной демократическим ценностям. В связи с этим он писал, что "Партия Туде прославилась как слишком левая, она привыкла провозглашать левые лозунги. Те, кто хотят вступить в демократическую партию, должны определиться в своих речах и лозунгах и принять наши лозунги. Если они готовы идти по демократическому пути, то и должны действовать и говорить как настоящие демократы".

Таким образом Пишавери проводит черту различия между большевистским и прогрессивно демократическим мышлением. Не только Пишавери, но и советские руководители в Москве и Багиров в Баку, понимали, что для успеха патриотического движения в Южном Азербайджане "интернационализм"партии Туде не эффективен, привлечь массы в свою сторону могла партия, опирающаяся на традиции национально-освободительной борьбы Саттархана и Хиябани. Конечно, партия, возглавляемая бывшим (а возможно и в настоящем) коммунистом Пишавери не была клоном партии антикоммуниста Хиябани, хотя и имела то же название. Отличие двух Демократических партий Азербайджана заключалось еще и в том, что движение Хиябани было разгромлено при помощи русских казаков, а партия Пишавери создавалась под эгидой Москвы и при курации М. Дж. Багирова.

Багиров и Пишавери встретились (очевидно, не в первый раз) в Джульфе и беседовали в железнодорожном вагоне.

Отговаривая его от работы над историей партии “Адалет” и предлагая возглавить партию и правительство в Южном Азербайджане - ***“северный”*** Мир Джафар играл на патриотических чувствах ***“южного”*** Мир Джафара: Жизнь представила нам шанс, если мы его упустим, история нас не простит, - говорил он.

“Южный” Мир Джафар ответил ***“северному”***: Да, теперь русские нас подталкивают к действиям, но когда необходимо будет помочь, они не сделают этого.

Как в воду глядел.

Этот диалог я привожу из книги журналиста Ибрагима Новрузова, ссылавшегося, в свою очередь на рассказ свидетеля встречи двух деятелей.

Согласившись в конце концов на предложения Багирова Пишавери сказал:

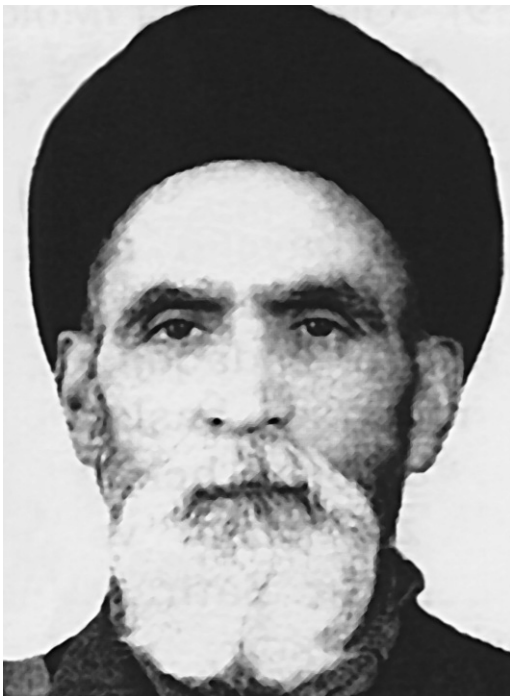
- Русские оставят нас один на один с врагом и отойдут в сторону.

История подтвердила правоту его предположений. Зная или предчувствуя это Пишавери тем не менее не ушел от ответственности за судьбу своего народа.

Когда Пишавери возглавил Правительство Южно-азербайджанской автономии, его сына пригласили в Баку, под предлогом учебы. Так в средневековье держали заложниками детей властителей других стран, которым не доверяли до конца. Так, на всякий случай.

И еще в качестве оппонента Пишавери советские власти поддерживали члена его правительства - министра просвещения Мухаммеда Бирию, весьма эмоционального и яркого молодого поэта. О постоянных стычках между ним и Пишавери сообщало турецкое радио. Опять напрашивается аналогия с конфликтом Нариманова с молодыми азербайджанскими коммунистами. И тот же до удручающего однообразия финал - подобно тому, как все молодые оппоненты Нариманова позже были расстреляны, Бирии тоже пришлось пройти через ледяной ад советских лагерей.

После того, как Пишавери был переправлен в Советский Азербайджан, Бирия был избран Первым секретарем Азербайджанской демократической партии, но проработал на этой должности только в течении одной недели, затем он скрылся в советской больнице и вместе с некоторыми другими руководящими работниками был переброшен в Баку. Старейший журналист Ибрагим Новрузов записал один рассказ Бирии: “В 1942-м году я прибыл в Баку. Жил в гостинице “Интурист”. Однажды увидел из окна пожилого человека и молодого мальчика лет 10-12. Когда они сблизились мальчик вырвал из рук мужчины калач и убежал. Бросившийся за ним мужчина не смог догнать его, да если бы и догнал, тот уже на ходу съел большой кусок хлеба. Я переживал за мужчину, оставшегося в этот день без хлеба, и в то же время подумал, какое же светлое будущее готовит нам советское правительство, если оно не может обеспечить хлебом своих граждан”.

Мухаммед Бирия

Естественно, он не мог ужиться в Баку и после загадочной смерти Пишавери, явно опасаясь за свою жизнь, попросил Иранского консула дать ему разрешение на возвращение в Тебриз. Высокопоставленные советские функционеры явившись к нему на квартиру, пытались отговорить от этого опрометчивого шага. Не сумев уломать Бирию, обещали прислать машину, которая отвезла бы его в иранское консульство. Машина прибыла и доставила его …в сибирские лагеря на 10 лет.

Бирия, пламенный тебризский оратор-революционер в 1945-46 годах, вернувшись после ссылки в Баку стал читать молитвы в качестве моллы на кладбищах. Затем ему удалось наконец-то уехать в Иран. Там он и умер.

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО “СВОБОДА”

В ноябре 1945-го года в тебризском театре “Шир Хуршид” состоялось открытие Первого Азербайджанского народного Конгресса с участием около 700 делегатов. Конгресс открыл брат Саттархана старейший революционер Гаджи Азим хан. Рядом с ним сидел Председатель Демократической партии Пишавери. Конгресс принял решение о создании Азербайджанской автономии и Национального правительства, о выборах в Милли Меджлис - Национальное собрание. 6-го января 1946-го года было принято также решение об употреблении азербайджанского языка во всех учреждениях Автономии:

“С этого дня в Азербайджане азербайджанский язык является официальным государственным языком”.

День 12 декабря 1945-го года (по иранскому календарю 21-е число месяца Азер) - навеки вошел в историю борьбы азербайджанского народа. Открылась первая сессия Азербайджанского Милли Меджлиса. Утвержденный Премьер Министром Сейид Джафар Пишавери представил депутатам состав своего правительства. В этом правительстве не было Министерства Иностранных дел, этим хотели подчеркнуть, что не претендуют на полную самостоятельность, а действуют в рамках Иранского Государства. Но несмотря на это, утверждались такие атрибуты независимого государства как - гимн (слова М.М.Этимада, музыка Дж.Джангирова), флаг, герб, ордена “Саттархан”, “Азербайджан”, медаль “21 Азер”и другие.

Председателем Милли Меджлиса был избран Мирза Али Шабустари. Председателем Верховного Суда был утвержден Гиями, Прокурором - Фирудин Ибрагими.

За короткий период Национальное правительство Пишавери осуществило немало важных и полезных дел.

Отряды федаинов стали регулярными войсками - гызылбашами в память о воинах Шаха Исмаила Хатаи. Были отчеканены новые деньги, началось проведение земельной реформы, земли сбежавших помещиков раздавались крестьянам. Ремонтировались дороги, открывались дома для сирот, запрещались наркотики и закрывались известные по роману “Страшный Тегеран”публичные дома. В Тебризе были созданы Общества писателей и поэтов, ашугов, художников. Начал работать Драматический театр и Филармония, созданы национальный оркестр и хор. В Тебризе, других городах и селениях были открыты сотни школ с обучением на родном языке.

Впервые в Тебризе был создан современный Университет, в котором обучение велось на азербайджанско-тюркском и персидском языках. Этот Университет действует по сей день, но только лишь на одном, персидском языке здесь учат. Другими специальными учебными заведениями, созданными в период Национального правительства, были Медицинский техникум и Военное училище.

В Тебризе были воздвигнуты памятники Саттархану и Багирхану. На родном языке стали выходить десятки газет, большое количество книг.

Даже западные газеты писали, что за год правительство Пишавери сделало больше, чем было сделано за полстолетия до этого. “Национальное Государство Азербайджана - стало реальностью” с гордостью провозгласил Пишавери.

Южный Азербайджан связывался с Северным не только в гуманитарном, но и в экономическом плане. 10 июня 1945

Члены кабинета Пишевари

Дом правительства в Тебризе

года Сталин подписал документ об организации советских промышленных предприятий на севере Ирана. Изыскательные работы по определению нефтяных месторождений возлагались на руководителя нефтяной отрасли в Советском правительстве, старого бакинца Н. Байбакова и руководителя “Азнефти” Сулеймана Везирова. По мнению Джамиля Гасанлы, это было важным свидетельством того, что намечалось воссоединение двух частей Азербайджана в самое ближайшее время. Дж. Гасанлы утверждает, что в это время и политические круги в Лондоне и Вашингтоне ожидали объявления полной независимости Южного Азербайджана или его воссоединения с Советским Азербайджаном.

Правда, все согласовывалось со Сталиным, но получение санкции на некоторые действия

Багирову удавалось с трудом из за яростного сопротивления других членов руководства СССР. Москва уже чувствовала, что события в Иране постепенно выходят из под его полного контроля и приобретают в некотором смысле самостоятельный характер. Кроме того, следует учитывать и фактор наличия в Высшем руководстве страны Л.Берии и А.Микояна. При всем дружественном отношении Берии к Багирову, ему вряд ли улыбалось такое неимоверное усиление Азербайджана в Закавказье. О Микояне уже и нечего говорить.

Из Москвы поступило поручение, чтобы приостановить выборы в Национальное Собрание в Южном Азербайджане. Этим наносился серьезный удар по движению за самостоятельность Южного Азербайджана. Хорошо понимая это Багиров рискуя всем, выразил Сталину несогласие с таким решением. “Я разрешил им провести выборы, прошу разрешить завершить парламентские выборы”.

Багиров добился своего. Выборы были проведены и в тот день газете “Иран ноу”, издающаяся в Тегеране вышла в черной траурной рамке. Тогдашний Премьер-Министр Ирана Хакими заявил, что Тегеран не признает ни Азербайджанское правительство, ни парламент, как только Советские войска покинут страну, силой оружия будет восстановлена территориальная целостность Ирана.

Представитель Ирана С.Г.Тагизаде, ставит на сессии ООН вопрос о вмешательстве Советского Союза во внутренние дела Ирана. (Сеид Гасан Тагизаде тот самый азербайджанец, который в свое время был другом М.Э.Расулзаде и высоко отзывался о его патриотизме. Впоследствии С.Г.Тагизаде стал Председателем парламента Ирана).

Хорошо осознавая зыбкость политической конъюнктуры, Багиров торопил своих представителей в Тебризе: “Дорог каждый час, надо спешить. Или сейчас или никогда”.

И в самом деле история представила нашему народу уникальный шанс: казалось, для объединения Северного и Южного Азербайджана оставался только один шаг. Река Аракс, которая в течении 125-130 лет стала непреодолимой преградой, вдруг превратилась в ручеек, который легко можно было перешагивать. Ведь как сказал поэт, под рекой Аракс была единая земля обеих половин Азербайджана.

Как трезвый политический деятель Пишавери постоянно подчеркивал, что целью ставится автономия Азербайджана в рамках территориальной целостности Ирана. Но на самом деле он мыслил процесс в три этапа. На первом этапе Южный Азербайджан должен был получить автономию в составе Ирана, самостоятельно вершить свои внутренние дела и распределять свои доходы. На втором этапе предполагалось объявление независимого, суверенного государства, а на третьем его воссоединение с Северным Азербайджаном. Багиров также представлял этот процесс таким образом, но конечное государственное устройство объединенного Азербайджана, наверное, каждый из них видел по разному.

На всех этапах истории борьба азербайджанского народа за самостоятельность, независимость и свободу, за Право на жизнь, выдвигала на первый план заботу о родном языке, о его утверждении и защите. В условиях Ирана это имело особое значение. Не только потому, что в течении веков наш язык подавлялся господствующими иранскими шовинистами (как это ни прискорбно, за исключением Шах Исмаила Хатаи, всеми шахами Ирана - этническими тюрками-азери), а после установления диктатуры Реза Шаха

Пехлеви он стал систематически подвергаться усилиям полной ассимиляции. Еще и по той причине, что азербайджанские тюрки населяли не только территорию Южного Азербайджана, но они жили компактно и в других районах Ирана и составляли почти половину населения в самом Тегеране. Так что язык мог стать фактором объединения всех тюрков-азербайджанцев Ирана и кроме того, составлял бы общее лингвистическое пространство с Северным Азербайджаном. Много лет спустя поэт нового поколения Сабир Рустамханлы функцию нашего языка определил как “Слово без границ”.

В 1943 году в статье “О путях развития нашего языка Мирза Ибрагимов писал: “Политика полного подавления властелинами подвластных им, не ограничивается только запретом на создании научных, литературных произведений на родном языке. Родной язык изгоняется не только из книг и школ, но даже из рынков, учреждений, семей. Деспот пытается внедрить в сознание людей мысль о ненужности родного языка, о неизбежности пренебрежительного отношения к нему. Потому что, лишение родного языка, лишение самого действенного орудия сопротивления, означает смерть нации. Деспот этого и жаждет. Одним из народов прошедших трудный путь сохранения своего языка и самого своего существования является Азербайджанский народ”.

Одним из первых решений правительства Пишавери было, как уже говорилось, решение об употреблении азербайджанского языка во всех предприятиях и учреждениях автономии. Пишавери писал: “Корни родного языка впитываются с молоком матерей, теплятся в очагах духовной жизни народа. Пока живы матери и пока тлеет огонь в очагах, уничтожить или заменить родной язык невозможно”.

Высоко оценивая национальную честь Мирзы Гасана Рушдийе, автора изданного в Иране в 1905 году учебника “Родной язык” Пишавери писал: Это наш язык, как говорил Мирза Гасан Рушдийе: “Азербайджанский язык, язык героического и свободолюбивого народа, численность которого превышает пять миллионов”.

Тегеранская газета “Кешвез”, возмущенная решением об обучении в школах на азербайджанском языке, писала: “Патриоты Ирана! Вы понимаете, что стоит за этим решением? Знаете ли вы, что безродные предатели пытаются оторвать сыновей Азербайджана от их национального персидского языка” (!-А.)

Отвечая на подобный бред Пишавери говорил: “Проблему языка считают нашим грехом. Эти господа должны знать, что азербайджанец - не перс, у него свой язык и нельзя силой превратить его в перса”.

Но реакционная и националистическая тегеранская пресса продолжала публикацию подобных материалов. Провозглашенный “Царем поэтов” (Мелик уш шуара) Бахар посетив в свое время Баку с восторгом писал о достижениях Советского Азербайджана. Этот крупный персидский поэт, называвший сам себя старым демократом, в этом вопросе занял сугубо шовинистическую позицию. “Основываясь на том, что азербайджанский язык является вашим родным языком, вы требуете, чтобы обучение в школах велось на этом языке - пишет Бахар. - С таким же правом арабы в Хузистане, белуджи в Белуджистане, лоры в Лористане, курды в Курдустане, табары в Табарстане, армяне везде, где они живут, могут требовать обучения на своем языке. Представляете какой хаос произойдет в этом случае? Или вы хотите, чтобы такая привилегия была представлена только азербайджанцам”?

Таким образом естественное желание каждого народа обучать своих детей на родном языке, по мнению "старого демократа"является хаосом. Но, знаменательно, что этим пассажем Бахар как бы "выдал"факт многонациональности Ирана, в то время как официальная политика этой страны заключалась в том, чтобы объявить всех только иранцами.

Эту цитату из Бахара я взял из книги "Сары сим" (название весьма условно можно перевести как "Заветная струна") Мирзы Ибрагимова. Помню, как Мирза Ибрагимов рассказывал мне, что будучи Председателем Верховного Совета Азербайджанской ССР, принимал парламентскую делегацию Ирана. Я тогда же записал слова Мирзы муаллима и привожу их по той давней записи: "Я сказал им, объясните вашему шаху (Мухаммеду Реза Пехлеви - А.) что вот в СССР живут сотни народов - больших и малых и советское правительство никак не ущемляет их права (!?-А.), не запрещает им пользоваться своими языками, не лишает их своих школ, своей прессы. Если в Иране не будут учтены естественные потребности разных народов сохранить свой язык, это может плохо кончиться".

Не знаю, передали ли иранские парламентарии мудрые советы аксакала шаху, но в Иране в этом отношении ничего не изменилось и все, как и предполагал Мирза муаллим, плохо кончилось (для шаха). Что касается обучения, издания прессы и книг на родном языке, то эта привилегия в Иране представлена только армянам. Гейдар Алиев рассказывал, что как то при встрече с Вилайети, тогдашним Министром Иностранных Дел Ирана, он обратил внимание министра на слишком теплые отношения этой единоверной с нами страны с оккупировавшей азербайджанские земли Арменией. Тот ответил, что дружба между Ираном и Арменией имеет тысячелетнюю историю. Вот так то…

Ради справедливости следует отметить, что и среди персов были объективные люди, которые понимали истинную реальность и выражали свое мнение на страницах тегеранских газет. В статье: "Что хочет Азербайджан", опубликованной в газете "Теджеддути-Иран" говорилось: "Давайте рассмотрим историю Ирана и Азербайджана. С первого дня появления на (исторической) арене у Ирана и Азербайджана были свой язык, своя речь".

Конечно, газета тут же дает опровержение этим утверждениям, но важно, что у кого-то хватило смелости и совести на страницах той же шовинистической прессы сказать правду.

И в то же время аморальная сестра Мухаммеда Реза-шаха, принцесса Ашраф Пехлеви, которая, как говорят, получала удовольствие наблюдая за пытками заключенных, откровенно заявила в …Тебризе: "Скажите как можно на корню искоренить тюркский язык в Азербайджане? "

Сам же шах говорил в 1976 году на митинге в Тебризе: "Азербайджан шагает такими широкими шагами, что это отвечает всем нашим мечтаниям, порождает в нас чувство гордости".

Ну, как не вспомнить тут слова "дорогого Леонида Ильича": "Широко шагает Азербайджан".

То ли из "особо теплого" отношения к Азербайджану, то ли чтобы как-то семейно сблизиться с азербайджанскими тюрками, то ли просто прельстившись красотой юной подруги своей дочери, Мухаммед Реза-шах женился в третий раз на Фарах Диба, этнической азербайджанке.

Национальное воодушевление, вековые мечтания, претворяющиеся в реальность, гордость чувствовать себя независимыми на своей родине - все эти радости народа Южного Азербайджана продлились всего лишь один год - на год меньше самостоятельного существования Демократической Республики на Севере (1918-1920).

Мухаммад Реза Пехлеви и Фарах Диба

В феврале 1946 года новый Премьер Министр Ирана Ахмед Кавам ус-Салтана - “Ахмед лиса” вылетает в Москву, на встречу со Сталиным. В течении этого беспрецедентно долгого официального визита - в течении двух недель с 16 февраля по 3 марта 1946 года - все происходило - согласно протоколу, встречи и беседы со Сталиным, прием в честь гостей в Кремле, тосты в честь друг друга. Говорят, что Кавам даже поцеловал руку Сталину. Покидая Москву он заявил: “Я уезжаю с чувством, что все недоразумения между нашими странами в ближайшее время будут преодолены”.

На чем основывался этот оптимизм Кавама? Предполагалось, что Шахское правительство согласится на автономию Южного Азербайджана в составе Ирана, будут подписаны нефтяные контракты на выгодных СССР условиях и Советские войска покинут эту страну.

Обмануть Сталина было и сложно и легко. То, что не удавалось политическим деятелям с демократическим образом мышления, например, Черчиллю, удавалось диктатору Гитлеру, соблазнившему советского руководителя на подписание пакта о ненападении в обмен на раздел Польши и захват Прибалтики (развязав затем войну, Гитлер захватил и Польшу и Прибалтику).

Здесь я хочу отметить еще одну особенность Сталина, то что можно определить театроведческим, актерским термином - отрицательное обаяние. Так вот, Сталин обладал этим отрицательным обаянием полностью. Если хотите, назовите это харизмой или какой-то магнетической силой. Выступая в палате общин в декабре 1959 года Черчилль говорил: “Когда он (Сталин) входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам”.

Эльдар Исмаилов в своей книге пишет, что “многих известных политических деятелей, писателей и публицистов и не только в СССР Сталин убедил в богоизбранности его личности. Сколько восторга вызывала личность Сталина у Рузвельта и Черчилля, Лиона Фейхтвангера, Ромена Роллана, Анри Барбюса, Бернарда Шоу”.

Кто же кого обвел вокруг пальца на Советско-Иранских переговорах - “Дядюшка Джо” (так называли Сталина на Западе) “Лису Ахмеда”, или “Лиса Ахмед” “Дядюшку Джо”?

Спустя несколько месяцев претворяется в жизнь только первый пункт соглашения - Советские войска выводятся из Ирана. Это было требование Англии и США. Это и нужно было Каваму. Остальное было лишь вопросом времени. По некоторым сведениям в соглашении между Сталиным и Кавамом были секретные пункты, в частности, касающиеся Пишавери.

Вождь иранских курдов Мухаммед Гази

13 июня 1946 года Кавам ус-Салтана послал в Тебриз делегацию во главе со своим специальным заместителем по политическим вопросам Фируги, для переговоров с Пишавери. В результате переговоров было подписано совместное заявление, в котором нашли место уступки с обеих сторон. Иранское правительство, казалось, приняло ряд требований Азербайджана. Была признана автономия Азербайджана в составе Ирана, а ее власти признавались как органы местного самоуправления. Было согласовано, что обучение в средних и высших школах будут вестись на азербайджанском и персидском языках. Интересно, что по этому документу, признавалось также право курдов, айсоров и армян преподавать в школах на своем языке до 5-го класса. Это тоже характерная особенность национально-освободительного движения азербайджанских тюрков на разных этапах истории. Как и в Революции мешруте во времена Саттархана, азербайджанцы добивались прав, не только для себя, но и для других народов Ирана. После создания Демократической партии Азербайджана, курды также создали Курдскую Демократическую партию во главе с Мухаммедом Гази. (Мухаммед Гази - позже повешенный шахскими властями, был подлинным героем курдского народа и близким союзником Пишавери.) .

22-го января 1946 года Курдистанская Демократическая партия официально объявляет о создании Курдистанской автономии в составе Ирана.

Религиозный глава туркмен, компактно проживающих на северо-востоке Ирана, говорил обращаясь к своим сородичам: Азербайджанцы поступают верно борясь за свои национальные права. Мы должны брать с них пример.

Слева Пишавери, Мухаммед Гази, Шабустери

Но все уступки Тегерана были отзвуком шагов уходящей советской

армии. Вскоре эхо этих шагов должно было заглохнуть. Трогательные сцены прощания местного населения с покидающими Южный Азербайджан советскими войсками, с большой впечатляющей силой отражены в очерке Расула Рзы “Дорогой друг”. На вопрос своего тебризского друга: Встретимся ли мы снова, поэт уверенно отвечает: обязательно встретимся. Но Расулу Рзе больше не довелось побывать в Тебризе. Как говорится в одном из его стихотворений, Тебриз он видел лишь в частых снах.

О выводе войск союзников из Ирана главы СССР, США и Великобритании - Сталин, Рузвельт (затем Трумэн), Черчилль договаривались в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Одна из книг замечательного историка Джамиля Гасанлы называется: “Южный Азербайджан: Начало холодной войны”.

И в самом деле противостояние между Советским Союзом и Западными Союзниками во время Мировой войны, после ее окончания принимали в разные годы характер острого политического и военного кризиса (в Корее, Берлине, во Вьетнаме, на Кубе). Впервые это противостояние проявилось в вопросе о Южном Азербайджане. В далекие годы моей молодости я как то слушал по радиостанции “Голос Америки”выступление Государственного секретаря США Даллеса, который хвастался тем, что Запад не уступил Советскому Союзу ни в Корее, ни в Западном Берлине, ни в Южном Азербайджане.

4-го марта политику СССР в Южном Азербайджане обсуждают президент США Гарри Трумэн и госсекретарь Дж. Бирнс. На следующий день - 5 марта (спустя восемь лет именно в этот день - 5-го марта 1953 года была объявлено о смерти Сталина) в присутствии Трумэна в Фултоне выступает Уинстон Черчилль. Считается, что именно с фултонской речи Черчилля началась “холодная война”. Черчилль предостерегал Запад об опасности агрессивных замыслов Советского Союза и призывал ни в чем не уступать им.

В свою очередь, Сталин не уступал требованиям США и Англии вывести свои войска из Ирана, как это и предусматривалось договором и как согласовывалось на встречах в Верхах. После того как Дж. Бирнс сообщил Президенту, что СССР не собирается выводить свои войска, Трумэн записал в своем дневнике: “Я устал нянчиться со Сталиным”.

Он дал указание Бирнсу: “Передайте маршалу Сталину, что я считаю его человеком слова. В противном случае, мы будем принимать ответные меры”.

Какие меры собирался принимать Президент США? Дж. Бирнс советовал вынести “азербайджанский вопрос” на рассмотрение ООН. Но для Сталина любые резолюции ООН не имели никакого значения. И США понимали, что у них нет достаточно сил, чтобы влиять на СССР. Оставалось единственное средство давления на Сталина - атомный шантаж. США в это время уже испытали атомную бомбу, уничтожив два японских города. У Советского Союза такой бомбы тогда не было и поэтому он не мог разговаривать с США на равных. Советники предложили Трумэну: надо вызвать советского посла в Вашингтоне и сказать ему, что если советы не выведут войска из Ирана, США нанесут по СССР ядерный удар.

Джамилю Гасанлы не удалось обнаружить в Архиве национальной безопасности США какие-либо документы, подтверждающие такое решение Трумэна. Но ведь не все распоряжении глав Государств фиксируются на бумаге. Возможно эта угроза была доведена до сведения Сталина в устной форме. Во всяком случае, шантаж возымел действие.

Даже американские дипломаты, работавшие в Москве и Тегеране, были удивлены, каким образом Сталин согласился на вывод войск. А он просто испугался. Не обошлось, очевидно и без подсказки Берии с Микояном: стоит ли из за какого-то Азербайджана подвергать риску собственную страну?

Решение о выводе войск было принято и Пишавери резко выступил против этого. “Кавам вас обманывает, - заявил он, - если вы идете на уступки правительству Кавама, значит, мы отрекаемся от своих целей, принципов, и, наконец, от всего, что проделано нами в Иране. Это - тяжело для меня. Я готов умереть на поле боя ради интересов народа, но я не могу предать народ, это было бы бессовестно с моей стороны. Еще в ходе наших дел я исходя из некоторых ваших поступков, сомневался, поможете ли вы нам в осуществлении начатых нами дел. Теперь уже полностью не верю вам. Повторяю, я больше вам не верю”.

Багиров по вопросу Южного Азербайджана вновь обращается к Сталину: “28-го марта в Советской Джульфе мы встретились с руководством Национального правительства иранского Азербайджана: Пишавери, Шабустери и доктором Джавидом. За период существования демократической партии иранского Азербайджана и Национального правительства они дали народу много обещаний, часть из которых уже претворена в жизнь, и теперь отступать от обнародованных мероприятий представляет для них большие трудности.

Каваму они не верят, прекрасно знают, что все его обещания и даже письменные соглашения о правах азербайджанского народа он постепенно ликвидирует, ссылаясь на иранскую конституцию, защищающую реакционный режим, но не права народа. Исходя из сказанного Пишавери, Шабустери и Джавид просят разрешить им, по мере отхода наших войск, связаться с прогрессивными демократическими элементами в других провинциях Северного Ирана, с тем чтобы совместными усилиями начать борьбу с Тегеранской реакцией.

Единственной реальной гарантией сохранения хотя бы минимальных прав для азербайджанского народа, они считают посредничество Советского Союза”.

Это письмо от 29-го марта 1946 года вместе с Багировым подписал и генерал И.И.Масленников, командующий бакинским военным округом.

Возможно, в соглашении между Кавамом и Сталиным были и секретные или устно оговоренные пункты, касающиеся отстранения Пишавери. Во всяком случае, спустя четыре дня поле подписания этого соглашения “Правда”опубликовала краткое сообщение ТАСС, в котором говорилось, что Пишавери попросил освободить его от правительственной должности (то есть от должности Председателя совета министров). Выполнив его просьбу энджумен (совет) выразил Пишавери благодарность за борьбу против реакции, торжество демократии. Пишавери остается лидером Азербайджанской демократической партии”.

Что это означало? Отстранение Пишавери от активной политической деятельности? Или освобождение от руководства уже обреченного правительства? Или в самом деле это была инициатива и решение самого Пишавери, как форма протеста против переговоров Кавама и Сталина. Последнее предположение представляется логичным.

В июне 1946 года было распушено национальное правительство Южного Азербайджана.

Кавам

Кавам якшавшийся в начале мировой войны с гитлеровцами, затем лебезивший перед Сталиным, после ухода советских войск, перекинулся на сторону Запада. Ему не важно было, кому прислуживать, он служил лишь великодержавным амбициям Ирана. Главным препятствием для величия и целостности Ирана он, не без оснований, считал Азербайджан и потому ненавидел тюрков всеми фибрами своей души. Он принимал самое активное участие в подавлении революции Мешруте Саттархана и в уничтожении Азадстана Хиябани. И теперь для него настал час расправиться с Пишавери и азербайджанской автономией.

Разумеется, Кавам не сдержал своего обещания и по поводу выгодных контрактов для СССР. Он обманывал не только Сталина, но вводил в заблуждение и мировую общественность, распустив слух, что Иранские жандармские силы идут на Азербайджан, якобы для наблюдения за ходом выборов и соблюдения законности и порядка во время их проведения.

9 декабря за три дня до светлого праздника - 12 декабря (21 Азера), Кавам обнародовал свою истинную цель: восстановить власть Центрального правительства и территориальную целостность Ирана во чтобы то ни стало.

Пишавери в это время был в Баку, информировал Багирова, а тот переговорил со Сталиным и выяснилось, что “великий миротворец” в очередной раз пренебрег интересами Азербайджана ради Большой геополитической стратегии.

Слева на право Сталин, Маленков, Берия, Молотов

Багиров в последний раз обращается к Сталину по вопросу Южного Азербайджана: “Передаю информацию, полученную из Тавриза. 4 октября иранские войска с района Зенджан начали продвижение в сторону Миане. Между передовыми частями азербайджанцев и иранскими войсками завязался бой, продолжавшийся несколько часов. Командир мианинской группы азербайджанцев Данишиан (генерал Гулам Яхья - А.) в телеграмме на имя Пишавери просит немедленной помощи с танковыми пулеметами и квалифицированными офицерами.

“Интернационал” предавших Азербайджан. Карикатура из газеты

Пишавери по радио оповестил население о начавшемся наступлении иранских войск на Азербайджан. Руководство демократической партии Азербайджана вновь просит оказать им хотя бы минимальную помощь: 16 орудий, 5 тысяч винтовок, 29 противотанковых ружей с соответствующим количеством снарядов и патронов”. М.Д.Багиров. 5 декабря 1946.

Как стало известно Сталин позвонил Багирову и сказал: “Я за пять миллионов азербайджанцев не могу начать третью мировую войну”.

По свидетельству очевидцев после этого телефонного разговора Багиров заплакал навзрыд.

РАСПЛАТА ЗА СВОБОДУ

Процитирую вновь книгу Эльдара Исмаилова: “Мир Гасан Сеидов (в те годы второй секретарь ЦК КП Азербайджана - А.) свидетельствует: В два часа ночи зазвонил телефон. Это был помощник Сталина Поскребышев: “Где Багиров? Целых полчаса я не могу его найти. Пожалуйста, найдите его, и пусть срочно позвонит Сталину”.

Я тут же соединился с Багировым в Загульбе, рассказал ему обо всем этом и попросил срочно приехать в город. Через полчаса его машина была у первого подъезда… Он волновался изрядно… Багиров поднял трубку и попросил соединить с коммутатором Кремля. Через секунды две ответил сам Сталин и без предисловия сказал: Мы вынуждены вывести войска из Ирана, подготовьте и дайте ваши предложения, что надо делать в этой связи…” Багиров умоляющим голосом просил Сталина не делать этого, только-только дела там идут на лад, вся наша работа пойдет насмарку, погибнет это движение, это большое дело в истории нации. Но Сталин настаивал на своем, Багиров еще два раза настоятельно просил его не выводить войска из Ирана. После этого диалога, который длился больше двадцати минут, Сталин сказал: “Это приказ, надо его выполнять… Мы начать новую войну не можем”.

Багиров дрожащей рукой повесил трубку, схватился за голову, не мог говорить, потом повторял: “Что за трагедия, что там будет. Кавам всех погубит, он явно обманул Сталина”.

Обращусь и к своему дневнику. Запись беседы с Мирзой Ибрагимовым 6 января 1985 года: “Сегодня я был у Мирзы Ибрагимова. Долго беседовали. Сказал, что хочет покинуть пост Председателя Советского Комитета Солидарности со странами Азии и Африки. В Москве на свое место он рекомендовал меня. Об этом поставил в известность и

Гейдара Алиева: “Если мы хотим, чтобы эта должность оставалось за Азербайджаном, мы должны готовить кадры на это место”.

Беседовали на разные темы. Снова коснулись темы Южного Азербайджана. В ответ на мой вопрос Мирза муаллим сказал: ЦК ВКП (б) составил тройку. Председателем был я, членами Атакишиев и покойный Гасан Гасанов. В 1945 году мы организовали национальное правительство. Такого энтузиазма я не видел даже здесь в первые дни революции (Так Мирза муаллим по традициям тех лет определял апрельские события 1920 года). Как-то в 1946-ом году Багиров пригласил нас. Были члены тройки, Емельянов, Теймур Якубов, русский командующий войсками, Пишавери. Общее мнение было такое, что в случае атаки тегеранских войск на Тебриз надо оказать сопротивление. Обобщив наши соображения Багиров послал депешу Сталину.

Я спросил: “Вы лично встречались со Сталиным в связи с южно-азербайджанским вопросом?” “Нет, - ответил Мирза муаллим, - я не встречался со Сталиным в связи с этим вопросом”. (Я точно записал слова Мирзы Ибрагимова, но сейчас переписывая их подумал, а ведь ответ-то был уклончивый. “Не встречался по этому вопросу” не означало, что вообще не встречался).

Мирза муаллим продолжал: “Я вернулся домой поздно, работал тогда Заместителем Председателя Совета Министров. Покойная Сара налила чай. Я разделся и залез в постель. В это самое время раздался звонок телефона, вызывал Багиров. Было половина первого ночи. Багиров вызывал не в ЦК, а в свой дом. Он жил там, где сейчас музей (Музей имени Рустама Мустафаева - А.) Я оделся и поехал, были все те же люди. Багиров обычно бывал очень подтянутым. Но сейчас он спустился по лестнице в пижаме. Справа был его кабинет. Сказал, что звонил Сталин: - Получил твою депешу. Ты за войну или за мир? - Конечно, за мир - Так вот, из-за Ирана мы воевать не будем. Все понятно? - Все понятно, товарищ Сталин. Потом Багиров обратился к нам: - Все понятно? - Да.

Пишавери обязали, чтобы в случае нападения тегеранских войск, никакого сопротивления им не оказывалось.

Я спросил Мирзу муаллима: “Пишевари не мог ослушаться и оказать все же сопротивление?” “На это не хватило бы сил. Кровь пролилась бы напрасно. Командующий сказал: Надо уйти на тормозах”.

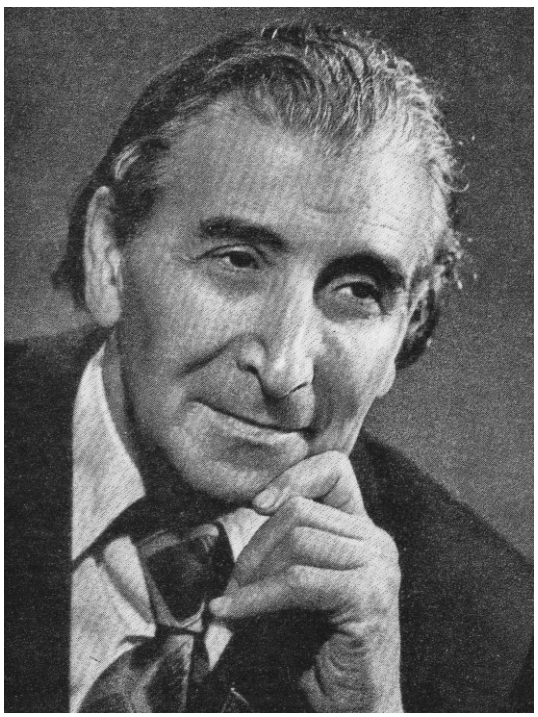
(Сейчас переписывая эту запись 85-го года, хочу в свете открывшихся мне за это время документов добавить: Все повторилось, как в апреле 1920 года в Баку).

Мирза муаллим говорил: В то время у нас не было атомной бомбы. Америка ставила вопрос о выводе советских войск из Ирана очень настойчиво. Я помню, в 1947-ом году выступая на Сессии Верховного Совета СССР Молотов объявил, что “у нас есть атомная бомба и кое-что другое”. Раздались бурные овации. Я обратил внимание, что именно после этого были совершены перевороты в странах народной демократии (просоветские - А.) и они тесно связались с нами. США уже ничего не могли сделать. Возник атомный паритет. Я думаю, если бы Советский Союз заимел атомную бомбу на год раньше, возможно и судьба Южного Азербайджана сложилась бы иначе. Он стал бы одной из Народно-демократических республик.

Есть версия (не знаю насколько она достоверна), что Мирза Ибрагимов еще в 1944-ом году обратился с секретным письмом к Сталину, отправив копию также и М.Дж.Ба-

гирову. В письме якобы содержалось предложение аннулировать Гюлистанский договор и таким образом вывести Южный Азербайджан из состава Ирана. После получения письма Багиров беседует с Мирзой Ибрагимовым, затем будто его вызвали в Москву и принял В.М.Молотов. Если это соответствует действительности, то надо полагать, предложение М.Ибрагимова было воспринято благосклонно, поскольку именно он возглавил тройку, которая проводила советскую политику в Иране и в которую входили секретарь ЦК КП Азербайджана Гасан Гасанов и Народный Комиссар Внутренних дел республики Агаселим Атакишиев. Шли разговоры о том, что Южный Азербайджан будет объявлен Народно-демократической республикой и Мирза Ибрагимов, уроженец этой земли, станет ее руководителем. Не это ли имел ввиду Мирза муаллим, когда говорил о Народно-демократической республике Южного Азербайджана.

Когда прощались, Мирза муаллим сказал: “Вы, молодое поколение, никогда не забывайте проблему Южного Азербайджана. Сохраните идеал единого Азербайджана”.

Мирза Ибрагимов

Эти слова прозвучали для меня как завещание Мирзы муаллима. Он дал мне книгу об армянской истории, в которой содержались страницы об Иране, а также книгу Юнга “Ярче тысячи солнц”. Эта последняя была и у меня, я ее читал. Еще захотел дать книгу “Иран”, но поискав, не нашел. В 12 ночи позвонил, “я нашел эту книгу, пошли кого-нибудь, возьми. Хочу, чтобы ты прочел ее”.

(Небольшое отступление). Ознакомившись с книгой “Иран”. Падение шахского режима”1983) я сделал пометки в своем дневнике: “Много любопытных фактов. Аятолла Талегани, который сидел в застенках САВАК-а, подвергался жестоким пыткам. Шахпур Бахтияр, отец которого был убит Реза шахом, сам сражался против Франко в Испании, затем в рядах французского Сопротивления против Гитлера, сидел в шахских тюрьмах, был 30 лет изгнанником в Европе, социал-демократ по убеждениям. Все они ушли, а Хомейни, который манипулировал событиями в Иране по телефону из парижского пригорода Нофль-ле-Шате, приехал в свою страну после изгнания шаха. В первом же заявлении в Иране он сказал: “Я говорю вам, что Мохаммед Реза Пехлеви, этот предатель, спасшийся бегством, пустил по ветру все, что было у нас, разрушил нашу страну и населил нами кладбища”.

Шахпур Бахтияр предупреждает: Страна может возвратиться к Черной эпохе диктатуры, быть может феодализма.

Он же говорил: “Я и этот доктор Санджаби мечтали о том, чтобы у нас было хотя бы четыре комнаты и чтобы мы могли прибить вывеску на штаб-квартиру национального фронта и создать организацию. А теперь, когда свобода существует, что он говорит? Раз-

ве он хочет вести политическую борьбу? И почему вместо того, чтобы заниматься организацией, он постоянно целует руки господину Хомейни? Мы не хотим на место старой и изношенной диктатуры новую, полную сил… Если бы выборы были проведены сейчас, то 9 из 10 избирателей проголосовали бы за Хомейни, но через 6 месяцев, когда установится спокойствие, картина была бы иной, так как все поняли бы, что Хомейни нанес стране ущерба больше, чем шах".

Автор книги Исмаилов обвиняет Бахтияра в политической близорукости, хоть и пишет о нем с определенной симпатией.

Политики, на мой взгляд, почти всегда носят очки (я говорю не в прямом, а в переносном смысле слова). Одни - очки дальнозоркости. Они не видят то, что рядом, потому и терпят поражение. Как Бахтияр. Но они видят далекую перспективу лучше, чем то, что под рукой. Другие же - близорукие, - видят все что рядом очень четко, но все, что вдали видится им как в тумане. Бахтияр, видимо плохо видел то, что вблизи, но дальнюю перспективу угадал безошибочно.

Как видно фрагменты из воспоминаний Г.Сеидова, которые приводит Эльдар Исмаилов и моя запись беседы с Мирзой Ибрагимовым не совпадают по деталям (приезд Багирова из Загульбы у Сеидова, и появление в пижаме в своем доме у Мирзы Ибрагимова) но суть полностью идентична. Категорическое требование Сталина, попытка Багирова отговорить его от этого решения и наконец, твердый приказ, который Багиров неукоснительно должен выполнить, что бы у него в душе не творилось.

До руководителей Южного Азербайджана было доведено указание Сталина: "Кавам, как Премьер Министр формально вправе посылать армию в любое место Ирана, в том числе и в Азербайджан. Поэтому продолжение вооруженного сопротивления не представляется целесообразным, нужным и полезным. Объявите, что вы не против ввода правительственных сил в Азербайджан с целью обеспечения порядка во время выборов".

Пишавери, не согласившись с таким решением, подал в отставку с поста руководителя Азербайджанской Демократической Партии и покинул Тебриз.

10 декабря ЦК Демократической партии Азербайджана обратился по Тебризскому радио к народу:

"Дорогие соотечественники! Азербайджан никогда не хотел отделяться от остальной части Ирана. Мы никогда не препятствовали вхождению правительственных войск в Азербайджан. Двери Азербайджана открыты для правительственных войск вступающих сюда по приказу Премьер Министра Кавама. Но мы хотели бы, чтобы выборы в Азербайджане состоялись и завершились в кратчайшее время. Да здравствует независимый Иран!".

В самом деле история повторяется. То, что произошло 27-го апреля 1920 года в Северном Азербайджане, почти зеркально отразилось в Азербайджане Южном 12-го декабря 1946 года. На севере хоть дали народу пожить свободно в течении почти двух лет. В Южном терпение властителей иссякло уже через год. Именно по злому, садистскому умыслу тегеранские войска вошли в Тебриз 21 азера (12 декабря), точно в тот день, когда ровно год назад народ праздновал свою относительную независимость. Подобно тому как бесновались большевики в 20-м году в Северном Азербайджане, в Южном так-

Мухаммед Реза Шах и Кедар-уе-салтани наблюдают как самолеты летают бомбить Азербайджан

же безжалостно расправлялись с народом, к глубокому прискорбию, нередко руками самих же азербайджанцев. Удравший во время Национального правительства в арбе под стогом сена помещик Зульфугари (азербайджанский тюрок) вернувшись в Тебриз с двумя тысячами вооруженных людей, убивали каждого встречного и сжигали дома подряд. Шахские войска войдя в город Миану казнили 53 человека, в Урмие (Резайе) казнили 30, в Меренде 90 человек. Кровь рекой лилась в Тебризе, казнили также офицеров-персов служивших в азербайджанских вооруженных силах.

Иранские самолеты штурмуют Тебриз

В течении недели более 3000 человек были убиты, более 11000 арестованы, из них 8000 сосланы на Юг Ирана. Так “наблюдали”за выборами, которые, естественно, так и не состоялись.

Результаты бомбардировки

Кроме огромного числа расстрелянных и повешенных, были и те, к которым применяли самые изощренные средневековые методы -вспарывались животы, вырывались языки, сшивались губы, привязывались к дулу пушек и выстреливались в небо, сжигались живьем на кострах. Некоторых деятелей Демократической партии Азербайджана обливали нефтью, обжигали и в качестве факела несли по улицам города.

Казни в Тебризе

Командующего федаинами Мараги, министра Почт и телеграфа национального правительства генерала Кебири забили

камнями на улицах города, а затем повесили. Последними его словами были: “Рано или поздно свобода победит и Азербайджан отомстит вам”.

“Да здравствует Демократическая партия Азербайджана” восклицали перед казнью многие, пели гимн и читали патриотические стихи, посвященные Саттархану. Их разрезали на куски и останки возили по улицам городов. В Тебризе лейтенант национальной армии попав в окружение у себя дома убил свою жену и малолетнего ребенка, чтобы те не попали в руки противника, уничтожил несколько врагов и последнюю пулю пустил себе в лоб. Пять бойцов национальной армии поднялись на вершину крепости Эрк в Тебризе, продержались там три дня отстреливаясь до последнего патрона, а потом с возгласом “Да здравствует Свободный Азербайджан”бросились вниз. Об их героизме Расул Рза написал стихи “Эрк галасы”.

Фирудин Ибрагими

Одним из самых ярких и светлых фигур освободительного движения на Юге был Фирудин Ибрагими, прокурор автономии. Родившись в 1918 году в Астаре и окончивший юридический факультет Тегеранского Университета, Ибрагими кроме родного языка блестяще владел персидским и французским. Пламенный оратор, публицист Ф.Ибрагими был автором научного исследования “История прессы Азербайджана”.

Назначенный в 27 лет Прокурором автономии Ф.Ибрагими повел беспощадную борьбу против воров и бандитов, взяточников и террористов. Опытные люди советовали ему остудить свой пыл, мол ты еще молод, неизвестно, как обернутся события, возможно ваши уйдут, снова придет Тегеран.

Так и случилось, Фирудин Ибрагими ни в чем не отступил от своих убеждений, “пришел Тегеран”, он вместе с четырьмя товарищами защищал здание ЦК Демократической партии, затем был схвачен и повешен. Перед казнью его допрашивали: по законам какого правительства ты осуждал людей? - По закону Азербайджанского правительства, - отвечал Фирудин, - моего национального правительства.

Накануне казни он всю ночь ободрял своих сокамерников, а утром побрился, одел чистую рубашку, завязал галстук.

- Мы прожили чистую жизнь, зачем же на виселицу идти неопрятным? - сказал он.

Мирза муаллим написал о нем волнующий очерк “Фирудин Ибрагими”. Он стал также прототипом Фирудина - героя известного романа “Наступит день” Мирзы Ибрагимова.

Многое сближает его и с героем пьесы Энвера Мамедханлы “В огне” Азером. Но если роман “Наступит день”кончается на оптимистической волне, с надеждами Фирудина на светлое будущее Азербайджана, Азер - герой пьесы Э.Мамедханлы, так же как реальный Фирудин Ибрагими, обречен на виселицу.

Надо ли говорить, что все пункты соглашения между национальным и тегеранским правительством были немедленно отменены?

А в это время посол США в Тегеране Ален заявлял, что считает “естественным и законным” ввод правительственных войск на территорию Азербайджана.

В 1947-ом году Мирза Ибрагимов в статье “Борьба за свободу” писал: “В те дни тегеранское радио так и вещало - победоносные Иранские войска вошли в Азербайджан, завоевали Тебриз. Эти одописцы реакции не понимают, что эти слова, которые они ныне произносят с такой гордостью, войдут в историю, как проклятие завоевателям”.

Мирза Ибрагимов в этой статье уловил тонкий оттенок, не осознанный самими тупыми пропагандистами. В предложении “Иранские войска вошли в Азербайджан”, содержится мысль, что Азербайджан это все же не Иран и тегеранские войска входят в чужую страну, завоевывают ее столицу.

Но “завоевание” части территории собственной страны, не далось легко тегеранским властям. Неопытные, только что сформированные части азербайджанской регулярной армии оказывали весьма серьезное сопротивление хорошо обученным, оснащенным современным западным оружием тегеранским войскам, прибывающим на американских танках.

Я помню, в те дни отец слушал турецкое радио. Оно сообщало о сопротивлении частей южно-азербайджанских вооруженных сил под командованием генерала Гулама Яхьи, тегеранским войскам. Но силы были слишком неравны.

Пытаясь оправдать собственное малодушие и отступничество в южно-азербайджанском вопросе Сталин написал личное письмо Пишавери. В этом письме по своему обыкновению он собственную вину, взваливает на чужие плечи. Судя по письму, Сталин все еще считал Пишавери лидером Южного Азербайджана и в то же время предостерегал его от “ошибок”. Это письмо от 8 мая 1946-го года было впервые обнародовано лишь в 1996 году в журнале “Араз”, издаваемом в Швеции. Сталин учит Пишевари уму-разуму, преподает ему урок ленинской тактики и теории революции.

Он сразу приступает к делу: “Мне кажется, что вы неверно оцениваете ситуацию и в Иране и с международной точки зрения, - пишет Сталин”. После этого он перечисляет по пунктам ошибки Пишавери. Ссылаясь на теоретические тезисы Ленина, он утверждает, что в Иране не было революционной ситуации, как в 1905 или 1917 годах в России.

Хочется возразить великому теоретику, что во-первых, в 1905-1908 годах и в Иране была революционная ситуация, подавленная русскими казаками, и во-вторых, разве обязательно, чтобы каждая страна повторяла специфические особенности другой страны, в данном случае России? Когда советские войска входили в Иран, стимулировался Москвой национально-патриотический подъем, Баку активно участвовал в подготовке объявления автономии Южного Азербайджана, а затем его отделения от Ирана и присоединения к СССР, Сталин не вспоминал о теоретических выкладках Ильича. Он вспомнил о них тогда, когда США испытали атомную бомбу, а Черчилль произнес речь в Фултоне, призывая Запад к бдительности и к отпору советским притязаниям.

Другой ошибкой Пишавери Сталин считал то, что южно-азербайджанский лидер надеялся на победу в борьбе своего народа только в условиях пребывания советских войск в Иране. “Но мы не можем держать их (войска) в Иране - откровенничает Сталин - главным образом потому, что это подорвет освободительную миссию советских войск в Ев-

ропе и Азии". Другими словами, главной задачей Сталина в это время было сохранение просоветских режимов в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Албании в Европе, а в Азии - в Северной Корее, и конечно, в первую очередь, в Китае. Ради этих целей он готов был пожертвовать независимостью Азербайджана. Наконец, Сталин раскрывает еще один "секрет". Американцы и англичане говорят нам: если советские войска могут оставаться в Иране, тогда почему же английские войска не могут оставаться в Египте, Сирии, Индонезии и Греции, а американские в Китае, Исландии и Дании. Оказывается, что Сталина уход английских и американских войск из Исландии и Индонезии заботил больше, чем судьба Азербайджана. И еще оказывается, что вывод советских войск из Ирана выбьет оружие из рук американцев и англичан и поможет освобождению колоний (интересно с каких это пор Дания, Греция и Исландия стали колониями?) Трудно привести более наглядные примеры лицемерия и фарисейства. Находящийся под боком Азербайджан отдается на заклание, ради того, чтобы выполнить миссию "спасения" (от кого?) далекой ледяной Исландии. Он пытается эти абсурдные мысли навязать и Пишавери: вы как революционер, конечно, понимаете это, понимаете, что мы не могли поступить иначе".

Знаменательно, что диктатор, перед которым дрожал весь мир, пытается как то неуклюже оправдаться перед лишенным всякой власти лидером униженного народа.

В третьем пункте письма Сталин призывает сделать определенные выводы из положения в Иране: "Что мы имеем в Иране? -спрашивает Сталин и сам же отвечает: мы имеем противоборство правительства Кавама с более реакционными англофильскими кругами. Безотносительно к тому, каким реакционером был Кавам в прошлом, теперь он ради самозащиты и защиты своего правительства вынужден проводить определенные демократические реформы и искать опору среди демократических элементов Ирана".

Ай да "лиса Ахмед"! Как же ловко он провел "дядюшку Джо". Надо отдать должное Каваму, он сумел провести такую операцию, еще в условиях пребывания советских войск в Иране. Поверив в англофобию Кавама, Сталин призывал Пишавери оказать ему помощь в борьбе якобы против англофилов. А Кавам в это самое время получив карт-бланш у Сталина, у англичан и у американцев, готовился утопить Азербайджан в его собственной крови.

Я часто задумываюсь, почему Сталин так не верил Западным демократиям и так заблуждался насчет диктаторов, почему он верил Гитлеру больше чем Черчиллю, Каваму больше чем Пишавери?

Он писал Пишавери, что тот, конечно, может не прислушаться к его советам и поступать по своему (как будто тот мог это сделать). Но в этом случае он срывал бы политику Кавама и оказывал бы услугу реакционным англофилам Ирана. "Это было бы глупостью, - считает Сталин, - разве это было бы на пользу азербайджанскому народу и иранской демократии?"

Через полгода выяснилось ЧТО было настоящей глупостью, более того, подлостью и по отношению к азербайджанскому народу и по отношению к иранской демократии.

В четвертом пункте Сталин пишет: Нам стало известно, что вы сказали о нас: мы, мол, сперва поднимали вас в небеса, а потом сбросили в пропасть и опозорили. Это вызывает удивление".

Надгробный памятник Пишавери

Сталин вновь пытается оправдаться при помощи теорий и обвиняет Пишавери в том, что тот не нашел общего языка с правительством Кавама. “Ни о каком позоре не может идти речи. Странно, если вы думаете, что мы могли допустить, чтобы вас опозорили. Наоборот, если вы поведете себя разумно и с помощью нашей моральной поддержки сумеете добиться легализации сегодняшнего положения Азербайджана, тогда ваши действия, как пионера прогрессивного демократического движения на Востоке одобрят как азербайджанцы, так и в Иране. И.Сталин. 8 мая 1946г. “

Фактически это письмо Сталина было полуоправданием своих действий и полуобвинением Пишавери. Оно, видимо, сыграло роль, в дальнейшей судьбе южно-азербайджанского лидера.

Автомобильная авария, в которой погиб Пишавери, по всей вероятности, была организована чекистами и если Багиров, как он заявил на своем судебном процессе, не был причастен к этому акту, то трудно поверить, что такое покушение могло быть осуществлено без санкции Сталина.

На суде Багирова один из свидетелей, бывший сотрудник госбезопасности дает такие показания: Летом 1947-го года в 14 километрах от Евлаха потерпела аварию машина, в которой были Пишавери, генерал Гулам Яхья, ответственный работник госбезопасности Нури Гулиев, водитель Карник Мелихян. Все за исключением водителя были тяжело ранены. Во время обыска у водителя обнаружили револьвер “Вальтер” и 10000 рублей. Как причину аварии он указал то, что задремал. Пишавери доставили в ближайшую больницу, он несколько раз повторил: измена. Пишавери прожил еще сутки и все время был в сознании. Перед смертью он сказал только: “Кавамын еви йыхылсын” (Да будет проклят Кавам).

Как выяснилась, машина была не Пишавери, а Гулама Яхьи и водитель был его. Выяснилось также, что Мелихян - сын лидера иранских дашнаков.

Незадолго до рокового дня, Пишавери говорил своему лечащему врачу, что видимо против него готовится покушение. - Поезжайте в Москву, - посоветовал врач. -Москва и готовит покушение, - печально ответил Пишавери.

11 июля 1946-го года Пишавери скончался на больничной койке.

УТЕШЕНИЕ ШАХРИЯРА

Как бывает нередко в истории, после глубокого разочарования и краха всех надежд в политическом плане, Всевышний вдруг посылает нации некое утешение, некий знак самоутверждения, некую возможность не потерять, сохранить свое лицо, свое право на

жизнь. Как говорилось еще в старых орхонских текстах, Высокий Танры сказал, да не погибнет тюркский народ, да останется он народом.

В черные времена после разгрома азербайджанской автономии, когда казалось бы ни осталось никаких шансов не то что на возрождение, даже на само существование родного языка, знаменитый южно-азербайджанский поэт Мамедгусейн Шахрияр создает поэму “Привет Гейдар бабе” на чистейшем тюркском. Не касаясь эстетических особенностей, художественных достоинств поэмы, хочу отметить, что само ее появление на родном языке, обилие чисто этнографических подробностей, отличающих именно азербайджанских тюрков от других, в том числе от персов, сделало это произведение уникальным фактом национального самосознания в условиях Ирана. Недаром поэма Шахрияра сразу же была замечена Мамедов Эмином Расулзаде в Турции, и он радостно откликнулся на нее. В условиях нивелировки национальных качеств, попыток полной ассимиляции всех остальных народов Ирана во имя персидской унификации, Шахрияр, художник, который до этого прославился как крупнейший поэт страны, писавший на персидском, вдруг вернулся к своим истокам и корням, к истокам своей собственной биографии, к беззаботным годам детства и юности, и к истокам всего своего народа - его пословицам и присказкам, праздникам и преданиям, обрядам и подробностям быта, то есть ко всему тому, что определяет неповторимое лицо каждой нации.

Не впадая в риторику, пафос и патетику, Шахрияр самыми простыми, обычными словами оживляет картины прошлого, как в кадрах ностальгического кино, воссоздает неповторимый и потерянный мир воспоминаний. Это воспоминания отдельной личности и память целого народа.

Без громких слов Шахрияр, как бы говорит: Мы это мы, и мы отличаемся своими специфическими чертами от других народов Ирана. У нас свое лицо, свой дух, свой язык.

Честно признаюсь, при первом чтении поэмы Шахрияра, я отнесся к ней весьма прохладно. Мне она показалась чересчур традиционной, даже архаичной по своей поэтике. По этому поводу мы даже спорили с покойным Яшаром Караевым с которым вместе ездили в Иран. - Нельзя подходить к Шахрияру с современными мерками поэтики Назыма Хикмета или Пабло Неруды, - говорил Яшар. Я возражал: Почему нельзя, если они жили в одно и то же время. Это во-первых. А во-вторых я и не сопоставляю его с Нерудой или Хикметом. Я сравниваю Шахрияра с Моллой Панахом Вагифом или Ашугом Алескером. Зачем спустя века после них, писать также как они. И еще я утверждал, что весь эстетический заряд “Гейдар Бабы” помещается в одном емком стихотворении Самеда Вургуна “Ядыма душду” (“Я вспомнил”).

Шахрияр перед смертью

Я, конечно был не прав. Прав был Яшар. Тогда я не учитывал иранский аспект поэмы Шахрияра. Самед Вургун, давший широкую панораму Азербайджана, ее истории и современности и в своей поэзии, и в драматургии, мог позволить себе в одном конкретном сти-

хотворении “Ядыма душду”предаваться ностальгическим настроениям. Для Шахрияра в контексте реальности Ирана, в атмосфере чуждого персидского духа, персидской лингвистической ауры, смакование национальных особенностей, примет, знаков прошлого в “Гейдар баба” было и моральной и эстетической потребностью. И той потребностью, в которой нуждался и сам народ для сохранения своей “самости”, самобытности, своего отличия от других. Это я понял позже и навсегда. Я понял, что после “Гейдар бабы”, никто не мог убедить других, что чистый, незамутненный язык поэмы, навязан народу кем то извне, какими то пришельцами или захватчиками. В простом, доступном языке поэмы есть некая исконность, первозданность, первичность, генетическая связь с многовековым Прошлым. Это и повергло в шок иранских шовинистов, считавших до тех пор Шахрияра СВОИМ в доску, иранским (сиречь персидским) поэтом.

Кроме этой поэмы Шахрияр стал писать и другие стихи на родном языке, в том числе подлинный панегирик тюркскому и оду в честь Азербайджана. (Правда, последнее стихотворение написано на фарси, но в блистательном переводе Фикрета Садыга оно стало очень популярным во время митингов (1988-89 гг.) на площади Свободы в Баку.

С появлением “Гейдар бабы” (Гейдар баба - название горы, ставшей после поэмы символом Азербайджана) Шахрияр подвергся обструкции со стороны властей, покинув Тегеран переехал в родной город Тебриз, где умер и был похоронен в мавзолее поэтов.

Во время одной из поездок в Иран я побывал в его тебризском доме, и сын поэта Хади подарил мне фотографию Шахрияра в его последние дни. Она висит в моем кабинете в Союзе писателей. Кое-кто из посетителей недоумевают, зачем здесь висит портрет изможденного поэта на смертном одре, разве нельзя было найти его более презентабельные фотографии. Мне этот портрет дорог и как подарка Хади, и как выражение мученических следов на лице многострадального поэта перед вечным покоем.

Мы были приглашены на мероприятия, посвященные Шахрияру. В Тебризе, родном городе поэта, где в домах, на улицах, на базарах, магазинах, везде и всюду была слышна только тюркская речь, официальное мероприятие проводились на персидском языке.

Мы ехали в автобусе и две молодые девушки из нашей Академии наук о чем-то разговорились между собой на русском языке. Тут же сопровождавший нас тебризец обратился ко мне:

- Господин Анар, ваши девушки говорят на русском языке. Где в Тебризе вы слышали речь не на азербайджанско-тюркском? - Нигде, - ответил я, - кроме официальной конференции. - Один - ноль в вашу пользу, - согласился тебризец.

Нас, членов азербайджанской делегации, принял духовный лидер Ирана господин Хаменеи. Он, друживший с Шахрияром, (азербайджанский тюрок), также говорил с нами на персидском языке. А наши слова на родном - его и нашем родном языке, переводились на персидский. Это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Вспоминая поэму Шахрияра, господин Хаменеи вдруг прочел по памяти две строчки из “Гейдар бабы” в оригинале, по-тюркски.

После встречи, сопровождавшие нас люди умилялись, “вы слышали, господин Хаменеи прочел стихи Шахрияра на тюркском”.

Во время нескольких поездок в Иран я еще более ясно осознал, что порой мы с южными азербайджанцами в одни и те же фразы вкладываем совсем разный смысл. Мы, напри-

мер, говорим: нас разъединили двести лет назад, имея ввиду, что разъединили две части Азербайджана. Они в той же фразе подразумевают другой смысл: Двести лет как Северный Азербайджан оторвали от Ирана.

Помню, наши историки радовались, что иранский ученый Саид Нефиси назвал свою книги “Бабек - герой Азербайджана”, не догадываясь, что Азербайджан в названии этой книги чисто географическое понятие, эта одна из провинций Ирана, где находится легендарная крепость Безз Бабека. Мы говорим - Низами Гянджеви Азербайджанский поэт, да, соглашаются в Иране, точно так же как Фирдоуси хорасанский поэт, а Саади и Хафиз поэты из Шираза. Я помню, как во время встречи с Рафсанджани с какой иронией воспринял Гейдар Алиев слова иранского руководителя, когда тот назвал Каспийское море Мазандаранским.

Хаменеи

Чисто тюркско-азербайджанское самосознание в Иране трижды в XX веке подавленное самым жестоким образом, в последнее время медленно, но верно возрождается. И стимулом для этого возрождения стали в основном два фактора. Первый и самый важный - это приобретение Северным Азербайджаном независимости, утверждение здесь не фиктивного, а подлинного суверенного национального Государства. Правда, к этому государству отношение на Юге тоже не однозначно. Сугубо негативное со стороны иранских шовинистов и оперсившихся азербайджанцев - понятно - наличие за северной границей независимого государства, язык которого один и тот же с языком Южного Азербайджана, сколько бы не отрицали общие этнические корни - угроза для единства страны. Но я удивлялся отношению южно-азербайджанской интеллигенции к некоторым вопросам, в первую очередь, к нашему переходу вновь на латиницу. В начале девяностых годов за редким исключением представители южно-азербайджанской интеллигенции, убеждали нас, что было бы хорошо, если бы мы перешли на арабский (они его называют исламским) алфавит: это облегчит наше общение. Когда мы объясняли, что переход на арабский для нас уже невозможен, они предлагали, тогда лучше вам оставить кириллицу. Сперва я удивлялся, ведь вы же все знаете латиницу и не знаете кириллицу, зачем же оставляя кириллицу, нам усложнять общение? Потом понял, в чем дело, ведь латинским алфавитом пользуется также Турция. А в Иране, как в бывшей Российской империи, а позже в Советском Союзе больше всего боялись нашего сближения с Турцией. Причину же ревности южных азербайджанцев к отношениям северных с Турцией, я, кажется, понял. В корне этой ревности кроется некий комплекс неполноценности южных азербайджанцев, находящихся под гнетом персов хотя бы в языковом отношении к тем независимым братским народам, которые в своем собственным независимом государстве свободно пользуются родным языком. Кстати о братстве. “Не забывайте, мы - ваши братья, а турки двоюродные, - говорили нам. - Знаю, - отвечал я, - и мы хотим, что-

бы наши родные и двоюродные братья также любили друг друга, чувствовали свое братство. Не только разность в конфессиях (турки - сунниты, южные азербайджанцы - шииты), но и генетическая память об ирано-османских войнах, мешают ощутить здесь, на Юге, чувство родства с турками в полной мере, как это чувствуем мы в Азербайджане Северном. И если есть что-то за что мы должны быть благодарны советской власти, так это за то, что она нивелировало в сознании азербайджанцев шиитско-суннитскую взаимную неприязнь. И я с тревогой наблюдаю, как и у нас некоторые недальновидные или же преследующие свои провокационное цели люди, пытаются вновь спекулировать на определенных различиях двух этих направлений Ислама. А тут еще вахабиты, фундаменталисты… О чем думали власти, когда посылали на религиозное обучение часть наших молодых людей в Иран, а часть в Турцию. Думали ли о том, что эти молодые люди вернутся в Азербайджан яростными апологетами шиизма или суннитства и будут вносить таким образом раскол в общество еще и по религиозным убеждениям.

Шиитское направление Ислама, с ее идеей жертвенности, оказалось выгодной идеологией для объединения разнонационального Ирана. Мусульманин, шиит, эти понятия снимают такие определения как перс, курд, тюрок-азербайджанец. Но это ловушка: снимаются все национальные различия во имя того, чтобы остался приоритет только для одной нации - персов. В верхушке Ирана много азербайджанцев, может не меньше, чем персов, скажут мне. Но этот довод не убедителен. Во главе Советского государства почти тридцать лет стоял грузин Сталин, но разве СССР был грузинским государством? Или когда Председателем Верховного Совета стал Микоян, он стал государством армянским?

Главное религиозное лицо в Иране может быть персом или тюрком-азербайджанцем, но государство и его официальный язык, а это первый, хотя и не единственный признак государственной принадлежности, как был при шахе, так и остался ныне - персидским.

Коммунизм манил всех сограждан СССР общим языком в будущем, и этот язык разумеется, мыслился не как тувинский, хакасский или чукотский, а как русский. Ислам, отрицающий национальную принадлежность, на деле оборачивается идеологической основой для доминирования одной нации.

Я говорил о первом факторе усиления национального самосознания в Южном Азербайджане. Вторым фактором является, на мой взгляд, эмиграция во времена и шаха, и после его свержения, большого количества иранских граждан в том числе азербайджанцев, составляющих ныне солидную диаспору в ряде стран Запада. Во всяком случае я могу сослаться на свой опыт общения с южно-азербайджанцами в Европе и США. Там они чувствуют себя больше азербайджанскими тюрками и даже турками чем в Иране.

Завершая этот раздел, посвященный Югу, я хочу коснуться и встречи с видным деятелем южно-азербайджанского общественного движения Махмудали Чехрагани. Избранный депутатом Парламента Ирана, затем лишенный депутатского мандата, Чехрагани свою борьбу за национальные идеи Азербайджана продолжил в Европе и США. Приезжал он и в Азербайджан, изъявил желание встретиться с писателями. Во время встречи в Союзе писателей, он сказал немало добрых слов в адрес наших писателей, которые постоянно обращаются к теме Южного Азербайджана. Благодарил он и Союз писателей Азербайджана за помощь в издании журнала “21 Азер”, редакции, которого мы предоставили помещение в нашем Союзе.

М.Чехрагани в Союзе писателей Азербайджана

В то же время наш гость выразил желание, чтобы общественность Азербайджана проявляло бы больше внимания проблемам Юга, более активно выражала бы свою солидарность с братьями за Араксом. Согласившись с этой мыслью, я в свою очередь обратил внимание господина Чехрагани, что Армения граничит с Ираном по территории Южного Азербайджана. Разве наши братья из Южного Азербайджана ежегодно поднимающиеся на крепость Базз Бабека, чтобы выразить свои национально-патриотические чувства, хоть раз вышли с пикетам протеста к трайлерам, везшим груз в страну, которая оккупировала двадцать процентов территории Северного Азербайджана. Более того, как свидетельствуют очевидцы, никогда в Ереване, особенно на его рынках не звучала так много и часто азербайджанская речь - всю торговлю, жизненно необходимую для Армении, ведут наши братья с Юга. Разве это является солидарностью с Азербайджанской Республикой, ведущей нелегкую борьбу за восстановление своей территориальной целостности? Господин Чехрагани согласился с моими доводами.

ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

9 мая 1945-го года отец рано утром разбудил меня: Анар, война закончилась, - радостно сообщил он. - Давно знаю, - равнодушно сказал я, протирая глаза. Мне два месяца назад исполнилось 7 лет, в школу еще не ходил. Отец рассмеялся, действительно, в последние дни об этом не раз говорилось. Отец слушал турецкое радио, а оно сообщило об окончании войны еще 8 мая. Весь мир, кроме Советского Союза празднует день победы 8 мая.

В Москве состоялся парад победы, а на торжественном банкете Сталин произнес тост за русский народ. Позже я узнал, что многие русские восприняли этот тост как оскорбление русского народа. Ведь подтекстом тоста Сталина была то, что ни один народ в мире, кроме русского, не стерпел бы то, что стерпел этот народ от своих властей. Сталин даже прямо сказал, другой народ, сверг бы такое правительство. Для многих только после этих слов открылись глаза на то, что оказывается, был возможен и такой вариант - свержение власти, и Сталин не исключал его.

Анекдоты советской эпохи часто были выражением тайного отношения народа к происходящим событиям. В одном из таких анекдотов говорилось, что когда Берия принес Сталину новый список людей, подлежащих репрессии, Сталин был даже шокирован их огромным количеством. Берия резонно заметил:

- Разве Николай передал нам этот народ по списку?

Думаю, что Сталин не любил русский народ, так же как не любил ни один народ на свете, включая и грузинский. Русский народ, как самый большой по численности и по

экономическому, культурному, военному потенциалу в СССР, был необходим Сталину для укрепления и сохранения своей власти и для того, чтобы опираясь на эту силу угрожать всему остальному миру. А что касается самого русского народа, он периодически уничтожал самую рачительную часть крестьянства под предлогом борьбы с кулачеством, представителей религии, под предлогом борьбы с мракобесием, ученых, обвиняя их буржуазности, маршалов, генералов, по подозрению в заговоре, и многих представителей интеллигенции с целью ее духовно кастрировать. И все это русский народ (как и другие народы СССР) терпел и за это благодарил его Сталин в победном тосте. И слова о том, что народ мог свергнуть правительство, тоже не были случайными. Они были отзвуком того страха, который Сталин испытал в первые часы и дни в начале войны, когда встречая на своей даче членов руководства страны, думал, что они пришли арестовать его.

Победив Гитлера, Сталин вновь обрел свою былую уверенность творить зло. Был разгромлен антифашистский еврейский комитет, сослуживший для Сталина важную услугу в годы войны, привлекая на его сторону общественность Запада.

Испортились отношения с бывшими союзниками на Западе - США и Великобританией. Начались ссылки и репрессии в Москве, Ленинграде (Ленинградское дело), на окраинах Советского Союза, в том числе в Азербайджане. Смещению, аресту и расстрелу подверглись также чем-то не угадившие вождю руководители стран Восточной Европы. Лишь И. Б. Тито удалось вырваться из этой удавки, по той причине, что Югославия не имела общих границ с СССР, и там заблаговременно не разместили советские войска. Сыграли роль, конечно и личная амбициозность и храбрость Тито, партизанская закалка его характера.

Вспоминаю один рассказ Назыма Хикмета. После бегства из Турции первые месяцы пребывания Назыма в Москве были медовым месяцем в его отношениях с советской властью.

Его посылали в столицы стран Восточной Европы, и там поэта принимали на самом высоком уровне. Назым рассказывал, что во время поездки в Венгрию его сопровождал один человек. Когда они вместе с ним пришли на аудиенцию с руководителем Венгрии М.Ракоши, тот увидев сопровождающего Назыма человека побледнел и поздоровался с ним до того, как приветствовал поэта. Причину этого Назым понял уже потом. Человек, сопровождавший Назыма, был, оказывается, специальным порученцем Сталина. Он привозил руководителям стран-сателлитов запечатанные пакеты, а в этих пакетах обычно были смертные приговоры, если не самому руководителю, то одному из его ближайших соратников и коллег.

В СССР началась новая компания против интеллигенции. Из-за произвола в науке страна отстала на многие годы в области генетики, кибернетики. Травля коснулась и писателей, деятелей искусства. ЦК КПСС вынес специальные зубодробительные постановления, в которых клеймились поэтесса Анна Ахматова, прозаик Михаил Зощенко, композиторы Дмитрий Шостакович, Сергей Прокофьев, кинорежиссеры Сергей Эйзенштейн, Всеволод Пудовкин, да и многие другие, представляющие славу литературы и искусства. Отзвуки этих компаний доходили и до окраин. Как говорилось, когда в Москве стригут ногти, в республиках отрезают пальцы.

В Азербайджане по инициативе Багирова началась компания “разоблачения” Шейха Шамиля, как английского шпиона. Эта компания началась в связи с книгой Гейдара Гусейнова и об этом более подробно я пишу в эссе, посвященном этому выдающемуся ученому-философу. Опять же по инициативе Багирова началась кампания против народного эпоса “Китаби Дедем Горгуд”. До этого на этот эпос претендовали и туркмены. Багиров заявил, пожалуйста, я преподнесу этот эпос туркменам на золотом подносе. Но туркмены не только отказались от такого дара, но в отличии от Азербайджана, где никто из ученых все же не был репрессирован, в Туркменистане были арестованы многие исследователи-горгудоведы.

Видимо никогда и никому не удастся до конца разгадать загадку Сталина, причину такой жестокости, мстительности, беспричинной злости этого человека. Сталин - миф. Бороться с мифом при помощи аргументов, доводов, даже неопровержимых фактов, свидетельств очевидцев, достоверных доказательств - задача почти невыполнимая. Ибо миф и действительность - это два разных способа видения мира, мировосприятия, миропонимания. Они почти не соприкасаются. Сегодняшнюю популярность Сталина в демократической России трудно, хотя и можно объяснить.

Великий Инквизитор из романа Достоевского говорил, что люди не любят свободы и ее боятся, а ищут какую-то опору в жизни в виде авторитета. Люди ищут, перед кем бы преклониться, кому бы беспрекословно подчиниться, и “чтобы непременно все вместе”, ищут “общности страха перед каким-то авторитетом, которому они отдают свою свободу”. Было бы верным, заменить слово “авторитет” словами деспот, тиран или же употреблять его в уголовно-криминальном смысле. Проблема нынешних фанатов “вождя народов” в том, что они пытаются возродить сталинизм без Сталина. Сталинизм все еще существует, но Сталина нет и без него он, все же, не дееспособен.

“Да, - говорят нынешние апологеты Сталина, - но сколько же великого он сделал. Победа в войне, грандиозное строительство, превращение отсталой аграрной страны в мировую сверхдержаву, от которой, как и от самого Сталина, в страхе дрожал весь мир”.

Но, забывают, что созидание, лишенное нравственной сердцевины, во имя собственного увековечивания (подобно пирамидам фараонов) - тоже было местью Сталина, местью Времени, Истории, Богу. Бога он не хотел принимать даже в ранге равного себе. Бывшему выпускнику Горийской духовной семинарии необходимо было доказать самому Богу (если все же он - коммунист и материалист, в глубине души верил в него) свое превосходство не только в могущественном праве распоряжаться жизнью и смертью миллионов людей, но и в строительстве. Он даже пытался диктовать природе климат - лесонасаждения, поворот рек. Но сделали все эти -гидроэлектростанции, заводы, фабрики, железные дороги, целые города - более счастливыми, или хотя бы более обеспеченными русский народ и другие народы СССР? Нет, к сожалению. Но все же видимо, Сталин, несомненно умнейший человек, точно уловил одну особенность русского народа - жить хоть и в нищете, но заставить всех бояться себя. Отстаивание в элементарных жизненных условиях от передовых стран Запада, Японии, доморощенные проповедники, сами живущие в достатке и довольствии, объясняют якобы “особым путем России”.

В чем заключается этот особый путь, кроме того, что колея железнодорожных рельсов на территории России (и, естественно, Советского Союза) отличается от норматива

европейских железных дорог - этого толком объяснить никто не может. Зато при пересечении границ пассажиры вынуждены часами ждать перехода поездов с одних рельсов на другие. Впрочем русский народ, сам придумал формулы, характеризующие некоторые особенности его характера:

“Сила есть - ума не надо” и “умом Россию не понять”. А у тех, кто не согласен с этим “горе от ума”.

Вряд ли, Сталин был знаком с сочинениями Щан Яна - китайского правителя жившего в IV веке до нашей эры, но действовал по его принципу: “Одолеть сильного врага может тот, кто прежде всего победил свой собственный народ. Когда народ слаб - государство сильное, когда государство сильное - народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить народ”.

Может показаться странным, что я в этом трактате, посвященном развитию самосознания азербайджанского народа и его судьбе на Севере и Юге, уделяю так много места Сталину и русскому народу. Но, разве не ясно, что с русским народом судьба связывала нас в течении двух веков, да и сегодня многое зависит от наших взаимоотношений. Активное, во многом решающее участие Сталина во всех ситуациях жизни Азербайджана в течении почти полувека также не требует доказательств.

Хочу подчеркнуть один момент. Порой некоторые недобросовестные люди пытаются мои рассуждения о русском народе, - а они нашли отражение и в “Ночных мыслях”, - определить как признак русофобии. Это полная ложь. Слишком многим я обязан русской культуре, русской литературе, русскому искусству, наконец, и в первую очередь, русскому языку, чтобы относиться к этому великому народу не то чтобы враждебно, а даже равнодушно. Все мои размышления вызваны болью за русский народ, который достоин гораздо лучшей участи, чем та, на что обрекает его ущербная политика. Если я не люблю русских политиков от Ивана Грозного, Петра Первого до Сталина, Горбачева, это отнюдь не показатель моего отношения к дорогому для моей души русскому народу. Колониальные войны XIX, расправа над независимостью Азербайджана в 1920-м году и Черный январь 1990-го года - я никогда не воспринимал как деяния русского народа. На мой взгляд это злая воля кучки властелинов, доставивших самому русскому народу не меньше горя и бед. Уже после объединения двух частей Германии в Берлине, у Бранденбургских ворот я видел как туристам, в основном западным, в качестве сувениров продавали ордена и медали Советского Союза. Мне было обидно до слез. Я подумал, а кто же победил во второй мировой войне? Или победа - это не событие, а процесс? Как событие - 8-го мая 1945-го года Германия подписала акт о капитуляции и такой же документ в сентябре того же года подписала Япония на борту американского крейсера “Миссури”.

Да, это два важных события XX века. Но победа - повторю, -это, видимо, все же не событие, а процесс. И вот спустя двадцать, тридцать, сорок лет после победы Советского Союза, СССР просит подаяние (“экономической помощи”, скажем для корректности) от побежденных стран - Германии и Японии. Потому что и та и другая, после сокрушительного поражения не стали оплакивать свою судьбу, готовиться к возмездию. Не смирились со своей участью побежденных и униженных, а засучив рукава стали трудиться, развиваться разумно, целенаправленно, шаг за шагом и стали теми, кем стали - странами самой передовой экономики, науки, технологии, а самое главное, высокого жизненного

уровня населения. И отнюдь не стремятся к тому, чтобы их боялись. Правда, Германия пришла к этому после чудовищного, горького опыта нацизма (иделогия и политика которого тоже сводилась к тому, чтобы Германию не уважали, а боялись). Тот же путь проделала Япония избавляясь от амбициозного милитаризма и не жалуясь постоянно на то, что получила такой страшный атомный удар, какой ни один народ в истории не получал. Ну а какой вывод сделала Россия из опыта так и не состоявшегося обещанного коммунизма?

После войны постепенно стали выявляться новые дьявольские замыслы Сталина. 13 января 1953-го года было опубликовано заявление ТАСС о раскрытии органами государственной безопасности террористической группы врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза. Их в частности обвиняли в убийстве Жданова и Щербакова. Из арестованных врачей - крупных ученых, академиков, профессоров, двое были русскими, остальные семь евреями. “Дело врачей-вредителей” - компания против так называемых “безродных космополитов”, была по существу проявлением антисемитской политики. Напрямую указывалось на связь этих врачей с зарубежными еврейскими разведывательными организациями. И “разоблачение” врачей-евреев в начале 1953 года должно было стать обоснованием нового геноцида над этим многострадальным народом.

К счастью, компания антисемитизма абсолютно не коснулась Азербайджана. Это порой связывают с тем, что жена Багирова была еврейкой. Еврейками были и жены членов Политбюро Молотова, Ворошилова, Андреева. Но репрессиям подверглись даже сами эти еврейские жены высших руководителей. При полном если не согласии, то молчании мужей. Эльдар Исмаилов правильно отмечает: Видимо, Багиров не склонен был слепо следовать негласной установке Сталина на антисемитизм, да и мужества у него было побольше, чем у многих советских руководителей. Евреи в Азербайджане видели в нем своего покровителя.

Сталин, конечно, не остановился бы только на гонениях евреев. Полетели бы головы, как это уже не раз бывало ранее и ближайших соратников. Реальная угроза нависла, в частности над Молотовым и Микояном, которых Сталин прямо обвинил на Пленуме ЦК в трусости перед Америкой, и которые не попали в состав высших эшелонов власти на съезде…

Но вмешалась сама фортуна или фортуна в лице конкретных заговорщиков. О них мы тоже ничего не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем, как не узнаем и про то, был ли на самом деле заговор.

Уже упомянутый Абдуррахман Авторханов в книге “Загадка смерти Сталина”, приводит различные версии, якобы осуществленного заговора по устранению вождя. Наряду воспоминаниями живых свидетелей процесса угасания Сталина - его дочери Светланы Аллилуевой и Н.Хрущева, приводятся и версии Ильи Эренбурга и партийного функционера Пономаренко. На основе их слов, а больше на основе их недомолвок, Авторханов выстраивает свою версию заговора, в основном опираясь на тот факт, что врачи к больному были вызваны лишь на второй день после инсульта. Авторханов метко уловил несуразную фразу даже в официальном бюллетене о здоровье вождя: “В ночь на 2 марта у т. Сталина, когда он находился в Москве на своей квартире, произошло кровоизлияния в мозг. Товарищ Сталин потерял сознание, развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи”.

Помимо ложной версии о кровоизлиянии в московской квартире (достоверно известно, что это произошло на кунцевской даче) нелепость в этом сообщении заключается в том, что Сталин сперва потерял сознание, а потом речь. Получается, что потеряв сознание, он еще мог говорить.

В любом случае 5 марта на весь мир было объявлено, что Сталин скончался.

Вновь обращусь к своим воспоминаниям. Услышав по радио о смерти Сталина отец мой заплакал. Он делал это не напоказ, при людях, а дома, среди членов своей семьи, с совершенно искренней скорбью. Конечно, при жизни Сталина отец не принимал многие аспекты его политики, особенно в национальном вопросе. Помню как говорил “даже Николай не делал такого”, имея ввиду ассимиляторские тенденции сталинской политики. Но в то же время, он, как и почти все, был под гипнозом сталинской харизмы.

Может, какое-то значение имело и воспоминание об одном эпизоде молодости. Во время декады Азербайджанского искусства в Москве в 1939 году, отец как директор Филармонии объявлял со сцены концертные номера. Каждый раз когда он объявлял очередной номер, раздавался чей-то громкий голос: правильно! Во время перерыва отец пожаловался Багирову: кто то постоянно комментирует мои объявления. - Тише, - сказал Багиров, - это товарищ Сталин. Я сказал ему, что ты не конферансье, а поэт, потому он и шутит таким образом.

Когда отец после антракта объявил Песню Ниязи о Сталине - Сталин обратился из ложи - А слова чьи? - Слова мои, товарищ Сталин, - ответил отец. - Объявлять надо, - отчеканил вождь.

Сейчас это может вызвать ироническое отношение, но в те годы этот эпизод нашел отражение даже в газетах, как показатель чуткого внимания вождя к молодому поэту.

Позже, после разоблачений злодеяний Сталина, когда выяснилось, что все жертвы, в том числе и среди писателей Азербайджана, были невинными, отец возненавидел Сталина. В том числе за то, что так долго верил ему. Но в Ленина он верил до конца жизни. Он считал, что если бы Ленин прожил дольше и руководил бы страной, она пошла бы по другому, более гуманному пути.

Помню, в июне 1953-го года Энвер Мамедханлы беседуя с моим отцом, обратил внимание на то, что в списке членов политбюро посетивших Большой театр (на спектакль оперы “Декабристы) нет фамилии Берии. Он считал, что это не случайно. Летом того же года мы всей семьей (и Энвер был с нами) отправились в Дом отдыха на Гейгеле. Отец, мать, моя младшая сестра Тарана и Энвер, почему-то задержались в Гяндже, а меня с другой сестрой Фидан отправили в Аджикенд, где директором Дома отдыха был наш родственник. Нас с Фидан поместили в одной комнате. Рано утром я вскочил, услышав необычайные слова из громкоговорителей на территории Дома отдыха. Говорилось о разоблачении Берии, как врага народа и империалистического шпиона. Я разбудил сестру и сообщил ей эту ошеломительную новость. Она не поверила пока не услышала повтор сообщения. Директор с помощниками срывали портрет Берии среди портретов других членов Политбюро. В это время подъехала машина с нашими, и, не дожидаясь, пока они поднимутся наверх, крикнул с балкона: Берия оказался шпионом. Помню выражение лица Энвера, означающее: “я же говорил”.

Мы поехали на Гейгель, по дороге встретили группу киношников, которые снимали фильм-концерт “Родному народу”. Среди них был и Рашид Бейбутов. Мы им первыми сообщили эту невероятную новость.

Всю дорогу и первые дни на Гейгеле отец и Энвер обсуждали это событие. Оба сразу осознали, что это неизбежно коснется и Багирова. На Гейгель на несколько дней приезжал Джафар Хандан с семьей. Он рассказывал о Пленуме ЦК Азербайджана на котором сняли Багирова. Когда выступал один из выдвиженцев Багирова с резкой критикой в его адрес Мир Джафар с Президиума сказал на азербайджанском языке: Сене еледиклерим гезунден гелсин (примерно, пусть воздаться тебе за все, что я сделал для тебя).

По радио каждый день передавали передовицы “Правды”, где пока туманными намеками и иносказаниям говорилось о чуждом партийной этике культе личности. Было очевидно, что это все в адрес Сталина и было ясно, что кончилась одна эпоха и наступила другая.

“Со смертью Иосифа Сталина закончился век”, - сказал Дуайт Эйзенхауер и эти слова вышли на первых страницах мировых газет.

ОТТЕПЕЛЬ

1956-й год был знаменательным, даже переломным во многих отношениях. В феврале состоялся XX съезд КПСС на закрытом заседании которого Хрущев выступил с докладом, разоблачающим культ личности Сталина. Конечно, Хрущев не имел морального права выступать с таким докладом, ибо сам был одним из активных организаторов и проводников сталинских репрессий. Но тогда кто же, кто из тогдашнего руководства имел моральное право на такой доклад? Никто, ни один…

В докладе наряду с потрясающими фактами о злодеяниях вождя явно прослеживалась и личная неприязнь Никиты Сергеевича к Иосифу Виссарионовичу, обусловленная наверное годами унижения, которое, он, Хрущев терпел со стороны Сталина. Явным перебором были слова докладчика о том, что главнокомандующий руководил боевыми операциями во время войны с помощью глобуса. Но наряду с этим доклад имел колоссальное значение как в судьбе СССР, так и всего мира.

Когда думаешь о поступке Хрущева невольно начинаешь размышлять о роли личности в истории. Порой ее гиперболизируют, полагая, что одна личность способна кардинально изменить ход исторических событий. Порой низводят ее значение до нуля, как, к примеру, это делал Л.Толстой по отношению к Наполеону, считая его всего лишь ничтожным орудием Истории.

Мне кажется, существует наглядный и близкий пример соотношения объективных и субъективных факторов в балансе Личность и История: Хрущев. При Сталине Хрущев был ординарным и лояльным партийным функционером, порученцем “вождя народов” в Украине, его надсмотрщиком в Московской парторганизации, сподручным в Политбюро, выделявшимся в среде других разве лишь тем, что лучше танцевал гопак. В остальном такой же, как все остальные - такой же исполнитель злой воли Хозяина в отношении обреченных людей. Следовательно личность (в данном случае Хрущева) не имела никакого особого значения в Истории, во всяком случае в советской истории того пери-

ода. Но вот умер Сталин и один из его наследников Хрущев по началу бывший отнюдь не первым лицом, сумел не только пробиться на самую вершину политического Олимпа отпихнув одного за другим (пригодились уроки Сталина), всех остальных небожителей. Именно он, а это самое важное, сумел восстать, хоть и половинчато, с кульбитами, движениями вспять (шаг вперед, два назад) против многих, казалось бы незыблемых основ режима и вывел общество на принципиально иную плоскость. Сделав несколько шагов к трибуне XX съезда, он определил широкую поступь Истории, которая с откатами, зигзагами все же привела к полному краху, как Советской империи, так и ее коммунистической идеологии. Если личность играет роль в истории, почему же Хрущев не сыграл ее в сталинскую эпоху? Если она не играет никакой роли, а все определяет сама История, то из каких соображений она, История, реформатором выбрала именно Хрущева, не самого умного, не самого образованного, может быть даже не самого коварного, не самого жестокого (были ведь и Берия, и Маленков, и Каганович, и Молотов). Чем предопределен выбор Истории на роль исторической личности? Эта личность сама по себе, или ее возможность по разному реализовать себя в разные времена?

В сталинскую эпоху Хрущев как самостоятельная личность ничего не значил, он действовал сугубо в рамках заданных обстоятельств. Стало быть обстоятельства сильнее личности. Да, но в постсталинскую эпоху он решился на то, на что никто из его бывших коллег не смог решиться - начал десталинизацию. Значит, и от личности кое-что все же зависит.

Насколько люди самостоятельны и ответственны в своих поступках и насколько их поступки диктуются Временем? Древний, как мир вопрос о свободе воли, о божественном предназначении, о загадках бытия.

Открытая ненависть к Сталину проявилась и в том, что стали один за другим меняться все, что обозначалось его именем. Сталинград стал Волгоградом, Сталино Донецким, Сталинские премии Ленинскими премиями и т.д. Площадь Сталина в Баку стала площадью Ленина (ныне площадь Свободы). Были снесены все памятники “вождю” во всех городах и само его тело выдворено из Мавзолея и похоронено у Кремлевской стены. Помню направляясь на комсомольский семинар в Бакуриани, мы проезжали город Гори - родину Сталина. Находящиеся в автобусе грузины шутили: “А это дом музей Сталина имени Ленина”.

Но грузины не только шутили, ко дню его смерти в Грузии начались серьезные волнения. Об этих событиях я хочу рассказать словами их участника Гасана Азиз оглу Гасанова, позже в советское время проработавшего Секретарем ЦК, Председателем Совета Министров Азербайджана, Министром Иностранных дел, а ныне нашего посла в Польше. Уроженец Тбилиси Гасанов в юные годы стал живым свидетелем этих событий и позже записал свой рассказ об этом. (Цитирую его текст по рукописи, которую он любезно предоставил мне)

“По мере приближения 5-го марта - дня смерти И.В.Сталина напряженность нарастала. Наконец, настало 5-е марта. Я пришел в школу как обычно. Но где-то через час-полтора стали слышны голоса, даже крики. Произносились здравицы в честь Сталина. Наша школа была на расстоянии нескольких сот метров от Центральной площади города. На площади была гранитная трибуна, на которой по праздникам руководители партии и

правительства Грузии принимали парады. Площадь была заполнена. Митинг был в самом разгаре, проходил очень бурно, выступало много людей и почти все в защиту Сталина. Критиковали тогдашних руководителей - Хрущева и особенно Микояна. Грузины говорили, что особенно обидно за Микояна, который при жизни Сталина выставлял себя в роли его самого близкого друга, а после смерти оказался самым главным обвинителем. По этой причине обострились отношения между грузинами и армянами. Мы ехали на автобусе, на котором повесили портрет Микояна сзади автобуса вниз головой. Власти в городе не было, милиция как будто куда-то спряталась. Вот так в 15-16 летнем возрасте я воспринял эту митинговую ситуацию.

На митинге один из выступающих сказал, что московские власти подняли один полк в Азербайджане для того, чтобы направить в Тбилиси на подавление восстания, но полк, якобы, остановился в Акстафе и дальше солдаты отказались ехать. Слово “Азербайджан” тогда стало произноситься с какой-то теплотой. Меня, подростка, переполняла гордость.

Несколько дней в городе была такое состояние. 7-го марта в Тбилиси из Еревана прибыл заместитель Председателя КНР маршал Чжу Дэ. Восставшие пытались пробиться на прием к гостю из Китая, мотивируя, что Сталин и Мао Цзэдун были друзьями. Они рассчитывали, что заступничество Китая, в частности Мао Цзэдуна в пользу Сталина может приостановить антисталинскую политику новых руководителей СССР. Однако, им не удалось встретиться с маршалом 8-го марта вечером Чжу Дэ уехал из Тбилиси.

Это движение, которое начиналось в принципе, в защиту И. В. Сталина, уже переросло в национально-освободительное, речь шла уже о выходе Грузии из состава СССР, провозглашение независимости Грузии. Митинговая ситуация стала перерастать в ожесточенные схватки. На проспекте Руставели начали расстреливать молодежь. В ход со стороны армии были пущены автоматы, танки, было убито большое количество людей. Многих задержанных вывезли за город. Трупы убрали, говорили, что трупы ночью же передали родственникам с условием незаметно похоронить. Ночью же стали подметать, отмывать асфальт, чтобы к утру не было осталось следов крови. А утром газета “Заря Востока” вышла с большим портретом Сталина на первой странице”.

Приводя такой большой отрывок из воспоминаний Г. Гасанова я задумался вот о чем. Сталин-то ведь не очень любезно относился к своей исторической родине. Говорили, что каждый раз после его посещения Грузии, новая волна репрессий уносит огромное количество грузин.

Он уничтожил самых первых большевиков Грузии, старых революционеров Орехалашвили, Ф.Махарадзе, Б.Мдивани. Когда в 1937-ом году Буду Мдивани вели на расстрел, он крикнул на весь коридор Метехского замка: “Пусть Сталин не забывает, что за Дантоном последовала очередь Робеспьера!” имея в виду вождей Французской революции, казненных один за другим.

Мои грузинские друзья рассказывали, что в Грузии были дворянские фамилии, которые истреблены на корню, не осталось ни одного представителя этого рода. И все же грузины заступились за Сталина - живой он не принадлежал им, они встали в защиту чести мертвого Сталина. Кроме того, это был повод к выступлению свободолюбивого, гордого народа, который не раз проявлял свой характер и до и после этого, в частности

9-го апреля 1989-го года в Тбилиси, когда по официальным данным от рук советских войск погибло 16 человек.

Второй момент в этом событии заключается в том, что пребывание в эти дни в Тбилиси Чжу Дэ, ставшего невольным свидетелем "восстания масс", сыграло, очевидно, немаловажную роль в дальнейшем ухудшении отношений между Москвой и Пекином. Мао Цзэдун вступился-таки за своего почившего коллегу-диктатора.

И еще одна верная мысль, из воспоминаний Г.Гасанова: "Все то, что было накоплено в генетической памяти поколения репрессированного в 30-ых годах, было обрушено на власти поколением, входящим в общество в 50-ых годах"

1956-ой год был богат событиями разного масштаба, носящему общественный и личный, хотя и очень важный, характер. В мае этого года покончил собой А.Фадеев, оставив посмертное письмо, в котором признавался в своем разочаровании в связи с прожитой собственной жизнью. В мае умер и Самед Вургун, с тревожными мыслями о своем творческом наследии, в котором большое место занимали темы, связанные со Сталиным.

Венгерский писатель-коммунист Антал Гидаш пишет в своих воспоминаниях о посещении в больнице Александра Фадеева. По словам А.Гидаша больной Александр Александрович с потухшими глазами, грустно спрашивал: "Что с нами станется? Вот в соседней комнате умирает Самед Вургун… Большая часть его творчества уйдет насмарку. Что? Мы не жили праведно?" (Цитируя по книге о Вагифе Самедоглу "После меня останется море…")

ПАДЕНИЕ МИР ДЖАФАРА БАГИРОВА

В 1956-м году Президент Египта Гамаль Абдель Насер национализировал Суэцкий канал, за что его страна подверглась вооруженному нападению трех стран - Великобритании, Франция и Израиля. Состоялись антисоветские и антикоммунистические выступления, забастовки и уличные беспорядки в Польше.

Свою независимость провозгласили Марокко, Тунис и Судан. Но самое важное событие 1956 года после XX съезда КПСС, стало Венгерское восстание, подавленное советскими танками с особой жестокостью. Мы слушали по радио "вражеские" голоса, которые говорили о героизме венгерского народа и о том, что Будапешт превращен в руины. Мы, 18-19 летние молодые люди страстно переживали за венгров, но все же воспринимали эти события как последнюю отрыжку сталинской эпохи. Хотели верить, что после этого все будет по-другому. И в самом деле в эти же дни был обнародован документ, в котором говорилось о том, что советское правительство отныне будет строить свои отношения со странами народной демократии на принципах полного равенства и признавалось, что в предшествующие годы этот принцип не соблюдался. Как говорится "свежо предание, но верится с трудом". Тогда мы поверили в это.

Но вернемся в 1953-й год. Итак, отсутствие Берии среди членов Политбюро в Большом театре привлекло внимание не только Энвера Мамедханлы. Но в отличии от него, писательским чутьем уловившего в этом факте нечто настораживающее, старый чекист Багиров стал звонить Байбакову, Микояну: - где мой Лаврентий? Его, конечно, пригласили в Москву, чтобы сообщить, где "его Лаврентий".

2 июля 1953-го года созывается внеочередной пленум ЦК КПСС, на котором члены высшего партийного ареопага страны ставятся в известность о судьбе Берии. Понятно, что была предрешена и судьба Багирова. Может он один не догадывался об этом. На этом Пленуме бывалый чекист допускает еще одну оплошность. Вначале отрицает, что звонил и спрашивал о Берии. И когда это все же подтверждается, признается, что звонил. ("Дело Берия: Пленум ЦК КПСС 1953 года. Стенографический отчет. "Известия ЦК КПСС" 1998. № 1).

Итак, выступая на пленуме Багиров говорит, что дружил с Берией 30 лет и не может себя простить, что ничего не знал о его антипартийной, враждебной деятельности, называет Берию "хамелеоном, злейшим врагом партии, нашего народа".

Его прерывает Маленков: "Зачем вы себя осуждаете, вас же никто не обвиняет, вы близки с Берией, вы его и разоблачите".

Дело в том, что называя Берия агентом империализма, опирались на единственный факт - его службу в контрразведке Азербайджанской Демократической Республики (по их определению в "разведке Мусавата"). А этот факт, по подсказке Микояна, не мог быть неизвестным Багирову. Вот такое разоблачение Берии и требовали от Багирова.

Здесь мне хочется сослаться и на другой любопытный источник. Контрразведку АДР вначале возглавлял наш дальний родственник - тесть моего дяди (брата матери) Камиля Рафибейли - Мамед Багир Шейхзаманлы. После его отставки это ведомство возглавил его младший брат Наги Шейхзаманлы. Молодой Берия был его сотрудником. Перед установлением советской власти в Азербайджане Берия неожиданно исчез, Мамед Багир был сразу же расстрелян, а Наги беку чудом удалось спастись и переправиться в Турцию. Там он принял фамилию Кейкурун и издал свои воспоминания. Воспоминания вышли и в Баку с моим предисловием. Так вот, в этих воспоминаниях привлекают внимания два момента, связанных с Берией. Наги бек Кейкурун пишет: "Я принял Берию на работу по рекомендации партии "Гуммет". В то время нашим границам угрожал царский генерал Деникин. Я принял Берию на работу в отдел цензуры. Он был исключительно ответственным работником. Ему в то время был 21 год".

Наги бек пишет, что однажды Берия с озабоченным видом вошел к нему, в руках у него было письмо. Автором письма был молодой русский паренек, письмо было адресовано его другу. В этом, перехваченном Берией письме парень писал, что скоро русская армия победоносно войдет в Баку. По приезде в Баку парня схватили и, как пишет Наги бек, после разговора с перепуганным юношей он отпустил его. Берия был крайне недоволен этим. "Наги бек, - сказал он, - вы слишком мягки с русскими, как же вы отпустили этого змееныша, не наказав его?" "А я не знал, что ты столь жесток и беспощаден, Берия, - ответил ему Наги бек. - Мне рассказывали, что еще в школе ты хвастался перед своими одноклассниками, что, когда вырастешь, сбежишь в Америку и станешь гангстером. Да ведь этот парень еще ребенок, ну, расхвастался в порыве чувств".

Второй момент с Берия, уже связан с жизнью Наги бека в Турции. Он уже давно отошел от политики, занимался торговлей. Однажды, после смерти Сталина к нему в магазин зашел русский, позже выяснилось, что это ответственный работник советского консульства. "- Мы знаем, что вы одно время работали с Берией, - сказал он. - Вы знаете, после смерти Сталина Россией управляют трое: Берия, Молотов и Маленков. Сре-

Наги бек Шейхзаманлы

ди них Берия отличается по образу мыслей, все в Москве знают, что он более склонен к либерализму, сторонник роспуска колхозов. Напишите ему, посоветуйте договориться с Западом. Может, он прислушается к вам, тем самым вы сыграете определенную роль в установлении всеобщего мира. Напишите Берии, напомните ему о событиях, о которых знаете только вы двое, чтобы он поверил, что это письмо именно от вас. Я отправлю это письмо курьером, через неделю он его получит".

Наги бек решительно отверг это предложение. Спустя некоторое время пришло сообщение об аресте Берии: "Этот негодяй работал в мусаватской контрразведке, поддерживал связь с живущими за рубежом мусаватистами, вошел с ними в сговор".

Вот оказывается, для чего понадобилось письмо Наги бека.

Хорошо что я его не написал - отмечает Наги бек".

Когда на Пленуме ЦК поднялся вопрос о службе Берии в мусаватской разведке, Багиров адресовал его Микояну:

Я очень хорошо знаю, что при контрреволюционном мусаватском режиме вся подпольная работа, все кадры, все, что делалось в Баку партийной организацией, все это проводилось в жизнь под непосредственным руководством Анастаса Ивановича Микояна. Следовательно, если бы Берия действительно был послан партийной организацией куда-нибудь, тем паче в разведку, то об этом должен был бы знать Анастас Иванович.

Микояну пришлось оправдываться: "Я впервые встретился с Берия в 1920-ом году в Баку после установления Советской власти, что Берия работал в контрразведке Азербайджанского буржуазного правительства, я узнал только тогда, когда вопрос этот был поднят на пленуме ЦК в 1937-м году. Я раньше допускал возможность, что может быть Берия в качестве рядового работника среди других и был послан. Но теперь, перебрав в памяти факты, я сильно в этом сомневаюсь".

Когда Багиров говорил о намерении Берии создать национальные ордена, Маленков снова прервав его, спросил о каких орденах идет речь. Багиров не стерпел и ответил: "Это идите и спросите у Берии, с которым имели давнюю дружбу".

Это был прямой вызов Маленкову, во-первых, Багиров посылал его к Берии, то есть в тюрьму. А, во-вторых, всему Пленуму сообщал о об их давней дружбе.

Этого ему, конечно, не простили. "Берия всегда был вашим шефом, инструкторы ЦК боялись ехать к вам", - включился в антибагировскую кампанию Суслов.

"Не знаю, кого они боялись и почему о шефах вы до сих пор молчали", - отпарировал Багиров.

Подключился и Хрущев: "В моей с вами вчерашней встрече вы отрицали телефонный разговор. Сегодня же выясняется, что такой разговор был".

Хрущев вообще давно имел зуб на Багирова.

По свидетельству очевидцев, как-то раз Багиров встретив Хрущева в приемной Сталина, натянул его кепку до бровей и спросил: - Ну что, кацап, ждешь? Ну, жди, жди. - И прошел в кабинет вождя. Когда он вышел, Хрущев уже спрятал где-то свою кепку.

Хрущев с обидой говорил, что ему, руководителю многомиллионной Украины приходится часами ждать в приемной Сталина, когда тот принимает Багирова. В это время кроме Багирова у Сталина был и Берия. “Наверное, рассказывают там кавказские анекдоты”, - не сдержался Хрущев.

(Есть свидетельство о том, что когда при Сталине Багиров и Берия обменялись между собой парой фраз на азербайджанском, Сталин сказал: нет, это не так. То есть он понимал азербайджанский язык. Здесь я ссылаюсь на Чингиза Абдуллаева, который, естественно, не мог присутствовать на той беседе, но где то прочел об этом).

Хрущев вспоминает свою первую встречу с Багировым так: “В 1932 году Берия и Багиров находились на курсах Марксизма-Ленинизма. В то время я работал вторым секретарем Московского городского комитета партии. Темой нашего разговора был секретарь Фрунзенского райкома партии товарищ (армянин) Рубен. Правда, в то время кадрами я не заведовал и кадровые вопросы не решал. Поэтому назначить Первым секретарем Азербайджанской КП (б) по представлению Берии (Багирова - А.) я не мог. Потом мне стало ясно, что кандидатуру на эту должность Рубена, выдвигал Серго Орджоникидзе”.

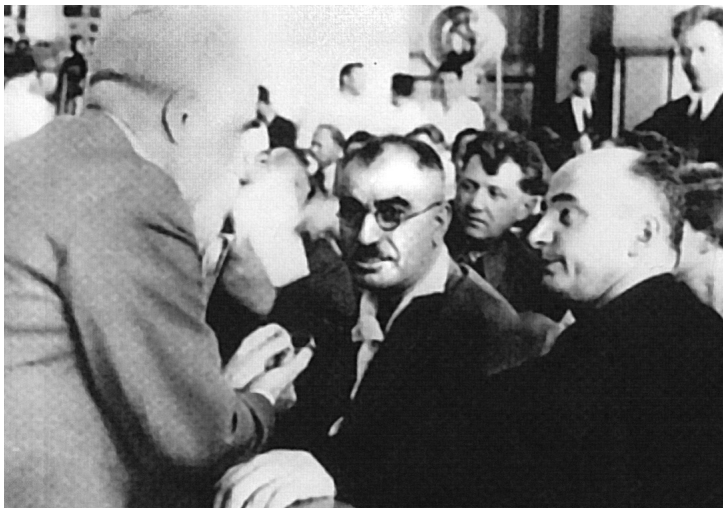
Хотя Орджоникидзе добился своего, и Рубен был назначен Первым секретарем ЦК Азербайджана, но он, бывший царский офицер, проработал на этой должности только год.

После Багиров писал Сталину: Дорогой Иосиф Виссарионович. Хочу Вам сообщить, что той политике, которую Вы проводите в Азербайджане, противодействует группа во главе с Орджоникидзе.

Когда Багирова, не без помощи Берии, все же назначали сперва Председателем Совета Народных Комиссаров Азербайджана, а в 1933-м году и Первым секретарем ЦК, Орджоникидзе сказал: “Он истребит азербайджанскую интеллигенцию”.

Нашелся “радетель” азербайджанской интеллигенции, хотя, по существу он оказался прав. Эту реплику Орджоникидзе в каких-то архивах обнаружил Микаил Рафили и помню, еще в те годы, когда Багиров был у власти, рассказал об этом моим родителям.

По свидетельству Гасана Сеидова, сам Багиров рассказывал, что на заседании политбюро, на котором обсуждалась его кандидатура, шел острый спор. Пара членов политбюро упорно выступало против его кандидатуры. Причем,

Л.Берия и М.Дж.Багиров

ни один из выступавших против него не называл другой кандидатуры из азербайджанских кадров. Однако Сталин сказал: “Азербайджаном должны править азербайджанцы. Это, кроме всего остального, имеет большое значение в плане международной политики партии”.

Таким образом Багиров оказался первым азербайджанцем руководителем республики после Нариманова. Но в отличии от Нариманова, руководство которого при Кирове и подстрекаемых им оппозиционерах, было ограниченным, Багиров обладал всей полнотой власти. Более того, он извлек уроки из опыта Нариманова и на корню пресекал любые попытки несогласия, подобно тому, как это делал Сталин в масштабе всей страны.

Через десять дней после московского пленума, 12 июля 1953 года состоялся Пленум ЦК КП Азербайджана, с участием эмиссара Москвы, Заведующего отделом ЦК КПСС П.И.Поспелова. Разумеется, у всех участников Пленума внезапно наступило прозрение, у всех, выступающих, годами раболепно прислуживавших Багирову, вдруг раскрылись глаза на его ошибки и стали пинать раненого, но еще не убитого “льва”. Соревновались в том, кто лягнет побольнее. Багиров был единодушно освобожден от своей должности в Азербайджане и сразу же от своего членства в кандидаты Президиума ЦК КПСС и, естественно, выведен из состава ЦК КПСС. (Багиров до той поры был единственным азербайджанцем, достигшим статуса кандидата в члены Президиума).

Возможно, некоторые из выступавших были искренны в осуждении недостатков в работе Багирова, они видели эти недостатки и в его бытность руководителем республики, но не осмеливались перечить “киши” (хозяину). Многие представители уцелевшей после чисток интеллигенции, также часто бывали недовольны действиями и поступками Багирова. Но сейчас его столь циничное осуждение бывшими подчиненными, весь дух этого Пленума, инспирированного Москвой, возмущал многих. В секретных донесениях новоназначенного Министра Внутренних Дел Азербайджана Гуськова Теймуру Якубову, избранному на Пленуме Первым Секретарем ЦК Азербайджана, сообщалось о негативной реакции ряда представителей творческой интеллигенции к расправе над Багировым. Особо резко, судя по доносу, высказался композитор и дирижер Ниязи: Если бы наша седая гвардия была менее дисциплинирована, она бы не пошла на поводу у Поспелова и ему пришлось уезжать из Баку на велосипеде, ему бы никто железнодорожный билет не продал бы”.

Злоключения Багирова не кончились освобождением от должностей. В январе 1954 года его назначили заместителем начальника управления кадрами в нефтяном управлении города Куйбышева, а 13 марта 1954 года исключили из партии. В конце того же года арестовали. В марте 1956 года был организован судебный процесс в Баку над М.Дж.Багировым, С.Емельяновым, Х.Григоряном, Р.Маркаряном, А.Атакишиевым и Т.Борщевым. Главным обвинителем на процессе был Генеральный прокурор СССР Р. Руденко, в свое время выступавший от имени СССР и на Нюрнбергском процессе.

Когда знакомишься с опубликованными в отдельной книге фрагментами из протоколов Судебного процесса, удивляешься тому, как Время меняет акценты. То, что на этом судилище вменялось Багирову как самое тяжкое преступное деяние, сегодня может восприниматься как его оправдание в глазах азербайджанского народа. Судя по показаниям

различных свидетелей, оказывается Багиров всячески опекал и спасал мусаватистов и прочих врагов советской власти. Особенно склоняется имя Алибека Зикзикского, крупного помещика и начальника полиции кубинского уезда. Багиров работал его заместителем в полиции. После установления советской власти Зикзикский вел борьбу против этой власти, затем сбежал в Иран. Назначенный Председателем ГПУ Багиров вернул Зикзикского в Баку, тепло встретился с ним и обещал ему полную неприкосновенность. И лишь после устранения Багирова от должности Председателя ГПУ и назначения на этот пост Новруза Рзаева Зикзикский был расстрелян. Судя по материалам процесса вновь вернувшись к власти Багиров отомстил Новрузу Рзаеву:

“Н.Рзаев поехал в Казахстан, там нашел своего покровителя, выгнанного из Азербайджана, ярого врага Багирова, ныне секретаря КП (б) Казахстана Л.Мирзояна. Однако, когда в 1940 году Новруз Рзаев тайно приезжает в Баку, по распоряжению Багирова его тут же арестовывают и приводят к нему в кабинет. “Ты думал от меня убежишь? Ты что, не понимал, что после того как Л.Мирзоян разоблачен как английский шпион, следующая очередь твоя”. Рзаев говорит в ответ: “Я сомневался в том, что вы настоящий коммунист”. Багиров отвечает: “Прежде всего, я сын своего народа, а потом уже коммунист”. Н.Рзаева расстреливают. По материалам суда, якобы его в камере расстрелял сам Багиров.

Самые изощренные сюрреалистические фантазии блекнут перед сюжетами советской действительности: Один убежденный коммунист, чекист, расстреливает другого убежденного коммуниста, чекиста за то, что тот расправился когда-то с мусаватистом. Ну, чем не театр абсурда?

На суде Багирову вменяется в вину также то, что он помог переправиться в Турцию бывшего руководителя мусаватской контрразведки Наги Шейхзаманлы (о котором я писал выше), а позже и его жены. Он же, Багиров, судя по обвинению, опекал кулака Джамала Мирзоева (кстати, прадеда известного исламского деятеля Гейдара Джамала). Меня поразило, что один из свидетелей на суде некий Мамед Мехдиев, утверждал, что Багиров, даже организовал бегство в Турцию сына гянджинского губернатора, моего дяди Камиля Рафибейли.

Конечно, на суде раскрывались и его преступления другого рода -репрессии против видных коммунистов, уничтожение целого пласта интеллигенции. Но дело в том, что этим же занимались и все другие руководители союзных республик, включая и самого Хрущева. Именно Хрущев, будучи первым секретарем ЦК Украины, учинил массовый террор над людьми, выступавшими с акцией против голода. Секретарь ЦК ВКП (б) А.Жданов послал даже письмо лично Багирову, обвиняя его в нерешительности при разоблачении, аресте и наказании контрреволюционеров, врагов, антисоветчиков.

На суде Багиров не просил никакого снисхождения: - Я знаю где я нахожусь, и что меня ждет. У меня столько вины перед своим народом, что меня мало расстрелять, меня мало повесить, меня надо четвертовать. Главная моя ошибка в том, я доверил органы госбезопасности Сумбатову, Борщову, Григоряну, Маркаряну, не разобрался в их истинной сущности.

Старейшему писателю Манафу Сулейманову довелось присутствовать на многих заседаниях судебного процесса и в его книге “Сон бахара чатдыг” (“Дожили до осени”)

есть любопытные подробности. Как пишет Манаф муаллим Руденко обращается к Маркаряну: “ - Обвиняемый Маркарян, скажите, почему вы так бесчеловечно били безвинных людей? В ответ Маркарян цитирует Сталина: “Бейте до тех пор, пока не признают свою вину. Бить, бить и еще бить”. Маркарян добавляет: - Вы не знаете, какой Багиров был ужасный человек. Никто не посмел бы не выполнять его поручения”. Руденко обращается к Багирову: “ - Правильно ли он говорит? - Попробовали бы не исполнять то, что было сказано мною, - отвечает Багиров, - они все были моими цепными псами. Это здесь они более-менее расхрабрились.

Обвинитель обращается к другому подсудимому: - Обвиняемый Григорян, это письмо написали вы? Цитирую: “Мама, браток, обрадуйтесь из-за дяди, я расстрелял десятки турков”.

Зал взорвался от возмущения, - пишет Манаф Сулейманов.

На каком-то этапе Багиров, возможно стал догадываться, что чекисты-армяне, которым он доверил судьбу многих представителей азербайджанской интеллигенции, ведут свою игру, отстранил их и назначил руководителями органов русского С.Емелянова и азербайджанца Т.Якубова (последний избежал какого-либо судебного разбирательства).

Одним из важных принципов советской карательной политики, как в Центре, так и в республиках было то, что кадры в этих органах формировались в основном из людей другой национальности, ибо “свои” могли проявить хоть какое-то снисхождение к “своим”. Так в Москве органами госбезопасности в течении долгих лет руководили люди нерусской национальности - Дзержинский, Менжинский, Урицкий, Ягода, Петерс и др.

В Азербайджане эту палаческую миссию выполняли в основном армяне, из которых только двое - Григорян и Маркарян оказались на судебной скамье, остальные как-то вывернулись.

Багиров, Борщов, Маркарян и Григорян были приговорены к расстрелу, Атакишиев и Емельянов к двадцати пяти годам лишения свободы.

7-го мая 1956-го года приговор был приведен в исполнение.

27 мая 1956 года скончался великий азербайджанский поэт Самед Вургун. По всей республике был объявлен траур, весь народ искренне скорбел по поводу смерти своего славного сына. Армяне тут же донесли в Москву, что под предлогом траура по поэту азербайджанцы оплакивают смерть Багирова.

Писатель Акрам Айлисли, написавший предисловие к книге о суде над Багировым, утверждает, что, несмотря на приговор, Багиров не был расстрелян, он умер своей смертью спустя двадцать лет в одной из тюрем города Казани. Такой же версии придерживается и другой наш писатель Максуд Ибрагимбеков. На какие источники опираются они, говоря так, я не знаю.

Последний штрих к этому судебному процессу. Молодой в те годы чекист, впоследствии написал воспоминания о последних днях Багирова. “Багиров с утра до вечера занимался писаниной. (Где сейчас то, что им тогда написано? - А.) В последний день судебного процесса я отнес еду в его камеру: “Заключенный Багиров, до суда осталось 30 минут. Я принес вам обед”. Багиров, не поднимая головы, сделал знак руками, что не хо-

чет. Мне, просто как азербайджанцу было жалко, что Багиров проводит бессонные ночи, непрестанно работает и к тому же ничего не ест.

Через пятнадцать минут чекист снова входит с обедом. Продолжая писать, Багиров опять отказывается есть. Когда чекист в последний раз входил в камеру Багирова, он опять принес обед.

“Когда Багиров увидел в моих руках еду, он от души рассмеялся. Он подозвал меня к себе и говорит: “Сынок, из тебя чекиста не выйдет, у тебя очень доброе сердце”. После этого он съел обед и его повезли на суд”.

Я допускаю, кое-кому может показаться, что такими штрихами я хочу вызвать сочувствие к зловещему образу Багирова. Нет, я против как излишней демонизации его личности, так и оправдания его любых поступков, вплоть да самых жестоких. Как писателю, мне важно отразить на основе доступных мне материалов реальный и реалистический портрет этого несомненно неординарного человека, сыгравшего в судьбе нашего народа важную, хоть и далеко неоднозначную роль. И в этих попытках неизбежно происходит в какой-то мере очеловечивание образа. Портрет - эта не карикатура, не шарж, а достоверное отражение модели.

Конечно, трудно осмыслить, что один и тот же человек мог быть очень дружен с Рухуллой Ахундовым, а позже санкционировать его уничтожение. (Но разве сам Сталин не поступал таким же образом, со своими близкими коллегами?). В те годы, когда Багиров был отстранен от руководства ГПУ и фактически выдворен из Азербайджана, с помощью Берии он стал Наркомом водного хозяйства Закавказья. М.Э.Расулзаде саркастически заметил по этому поводу: “Все воды Кавказа не смоют с рук Багирова кровь азербайджанского народа”. В те годы Багиров из Тифлиса пишет письмо Рухулле Ахундову в Москву. В письме, начинавшемуся словами “Дорогой Рухулла”, он сначала спрашивает о его здоровье, говорит, что не прощает себе, что уехал из Баку не попрощавшись с ним. Далее в письме сказано: “По резкому указанию Серго Орджоникидзе, я вынужден был покинуть Баку. Я думал, что здесь, в Тифлисе, новую должность я буду исполнять в нормальных условиях. Я попал в еще худшие условия. Будто эти одичавшие люди готовы меня повесить на первом фонаре. Основу такого отношения ко мне сформировало азербайджанское правительство. Послали информацию в центр такие как Л.Мирзоян, А.Гараев, Новрузов (Новрузов это, видимо, Новруз Рзаев - А.) Но эти руководители не понимают, что происходит в республике и за это им придется отвечать”.

Стоит обратить внимание на то, что Багиров жалуется Рухулле Ахундову, как близкому человеку, более того, жалуется на Л.Мирзояна, А.Гараева, с которыми Рухулла в свое время боролся против Нариманова. Или к этому времени между ними уже произошел раскол? Далее Багиров перечисляет акты произвола, которые чинят руководители Азербайджана. Письмо кончается словами: “Целую тебя, Мир Джафар”.

И вот спустя несколько лет, Багиров санкционировал не только арест Рухуллы Ахундова, но по некоторым сведениям присутствовал даже на его допросах с пристрастием, то есть в пытках. Во всяком случае достоверно известны факты его присутствия на некоторых допросах и в те годы бытовала присказка: по вечерам люди идут в театры, смотреть спектакли, а Багиров в подвалы НКВД, чтобы наблюдать над пытками заключенных”.

ДВА АНГЕЛА МИР ДЖАФАРА БАГИРОВА

Говорят, что за плечами каждого человека стоят два ангела, которые записывают его добрые и злые дела. Один из ангелов, стоящий за плечами Багирова наверное, заполнил бы не один том злых дел. А что ангел добра? Может быть три важных дела, которые сделал Багиров для своего народа перевесят все то зло, которое он совершил?

Первое важное дело - это, конечно, его усилия в вопросе о Южном Азербайджане. И хотя много разных причин - от атомной монополии США, твердости позиций Черчилля и Трумэна, до коварства и хитрости "лисы Ахмеда" Кавама и козней Берии с Микояном, - помешали осуществлению этого плана, в любом случае Багиров сделал все возможное, что было в его силах, чтобы воплотить в жизнь эти чаяния.

Второе важное дело - это предположения о репатриации азербайджанского народа в годы войны. В этом вопросе много неясного, Адыгезал в книге "Час Икс переворота М.Дж.Багирова и Л.П.Берия" пишет: "В суматохе военного времени немцы, объединив 30 тысяч азербайджанских солдат, снабдив их оружием и средством пропаганды, направили против большевиков. Продвигаясь вперед, немцы бросили десант около Закатала из членов азербайджанского легиона. Все эти агентурные данные потом были предоставлены членам ГКО и это способствовало принятию радикального решения об азербайджанцах. Кроме Берии, все члены Государственного Комитета Обороны согласились с депортацией азербайджанцев. Берия в своем выступлении говорил, что "это дело без Багирова решать нельзя и всячески мешал принятию этого решения. После заседания он позвонил Багирову и посоветовал провести несколько мероприятий".

По словам автора эти мероприятия касались в основном привлечения все новых новобранцев для отправки на фронт.

Некоторые моменты в этой истории, вызывают сомнение. Вряд ли, такое важное решение могло бы быть принято без учета мнения Сталина, а если его мнение склонялось к депортации, то Берия, при всей его дружбе с Багировым, не мог воспрепятствовать этому. Он мог, конечно, до этого предварительно и приватно переговорить со Сталиным, но голосовать против при всех, включая вождя, голосовавших за, он не решился бы.

В той же книге Адыгезал ссылается на Теймура Кулиева, работавшего тогда Председателем Совета Народных Комиссаров Азербайджана. "Багирова я увидел очень обеспокоенным и взволнованным, - вспоминает Т.Кулиев. -Он мне сообщил о звонке Берии, что он добивается положительного решения о депортации азербайджанцев у Сталина. Багиров, немного помолчав, выдвинул ящик стола, достал свой личный пистолет и сказал: Я еду в Москву, встретиться со Сталиным. Берия пообещал помочь, если я не смогу убедить Сталина… - сказав это, он замолчал".

Багиров встретился со Сталиным один на один и азербайджанцы остались на своей земле.

Если все это на самом деле так, то это, несомненно самая большая заслуга Багирова перед нашим народом. Теймур Алиев, работавший в свое время Завотделом ЦК, как то рассказывал, будто Б.Геворков - Первый секретарь обкома Нагорного Карабаха, своими глазами видел решение Политбюро о высылке азербайджанцев. Однако историк Джамиль Гасанлы начисто исключает эту версию. Национальные республики считались ос-

нователями СССР и поэтому, по мнению Дж.Гасанлы, вопрос о депортации какой-либо союзной республики никогда не мог стоять на повстке дня.

Эльдар Исмаилов в вышеупомянутой книге пишет: “Существует версия, будто бы в годы войны Сталин, планируя выселение с Кавказа ряда народов, хотел включить в “черный” список и азербайджанцев. И лишь упорное противодействие Багирова, в конце концов, заставило Сталина отказаться от этой затеи. Насколько это соответствует истине - сказать трудно, поскольку письменное свидетельство на этот счет нам не известно. Не исключено, что такая сумасбродная идея могла придти в голову Сталину. И отказ от нее, в этом случае, мог последовать лишь при наличии твердой позиции Багирова”.

В разговоре с Гейдаром Алиевым я как-то спросил его об этом. Он ответил, что о таком документе ничего не знает. Если бы такой документ был, он наверняка бы знал, а скрывать это в эпоху независимости Азербайджана не имело бы никакого смысла. Так что этот вопрос остается открытым. Но, безусловно, даже предполагая такую опасность, Багиров, сделал много в годы войны, чтобы добиться, как говорят ныне “положительного имиджа” для азербайджанцев - “верных сыновей Советской родины и бесстрашных бойцов с ее врагами”.

Третья заслуга Багирова имеет точные документальные подтверждения. Он, как в свое время Нариманов, отстоял Нагорный Карабах от армянских посягательств.

28-го ноября 1945 года Секретарь ЦК ВКП (б) Маленков обращается с письмом к Багирову: “Секретарь ЦК КП (б) Армении тов. Арутюнов внес на рассмотрение ЦК ВКП (б) предложение о включении в состав Армянской ССР Нагорно-Карабахской области, ныне входящей в состав Азербайджанской ССР”

Далее Маленков перечисляет аргументы Арутюнова, как две капли воды схожие с теми аргументами, которые спустя сорок с лишним лет выдвинули участники “Крунка” и движения “Миацум”. Письмо кончается фразой: “Сообщите Ваше мнение по поводу предложения ЦК КП (б) Армении”.

10 декабря 1945 года Багиров отвечает Маленкову обширным письмом. “Территория Нагорно-Карабахской автономной области с давних пор входила в состав Карабахского ханства, центром которого с 1747 года был город Панахабад, построенный как крепость Панах ханом Карабахским”. Перечислив все экономические, культурные, административные преимущества, которые получила НКАО в составе Азербайджана, Багиров делает неожиданное предложение: “Мы не возражаем против включения в состав Армянской ССР Нагорно-Карабахской Автономной области, но не согласны с передачей Армянской ССР Шушинского района, хотя и входящего в состав Нагорно-Карабахской автономной области, но населенного и поныне в основном азербайджанцами”.

Далее Багиров делает еще более странное заявление, в результате которого становится ясным, почему он вроде бы соглашается с предложением Арутюнова:

“Считаем необходимым довести до сведения ЦК ВКП (б), что при рассмотрении вопроса о включении НКАО в состав Армянской ССР должен быть рассмотрен и вопрос о включении в состав Азербайджанской ССР Азизбековского, Вединского и Карабагларского районов Армянской ССР, примыкающих к Азербайджанской республике и населенных преимущественно азербайджанцами.

Учитывая исключительную культурную и экономическую отсталость этих районов, передача их Азербайджану даст возможность улучшить материально-бытовые условия и культурно-политическое обслуживание населения.

Кроме вышеизложенного, просим ЦК ВКП (б) рассмотреть и следующие вопросы: Товарищи из Грузии ставят вопрос о включении в состав Грузинской ССР Белоканского, Закатальского и Кахского районов Азербайджанской ССР. Несмотря на то, что в указанных районах проживает 9000 грузин-ингилойцев из общего количества населения в 79000 человек, мы не против рассмотрения этого вопроса, но с тем, чтобы одновременно рассмотреть вопрос о включении в состав Азербайджанской ССР Борчалинского района Грузинской ССР, населенного почти исключительно азербайджанцами и примыкающего непосредственно к Азербайджанской ССР. И, наконец, мы просим рассмотреть вопрос о включении в состав Азербайджанской ССР примыкающей к ней территории Дербентского и Касумкендского районов Дагестанской АССР в прошлом являющихся частью Азербайджана и входивших в состав Бакинской губернии. Население этих районов в основном состоит из азербайджанцев, причем большую часть года проводят на территории Азербайджана”

Комментарии, как говорится, излишни. Этим письмом Багиров на долгие годы закрыл тему армянских притязаний на Карабах, вплоть до горбачевской перестройки. Правда она эпизодически возникала и в другие годы, и когда ее подняли при Хрущеве, Никита Сергеевич проявил в данном случае твердую волю: Я выделю сколько угодно машин, чтобы переселить всех армян Нагорного Карабаха в Армению, если им не хочется жить в Азербайджане - сказал он.

25 марта 1949 года по этому же поводу Багиров пишет… Микояну.

“Дорогой Анастас! Я очень рад, что ты прочел мой отчетный доклад и заключительное слово на последнем XVII Съезде КП (б) Азербайджана”.

После нескольких стандартных слов о разоблачении контрреволюционеров - мусаватистов, иттихадистов, дашнаков, турецких, персидских и других агентов иностранных разведок Багиров пишет: “В антисоветской работе дашнаков за рубежом особое место занимают их “требования” об увеличении территории Советской Армении прежде всего за счет Советского Азербайджана и Советской Грузии”.

Для иллюстрации этих “требований” Багиров посылает Микояну эмигрантские дашнакские издания в Тегеране. Он пишет о заинтересованности американцев в разжигании этого вопроса и ссылается на “арестованного Министерством Госбезопасности Азербайджанской ССР, приехавшего из Америки репатрианта Суваряна - близкого друга и приятеля Аветика Исаакяна”. “Странным является то, - пишет Багиров, - что за последние годы у нас в Советском Союзе появляются очерки, романы и статьи, авторы которых в той или другой степени, по существу перекликаясь с дашнаками клевещут на Советский Азербайджан, на Азербайджанский народ. Фактов много. Но посылаю тебе только две из них - книги М. Шагинян “Советское Закавказье” и роман Г.Холопова “Огни в бухте”.

В свете всего сказанного совершенно недопустимым является поведение сыновей Степана Шаумяна: Левона Шаумяна, довольно сомнительно выступившего в “Литературной газете” и журнале “Огонек”, не говоря о его личных высказываниях по адресу Мешеди Азизбекова и других. Сергей Шаумян, будучи в Баку за спиной ЦК КП (б) Азер-

байджана связался с неким Авакяном и вел переговоры, чтобы последний написал о его отце книгу. А чтобы ты имел представление кто такой Авакян, посылаю краткую справку о нем. Хотя ты очень занят, но было бы хорошо, если бы ты просмотрел все посылаемые мною документы".

Это письмо поражает прежде всего адресатом. Багиров пишет о неблаговидных действиях армян самому главному Армянину страны, члену Политбюро, одному из близких к Сталину людей. Для того, чтобы ознакомиться с этими материалами у Микояна, при всей его занятости, не только нашлось бы время, но он извлек бы из этого совершенно противоположные выводы прежде всего в отношении самого Багирова.

Не ограничившись этим, Багиров о книге М.Шагинян пишет и секретарю ЦК ВКП (б) А.Жданову. (Копию этого письма он направил также Берия). В письме уже на конкретных фактах - цитатах из книги Шагинян, Багиров привлекает внимание опять таки к притязаниям на Карабах. Шагинян объявляет Карабах "страной армянской", "дворянским кусочком Армении", пишет, что армяне втянули азербайджанцев в быстрое культурное развитие. Багиров приводит и такие "изысканные" куски из писаний Шагинян: "Чадра необходима как возбудитель. Ее темная бесформенность, беспомощное движение тела под складками, окутывающим его - комплекс чрезвычайно сложных, веками въевшихся представлений. Здесь и отдаленная связь с атавистическим пережитком зверя, - потребность брыкания и топтания женщин: и звериное чувство собственности - моя, мое, скрытое, закутанное, закрытое: и тоже звериное, так широко среди Закавказья распространенное, психологическое обоснование гомосексуализма.

Когда человек - самая большая ценность в доме, и надо иметь мусульманину больше детей, - количество жен связано с увеличением деторождений. Такой же принцип практикуется скотоводом при обзаведении стадом".

Конечно, широко эрудированная Мариэтта Шагинян не чета террористу Зорию Балаяну, но как точно совпадают эти вот ее выпады про многодетность с ущербным сознанием Балаяна, с его переживаниями насчет демографического истощения Армении в сравнении с плодовитостью тюркских народов.

"Считаем необходимым изъять эту книгу" - заканчивает Багиров свое письмо Жданову. Спустя некоторое время в адрес Багирова поступает письмо от Мирзы Ибрагимова.

"Сегодня по почте мною получено письмо от Мариэтты Шагинян - пишет Мирза Ибрагимов. - Направляя Вам упомянутое письмо, прошу Ваших указаний"

Отрывки из письма М.Шагинян: Тов. Ибрагимов! В Армении я внимательно перечитала свою книгу и нашла, что вы абсолютно правы, в книге есть одиозные места, оскорбительно-нервные, и не только для Азербайджана, но и для Армении. По этому поводу я была у первого секретаря ЦК КП (б) Армении. Я просила изъять книгу, но это повлекло бы за собой очень тяжелые последствия для новой моей книги, которую Москва неизбежно приостановила бы. Главлит Армении дал приказ приостановить продажу книги впредь до посылки исправленных мест. Мы исправили только самое одиозное. Кроме того, я написала в армянскую газету статью где в конце, упоминая о своей книге, признаю, что сделала крупную ошибку, не исправив несколько недопустимых и неверных мест. Если тов. Багиров пожелает, я могу аналогично сделать и в "Бакинском рабочем", сперва объяснив, как могла произойти такая ошибка, а потом принеся извинения. Читая

эту книгу, я сама ужаснулась и дорого бы дала, быть может последний остаток жизни, за то, чтобы она не выходила. Шлю привет, М.Шагинян, 26 мая 1947 г. “.

Письмо М.Шагинян на процессе Багирова обернулось против него. Руденко спрашивает: Обвиняемый Багиров, в 1947 году на торжествах юбилея Низами вы не приняли М.Шагинян и оскорбили ее. Почему?

Странно, будто это может быть причиной для обвинения. Тем не менее Багиров отвечает:

- Она со мной захотела встретиться, но она в своих произведениях подходила к Карабаху и к Нахичевани, как собственным землям, поэтому я не принял ее и выгнал.

Руденко обвиняет Багирова и за его отношения к некоторым другим армянам:

- Обвиняемый Багиров, вы также оскорбили маршала Баграмяна, угрожали ему.

- Не его, а его брата. Начальника строительного управления Кура-Араксавод. Он слишком обнаглел. Вел себя так, будто не его брат, а сам он маршал.

- А за что вы оскорбляли Заместителя Главного редактора Большой Советской энциклопедии Левона Шаумяна?

- Я выгнал его из Баку. Он с группой лиц рыскал по нашим архивам с целью изъятия документов о злодеяниях дашнаков по отношению к азербайджанцам. Я приказал выдворить их из Баку в течении 24 часов”.

Саркисов, работавший в 1954 году на должности секретаря по пропаганде Карабахского обкома партии писал: “В 1949 году перед поездкой в Москву, Багиров вызвал меня к себе и дал задание: “В журнале “Октябрь” прочитай статью М.Шагинян. Что она хочет от Азербайджана? Что означает ее желание гянджинские села присоединить к Армении. В редакции “Литературной газеты” работает сын Шаумяна - Левон Шаумян и он защищает М.Шагинян. Когда будешь в Москве зайдешь в отдел информации ЦК. Там работает Ваган Григорян. Все это ему передашь.

Я будучи в Москве задание Багирова не выполнил. (еще бы! - А.) Потому что не понимал вины М.Шагинян и Л.Шаумяна”.

Багиров жалуется на армян армянину при посредстве армянина. Неужели он был столь наивен?

Багиров был также сильно разгневан книгой Холопова “Огни бухты”. Он поручил Мамеду Арифу, Энверу Мамедханлы, Минкевичу и Маркару Давтяну дать отповедь этой книге. Энвер Мамедханлы вспоминал: когда мы пришли к Багирову он был вне себя. Сразу выяснил, что Холопов (Холопян) из Лалаевых. “Я этих Лалаевых собственными руками расстреливал”, - говорил он.

Много лет спустя М.Шагинян, автор книги о Низами, изъявила желание побывать в Азербайджане, напоследок жизни, как она выразилась. Здесь она говорила, что отвергла предложение армянских писателей подключиться к очередной кампании за присоединение Карабаха к Армении.

БАГИРОВ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Остается сказать несколько слов о взаимоотношениях Багирова с деятелями литературы и искусства. С особым пиететом он относился к Узеиру Гаджибекову. Учитывая мусаватисткое прошлое Узеир бека, его антикоммунистические, антирусские, антиле-

нинские статьи в редактируемой им газете “Азербайджан”, а также антисоветскую деятельность его младшего брата Джейхун бека в эмиграции, судьба Узеир бека могла висеть на волоске. Если в 20 годы его от рук чекистов спас Нариманов, в 30 годы его застраховал Багиров представив Сталину. Но тут для меня все же кроется загадка. Конечно, перед декадой в Москве Багирову нужен был коронный номер, - а таким номером оказалась опера “Кероглу”. Она понравилась Сталину. Узеир бек один из немногих, кто по указанию вождя был принят в члены коммунистической партии минуя кандидатский срок. Звание народного артиста СССР, Сталинская премия, Союзное депутатство, сан академика - все как и из рога изобилия обрушилось на голову великого композитора. Но вот я думаю, только ли “Кероглы” обеспечило ему неприкосновенность и официальное признание. Мне кажется, что до “Кероглы” эту роль сыграл “Аршин мал алан” и не фильм, который был снят значительно позже и который также очень понравился Сталину, а спектакль, который вождь видел в молодости в Баку или Тифлисе. Недаром он спрашивал у Багирова, а как это произведение с хала? Время от времени справлялся об Узеир беке, посылал через Багирова ему приветы. Может быть зная такое отношение Сталина, Багиров так смело выдвигал Узеир бека.

Следует отметить, что ни в Москве, ни в Азербайджане, к счастью, ни один композитор не подвергся репрессиям, хотя многие стали мишенью для разносной критики. (“Сумбур вместо музыки” - партийная оценка оперы Шостаковича). В отличие от композиторов литературе был нанесен непоправимый урон. После страшных репрессий 37 года, после ареста Гусейна Джавида, который в те годы по весу и популярности мог быть сравним с Узеир беком, из пожилых остались лишь старый коммунист М.С.Ордубади и беспартийный А.Шаиг. Сохраняя высокий статус этих двоих (первый депутат Верховного Совета Азербайджана, второй СССР), Багиров стал выдвигать уцелевших, в основном молодых писателей и поэтов - Самеда Вургуна, Сулеймана Рустама, Расула Рзу, Мирзу Ибрагимова, Сулеймана Рагимова и других. Но он играл и с ними, то поднимал, осыпал почестями, то низвергал. Такие взлеты и падения испытали на своей судьбе и Самед Вургун, и Мирза Ибрагимов, и Сулейман Рагимов, и Расул Рза.

Когда после свержения Багирова один из второстепенных поэтов стал хвастаться своими смелыми ответами Мир Джафару, Самед Вургун резко прервал его: “Что за вздор ты мелешь, даже такой богатырь как я, не мог перечить Багирову, куда уж тебе”.

Манаф Сулейманов в своей книге приводит диалог Багирова с Самедом Вургуном. Во время одной из бесед Багиров внезапно спрашивает: “Что означает твой псевдоним Вургун (влюбленный)”. Поэт объясняет, что в молодости был влюблен в одну девушку, поэтому и взял этот псведоним. “А говорят, что этот псевдоним ты взял из-за своей влюбленности в Турцию”.

Багиров, конечно, знал, что эта чепуха, но ему необходимо было держать на крючке и самого Самеда Вургуна, который с каждым годом становился все популярнее и популярнее. В минуты гнева Багиров называл Самеда Вургуна Векилбековым, намекая на его бекское происхождение, а Мирзу Ибрагимова, во время опалы почему-то звал только по отечеству Аждароглы. Мирза Ибрагимов в последние годы своей жизни вспоминал, что когда Багиров сказал что-то неблаговидное о роде Мамедханлы, Расул, якобы, резко ответил ему: “Ты лучше займись проделками своей сестры”. Не подвергая сомнению па-

мять Мирзы муаллима и, зная его дружеское отношение к моему отцу, все же это его утверждение я считаю неверным. Во-первых, никто в Азербайджане кроме Ордубади и первого Президента Академии Наук М.Миркасимова не разговаривал с Багировым на ты. Даже Узеир бек говорил с ним на вы. И, конечно, гораздо более молодой Расул Рза не мог обратиться к нему на ты и в такой грубой форме. Но Мирза муаллим прав, когда говорит, что Расул Рза был одним из самых смелых людей в разговорах с Багировым, порой не соглашался с ним. Многие вспоминают их стычку в дни юбилея Низами.

Отдельным писателям было поручено приглашать гостей юбилея к себе домой. Одно из таких угощений было на квартире ученого М.Рафили, куда наряду со многими русскими писателями был приглашен и грузинский поэт Георгий Леонидзе. До этого Леонидзе, близкий с Берия, оказывается гостил у Багирова. Когда он сказал, что должен идти к Рафили, Багиров, видимо уже под градусом, сказал, что присоединится к нему. И вот они нагрянули к Рафили, охрана сразу же бросилась на кухню, проверять блюда. Когда подняли очередной тост за Расула Рзу, Багиров демонстративно отказался пить сказав: “За него я пить не буду, он националист”. Оказывается ему не понравилось, что накануне на вечере поэзии Расул Рза прочел стихотворение “Чинара”, в котором есть строки о крепкой связи с родной почвой. Это и не понравилось Багирову. Отец возразил: “Я написал эти стихи после слов товарища Сталина о связи Антея с землей”. Он лукавил, стихи написаны задолго до этих слов Сталина. “Хорошо, - согласился Багиров, - тогда я выпью полбокала”. “Я не половинчатый человек, чтобы за меня пили половину, - вновь резко сказал Расул Рза, видимо тоже был несколько под градусом, - или пейте полностью или не пейте”.

Со всех сторон ему делали намеки, дергали за подол пиджака, чтобы прекратил, не спорил В это время русские поэты Луговской, Сельвинский поддержали Расула Рзу, стали говорить о нем теплые слова. “Оказывается, тебя знают”, - то ли съязвил, то ли удивился Багиров. До этого разговор шел на русском языке, но здесь отец обратился к нему на азербайджанском: “Бяли таныйырлар, амма сиз башымызы ашагы елейирсиз” (Да, знают, а вы унижаете нас).

Но, должен сказать, что эта стычка не имела негативных последствий для Расула Рзы. В немилость он попал работая Министром Кинематографии, не знаю уж, по какой причине. Отец, начиная с самого первого созыва, всегда бывший депутатом Верховного Совета Азербайджана, в очередной раз выдвинут не был. Причем Багиров подчеркнул: “Вот все министры стали депутатами, а тебя мы наказали”.

Но все эти мелочи не имеют никакого значения перед тем большим добром, которое Багиров сделал для нашей семьи. Причем ни отец мой, ни мать, так и не узнали, от какой большой беды спас их Багиров. Мы же узнали об этом из документов, обнародованных уже в наше время. (Хочу выразить искреннюю благодарность нашему родственнику, генералу юстиции Акифу Рафиеву (Рафибейли), который достал эти документы, а также документы, связанные со следствием Худадат бека Рафибейли и сделал многое для его реабилитации).

Хорен Григорян, тот самый замминистра НКВД, который хвастался, что убил столько-то тюрков, представил Багирову предложение о высылке моей матери Нигяр Рафибейли и ее матери Джаваир ханым, объясняя это их якобы антисоветскими настроения-

ми и присовокупив к этому сведения о расстрелянном Худадат беке и его сбежавшем в Турцию сыне Кямиле, который занимается там активной антисоветской деятельностью.

Багиров наложил резолюцию: Оставить.

С каким моментом его благодушного настроения совпала эта угроза или он не захотел разрушить семью Расула Рзы, к которому все же во многих случаях относился благосклонно. И, наверное, ему донесли, что во время разговоров о возможной ссылки Нигяр, отец говорил, тогда и я пойду вслед за ней. “Как жены декабристов”, - горько шутил композитор Ниязи.

Как бы то ни было, поистине одним росчерком пера, одной этой резолюцией Багиров определил судьбу не только моих родителей, но и нашу - троих их детей.

Как-то Багиров спросил у отца: “На каком языке учится твой сын?” “На азербайджанском”, - ответил отец. “Почему?” “А на каком он должен учиться?” - вопросом на вопрос ответил отец. Багиров махнул рукой: неисправимый.

Из этого не следует делать вывод, что Багиров был против обучения на азербайджанском языке. Просто, ему необходимо было постоянно подчеркивать свой интернационализм, чтобы самому не быть обвиненным в национализме (как это сделали позже на его суде). Этим объясняются и его антитурецкие высказывания. Как-то раз, в присутствии писателей он откровенно признался: “Учтите, пока у нас есть нефть, с нами считаются, а не будет нефти, никто и не будет считаться”. Он имел в виду Москву.

Энвер Мамедханлы, который был знаком с некоторыми перипетиями отношения Багирова с писателями, рассказывал мне, что порой и Самед, и Мирза, и Расул могли столкнуться с самыми высокопоставленными партийными и правительственными вельможами, а Багиров, узнав об этом, мог решить спор в пользу писателей. Правда, были и обратные случаи, когда предпочтение он отдавал все же своим сподручным.

Манаф Сулейманов приводит в своей книге такой эпизод: “Второй секретарь ЦК (азербайджанец, обычно эту должность занимали русские) как-то собрал писателей и стал разговаривать с ними грубо, распоясавшись, в конце он пригрозил им: “Я из вас котлеты сделаю”. Расул Рза ответил ему в его же манере: “Товарищ секретарь, вы гораздо жирнее и мясистее. Из вас котлеты получатся лучше, чем из нас”.

Но порой писателям угрожал и сам Багиров. Отец вспоминал, как где-то незадолго до смерти Сталина, Багиров грозил писателям: “Я с вами такое сделаю, что 37 год мало не покажется”.

Эльдар Исмаилов приводит список лиц, над которыми предписывается обеспечить чекистское наблюдение. “Это относилось к президенту АН М.Алиеву, писателям Осману Сарывелли, Расулу Рза, Мамеду Рагиму, Зейналу Халилу, директору института педагогики Дж.Джебраилбейли, доценту Азгосуниверситета М.Тахмасибу и другим”.

В сороковых годах угроза ссылки в отношении Нигяр Рафибейли и Джаваир ханым были столь реальны, что мама весь день проводила у бабушки, возвращались домой около полуночи и рано утром снова звонила Джаваир ханым, якобы спрашивая о здоровье, чтобы убедиться, что за ночь ничего страшного не произошло. Ведь в те же годы был сослан родной дядя мамы Фаррух бек Рафибейли вместе с женой Рахшандой ханым. Когда Рахшанде ханым, сестре академика Мирали Кашкая, предложили развестись с мужем и остаться на родине, она отказалась и отправилась в ссылку вместе с мужем. Позже тог-

дашний Министр безопасности М.Т.Якубов заявил, что власти хорошо относятся к Расулу Рзе, иначе Нигяр Рафибейли давно была бы в Сибири.

Шатким было и положение двоюродного брата отца писателя Энвера Мамедханлы (об этом более подробно я написал в эссе "Жизнь болит", включенным в Первый том). Отец Энвера, дядя Расула Гаффар Мамедханлы, бывший мусаватской представитель в Геокчае, Пристав во время АДР, был несколько раз арестован и сослан, а после очередного возвращения из ссылки и в преддверии нового ареста успел скрыться и всю оставшуюся жизнь прожил в бегах. Скрывался он в основном в Грузии, там и умер. Когда пришло сообщение о его смерти Энвер поехал в Грузию и похоронил отца. Об этом тут же доложили в органы и на этот раз тот же М.Т.Якубов сыграл добрую роль, не дав делу ход. Вторым "компрометирующим" по советским понятиям моментом в биографии Э.Мамедханлы было то, что его младший брат Ниязи, после возвращения с немецкого плена был сослан в Сибирь.

Дважды арестовывали и ссылали и моего тестя, видного нефтяника Юсифа Сафарова. В первый раз как племянника "разоблаченного врага народа", крупного партийного деятеля Теймура Гусейнова, второй раз за то, что отказался выпить за здоровье Багирова, когда на каком-то банкете в "Интуристе" подняли тост за него.

Сейчас, когда стали обнаруживаться подобные факты, я думаю о том, что фактически на протяжении десятилетий наша семья по разным направлениям прожила как бы на вулкане. В сталинскую эпоху это был огнедышащий вулкан, который испепелял все вокруг и каким-то чудом моим родителям, Энверу удалось уцелеть. После Сталина этот вулкан стал извергать ядовитый газ, который травил их на страницах прессы, на различных собраниях. И, наконец, в эпоху гласности, перестройки и нашей независимости на нас, в том числе в последние двадцать лет и на меня лично, стал извергаться "грязевой вулкан" желтой прессы.

Но, все могло обернуться гораздо трагичнее, если бы Сталин прожил бы дольше хотя бы на несколько месяцев.

Судя по всему, перед смертью Сталина готовилась новая волна репрессий, которая неизбежно коснулась бы и Азербайджана. Но тут вмешалась госпожа Судьба.

Сталин умер (или был убит), Берия расстрелян, Багиров смещен со всех своих постов. Первым секретарем ЦК Азербайджана стал Теймур Якубов, Председателем Совета Министров Теймур Кулиев. М.Дж.Багиров определил срок пребывания у власти двум Теймурам - минимум три месяца, максимум шесть. Так и случилось. Ровно через шесть месяцев оба Теймура был сняты со своих постов и исключены из партии.

НОВОЕ РУКОВОДСТВО, СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В начале 1954 года Руководителями республики стали - Первый секретарь ЦК КП Азербайджана Имам Мустафаев, Председатель Совета Министров Садых Рагимов, Председатель Президиума Верховного Совета Мирза Ибрагимов.

Как уже говорилось, отношение Багирова к писателям, в разные периоды его деятельности менялось, порой кардинально. Это особенно касалось тех писателей, которые занимали какие-либо официальные посты, в том числе Мирзы Ибрагимова, занимавшего

Имам Мустафаев

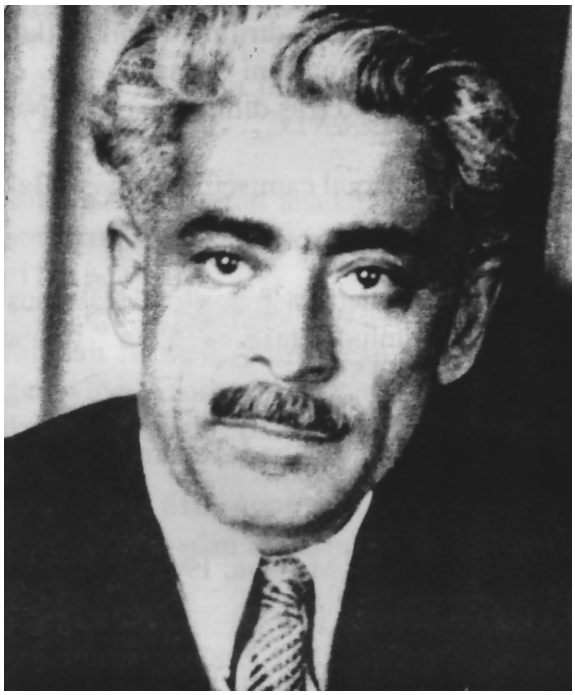

Садых Рагимов

в разное время Посты Председателя Комитета по делам искусства, Наркома Просвещения, Заместителя Председателя Совета Министров, Председателя Союза писателей, бывший Депутатом Верховного Совета СССР, академиком, Расула Рзы - Министра Кинематографии, Председателя Союза писателей, Сулеймана Рагимова - Секретаря БК, Заведующего Отделом ЦК, Председателя Комитета, Председателя Союза писателей, Самеда Вургуна Депутата Верховного Совета СССР, Председателя Союза писателей, академика. Ясно, что все эти высокие посты, а также депутатство, ордена, почетные звания, премии, действительное членство в Академии Наук, писатели получали по воле Багирова, но он же мог в определенное время сменить милость на гнев. Так совпало, что в последний год пребывания на посту руководителя Азербайджана, Багиров был

Мирза Ибрагимов

Самед Вургун

сильно недоволен Мирзой Ибрагимовым, всячески третировал Самеда Вургуна, которых до этого всячески поощрял и осыпал всеми почестями. Понятно, после падения Багирова, эти писатели, в ореоле мучеников, стали главными героями перемен. Мирза Ибрагимов, как было сказано, стал Председателем Парламента, Самед Вургун, по его собственному желанию Вице-президентом Академии наук. Сулейман Рагимов занял освободившуюся после Мирзы Ибрагимова должность Председателя Союза писателей.

За два с половиной года до своей преждевременной кончины, Самед Вургун в качестве Вице-президента Академии сделал многое для развития общественных наук. Особо следует отметить его роль в стимулировании изданий по истории Азербайджана, а также по истории азербайджанской литературы и изучения проблем нашего языка. Ему принадлежит и заслуга в научном освоении гобустанских наскальных изображений.

Как признание его особых заслуг перед советской литературой Самеду Вургуну было поручено сделать доклад по поэзии на Втором Всесоюзном Съезде писателей.

15 апреля 1954 года, спустя 20 лет после первого съезда, начал работу и Второй съезд писателей Азербайджана. Выступая с отчетным докладом новый Председатель Союза Сулейман Рагимов, сказал, что наша литература всегда вела огонь по пантюркистам, панисламистам, космополитам, нигилистам, формалистам.

Но так как с “пантюркистами” и “панисламистами” было покончено еще в тридцатых годах, то основной мишенью в нынешней ситуации стали “космополиты” и “нигилисты”, под которыми конкретно подразумевались литературовед Микаил Рафили и критик Джафар Джафаров. Правда, некоторая доля критики досталась и поэтам, которых трудно было заподозрить в нигилизме и космополитизме. Легкой критике в докладе был подвергнут даже Самед Вургун. Охарактеризовав в начале поэзию С. Вургуна “как мощный родник, бьющий из недр гор” и сказав несколько столь же высокопарных слов докладчик продолжил: “У этого большого поэта есть и недостатки. Проповедуя “революционный романтизм”, он иногда нарушает принципы социалистического реализма, даже отдаляется от законов восприятия реальности. Например, в его произведении “Инсан” (“Человек”) главный герой Шахбаз не философ-марксист, а идеалист. Этот философ без большого героизма, в тумане своей идеалистической философии, гибнет в огне. Это происходит потому, что Самед Вургун иногда отрывается от жизни, увлекается беспочвенным романтизмом”.

Приводя эти высказывания из стенограмм съезда писателей историк Дж.Гасанлы в книге “Хрущевская “оттепель” и национальный вопрос в Азербайджане (1954-1959)”

отмечает: “С. Рагимов образно высказался, что ни один самолет не сможет взлететь, если не ударится грудью о землю и не наберется от нее сил”.

Ряд серьезных критических претензий Сулейман Рагимов предъявил и к Расулу Рзе, полагая, что тот считает “примитивным” так высоко оцениваемое Горьким народное творчество, внутренне не доверяет ему (не Горькому, а народному творчеству - А.) смотрит на народное творчество свысока”.

Но по сравнению с этой относительно мягкой критикой поэтов, весь запал своего негодования докладчик обрушивает на “космополита” М.Рафили и “нигилиста” Дж. Джафарова.

“Нигилисты клевещут на азербайджанскую советскую литературу, особенно и в первую очередь на ее прозу, доходя до утверждения о ее отсутствии, они лишают наших писателей веры в собственные силы, они хотят нас разоружить. Товарищи, этот нигилизм еще не умер. Этот нигилизм еще живет. Он еще воюет с нами. Вспомните слова Джафара Джафарова, который всего несколько лет назад кричал: “Нет того, нет этого!” Эти нигилисты указывают нам на парту и читают “лекции по культуре”, хотят нас учить. Микаил Рафили после того, как провалился, занимаясь всеми жанрами литературы, подался в “мэтры” смотря на нас из-под ученых очков, указывает нам “бросьте писать!”

Четырнадцатилетним юношей и я участвовал на этом съезде. Мне запомнились выступления М.Рафили и Дж.Джафарова и то, как они подверглись обструкции со стороны Президиума.

М.Рафили - преподаватель вуза, был блестящим оратором. Так же ярко он выступил и на съезде и так как в зале было, видимо, много его студентов, свою речь Рафили закончил под бурные аплодисменты зала. Мирза Ибрагимов, который вел в качестве председателя это заседание, прикрикнул аплодирующим: кому вы аплодируете?! Аплодисменты покорно прекратились.

В том году и в течении нескольких последующих лет любое выступление и самого Мирзы Ибрагимова встречались бурными овациями, чему я также был лично свидетелем. Но из материалов той поры, в том числе и из книги Дж. Гасанлы я узнал, что вот эти “бурные аплодисменты, переходящие в овацию”, дорого обошлись Мирзе муаллиму, это стало одним из пунктов обвинения, предъявленных ему коллегами по Бюро ЦК КП Азербайджана.

Помню, Рафили закончил свою речь фразой: “Я закончил, но жизнь моя не кончена”. Эта фраза почему-то сильно рассмешила К.Симонова, который сидел в президиуме.

Сразу после выступления М.Рафили по знаку из Президиума слово было представлено заплечных дел мастеру, на совести которого не одна загубленная судьба. Он и полил грязью Рафили.

Выступление Джафара Джафарова тоже обрывали язвительными репликами, но он имел мужество защитить свою книгу по истории национального театра. “Эту историю, я собирал по крупицам, по обрывкам сохранившихся афиш, газетных объявлений, воспоминаний современников, и я никому не позволю заклеймить мой труд как нигилистический”, - заявил он.

Я помню и многое другое на этом съезде, но не хочется ворошить прошлое.

Джафар Джафаров

Приведу лишь дословную цитату из выступления на съезде Дж.Джафарова по стенограмме:

“На Пленуме Союза писателей и вчера здесь, на съезде упорно пытались выставить меня выразителем нигилизма в азербайджанской критике, пытались объявить меня основателем этой выдуманной теории. Эти страшные обвинения политического характера и нельзя ожидать, что человек без возражения примет эти обвинения в свой адрес и скажет: да, товарищи, это так.

За это время я много думал, пытался даже убедить себя в правомочности этих обвинений, но я не могу насильно заставить себя принять эти упреки. Я считаю совершенно не обоснованными эти обвинения в отношении моих произведений написанных после войны. Что же касается моих произведений написанных до войны, в них действительно есть серьезные ошибки. Я отрекаюсь от них… Да, я признаю, что в моих довоенных статьях есть недостатки, но вот за эту книгу (показывает свою книгу об азербайджанском театре) я отвечаю головой”.

Сулейман Рагимов:

- А почему вы сами не говорите о своих ошибках?

Джафар Джафаров:

- Потому что я не считаю их ошибками”.

Работавший при Багирове заведующим Отделом ЦК КП Азербайджана Дж.Джафаров, при нем же был освобожден от этой должности и назначен Первым заместителем Министра в только что организованном Министерстве Культуры. А 6 февраля 1954 года тогдашний Первый секретарь ЦК Т.Якубов дал письменное согласие на снятие его и с этой должности. Теперь оставалось только исключить Джафарова из Союза писателей, а затем и из партии.

Что ему инкриминировалось братьями писателями? С политической точки зрения его хотели связать с Багировым, выставить его не только исполнителем установок партийного руководителя, но и его советником в области культуры. Это он, якобы, науськивал Багирова в его действиях по отношению к некоторым писателям и деятелям искусства. Но в основном обида некоторых маститых писателей на Джафарова, да и на Рафили, сводилась к тому, что эти высокоэрудированные критики с развитым современным вкусом, не могли восторгаться сочинениями местных “живых классиков”. Понадобилось свыше полстолетия, чтобы всем стало ясно; то, что не принималось как художественное достижение Джафаровым, оказывается, таким и не было на самом деле и давно забыто.

Но понять и оценить это в июне 1954 года было не просто.

21 июня состоялся Пленум Союза писателей, который скорее можно назвать судилищем над Джафаровым.

Приведу несколько высказываний на пленуме по стенограмме. Выступления против Джафарова я даю без фамилий, ибо не хочу выставлять в неприглядном свете писателей, которых давно уже нет в живых. Но вместе с тем, чтобы понять атмосферу и нравы тех лет, необходимо привести несколько цитат дословно.

Итак, из разных выступлений:

“- Собрание считает необходимым довести до сведения ЦК КП Азербайджана, что бывший зав. от. лит. и искусства тов. Дж.Джафаров явился инициатором раздоров между писателями и фактически был проводником порочного метода работы Багирова в области литературы.

Джафаров читает свое заявление:

- После съезда я не раз пересматривал все свои статьи и нашел, что за исключением одной статьи, нет основания обвинить меня в нигилизме.

- Он не вполне искренен. Поэтому выправить свои ошибки ему будет трудно. Я не могу поверить, что он осознал свои ошибки и сумеет их исправить.

Самед Вургун:

- Я всегда был сторонником справедливости. Инициатором критики “Айгюн” (Поэма С.Вургуна, раскритикованная на страницах газет - А.) был Якубов. Но было ли его (Джафарова - А.) участия в процессе составления статьи или нет, не знаю. Почему же он открыто не говорил об этом?

Джафаров:

- Товарищи, я не инициатор создания или написания этой статьи. Я не участвовал в ее составлении. По редакционным материалам и авторской копии можно проверить моему ли перу принадлежит эта статья.

Другой оратор:

- Джафаров опасный человек. Вы случайный человек.

- Ты потерял свое лицо. Тебе не нравилась наша литература. Ты смотрел на нее свысока. Ты не можешь приносить пользу нашей литературе и твое пребывание в рядах СП нецелесообразно. Я за то, чтобы исключить Дж-ва из членов СП.

- Положение Дж-ва осложняется тем, что проводя идеи Багирова, он вместе с тем проводил и свои идеи. Я за его исключение из рядов СП.

- Дж-в, ты при помощи Багирова проводил линию, оторвался от своих товарищей и очутился во вражеском лагере. Ты всегда сеял между нами раздор. Благодаря твоему отношению к Энверу (Мамедханлы - А.), мы сейчас не можем объяснить ему его недостатки. Как мы можем отнестись к Дж-ву и Рафили? Мы не можем оставить его в своих рядах. Я не верю, чтобы он мог помочь общему литературному течению.

- Я предлагаю исключить его из рядов писателей, а партийный вопрос его перенести на обсуждение партийного собрания

- Дж-в повернулся спиной к народу, его выступление напоминает выступление Дон Кихота. Дж-в неискренен. Для оздоровления нашего коллектива я предлагаю исключить Дж-ва из нашей среды,

- Я недоволен выступлением тех товарищей, которые слишком мягко относятся к Дж-ву. Это, в частности, в отношении Расула. Надо оставить приятельские отношения и не смешивать их с партийным вопросом. Если бы в свое время Джафаров критиковал бы недостатки произведений Э.Мамедханлы, Р.Рзы, он этим помог бы им, и сегодня мы не были бы свидетелями угасания творчества Энвера. Я назвал Дж-ра нигилистом, а товарищи упрекают меня. Как же можно иначе назвать человека, который отрицает всю культуру. Члены Президиума предлагают исключить его из наших рядов, пусть перевоспитывается вне нашей семьи.

Джафаров:

- Я еще раз просил бы верить в то, что я буду против своей прежней позиции.

Самед Вургун:

- Мы не хотим уничтожить его. Мы хотим, чтобы он отказался от ложной идеи и вредной позиции и групповой борьбы против большинства наших писателей".

Здесь я позволю привести отрывок из статьи "По следам одной судьбы" театроведа Хатиры Гулиевой: "На широком собрании 21 июня 1954 были и те, кто ценил творчество Дж.Джафарова, кто защищал его от резкой критики, клеветы и оскорблений. Среди многочисленных ораторов на этом собрании Расул Рза был единственным человеком, который вместе с недостатками Дж.Джафарова указывал на его важные дела в области литературы и истории искусства, заявлял что не считает его врагом, говорил о планах и темах, над которыми намерен работать критик".

(Вот дословная цитата из выступления Расула Рзы, по стенограмме: "Мы решаем сложный вопрос - судьбу одного писателя. Поэтому отношения должны быть ясными и решительными. Дж-ва я не считаю врагом. Я считаю возможным создать условия для его исправления. Сейчас он работает над большой книгой о М. А-ве (М.Ф.Ахундове - А.). Книга его об Аз-ком театре послужила ознакомлению русских читателей с целым рядом театральных работников. Пусть Дж-в мобилизует свои силы, напишет свою книгу, а также статьи на современные темы".

Как и Р.Рза, С.Рахман, Абульгасан, М.Рагим, Авез Садыг были за оставление Дж. Джафарова в рядах писателей Союза, за то, чтобы ему было дано время для исправления ошибок".

Но, несмотря на то, что в постановлении было сказано: "Дать возможность Джафарову Дж-ру еще раз подумать о своих серьезных ошибках, осудить их и представить все это в письменном виде Президиуму. После этого поставить вопрос на заседании Президиума и решить вопрос о дальнейшем пребывании Джафарова в рядах членов ССП Аз-на)" 2 сентября 1954 года он был исключен из Союза писателей.

Но некоторые из наиболее ярых неприятелей Дж.Джафарова не хотели ограничиться его наказанием. Они жаждали наказать и всех кто его поддерживал. В этом смысле не ограничивались только литературой, Джафарова обвиняли даже в том, что он высоко оценивает творчество Кара Караева, якобы только из приятельских чувств, в то время, как по мнению ряда писателей, музыка Караева чужда вкусу азербайджанского народа.

Особого покаяния за дружбу и защиту Джафарова требовали от Расула Рзы. Так, например, Председатель Союза писателей говорил: "Некоторые товарищи, в частности и главным образом товарищ Расул Рза, который с ним дружил все эти 15 лет, я эту друж-

бу понимаю как дружбу личного порядка, потому что он не вел никакой борьбы против ошибок Джафарова и Микаиля Рафили, не помогал тем, кто вел борьбу против этих явлений, сочувственно отнесся и нигде ни слова не сказал, что он согласен с исключением Джафарова, хотя этот вопрос мною был поставлен на пленуме прямо".

Джамиль Гасанлы в вышеупомянутой книге пишет: "Когда на Пленуме (1955 года) Союза писателей С.Рагимов вновь поднял вопрос о Джафар Джафарове и в связи с этим назвал имена Р.Рзы, Э.Мамедханлы и С.Рахмана, то получил резкий отпор от Расула Рзы: "Не знаю, почему Сулейман Рагимов вновь поднимает этот вопрос и с какой целью. Если его цель путем давления и устрашения заставить меня согнуться перед ним, повторять его слова, то эта пустая затея". Но С.Рагимов добился-таки, что имена Р.Рзы, Э.Мамедханлы и С.Рахмана попали в решение Пленума следующим образом: "Пленум предупреждает Р.Рзу, Э.Мамедханлы и С.Рахмана, что их поддержка беспринципной групповой борьбы в угоду личным интересам наносит вред правильному развитию нашей литературы, мешает объединению всех творческих сил и может привести к совершенному отрыву этих писателей от всей писательской массы".

По книге Дж. Гасанлы видно, что столь настойчивое стремление Председателя Союза писателей расправиться не только с Джафаровым, но и со всеми, кто не отступился от дружбы с ним, вызвало недовольство даже в партийных органах. Руководители ЦК считали, что не было необходимости исключать Джафарова из Союза и не допустили его исключения из партии.

В январе 1958 года Сулейман Рагимов подал в отставку с поста Председателя Союза писателей. Он объяснил свой поступок, желанием уделить больше времени творческой работе, но некоторые участники Пленума не согласились с такой постановкой вопроса. Осман Сарывелли сказал: "В последнее время слишком много было недостатков в работе президиума СП и дела наши не обстоят так хорошо, чтобы мы могли просто так, не выслушав, отпустить Сулеймана Рагимова".

Принимавший участие в работе Пленума секретарь ЦК А. Байрамов заявил, что нет необходимости подробно обсуждать деятельность С.Рагимова. Наличие недостатков в писательской организации известно всем. За годы руководства С. Рагимова были и крупные и мелкие недостатки. В ближайшем будущем мы это обсудим.

Новым Председателем Союза был избран Мехди Гусейн.

Джафар Джафаров после исключения из Союза писателей в 1955 году защитил кандидатскую, а в 1961 году докторскую диссертацию. В 1962 году был избран Членом-корреспондентом Академии Наук Азербайджана. По представлению Первого секретаря ЦК КП Азербайджана Вели Ахундова, в августе 1967 года Джафар Джафаров был избран секретарем ЦК по идеологии и проработал на этом посту до 1971 года.

ЛИТЕРАТУРА В АВАНГАРДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ БАТАЛИЙ

Не случайно этот раздел я начинаю с подробного описания литературных баталий 50-х годов. Начиная со второй половины 50-х общественная мысль страны, в том числе Азербайджана, в послесталинскую эпоху, особенно в свете разоблачений культа личности на XX съезде, вступила в новую фазу. И как всегда в авангарде этих процессов шла литера-

тура. Если отрешиться от личных мотивов - мести тех, кто был в фаворе у Багирова раньше, тем, кто стал им в последнее время, эти литературные схватки имели и более существенные эстетические причины. Сталкивались передовые, прогрессивные тенденции с традиционными, в какой-то мере консервативными направлениями в прозе и поэзии. Мишенью критики со стороны "традиционалистов"были выбраны М. Рафили и Дж. Джафаров, обвиненные в нигилизме и космополитизме, то есть в "грехах", которые к этому времени во всей советской литературной критике стали уже вчерашним днем. Джафарову и Рафили вменялась тенденциозная, приятельская оценка определенных явлений не только в литературе, но и в музыке, живописи, театре с одной стороны и недооценка произведений, созданных в "народном духе" - с другой.

Переборы были и с той и с этой стороны. Джафаров где-то в разговоре (но не в каком-либо опубликованном тексте) сказал, что некоторые произведения азербайджанской литературы пахнут бозбашем (бозбаш - национальное блюдо). Уцепившись за эти слова, и выступая в многолюдных встречах с общественностью, особенно в сельских районах спрашивали: "Разве вы не любите бозбаш?" Ответ, естественно, был положительным. "Так вот Джафар Джафаров хотел запретить есть бозбаш".

Примерно на таком уровне часто велась полемика.

Но все же, оглядываясь с сегодняшних реалий на литературные "битвы" 50-х годов, их можно оценивать не так однозначно. Такую неоднозначную позицию в силу своего широкого кругозора еще в те годы занимал великий турецкий поэт Назым Хикмет, всегда живо интересовавшийся литературной жизнью Азербайджана. Сам будучи поэтом-новатором, реформатором турецкой поэзии, Назым Хикмет восторгался творчеством Кара Караева (впрочем высоко оценивая также искусство Узеира Гаджибейли, Фикрета Амирова, Бюльбюля), духовно был очень близок к Расулу Рзе, написал о нем три статьи, посвятил искренние стихи памяти Самеда Вургуна и Микаила Рафили. Но вместе с тем он отмечал и значение традиционного направления в литературе. Творчество как он их называл "кой язарлары" ("деревенских писателей"), он считал немаловажным фактором для сохранения самобытности азербайджанской литературы перед опасностью культурной ассимиляции, общесоюзной унификации.

Все эти литературные процессы происходили на фоне и в контексте политических событий.

С середины 50-х годов различные армянские организации и отдельные лица развернули новую кампанию территориальных притязаний к Азербайджану. Главной мишенью этих притязаний стал Нахчывань. Джамиль Гасаны пишет: "Выдвинутая Р. Рзой идея проведения Пленума Союза писателей именно в Нахичевани и сама тема его доклада на пленуме были не случайны. Р. Рза отметил: "С уважением относясь к языкам всех братских народов, всех наций, азербайджанский народ создает свою культуру и науку на своем родном языке, изучает его в школах, применяет в учреждениях, использование этого языка в качестве государственного во всех уголках Азербайджана явление вполне естественное. Каждому народу дорог его язык… Каждый, кто пытается "изучить" язык другого народа за счет отрицания своего родного, не добьется ничего, кроме ненависти своего народа".

Приводя много примеров из истории этого края Р. Рза воздал должное патриотам, тысячелетиями хранящими в неустанной борьбе с чужеземцами свои очаги, чистоту

своих родников, урожаи своих полей, памятники культуры, язык, фольклор. Азербайджанцы, не питая вражды ни к одному народу, берегли свои земли, как орел бережет свое гнездо. Дашнаки, когда-то в поисках “Великой Армении” точившие зубы на земли своих соседей и сегодня своим зловонным дыханием хотят отравить чистый воздух нашей Родины. Древнейшая часть нашей Отчизны, овеянная славой и вписавшая немало ярких страниц в историю азербайджанского народа, земля Нахичевани и сегодня неразрывна с Азербайджаном. Каждая пядь этой земли священна для нас”.

Аббас Заманов

В те же годы на юбилейном вечер, посвященном памяти Самеда Вургуна в Азгосуниверситете преподаватель, литературовед Аббас Заманов выступил с предупреждением об армянских посягательствах на Нахичевань. “Если бы Самед Вургун был жив, он никогда не оставался бы равнодушным к этому вопросу”, - сказал Аббас Заманов под бурные аплодисменты собравшихся.

За это выступление он был подвергнут жестокой травле.

Не помогла ему даже объяснительная записка, направленная в адрес Заведующего отделом ЦК КП Азербайджана Шихали Гурбанова, в которой А. Заманов признавался, что его выступление было ошибочным.

Секретарь ЦК по идеологии Назим Гаджиев и Шихали Гурбанов сочли, что этого покаяния достаточно, чтобы ограничиться партийным выговором Аббасу Заманову и не исключать его из партии. С этим предложением они пошли к Первому секретарю Вели Ахундову, который был склонен согласиться с таким предложением. Но это возмутило Второго секретаря ЦК, ставленника Москвы Владимира Семичастного: “О чем вы говорите, - сказал он - в канун визита Никиты Сергеевича в Баку, ограничиться только выговором националисту?”

Семичастный добился-таки своего, Аббас Заманов был исключен из партии, хотя В. Ахундов под предлогом болезни не подписал это решение.

Джафар Джафаров также проработавший при В. Ахундове Секретарем ЦК по идеологии, говорил, что роль Вторых секретарей крайне зловеща. Обычно на эту должность назначали русского, но не из местных, знающих характер страны, и даже его язык. Посылали кадры из Москвы, дабы не поддавались различным влияниям, а четко выполняли свою роль наместника-надзирателя. Конечно, и среди пришлых Вторых секретарей были приличные люди, к примеру П.М.Елистратов, с искренним уважением относившийся к духовным и культурным ценностям азербайджанского народа, друживший с нашими художниками передового направления и нередко опекавший их. Но были и такие

вроде Владимира Семичастного, который много позже в своих воспоминаниях бахвалился тем, что вел здесь себя как фактический хозяин республики.

“Я завел такое правило, что без моей визы ни одно решение ЦК, даже с подписью В. Ахундова не могло быть опубликовано”.

Я обратил внимание и на такой любопытный факт. Эмиссары, посланные из России в Азербайджан на ответственную работу, после назначались на более высокие должности в Центре. Начиная с Кирова, который после работы в качестве Первого секретаря ЦК КП Азербайджана, стал партийным руководителем Ленинграда и членом Политбюро, в последующие годы тот же Семичастный стал Председателем КГБ СССР. Работавший некоторое время Председателем КГБ Азербайджана Цвигун, стал затем Первым заместителем Председателя КГБ СССР. Работавший заместителем Министра Внутренних дел Азербайджана Баранников стал Министром МВД СССР. Блохин - посол Российской Федерации, позже был назначен на пост Министра России. Это говорит о том, что Центр рассматривал Азербайджан, как своего рода испытательный полигон для дальнейшего выдвижения руководящих кадров.

Что касается Семичастного, то он вспоминает свой разговор с Хрущевым таким образом: участвуя на торжествах 40-летия Азербайджанской ССР, Никита Сергеевич спросил его выучил ли он местный язык. “Я ответил, что достаточно того, что знаю два языка - русский и украинский. Если завтра вы пошлете меня в Узбекистан, потребуете, чтобы я изучил узбекский? - довольно-таки дерзко ответил Семичастный. - После этого он уже не возвращался к этому вопросу”.

Об интеллектуальном и культурном уровне этого бывшего комсомольского вожака и будущего Председателя КГБ, обозвавшего великого Пастернака свиньей, говорит и его

Слева Вели Ахундов, Никита Хрущев, Ниязи, Кара Караев, сзади Назим Гаджиев, Владимир Семичастный

отношение к мугаму: “Раньше я уже слышал об этом пении, - пишет Семичастный. - Эта простонародная музыка, исполняется обычно на пастушеских угодьях, на пастбищах”.

Имея такие “глубокие” знания о природе мугама Второй секретарь как-то оказался в театре Оперы и балета. Вообще-то, он по собственному признанию в азербайджанский театр не ходил, потому что без перевода ничего не понимал, а перевод слушать было неинтересно. После знаменательного посещения оперного театра В. Семичастный устроил нагоняй секретарю ЦК Назыму Гаджиеву: “Нельзя путать оперный театр с пастбищем! Там же наркоманы! А все эти завывания, выкрики и все прочее ты слышал? Имей в виду, я не против концертов мугамной музыки, а против того, чтобы вы превращали оперный театр в хлев”.

Очевидно, ассоциации с хлевом и свиньями очень часто возникали в мозгу товарища Семичастного.

Спустя несколько лет, после того, как Л.И.Брежнев заподозрив в заговоре против него (“в небрежности” шутили остряки) “железного Шурика”-Шелепина убрал его с политической арены, за своим шефом последовал и его подопечный Семичастный, канув в Лету.

А Аббас Заманов был восстановлен в партии.

В письме Расулу Рзе от 25 ноября 1965 года он сообщал “радостную весть”: 23-го Президиум ЦК вынес решение о моем восстановлении в партии. Вернее, обратились в ЦК КПСС с просьбой вернуть меня в ряды партии. Надеюсь, что Москва не отвергнет эту просьбу”.

Восстановленный в партии Аббас Заманов позже был избран членом-корреспондентом Академии Наук Азербайджана.

Сейчас со стороны поверхностных людей, не обладающих чувством историзма, отрицается весь советский период существования нашего народа с его деятелями в области культуры и политики, их трудная борьба за сохранение и родного языка и территориальной целостности Азербайджана от любых посягательств. Особенно достается партийным работникам, которых без разбора, чохом, объявляют партократами, людьми Москвы, выполняющими лишь волю Центра. Конечно, и среди партийных, государственных чиновников были разные люди, были продавшиеся с потрохами, покорными исполнителями директив Центра, в восторге интернационализма любящими все народы, кроме своего собственного. Но были и истинные патриоты, которые в жесточайших условиях постоянного контроля и слежки, пытались сделать что то полезное для своей нации.

Особенно сложным был институт первых лиц республики - Первого секретаря ЦК, Председателей Совета Министров и Верховного совета. Давно известно, что политика - это искусство возможного.

После агрессии извне и разгрома первого независимого Азербайджанского Государства в XX веке, Нариман Нариманов сумел в неимоверно трудных условиях отстоять и сохранить административный статус Азербайджана как союзной республики. Второй после Нариманова руководитель-азербайджанец республики М.Дж.Багиров, при всех его преступлениях перед народом, о которых, как он сам говорил на своем суде, в определенные моменты сыграл важную роль в судьбе Азербайджана - это относится и к его усилиям в южно-азербайджанском вопросе и преодоление угрозы депортации и решительное отстаивание Карабаха.

В постсталинскую эпоху, после отстранения от власти Багирова перед руководителями Азербайджана также встало немало трудных задач. В значительной мере пробудилось общественное сознание, повсюду наблюдался подъем патриотических чувств и вместе с тем не ослабевал контроль Москвы, как черт ладана боявшейся любых проявлений национализма.

В этих рамках пришлось работать первому послесталинскому триумвирату руководителей Азербайджана - Имаму Мустафаеву, Садигу Рагимову, Мирзе Ибрагимову, и сменившего их через определенное время второму триумвирату в лице Вели Ахундова, Энвера Алиханова, Мамеда Искандерова.

На пост Первого секретаря ЦК КП после Вели Ахундова был избран Гейдар Алиев. О Г.Алиеве, одном из крупнейших политических деятелей не только Азербайджана, но и СССР, особый разговор впереди.

Интересно, что много лет спустя, уже в наши дни, специфическую особенность руководителей союзных республик со своей - негативной - точки зрения, определил политолог Александр Ципко на страницах "Литературной газеты". По мнению А.Ципко местные руководители былой эпохи - то бишь, первые секретари ЦК республик, грешили тем, что думали об интересах своих народов. Все эти настроения, по мнению автора, "надо было бы выжигать каленым железом".

Вот современная позиция державников по отношению к бывшим членам "Союза равноправных республик свободных, которых сплотила навеки великая Русь".

Основная ответственность за дела в республике естественно ложилась на плечи Первого секретаря ЦК, при котором, в качестве надсмотрщика, неизменно работал Второй секретарь, кадр, как правило назначенный из Москвы.

Я имел возможность несколько раз общаться с Имамом Мустафаевым. Как известно, он был крупным ученым - специалистом в области сельского хозяйства, и к тому же весьма патриотично настроенным человеком. Но чтобы, современному читателю стало ясно, какие усилия требовались человеку на этом посту убедить Москву в своем интернационализме, приведу цитату из книги "Азербайджан: 1953-1956. Первые годы "оттепели" историка Эльдара Исмаилова: "В 1954 году "Мустафаев предъявил Багирову обвинение в преследовании кадров армянской национальности. Много лет спустя, когда в 1988 г. разразился Карабахский кризис в одной из телевизионных передач Мустафаев заявил, что ему непонятно было пристрастие Багирова к армянским кадрам".

Но в той же книге Э.Исмаилов пишет, что И.Мустафаев, в бытность Первым секретарем ЦК, послал Хрущеву письмо Микояна, датированное 1919 годом, в котором тот, по сути, выступал против ленинского плана. "Трудно сказать, почему Мустафаев решился передать документ Хрущеву, - пишет Э.Исмаилов. - Мустафаев рисковал в лице могущественного Микояна нажить себе большого врага".

Я слышал рассказ (не ручаюсь за достоверность), что во время Декады азербайджанского искусства в Москве, на спектакле "Севиль" Ф.Амирова в Большом театре, Хрущев обратился вдруг к Имаму Мустафаеву насчет Эдильи *(Эдиля-Дильбер - персонаж оперы - А.)* "Разве в те годы были такие азербайджанки? Мустафаев якобы, ответил: "А она армянка", и Хрущев подмигнул Микояну: Слышал?"

Но фактом является то, что Мустафаев порой не соглашался с Хрущевым, и это нашло отражение даже на страницах газет.

Джамиль Гасанлы в вышеупомянутой книге пишет: “На совещании в верхах И.Мустафаев посмел перечить и не соглашаться с критикой в свой адрес. Это не понравилось Хрущеву. После совещания по хлопководству в Ташкенте И.Мустафаев поднял перед Н.Хрущевым вопрос о строительстве хлопкоочистительных и перерабатывающих предприятий. В этом случае Азербайджан мог бы получить дополнительную прибыль от переработки хлопка. Однако Хрущев встретил предложение Мустафаева в штыки: “Что товарищ Мустафаев, в то время, как русский крестьянин живет впроголодь, вы хотите, чтобы в Азербайджане ели мед с маслом?”

Кстати, я помню как Хрущев допустил такое же хамство и во время выступления в Баку. Я смотрел его выступление по телевидению. На торжественном собрании, он сказал обращаясь к жителям Азербайджана: любите хорошо поесть, надо научиться и хорошо работать. Манна небесная не сыпется с небес.

Цитирую по памяти, ибо эти слова еще тогда резанули меня и запомнились. Не ручаюсь за точность слов, но смысл был именно таков. На следующий день, выступая на стадионе Хрущев видимо уже достаточно поддал. Наш родственник Фикрет Агазаде, работавший тогда звукооператором на Телевидении, рассказывал, как люди из службы Хрущева отключили микрофон вещания на зарубеж, когда Никита Сергеевич в пьяном угаре стал говорить о ракетах средней дальности и угрожать империалистам.

Еще один казус с Хрущевым произошел на Нефтяных Камнях. Когда один из руководящих нефтяников сказал, что нам вот трудно руководить на таком небольшом участке, каково же вам, дорогой Никита Сергеевич, руководить такой страной. Изрядно поддавший Хрущев прервал его: “Ерунда, нашей страной каждый дурак может управлять”.

Н.Хрущев на Нефтяных Камнях

Вообще Хрущев не в первый раз делал такие сногсшибательные заявления. Однажды он сказал даже, что “Октябрьскую революцию совершили бабы” (?!). Надо сказать, что после грозного, как Бог, Сталина, такой простецкий стиль руководителя страны также своеобразно послужил смягчению общей духовной атмосферы общества.

Мустафаева я знал с детских лет (разумеется, моих, а не его). В 40 годы когда Расул Рза работал министром кинематографии, Имам Мустафаев был заместителем Министра сельского хозяйства, и они дружили. Я помню, как мы ехали в машине, которой управлял отец. Имам муаллим сделал ему какое-то замечание по вождению.

“Разве ты тоже водишь машину?” - удивился отец. “Я даже в районы выезжаю сам, сидя за рулем”, - ответил Мустафаев.

После того, как отец ушел с государственной службы, они стали меньше общаться, хотя и сохранили взаимные симпатии.

Когда И.Мустафаев был избран Первым секретарем ЦК, он однажды пригласил отца и предложил ему пост заместителя Министра культуры. Отец обиделся и как всегда сказал напрямик: “Когда ты был заместителем Министра, я был Министром, теперь ты Первый секретарь и предлагаешь мне заместительство”. Естественно, он отказался.

Не думаю, что это сыграло какую-то роль в том, что именно в годы, когда Мустафаев был у власти, два секретаря по идеологии, сменившие друг друга, выступали с критическими замечаниями по поэзии Расула Рзы. Причиной были, видимо, доносы в определенные органы об антисоветских и националистических мотивах в стихах Расула Рзы, и партия должна была как-то реагировать на эти сигналы. В газете “Коммунист” появилась большая статья в два подвала, в которой были резко раскритикованы все последние стихи Расула Рзы по идейным соображениям. Самое удивительное в этой статье было

Расул Рза, Имам Мустафаев, Анар

то, что анонимный автор критикуя поэзию отца, сам написал стихи, какие по его мнению, должен был написать Расул Рза.

Отклик как на стихи Расула Рзы, так и критические отзывы о них, пришел из дальних стран. В журнале “Дерги”, издаваемом в Мюнхене азербайджанскими политэмигрантами, Сулейман Текинер высоко оценив гуманистическую поэзию Расула Рзы, выразил недоумение беспрецедентным в мировой литературе фактом, когда критик сам пишет стихи, предлагая их в качестве образца для критикуемого поэта.

Спустя много лет после ухода Мустафаева с должности Первого секретаря, он как-то рассказал отцу, что на его малой родине, в Илису, есть источник, крайне полезный для диабетиков и предложил поехать туда. Отец и меня взял в эту поездку.

По дороге Имам муаллим вел очень интересные беседы. Меня поразила его осведомленность насчет любого уголка азербайджанской земли, казалось, он знает каждое дерево, каждый куст, каждую травку по всему нашему маршруту. Он рассказывал, как во время пребывания в Тбилиси, увидел могилу М.Ф.Ахундова в ужасном состоянии и даже готовился перевести прах великого писателя в Азербайджан. Но грузинское руководство, спохватившись, обещало в кратчайший срок привести могилу в подобающий вид. Позже и эту акцию вменили в вину Мустафаеву, когда обсуждали на бюро недостатки в его работе.

Рассказывал он и о своих стычках с Хрущевым.

“Хрущев спрашивал у аудитории на большом совещании: Кто по-вашему был руководителем Бакинской коммуны? Подученные люди выкрикивали: Конечно, Степан Шаумян. - А вот Мустафаев считает, что это был никому не известный Азизбеков. - Азизбеков известен всем, - отвечает Мустафаев и спрашивает Хрущева в чем он его обвиняет. Хрущев показывает газету “Бакинский рабочий”, где фамилия Азизбекова указано первой. Я спросил: Никита Сергеевич, тогда почему же вашу фамилию пишут по алфавиту среди членов политбюро, а не первой по вашему положению. Азизбекова также называют первым по алфавиту.

Но убедить Хрущева, которого хорошо подготовили, было трудно”.

Мне попалась книга, в которой опубликовано приветствие Азербайджану в связи с пятнадцатилетием его советизации, подписанное Сталиным и Молотовым. Так вот, в этом приветствии первым названо имя Азизбекова. Вряд ли Хрущев и Мустафаев знали или помнили об этом.

Очень умело поступил скульптор Ибрагим Зейналов, установивший барельефы (ныне снесенные) четырех комиссаров в сквере 26. Первый в ряду Шаумян, затем Азизбеков, Джапаридзе и Фиолетов. Но “второй” Азизбеков на голову выше трех других.

Барельефы в сквере 26 комиссаров

Еще несколько раз с Мустафаевым мне довелось общаться с началом Карабахского конфликта. По моему пригла-

шению он принимал участие в совещаниях в Союзе писателей, посвященных этой проблеме. Помню, он считал, что советские войска, стоявшие между Нагорным Карабахом и Агдамским районом, должны уйти оттуда и в то же время говорил, что у азербайджанцев отнимают даже охотничьи ружья, в то время как армяне вооружаются. “Если уйдут войска, и армяне нападут на наших, как же они будут защищаться?” - спросил я. “Да мы их дубинками до самого Степанакерта отгоним”, - уверенно ответил Имам Дашдамирович.

В свое время строптивому Хрущеву пришлось возражать и Председателю Совета Министров Садыгу Рагимову. Хрущев, почему-то не хотел, чтобы в Баку строилось метро. С.Рагимову удалось отстоять этот план. Острой критике со стороны Хрущева Садыг Рагимов подвергся и в другой раз. Хрущеву донесли, что Председатель Совета Министров Азербайджана был против строительства газопровода Гарадаг - Тбилиси, мотивируя тем, что газ - наш, азербайджанский, и мы не можем давать его грузинам.

Хрущев был взбешен. “Это против русских, - почему-то сказал он, хотя речь шла о грузинах, - а русские даже звука не произнесли. Российская Федерация согласилась, чтобы газопровод из Ставрополя проводился через перевал для грузин и армян”. Вот, оказывается почему Никита Сергеевич вспомнил про русских.

Тут же было сказано, что Азербайджан обладает огромными запасами газа для полного обеспечения всех кавказских республик, а С.Рагимов был обвинен в “местничестве”. Тогда это слово имело другое, нежели сейчас, значение.

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Но самым яростным нападкам Хрущева подвергся Мирза Ибрагимов, которого Никита Сергеевич прямо называл врагом, гитлеровцем (?!). В последние годы во многих изданиях муссируется история гонений Хрущева московской интеллигенции, в частности молодых поэтов и прозаиков, Вознесенского, Евтушенко, Рождественского, Аксенова, Некрасова и других. Но никого из них Хрущев не называл фашистом. Он позволил себе применить это слово лишь по отношению к Мирзе Ибрагимову. И за что? За то, что писатель, будучи на посту Председателя Верховного Совета, стал инициатором включения в Конституцию республики пункт о Государственном языке, как это было зафиксировано в Конституциях Грузии и Армении еще с 1937-го года.

“В августе 1956 года в Конституцию Азербайджана была добавлена статья о придании азербайджанскому языку статуса государственного, - пишет Джамиль Гасанлы. - Широкое и повсеместное применение азербайджанского языка в государственных учреждениях, делопроизводстве, учебных и культурных заведениях дало толчок развитию национального самосознания”.

Мирза Ибрагимов применил весьма умную и тонкую тактику для претворения в жизнь этого замысла. Обычно, такие вопросы решались на бюро ЦК республики, затем в качестве предложения направлялись в ЦК КПСС и только после одобрения там (если его все же удавалось добиться) выносилось на сессию Верховного Совета. Мирза Ибрагимов, видимо, предварительно устно согласовав это с Мустафаевым, напрямую обратился к Председателю Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилову и получил его добро. Позже это стало поводом для обвинения М.Ибрагимова, а его ссылка на Ворошилова

была воспринята с иронией: ну, может вы и согласовали этот вопрос с Ворошиловым наспех в коридоре, - было сказано на заседании бюро. Мирза Ибрагимов тут же отпарировал: - Этот вопрос с товарищем Ворошиловым обстоятельно обсуждался в его кабинете, а не в коридоре, как предполагаете вы.

Но к этому времени уже и к старому вояке Ворошилову относились с известной долей иронии.

Как бы то ни было, дело было сделано, и вопрос, не согласованный предварительно по партийной линии в ЦК КПСС, был вынесен на рассмотрение Верховного Совета республики.

“На третьей сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР 4-го созыва в августе 1956г. вопрос о статусе азербайджанского языка стал предметом специального обсуждения, - пишет Эльдар Исмаилов. - Первым на сессии этот вопрос поднял поэт Расул Рза. Но подлинным инициатором обсуждения этой проблемы явился Председатель Президиума Верховного Совета республики Мирза Ибрагимов”.

- Говоря о памятниках культуры, я хочу затронуть один вопрос, сказать несколько слов о языке, об азербайджанском языке, сыгравшем важную роль в историческом развитии нашего народа, ставшем одним из важнейших факторов его культурного взлета и прогресса, - сказал в своем выступлении на сессии Расул Рза. - Мы должны многократно усилить нашу заботу и внимание к азербайджанскому языку. Пока еще в некоторых учреждениях и предприятиях нет должного уважения к этому языку. Надо создать такое положение, чтобы все прониклись пониманием нужности азербайджанского языка, его государственного значения…”

Затем выступил М.Ибрагимов:

“Товарищ Расул Рза говорил здесь об азербайджанском языке. Сессия обсуждает вопрос о дополнении Конституции Азербайджанской ССР специальной статьей о государственном языке. Когда мы обсуждали вопрос о государственном языке с товарищем Ворошиловым, он очень благосклонно отнесся к этому предложению и счел его нужным… Нельзя допускать безучастного отношения к азербайджанскому языку в отдельных учреждениях… Все мы, ответработники, должны в совершенстве знать родной язык, стыдно его не знать”.

6 октября 1956 года в газете “Коммунист” была опубликована статья М.Ибрагимова “Азербайджанский язык в государственных учреждениях”, которая вызвала еще больший ажиотаж в обществе, чем сам факт принятия сессией статьи о Государственном языке. В статье в частности говорилось: “Всякое давление, оказанное господствующей нацией, “большой” нацией, жалкой “маленькой” нации, всегда возбуждает чувство ненависти, заставляя угнетенный народ ждать наступления часа мести… Царизм давил нерусские народы самыми дикими жандармскими методами, самым бессовестным образом вел политику русификации, агрессивно отвергал национальную культуру и национальные языки, не останавливался даже перед провокацией национальной резни. Царизм с целью угнетения и уничтожения народов и растворения их внутри империи старался насильно заполнять отдаленные окраины русскими переселенцами. Царизм своей дикой политикой позорил великий русский народ, искусственно создавал в душе угнетенных народов ненависть против империи”.

Хотя эти “огнеопасные” мысли были обращены к царскому режиму, каждый читающий ясно понимал, кому они адресованы.

В той же статье М.Ибрагимов уже напрямую обращается к современной эпохе: “В первое десятилетие Советской власти уделялось особое место употреблению азербайджанского языка в государственных учреждениях Республики. Но приходится с сожалением отмечать, что в последние пятнадцать-двадцать лет были грубые искажения в этой сфере. В некоторых учреждениях и со стороны некоторых людей наблюдается безразличное отношение к азербайджанскому языку. Не говоря уже о том, что находятся еще бюрократы, которые не отвечают на родном языке на обращения написанные на азербайджанском или вовсе не отвечают на такие заявления. Борьба с такими бюрократами долг всех партийных и советских учреждений, всех граждан. Люди, которые проявляют пренебрежение к азербайджанскому языку в государственных, партийных и общественных организациях, допускают грубейшую ошибку. Ведение дел в государственных учреждениях и общественных организациях вполне законно. Не может быть ничего естественней желания народа пользоваться родным языком в своих учреждениях. В советской системе это нерушимое право каждого народа. Долг всех нас - уважать это право”.

Эта статья, также как и другие его статьи, включенные в брошюру “Азербайджан дили” (“Азербайджанский язык”), изданную в 1957 году, немедленно были переведены для внутреннего пользования на русский язык и посланы соответствующим адресатам, в том числе и секретарю ЦК КПСС М.Суслову.

Как всегда в крестовый поход против проявления азербайджанских национальных интересов вышли люди армянской национальности. Заведующий отделом в газете “Коммунист” издающейся в Баку на армянском языке, некий Петросов отправил письмо Хрущеву, доказывая, что в Азербайджане фальсифицируется национальный вопрос. Наряду с Петросовым, Бадаляном в это дело подключились и другие армянские деятели, которые под шумок об азербайджанском национализме попытались решать проблемы создания в Баку армянского театра, издания литературного журнала на армянском языке и отмены преподавания азербайджанского языка в армянских школах Баку.

И разумеется, в эту компанию внесли свою посильную лепту и ряд лиц, которые по паспорту числились азербайджанцами.

Один из таких азербайджанцев прямо на сессии бросил в адрес Мирзы Ибрагимова: “Цена вашему выступлению одна копейка”. Другой прошелся по адресу Расула Рзы: “Должен сказать, что под шумок разговоров о языке, некоторые писатели демонстрируют мелкобуржуазные националистические настроения. Уже после принятия закона о школе на прошлой сессии, Расул Рза предложил записать в законе: азербайджанцы могут учиться только по-азербайджански. Мне кажется, здесь дурно пахнет мелкобуржуазным национализмом”.

Судя по тому, что это были высказывания людей (имена которых я не хочу называть), занимавших высокие партийные и государственные должности, такие наскоки на писателей были инспирированы в самых верхах.

На основе всех этих сигналов в ЦК КПСС 16 ноября 1957 года составили обширную справку с анализом обсуждения на сессии Верховного Совета выступлений М.Ибрагимова и Р. Рзы, а также статьи М.Ибрагимова в газете “Коммунист”.

Но все еще на многих собраниях речи произносились на русском языке, с аргументацией: ведь здесь присутствуют люди, не владеющие азербайджанским языком, а русский знают все. Такая постановка вопроса дожила до семидесятых годов. Помню, когда я выступил с докладом на азербайджанском языке на пленуме Театрального общества замечательная актриса В.К.Ширье, которая, кстати, сама прекрасно владела азербайджанским языком, высказала упрек: Дорогой Анар, ведь в зале есть и люди не понимающие азербайджанский язык. - Дорогая Вера Карловна, - ответил я, - тогда мы вообще никогда не сможем выступать на родном языке, ибо в любой аудитории неизбежно найдутся люди, не знающие азербайджанского языка.

Назым Хикмет

К перечню обвинений против М.Ибрагимова добавилось и его реплика во время встречи с Назымом Хикметом в Азербайджанском Госу-

Слева А.Ализаде, Г.Султанов, Ю.Мамедалиев, Н.Хикмет, А.Султанлы, И.Гусейнов, во втором ряду слева третий Вели Мамедов, четвертый Юсиф Ширван, справа второй Юсиф Самедоглы

дарственном Университете. В ответ на вопрос из зала, как относиться к азербайджанцам, не владеющим своим родным языком, Мирза Ибрагимов назвал таковых “эджлафами” (“подлецами”) чем вызвал бурю аплодисментов. Я, студент Университета, был на той самой встрече с Н.Хикметом. Вообще, в те годы Мирза Ибрагимов пользовался огромной популярностью в народе. Любое его выступление сопровождалось бурей аплодисментов, и это тоже вызывало ревностное отношение к нему со стороны коллег по Бюро ЦК. Помню на юбилее Бюльбюля в оперном театре прочли поздравительные телеграммы - сперва Мустафаева, затем Рагимова на русском языке. Третья телеграмма была от Мирзы Ибрагимова на азербайджанском языке и зал стоя аплодировал минут пять этой телеграмме.

Вообще, это было время небывалого подъема патриотических чувств, особенно среди молодежи. В то же время это вызывало раздражение у определенного слоя населения. Помню статью в университетской газете, где издевались над языком “бреза” в самых непотребных выражениях. Кто-то догадался прочесть это слово в обратном направлении и выяснилось что автор издевается над азерб. (азербайджанским) языком.

Филологи брались добровольно учить азербайджанскому сотрудников разных учреждений, не владеющих этим языком.

Но не унимались и те, кто всячески пытались препятствовать широкому официальному утверждению азербайджанского языка. Первый съезд композиторов, как обычно проходил на русском языке. Джамиль Гасанлы пишет: “Эту традицию нарушил Расул Рза. С высокой трибуны съезда он от имени азербайджанских писателей поздравил композиторов на азербайджанском языке”.

В своем выступлении он сказал: Товарищи, мне очень приятно, что наши друзья с этой высокой трибуны говорят на чисто русском языке. Это наше достижение. Но это не означает, что мы должны отодвинуть азербайджанский язык на второй план или же говорить на нем, когда вздумается”.

Реакция на это выступление не заставила себя долго ждать. “Эхо выступления разнеслось далеко за пределы зала консерватории, - пишет Джамиль Гасанлы. - Студент второго курса Консерватории некий Р.Багдасаров в своем обширном письме Н.Хрущеву обвинил нашу интеллигенцию в том, что в Азербайджане поднимает голову национализм: В качестве примера он сослался именно на речь Р.Рза. Багдасаров писал: “На съезде композиторов один из видных интеллигентов не учел, что в президиуме сидят Дм.Шостакович из Москвы, О.Тактакишвили из Грузии, не знающие азербайджанского языка. Он выступил с большой речью на азербайджанском языке, хотя прекрасно мог бы говорить и на русском”.

Как видим, аргументации “запретителей” азербайджанского языка за целые десятилетия не изменялись. Под влиянием подобных сигналов в Москву и давления из Центра Бюро ЦК КП Азербайджана пыталось всю вину за якобы неверную языковую политику, взвалить на плечи одного М.Ибрагимова. Тот не отступал от принципиальных позиций. Вообще знакомясь с книгой Дж.Гасанлы убеждаешься, что Мирза Ибрагимов в качестве Председателя Верховного Совета Республики занимал достойную, объективную позицию по многим вопросам. Он, к примеру, выступал за полную моральную реабилитацию самого Гейдара Гусейнова и его научного наследия, в то время как другие члены Бюро были против или колебались.

Выступает Николай Хрущев, слушает Мирза Ибрагимов

К сожалению, раздоры между членами “триумвирата” роковым образом определили политическую судьбу каждого из них. Имам Мустафаев не ладил ни с Садыгом Рагимовым, ни с Мирзой Ибрагимовым. Последние двое тоже в свою очередь были не в ладах друг с другом.

Факты, которые приводит в своей книге Дж.Гасанлы по поводу конфликтов между тремя руководителями, порой анекдотичны. Например, С.Рагимов и М.Ибрагимов столкнулись на вопросе кому встречать Президента Индонезии Сукарно. Москва поручила сделать это М.Ибрагимову, С.Рагимов обиделся и не выделил необходимое для встречи количество машин.

Или Мирза Ибрагимов как-то говорит Имаму Мустафаеву: “Я могу уступить вам сельское хозяйство, но литературу и искусство уступить не могу”, на что Мустафаев резонно отвечает: “Я секретарь ЦК, а не старший агроном”.

И другие члены бюро упрекают Мирзу Ибрагимова в том, что когда он выходит на трибуну, аудитория встречает его несмолкающими аплодисментами, длящимися 15 минут. “Нам не понятны эти аплодисменты. А М.Ибрагимову они очень нравятся, но это - неправильное воспитание молодежи. Получается, что он народный герой, он страдалец и за что-то наказан”.

Как это интересно с психологической точки зрения - оказывается ревность могут вызвать не только слава, аплодисменты, но и участь страдальца, судьба наказанного…

В январе 1958 года Мирза Ибрагимов был освобожден от должности Председателя Президиума Верховного Совета Азербайджана, но, видимо, опасаясь его огромного авторитета в народе избрали (конечно, временно, до поры, до времени) Председателем Верховного Совета республики.

Но злоключения писателя не закончились на этом. Уже после его снятия Хрущев метал громы и молнии в его адрес: “Сняли его по совокупности, - говорил Хрущев, - когда обсуждался вопрос об Ибрагимове, - и его нельзя было держать. Мы не только будем снимать таких коммунистов, но поставим вопрос перед партийной организацией, чтобы таких людей выгоняли в шею не только из руководства, но и из партии. Это - не ленинец, не коммунист, это - националист, враг, залезший в руководство”.

Пройдут годы, самого Хрущева скинут его же соратники, а Мирза Ибрагимов вновь будет избран членом ЦК КП Азербайджана, Депутатом Верховного Совета СССР, Председателем Советского Комитета Солидарности со странами Азии и Африки, Председателем Союза писателей Азербайджана, будет награжден золотой звездой Героя социалистического труда и Государственной премией Азербайджана, а на последнем съезде Компартии Азербайджана, этот “не коммунист”, “не ленинец” по определению Хрущева, будет единственным делегатом, который проголосует против роспуска Коммунистической партии Азербайджана.

Примерно через шесть месяцев после снятия Мирзы Ибрагимова в июне 1958 года был освобожден от должности Председателя Совета Министров Садыг Рагимов, уступив этот пост Вели Ахундову. Расправа над третьим членом триумвирата Имамом Мустафаевым была впереди.

Хочу привести две любопытные цитаты, связанные с обсуждением в Москве закона о Государственным языке Азербайджана. Некий Шикин, в те годы ответработник ЦК КПСС, сыгравший весьма негативную роль в оценке событий в Азербайджане, в присутствии Хрущева говорит: “Руководство республики и по сей день утверждает, что этот закон вызван жизнью и полностью соответствует ленинской национальной политике. Это утверждение является несостоятельным. Принятие закона находится в прямом противоречии с ленинскими указаниями…”

А вот “дорогой Никита Сергеевич” сказал буквально следующее: “Решение о том, чтобы в Азербайджане считать языком государственным азербайджанский язык - это правильно, потому что это Азербайджан, Азербайджанская Республика и государственным языком должен быть азербайджанский язык, язык коренного населения”.

Вот так вот! Непонятно, только к чему тогда был весь этот сыр-бор?

Этот разговор, связанный с перипетиями вокруг Государственного языка, заканчиваю еще одной цитатой из книги Дж.Гасанлы, на мой взгляд, очень точно определяющей суть вопроса: “Историческое решение Верховного Совета Азербайджанской ССР о признании азербайджанского языка государственным языком подверглось суровой критике, однако, этот закон уже выполнил свою главную задачу - национальная идея стала главным вектором развития общества”.

В эти годы возник еще один повод для обвинения азербайджанского руководства в национализме и странно, что это было связано с изданием “Истории Коммунистической партии Азербайджана”.

Москва, по словам Дж.Гасанлы, была возмущена тем, что до публикации книга не прошла рецензирование в Институте Марксизма-ленинизма. Странность ситуации, на мой взгляд, заключается в том, что азербайджанские авторы Истории компартии пытаются доказать органичность коммунистического движения в Азербайджане, активное

участие азербайджанских кадров в революционных событиях и советизации страны, а их московские оппоненты, наоборот считают, что коммунистические идеи были экспортированы в Азербайджан извне, и не азербайджанцы, а представители других народов сыграли основную роль в советизации Азербайджана. Если вдуматься, этим как бы подтверждается тезис о чуждости азербайджанскому менталитету коммунистической идеологии, о насильственном навязывании азербайджанскому народу советского режима усилиями неазербайджанцев. Хотя марксистская доктрина утверждает, что революция не экспортируется, советские марксисты вовсю пытались утвердить большевистскую власть в Баку, которая была в основном установлена усилиями Шаумяна, Кирова, Орджоникидзе, Микояна. Ни один из них не был уроженцем Азербайджана. Упреки авторам прежде всего сводились к тому, что они, выдвигая на передний план Нариманова и Азизбекова, как бы отодвигают Шаумяна, не оценивают должным образом значение Орджоникидзе и Микояна в установлении советской власти в Азербайджане. Оппоненты не поленились подсчитать, что имя Нариманова упоминается в книге 29 раз,

В обсуждении книги в Баку наряду с авторами и специалистами из Азербайджана, приняли участие ученые из Москвы и ряда республик. За четыре дня выступил 31 человек. Заключая дискуссию заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КПА Шихали Гурбанов сказал: Одним из вопросов, вызвавших горячие дебаты на совещании, явился вопрос о большевистской организации “Гуммет”. Впервые в книге сделана попытка восстановить справедливость, историческую правду о “Гуммет”, показать ее деятельность, большую роль в широком историческом плане… На алом знамени партии нашей имеется и кровь гумметистов”.

Касаясь несправедливых выступлений по поводу Нариманова Ш. Гурбанов подчеркнул, что по словам Орджоникидзе: “Товарищ Нариманов является самым лучшим знаменосцем нашей партии”.

Участники совещания из Москвы и других республик были приняты И.Мустафаевым и В.Ахундовым. Гости пожаловались руководителям Азербайджана на Ш.Гурбанова, который, по их словам решительно выступил против принципиальной и деловой критики книги, взял под защиту авторский коллектив, подвергнув разносу выступления с критикой.

Ученые мужы пожаловались видимо не только азербайджанским руководителям, ибо вскоре по рекомендации Хрущева Ш.Гурбанов в 1961 года был снят со своего поста. Он пользовался большой популярностью в народе, который связывал с его деятельностью легализацию древнего народного праздника весны Новруз байрамы.

(Кстати в книге Дж.Гасанлы я обнаружил еще один любопытный факт. Выступая на XXII Съезде компартии Азербайджана в январе 1958 года Первый секретарь ЦК ЛКСМ Азербайджана Абдул Рахман Везиров отметил, что “оживление в работу с молодежью должно внести широкое празднование народных праздников. Почему бы нам, так же как москвичам, которые готовятся в феврале отпраздновать русский народный праздник Масленицу, не отмечать такие праздники, как Новруз байрам, который не содержит в себе ничего религиозного. В жизни нашего народа было традицией отмечать Новруз байрамы как приход весны. Отмечая наступление Новруз байрамы многие заботятся о наведении чистоты на улицах, во дворах, производят побелку домов, сажают новые деревья, надевают лучшие костюмы, приготавливают вкусные национальные блюда. Нам ка-

Шихали Гурбанов

жется, что мы должны превратить Новруз байрамы в праздник весны, праздник веселья и юности". (Цитирую по книге Дж.Гасанлы).

Через несколько лет после освобождения от должности завотделом ЦК Шихали Гурбанова, Вели Ахундов, уже будучи Первым секретарем ЦК КПА добился его назначения на пост секретаря ЦК по идеологии.

Ш.Гурбанов был также ученым литературоведом и драматургом. В день премьеры своей пьесы он внезапно умер от болевого шока в кресле дантиста. Такая же ранняя смерть в цветущем возрасте политической карьеры настигла и нескольких других ярких личностей Азербайджана - Масуда Ализаде, Первого секретаря ЦК ЛКСМ, генерала Арифа Гейдарова - Министра Внутренних дел, Афияддина Джалилова, Заместителя Председателя Верховного Совета. Все трое в разные годы погибли от бандитских пуль.

Если смерть Шихали Курбанова была ударом для Вели Ахундова, то убийство Арифа Гейдара больно коснулась Гейдара Алиева в бытность его Первым секретарем ЦК. И такой же невосполнимой потерей стало для Президента Муталлибова гибель в вертолете Государственного секретаря Тофика Исмайлова и других его соратников.

ХРУЩЕВ ВСЕ ЕЩЕ БУШУЕТ, НО УЖЕ БЛИЗОК ЕГО ЗАКАТ

В 1955-ом году я поступил на филологический факультет Азербайджанского Государственного Университета. Помню, на закрытом собрании нас ознакомили с секретным докладом Хрущева на XX съезде. Собственно говоря, это было секретом Полишинеля.

Прямо в дни съезда доклад Хрущева "О культе личности и его последствиях" был роздан руководителям зарубежных коммунистических и рабочих партий. Он также был разослан по республикам. Вскоре доклад был опубликован в зарубежной прессе и с ним ознакомился весь мир, кроме советского народа.

Скрепя сердце согласившись с обнародованием доклада Хрущева на XX съезде, "старая гвардия" в руководстве страны была крайне недовольна как докладом, так и самым Хрущевым. Оживились "наследники Сталина", как назвал их Евг. Евтушенко в стихотворении, опубликованном в "Правде" по указанию Хрущева. Внутренние сталинисты имели моральную поддержку извне, со стороны китайского руководства. На встрече с писателями и деятелями искусства 13 мая 1957 Хрущев косвенно признался, что существуют разногласия в высшем руководстве страны. Но вместо того, чтобы опираться на либеральную интеллигенцию в борьбе с "наследниками Сталина", Хрущев обрушился на представителей именно этой интеллигенции. Эта половинчатость в действиях, в конце концов погубила и самого Никиту Сергеевича.

“Старая гвардия” в руководстве страны стала строить планы смещения Хрущева. Ему милостиво предназначалась должность Министра сельского хозяйства. Казалось, цель достигнута, большинство членов Президиума проголосовало за отставку Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Но Хрущеву и его сторонникам удалось перенести обсуждения вопроса на Пленум ЦК. Большую роль в этом сыграла Секретарь Московского Горкома Е.Фурцева и Министр обороны Маршал Г.Жуков, который обеспечил переброску на военных самолетах членов ЦК в Москву. А на Пленуме “контрольный пакет акций”, как говорится, был в руках сторонников Хрущева. В числе выступавших в защиту Хрущева был и И.Мустафаев. Заговорщики потерпели сокрушительное поражение и были осуждены. Правда в административном и партийном порядке, без репрессий, что стало важным прецедентом и для участников подобных акций в будущем. Ответработников снимали, прорабатывали, исключали из партии, но в отличии от сталинских времен не арестовывали, не ссылали, не расстреливали. Таким образом Хрущев как бы застраховал и свою будущую участь.

Как обычно вся страна дружно и единогласно осуждала антипартийную группу Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. На первом этапе разоблачений оставили в покое других участников заговора - Ворошилова, Булганина, их отстранили немного позже. Но самое интересное и это весьма типично для советской системы, в дальнейшем были отстранены от власти не только противники Хрущева, но и те, кто в первую очередь обеспечили его спасение, в частности, Фурцева и Жуков. Как известно, в дни “хрущевского кризиса” Жуков заявил, что ни один танк не двинется без его приказа. Это, видимо и напугало Хрущева. Кроме того, боевой коллега Жукова генерал Дуайт Эйзенхауэр был президентом США и Жуков посылал ему приветы через голову руководителей СССР. Как же Хрущеву было не испугаться, бонапартистских замашек прославленного маршала, если их опасался сам Сталин. Возможно больше, чем кому либо, Жукову подходит выражение “Мавр сделал свое дело, мавр может уйти”. Один из главных лиц в Победе 1945 года Жуков, вскоре был отстранен Сталиным. Уже осенью, после того, как весной он спас Хрущева от поражения, легендарный маршал был удален от власти.

Понятно, что и прохрущевская речь азербайджанского руководителя Мустафаева ничего не значила в его дальнейшей судьбе.

С Мустафаевым Хрущев сталкивался не раз. В ответ на слова Хрущева, о многонациональном составе Азербайджана, Мустафаев отрицательно качает головой и это злит Хрущева: “Вы, товарищ Мустафаев, качаете головой. Вы показали себя несостоятельным в руководстве партийной организацией”.

В чем же проявилась несостоятельность Мустафаева? Оказывается, по Хрущеву, в недооценке роли Шаумяна (как тут чувствуется подсказка Микояна).

Затем Хрущев говорит: - До моих ушей доносились стоны некоторых писателей. Я веду себя так, как будто не слышу. Пусть постонут, потом вылечатся и от этого недуга избавятся. Вы понимаете, что это значит? Возьмите треть армян, треть русских. *(Имеется в виду население Азербайджана - А.)*

Эти дети должны изучать два языка - национальный и свой родной, а, кроме того, и иностранный. Я так понимаю, что дети должны учиться на языке, который выбрали ро-

дители. Почему же выступают против? Потому, что русский язык будет оказывать влияние на национальные языки. Что вы хотите сказать, товарищи, хотите влияния Турции?"

Все предельно ясно. Опять, с подачи армян и проармянских сил вытаскивается жупел пантюркизма, Турции, чтобы препятствовать законным национальным устремлениям азербайджанцев учиться на родном языке.

Кстати, о Турции. Когда надо было громить Молотова, Хрущев вдруг воспылал любовью к Турции. Имея ввиду территориальные притязания Советского Союза к этой стране он говорил: "К каким печальным результатам привела эта политика, к разрыву дружеских отношений с Турцией и Ираном. Это буквально глупость. Мы помогали Кемаль Паше, турки принимали Ворошилова как родного брата, турки назвали площадь именем Ворошилова. Ворошилов и теперь почетный гражданин города Измир. Разбили немцев… Голова пошла кругом. Турки, - товарищи, друзья. Нет, давайте напишем ноту и сразу Дарданеллы отдадут. Таких дураков нет. Нет, взяли ноту специально написали, что мы расторгаем договор о дружбе, и плюнули в морду туркам. На каком основании? Это грузины спровоцировали, Берия и другие. Стали доказывать, что там когда-то проходила Грузия".

Интересно, что Хрущев, так страстно защищая честь Турции, обвиняет грузин (ведь Берия - грузин) и не слова ни говорит о еще более аппетитных притязаниях армян.

В следующей раз гнев Хрущева вызвала позиция Мустафаева по отношению к Мирзе Ибрагимову. М. Ибрагимов уже был снят со своей должности, но Хрущев все не унимался, называя его самыми резкими словами (они приведены выше). Когда Мустафаев хотел несколько смягчить ситуацию, сказав, что сейчас М. Ибрагимов нигде не работает, Хрущев разозлился еще больше: "Товарищ Мустафаев, вы не такой наивный человек, чтобы не понимали разницы. Вы сомнительный человек сами, вы с партийным билетом, но не коммунист. Он же (М.Ибрагимов - А.) не работает. Вы не ребенок, вы политический деятель, вы - член Центрального Комитета и разницу должны понимать. "Не работает". Сам такой, он сам сочувствует этому".

Мустафаев вынужден был в какой-то мере каяться, признать ошибки в своей работе, сказать, что не давал должной политической оценки националистическим высказываниям и выступлениям отдельных людей, и в первую очередь М.Ибрагимова".

И все же, несмотря на все разногласия с М.Ибрагимовым, в бытность его у власти, добавил: "Как хороший писатель, он пользуется большим влиянием, но линию нашей партии проводил в жизнь неправильно".

Это опять же не удовлетворило Хрущева, который почему-то имел зуб на М.Ибрагимова (или так его подготовили): "Если его деятельность направлена против коммунистов, то, что значит "хороший писатель" , - сказал Хрущев, - он же наш враг".

Мустафаев, к его чести, устоял перед таким напором и пытался оспорить доклад Шикина с негативной оценкой положения в Азербайджане. И это не понравилось Хрущеву: "Я, товарищ Мустафаев, относился в вам с уважением, но сейчас это уважение значительно рассеялось, потому что ваша деятельность не подкрепляет уважение к вам. Мы в ЦК никогда не вмешивались, и везде люди докладывали на месте, а партийная организация принимала решение. А вы орлом налетели на проверяющих. Что они, ваши враги? Они партийные работники, и опыт партийной работы имеют больший, чем вы, они

пользуются доверием не меньшим, чем вы. Так почему же вы так подозрительно к ним отнеслись? Что они хотят вас утопить? Они хотят вас вытащить из болота".

6 июля 1959 года И. Мустафаева "вытащили из болота", то бишь сняли с должности Первого секретаря ЦК КПА и члена бюро.

Первым секретарем ЦК был избран Вели Ахундов.

Я вспоминаю и рассказ Мутафаева, о том, что для проверки якобы бытовых злоупотреблений, ознакомления с его дачными условиями, была создана комиссия во главе с членом бюро армянином Арушановым. В дальнейшем академик И.Мустафаев сосредоточился на научной работе.

Через пять лет после снятия Мустафаева 14 октября 1964 года состоялся Пленум ЦК КПСС, с повесткой дня: "О ненормальном положении, сложившемся в Президиуме ЦК в связи с неправильными действиями Н.С.Хрущева". С информацией (читай с осуждением Хрущева) выступил все тот же непотопляемый М.Суслов. Хрущев был с треском снят со всех своих постов.

Первым секретарем ЦК КПСС был избран Л.Брежнев, Председателем Совета Министров СССР назначен А.Косыгин.

СЛЕДУЮЩИЕ ЭТАПЫ

Вели Ахундова в жизни я впервые увидел в Гяндже. В Азербайджане проводились дни советской литературы. Группа гостей и азербайджанских писателей выехали в районы республики. Группу возглавлял Расул Рза. Он и меня взял с собой. Из гостей помню поэтов Гайсына Гулиева, Мустая Карима, Сергея Орлова, драматурга Александра Штейна. Отец пригласил в эту поездку и молодого художника Таира Салахова. Находившийся в это время в Гяндже В.Ахундов встретился с писателями там. Гости были поражены не только интеллигентностью, безупречной русской речью Первого секретаря, но и тем, что он наизусть читал стихи Эдуарда Багрицкого (я это запомнил), приводил цитаты из "Маскарада" Лермонтова.

Вели Ахундов

Вели Ахундов - врач по образованию, участник войны с июля 1941 года по август 1945, позже избранный действительным членом и Вице-президентом Академии Наук, был в самом деле глубоко интеллигентным человеком. В карьерном росте поднимаясь ступень за ступенью - от должности заместителя Министра, Министра здравоохранения, до заведующего отделом ЦК, он затем избирается секретарем ЦК, назначается Председателем Совета Министров, и наконец, в 1959 году, как уже было сказано, становится руководителем республики в ранге Первого секре-

таря ЦК. Ахундов, будучи в последние годы в гуще политических событий, был прекрасно осведомлен о претензиях Центра к отстраненному “триумвирату” руководителей Азербайджана. Он знал о самом страшном в советской системе обвинении в национализме и сделал соответствующие выводы для себя.

6 июля 1959 выступая на пленуме ЦК КПА с докладом “О состоянии дел в партийной организации республики, о серьезных недостатках и ошибках в работе Бюро ЦК КП Азербайджана и первого секретаря ЦК т. Мустафаева И.Д. “Ахундов вынужден был признать справедливой критику ЦК КПСС и по отношению Государственного языка и по “Истории Коммунистической Партии Азербайджана”.

Выступивший вслед за Ахундовым И.Мустафаев также полностью признал справедливость всех критических замечаний в свой адрес.

На Пленуме вновь возник вопрос о государственном языке. По мнению второго секретаря ЦК Д.Яковлева Мустафаев в этом вопросе “пошел на поводу у М.Ибрагимова… Во всяком случае позвонить в ЦК КПСС по этому важнейшему вопросу товарищ Мустафаев был обязан, но он этого не сделал”.

В унисон с Яковлевым выступил член ЦК (бывший второй секретарь ЦК) Виталий Самедов: “Вы знаете, товарищи, к каким серьезным ненормальностям привело осуществление в республике закона о государственном языке, проведенное к тому же в обстановке нервозности, какой-то поспешности, под устные печатные призывы товарища М.Ибрагимова. А Бюро ЦК? Он проявил и в этом деле вопиющую беспринципность и политическую близорукость, не одернул людей, претендующих на роль “отцов”, “идеологов” и “защитников” нашего народа. А товарищ Ибрагимов просто распоясался. Как же можно назвать тот факт, когда в стенах Университета - этого, как говорится , храма науки и культуры, он, будучи Председателем Президиума Верховного Совета республики, в присутствии иностранца, вызывая гром оваций подогретой страстями аудитории, назвал азербайджанцев, не употребляющих азербайджанского языка, то есть назвал советских людей, коммунистов - “подлецами, негодяями”.

Мирза Ибрагимов, оскорбленный и униженный Первым лицом Государства, снятый со всех своих постов, сохранил все же свое человеческое и писательское достоинство и веско ответил общепризнанному ставленнику Москвы Виталию Самедову.

В начале, своей речи, он как полагается по партийной этике, конечно же признал свои ошибки: - перед вами признаюсь, что действительно, поднимая вопрос о государственном языке, не обдумал, не предвидел все возможные осложнения в жизни.

Но тут же после этой фразы писатель продолжает: “Я поднял этот вопрос, потому что люди обращались ко мне с жалобами. Имели место факты извращения по отношению к азербайджанскому языку, когда телеграммы на азербайджанском языке не принимались. Отдельные товарищи не только с нелюбовью, но и с пренебрежением относились к азербайджанскому языку. Обращаясь к Мустафаеву М.Ибрагимов сказал: “Вы говорите так, как будто я это сделал самочинно, без вас и без Бюро. На прошлом Пленуме, критикуя вас, я говорил только правду. За то, что я критиковал вас, ваши холуи и вы бросились на меня, обвиняя во всех грехах”.

После этого М.Ибрагимов переходит к Самедову: “Вообще у нас есть некоторые люди, которые любят кабинет. Есть люди, как кабинетные крысы, которые питаются одни-

ми бумагами и далеки от жизни. Товарищ Самедов, вы, увлекаясь, упрекаете азербайджанскую молодежь (имеются ввиду аплодисменты в университете в честь М.Ибрагимова - А.) Вы можете обвинять, что якобы я при “иностранце” бросил реплику в Университете. А кто этот “иностранец” - английский атташе, американский посол или турецкий паша? Это коммунист, борец за мир, преследуемый на своей родине и нашедший убежище в Советском Союзе. (Имеется ввиду Назым Хикмет - А.). Вы очень любите сгущать краски. Это не язык философа, не язык партийного работника, а язык прокурора… Вы можете клеймить меня, как это сделали в отношении Гейдара Гусейнова, не бросайте же тень и не клеймите азербайджанскую молодежь. Товарищ Самедов, вы философ и марксист, хоть один раз вы выступили перед азербайджанским крестьянством на их родном, понятном языке, по каким-либо вопросам марксистской философии, коммунистического воспитания? С каких пор коммунисты стали национальными нигилистами, и этим вы можете гордиться? Это - стыд и позор!”

Не могу не выразить восхищение мужеством Мирзы муаллима и его умением посадить марксистских доктринеров на место на их же языке.

Вели Ахундову удалось, с помощью участвующего на пленуме Секретаря ЦК КПСС Н.Мухитдинова спустить все на тормозах, без особых санкций в отношении как Мустафаева, так и Ибрагимова, как требовал, к примеру секретарь БК Карамян.

Для “оздоровления” идеологической атмосферы в Азербайджане ЦК КПСС командировал в Баку Главного редактора газеты “Правда” П.Сатюкова. Выступая в апреле 1959 года на идеологическом совещании Сатюков “бо-о-льшой знаток азербайджанского языка и нашей поэзии” стал резко критиковать новые стихи Расула Рзы, тогда еще не переведенные на русский язык. Очевидно, специально для Сатюкова были сделаны подстрочные переводы. И на основе этих переводов Главный редактор “Правды” вынес свой вердикт: “Мы должны стихами, произведениями поднимать уровень людей, их сознательность, а мы не знаем, что хотел сказать Расул Рза, что хотел преподнести этой философией. А почему вы печатаете, - обращался Сатюков к редактору журнала, напечатавшему эти стихи, - этого делать нельзя, - категорически указывает Сатюков, будто он редактор не “Правды”, а журнала “Азербайджан”. - Печать должна быть острым орудием борьбы за коммунизм, - продолжает он, - печатать всяческую ерунду нельзя. (Эти хамские слова сказаны на основе подстрочных переводов о стихах известного поэта, Лауреата Сталинской премии). Но больше стихов поэта, Сатюкова возмутило поведение Расула Рзы. “Мы ожидали, что поэт Расул Рза выступит и скажет, - жалуется Сатюков, - но он спокойно сидел до конца и не вымолвил ни слова. Это пренебре-

Участники Идеологического совещания, в их числе Р.Рза

жение. Раз по вашему адресу коммунисты выступают, вы обязаны были (!) выступить и сказать, что эта критика действительна правильная (?!). Получается, говорите что хотите, а мне нет дела до вас".

В одном Сатюков был прав. Ни до, ни после этих обвинений, никто из критикующих поэта не услышал от него слов покаяния.

После падения Хрущева в тот же день были смещены со своих постов зять Никиты Сергеевича, Главный редактор "Известий" А.Аджубей и его друг Сатюков. А газета "Правда" уже при новом редакторе опубликовала восторженную статью критика Ю.Лукина "Краски нашей жизни" о поэзии Расула Рзы, в том числе и о раскритикованных прежним редактором стихах.

Завуалированные эвфемизмами обвинения в адрес руководителей Азербайджана на самом деле были вызваны лишь одной причиной - их подозревали в национализме.

"Национальный вопрос считался самым чувствительным местом Советского Союза - пишет Джамиль Гасанлы. - Об этом не принято было говорить, но подготовленные спецслужбами справки, многочисленная переписка партийных органов, обсуждения в Президиуме ЦК КПСС, играющие решающую и направляющую роль в процессе управления страной, все свидетельствует о наличии в интернациональной стране межнациональных трений".

Потому первая задача каждого республиканского руководителя была убедить Центр в лояльности, интернационализме, верности русскому народу и в отсутствии любых рецидивов национализма. Бедный Вели Ахундов даже придумал якобы народную азербайджанскую пословицу: "Кимин досту урусдур, онун иши дуруствдур" ("У кого друг русский, у того дела правильны"). Хотя и эту "пословицу" можно было толковать по разному.

На деле же Ахундов взвешенной политикой служил все той же цели - развитию культуры и, следовательно, самосознания азербайджанского народа. Почти невероятным его поступком было то, что он выдвинул на пост секретаря ЦК по идеологии Шихали Гурбанова, ранее снятого с поста завотделом ЦК с суровым партийным осуждением в ЦК КПСС. Точно также отстраненный от всех высоких должностей и подвергшийся острой критике Джафар Джафаров, был по настоянию В.Ахундова избран секретарем ЦК, после трагической кончины Ш.Гурбанова.

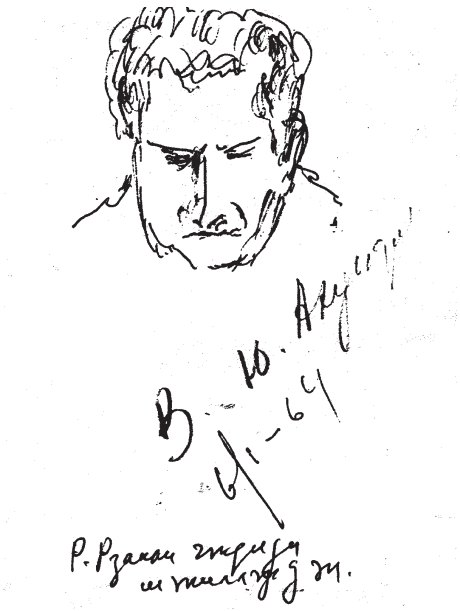
В биографии Ахундова были и компрометирующие его по советским понятиям явления - его супруга была племянницей ярого пантюркиста и националиста, политэмигранта проживающего в Турции Ахмеда Агаева (Агаоглу). Думаю, что в глубине души Ахундов не был лишен и чисто религиозных чувств. Я запомнил рассказ Окюмы ханым Султановой. Со слов самого В. Ахундова она вспоминала, что во время дальней поездки (кажется на Кубу) Ахундов вдруг нащупал на полях своей шляпы нечто твердое. Это оказалось молитвой из Корана, который припрятала туда мать Вели Юсифовича перед его поездкой.

Как-то выступая на сессии Верховного совета Расул Рза слегка упрекнул Вели Ахундова, занимавшего тогда пост Министра здравоохранения, за не совсем удачный оборот речи на азербайджанском языке, подчеркнув, однако, при этом, что вообще товарищ Ахундов прекрасно владеет родным языком. Став во главе республики, Ахундов никогда не припомнил отцу этот давний случай. Наоборот, как выяснилось сейчас, он не реагировал на многочисленные доносы на Расула Рзу.

На каком-то собрании отец сидел в Президиуме позади Первого секретаря ЦК. Только что было опубликовано стихотворение Расула Рзы о стенографистках. В те годы обычно две стенографистки писали на собраниях выступления на русском языке, одна на азербайджанском. Расул Рза в том стихотворении с горечью отмечал, что две девушки писали постоянно, неустанно, без перерыва, а одна проскучала во время всего собрания, так и не написав ни строчки. “Разве это не позор?”, - стихи кончались этим вопросом.

А на том самом собрании, когда, как обычно, все выступали на русском языке, Вели Ахундов вдруг обернулся к отцу: Расул муаллим, это как в ваших “стенографистках”.

Отец был изумлен и тем, что Первому секретарю так быстро донесли содержание стихотворения и тем, как сочувственно реагировал на это Ахундов.

Вели Ахундов.
Рисунок Расула Рзы 06.01.1964

Расул Рза

Во время пребывания Ахундова у власти Расулу Рзе в 1960 году в связи с пятидесятилетием было присвоено звание Народного поэта Азербайджана, в 1965 году он был назначен Главным редактором Азербайджанской энциклопедии.

В 1970-м году в связи с шестидесятилетием Расула Рзы Вели Ахундов послал ему теплое письмо: “Мой дорогой друг и брат Расул! Я поздравляю и обнимаю Вас. Восхищаясь вашим мудрым и серьезным талантом неутомимо устремленным к цели. Желаю Вам крепкого здоровья и новых творческих успехов. В эти дни чувствую большую потребность сказать, что горжусь Вами. Вели Ахундов”.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

По инициативе Секретаря ЦК Дж.Джафарова стал издаваться альманах искусств “Гобустан”. Мне было доверено быть редактором этого издания. (Об этом эссе “Мои гобустанские годы” в этом томе.)

60 годы были времена подъема Азербайджанской литературы и искусства. В эссе “Духовное богатство страны огней”, предваряющим Первый том этой книги я подробно

писал об этом. Чуть позже скажу лишь о тех критических наскоках, которым подвергались наиболее яркие, талантливые и передовые деятели нашей культуры.

В 1962 году я поступил на Высшие Сценарные Курсы и отправился в Москву. Наш курс набирался на последней волне хрущевской “оттепели”, - из всех республик на курсы попали самые вольнолюбивые, яркие, современно мыслящие молодые люди. Лекции нам читали крупнейшие деятели Советского кино - режиссеры, сценаристы, киноведы. А самое главное, мы получили уникальную возможность просмотреть весь мировой кинематограф от его зарождения до наших дней. Большинство этих картин были недоступны советским зрителям. На курсах была самая свободная и смелая аудитория в Москве.

Но эта либеральная эйфория, как оказалось, была “на последнем дыхании” рухнувшихся вскоре надежд.

В декабре 1962 г. Хрущева хитростью завлекли на Манеж, на выставку художников авангардистов. Не шибко грамотный Премьер, для которого образцом поэзии были вирши некоего Пантелеймона Махини, был не то что шокирован, он был потрясен увиденным, буквально трясся от возмущения, что такое может выставляться в стране, которой он руководит. Абстрактные скульптуры и картины Хрущев воспринял, как оскорбление, нанесенное лично ему. Люди из окружения, по наущению художников-консерваторов, добились своей цели, началось закручивание гаек не только в изобразительном искусстве, но и в литературе и других сферах культуры. И еще, вновь подтвердилась старая истина: “Когда в Москве стригут ногти, на окраинах отрезают пальцы”.

Отец выписал для меня бакинскую еженедельную газету “Эдебиат ве Инджесенет” (“Литература и искусство”). Каждую неделю получая эту газету я знакомился с очередной порцией зубодробительных статьей по поводу стихов Расула Рзы.

Как это ни парадоксально, именно в шестидесятые годы вступило в литературу поколение, которое внесло новый дух, стало осваивать новые темы, обращаться к образам обычных людей, а не плакатных героев. Подтверждалась еще одна истина, искусство порой расцветает в периоды, когда ему приходится особенно яростно сопротивляться навязываемым правилам. Этот процесс характерный и для русской литературы, литературы некоторых других республик, остро протекал и в Азербайджане.

Когда я в статьях и выступлениях говорю о “шестидесятниках” меня порой упрекают в выпячивании роли нашего поколения. Я много раз пытался объяснить, что говоря о литературе шестидесятых годов, я имею ввиду не только писателей вступивших в литературу в это время. У многих писателей старшего поколения именно в эти годы открылось как бы “второе дыхание”. Так кстати называлась статья Назыма Хикмета, посвященная Расулу Рзе. Именно в шестидесятые годы Бахтияр Вагабзаде опубликовал в провинциальной газете города Шеки (в бакинской прессе опубликовать это произведение не удалось) патриотическую поэму “Гюлистан”. В этом талантливом произведении Бахтияр Вагабзаде пишет о трагической судьбе нашего народа, разделенного двумя алчными соседями - Российской империей и Ираном. Поэма, ставшая причиной официальных угроз для автора, сыграла колоссальную роль в формировании национального самосознания нескольких поколений. Любовь народа и громадный авторитет не позволили властям расправиться с поэтом-диссидентом. Наоборот его стали осыпать поче-

стями - выбрали депутатом Верховного Совета республики, присудили ему Государственную Премию СССР и звание Народного поэта. Он стал членом корреспондентом Академии Наук.

Принципиально новой страницей азербайджанской прозы стали повести Исы Гусейнова об азербайджанской деревне военных лет. Ильяс Эфендиев в драматургии, Исмаил Шихлы в романе "Бурная Кура" впервые вывели реалистические образы беков, которых до этого выставляли в карикатурном виде. Усилились элементы сатиры в пьесах комедиографа Сабита Рахмана.

Но основная тяжесть обновления легла на плечи авторов, вступивших в литературу в шестидесятых годах. Произведения ряда молодых поэтов и прозаиков ознаменовали новый этап в развитии нашей литературы. Вместе с тем именно эти наиболее талантливые и интересные писатели часто становились мишенью для резкой критики, порой фельетонного характера. Огульной, несправедливой критики подверглись наиболее интересные явления в азербайджанской прозе тех лет - повести Исы Гусейнова, Сабира Ахмедова, Акрама Айлисли, Максуда и Рустама Ибрагимбекова. На низком профессиональном уровне подвергались шельмованию стихи Али Керима, Фикрета Годжы, Вагифа Самедоглу, Исы Исмаилзаде, Алекпера Салахзаде и других.

Первый же мой опубликованный рассказ был подвергнут разгрому в газете "Азербайджан гянджлери", а издав первую повесть "Белый лиман" я был обвинен в измене принципам социалистического реализма, в очернении советской действительности, в безыдейности на страницах главной партийной газеты республики "Коммунист".

Значительным событием стал Первый семинар творческой молодежи, который проводился под эгидой ЦК ЛКСМ республики в Загульбе в молодежном лагере "Гянджлик". Впервые молодые представители разных сфер литературы и искусства близко познакомились друг с другом, стали смело обмениваться острыми проблемами, встающими перед ними. Возникла особая аура, особая атмосфера, которые в дальнейшем определили творческие поиски, жизненное поведение многих участников. Особую роль в организации семинара сыграли комсомольские работники, ныне покойные Игорь Плавский и Заур Рустамзаде. За год до этого мы с Зауром были на таком же семинаре грузинской молодежи в Бакуриани, и этот опыт также пригодился нам. Кстати, все выступления на том семинаре были на грузинском, никто не переводил, и мы ничего не понимали. В отместку я выступил минут двадцать на азербайджанском языке и мое выступление также никто кроме Заура не понял.

На нашем же семинаре были не только дневные доклады и выступления, но и вечера поэзии и музыки, и ночные бдения, с яростными спорами, но и с шутками, остротами, юмористическими эпиграммами друг на друга. И никто не обижался. Ведь мы все были так молоды. Как пелось в популярной песне тех лет "как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя".

Я выступил с речью в День литературы и с докладом в День кино. Помню, откуда-то выкопал цитату из Ленина о том, что молодежь должна придти к социализму своим особым путем, не повторяя путь старших поколений.

Перед очередным выступлением Плавский спросил меня: "Ну какую новую антисоветскую цитату нашел ты у Ленина?"

О крамольной сути семинара поступили сигналы в идеологическую службу ЦК и покойная Эльмира Гафарова, Первый Секретарь ЦК ЛКСМ, вынуждено была дружески предупредить нас, что наш семинар вызвал острое недовольство в самых верхах. Тут же по заданию органов госбезопасности на семинаре появились "поэты в штатском".

И все же семинар сыграл важную роль в судьбе многих из нас и в духовной жизни Азербайджана в целом. Лично я в дальнейшие годы редко чувствовал такой душевный подъем, как в эти семь дней в Загульбе.

Новые веяния, а также противостояния им проявились и в сферах науки, особенно в исторических исследованиях.

Джамиль Гасанлы в той же книге пишет: "В 60-е годы в азербайджанской исторической науке стали заметны новые веяния, отражающие разнообразие взглядов на прошлое страны. Особенно это проявилось в трактовке событий начала XIX века, известных, как присоединение Азербайджана к России. Азербайджанские историки стали отказываться от версии "добровольного присоединения" и согласно исторической реальности назвали это завоеванием. Соответствующие оценки этого поворотного в истории республики события, сделанные ведущими учеными-историками, такими, как З. Буньятов, М. Исмаилов, С. Алияров, привлекли внимание не только органов госбезопасности, но и партийного руководства республики".

Стали открыто предлагать возвращение городу Кировабаду его настоящего имени Гянджа.

2 апреля 1968-го года Расул Рза обратился с письмом к Секретарю ЦК по идеологии Джафару Джафарову: "Гянджа - древняя столица Азербайджана, его экономический и культурный центр, город с тысячелетней историей, 1804-ом году после присоединения Азербайджана к России, город был переименован в честь дочери Петра Первого Елизаветы. Называя город Елизаветполем царские чиновники пытались стереть память о независимости. После Великой Октябрьской Революции город был назван именем видного деятеля Коммунистической партии С.М.Кирова. Есть разные способы увековечивания памяти людей - мемориальные доски, бюсты, памятники, квартиры-музеи, почтовые марки, издание книг и воспоминаний. Известно, что переименовывая имена городов необходимо учитывать географические, исторические, национальные и местные особенности. Кроме того, недопустимы повторения одних или близких названий. Именно в нарушение этих принципов на территории СССР есть два города Киров, Кировоград, три Кировска, Кировакан, два Кировабада - один в Азербайджане, другой в Таджикистане.

Решением Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 года ряду городов возвращены прежние имена - Ворошиловград вновь стал Луганским, Чкалов - Оренбургом, Сталинабад - Душанбе и т. д. Я думаю, что гордости нашего народа, живому свидетелю нашей героической истории городу Гяндже должно быть возвращено его настоящее имя.

Топонимическому произволу все еще не положен конец. В русских источниках до 1893 года в Нагорном Карабахе были указаны название сел - Таир Мирикенд, Йеникенд, Мехдикенд, Сеидбейли, Аккенд и др. Эти очень важные для изучения нашей истории названия ныне стерты и один за другим эти селения стали называться Миришеном, Нор-

шеном, Мехтишеном. Сеидшеном, Сиптакишеном и т. п. Эти ничем не обоснованные и не вызванные никакой необходимостью перемены названий продолжаются по сей день. Было бы правильным, возвращение прежних имен и предотвращение в будущем таких субъективных изменений названий. Расул Рза. Главный редактор “Азербайджанской Советской Энциклопедии”.

Во второй половине 60-х годов произошло очень важное событие, оказавшее огромное воздействие на умонастроения многих поколений и особенно нашего поколения. И произошло оно не в Азербайджане, и даже не в Советском Союзе.

Я имею ввиду чехословацкие события, так называемую “Пражскую весну”. Мы с пристальным вниманием следили за развитием ситуации в этой стране по куцым сведениям, которые удавалось узнать из “вражеских” радиоголосов или из закрытых бюллетеней ТАСС, которые лично я имел возможность читать работая на радио. Да и в материалах московской прессы, осуждавшей политику пражских властей, мы вычитывали между строк истинные факты.

“Пражская весна” - была, быть может, последней надеждой нашего поколения, во всяком случае лично для меня, на социализм с человеческим лицом. Мы помнили о подавлении венгерской контрреволюции (которую мы между собой называли революцией) и боялись его повторения в Чехословакии. Наконец, этот роковой шаг, которого мы так опасались, был сделан. 20 го августа 1968 года войска пяти стран варшавского договора вошли в Чехословакию. Высшее руководство этой страны во главе с Александром Дубчеком было тайно вывезено в Москву. Об их судьбе ничего не было известно. Кажется, на второй или третий день в Москве появился Президент Чехословакии - легендарный герой войны, генерал Людвиг Свобода. Он на открытой машине проехал по улицам Москвы и уже на следующий день было сообщение ТАСС, что в переговорах с Брежневым и другими советскими руководителями участвуют вместе с Л.Свободой, А.Дубчек и другие члены руководства Чехословакии. Остряки шутили - с чехословацкой стороны на переговорах участвуют тт. Дубчек, Смрковский, Цисарж, с советской тт44 (т.е. танки).

В Москве несколько смельчаков вышли на Красную площадь с протестом против вторжения в Чехословакию. Они были осуждены на разные сроки, а спустя 21 год 5-го декабря 1989-го года в газете “Правда” было опубликовано Заявление руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза, в котором признавалось, что “ввод войск их государств в ЧССР явился вмешательством во внутренние дела суверенной Чехословакии и должен быть осужден. Прервав процесс демократического обновления в ЧССР эти неправомерные действия имели долговременные отрицательные последствия”.

Советский Союз рано или поздно честно признает свои ошибки, жаль только, что за эти ошибки расплачиваются жизнью многие тысячи людей

Рустам Ибрагимбеков, который в эти дни был в Праге, рассказывал, что чехи, как цивилизованные люди, не оказывали вооруженного сопротивления вторгнувшимся в страну войскам, но срывали таблички с названиями улиц и площадей, чтобы затруднить агрессорам ориентироваться в городе. Несколько табличек снял и я, - с гордостью рассказывал Рустам.

Я где-то прочел, что пражане завязали глаза памятнику Яну Гусу, чтобы он “не видел” этот позор. Пражский студент Ян Палах в знак протеста сжег себя у памятника Яну Гусу.

Вагиф Самедоглу написал стихи о Физули, где были строки о танках русского царя. Во времена царей танков не было, ясно о чем речь. В моей статье о Франции, написанной в эти дни и опубликованной на страницах альманаха "Гобустан", слова о парижском мэре XIX века бароне Османе, были, адресованы советским баронам и советским танкам на улицах Праги.

"Если бы Осман жил сейчас, - говорилось в статье, - он, наверное, выступил бы против восставшего человеческого достоинства, не с пушками, а с танками, но когда честь народа попрана, когда переполняется чаша его терпения, народ выходит на улицы, требуя соблюдения своих прав невзирая ни на пушки, ни на танки. Возможно, танковая броня одерживает на какой-то короткий период истории верх над Волей и Словом народа, но бароны прошлого и современности должны знать, что победа танка над Мыслью и Словом - временная, преходящая и обманчивая победа".

Если 1956-ой год был одной поворотной вехой для нашего поколения, то август 1968-го стал второй такой вехой. После этого у нас уже не осталось ни малейший веры в социалистические идеалы. Он померк раз и навсегда. Я говорю о своих настроениях и ощущениях, но они характерны и для многих наших современников и у нас в Азербайджане, и в Москве, и в других городах и республиках.

Такие настроения вызывали опасения в верхних эшелонах власти и Центр решил ужесточить контроль над окраинами. В том числе и, как всегда в первую очередь, над Азербайджаном.

В Москву шли непрерывные доносы на наличие националистических настроений в среде азербайджанской творческой и научной интеллигенции. Помню, книга отца "Весна во мне" была выдвинута на Ленинскую премию. Когда я ехал в Москву, в Союзе писателей попросили меня отвезти в Комитет по Ленинским и Государственным премиям соответствующую документацию.

- А, материалы по выдвижению Расула Рзы? - с улыбкой встретила меня милая девушка в Комитете, - нас уже завалили письмами и сигналами из Баку по поводу этого поэта.

Естественно, письмо и сигналы - носили характер политических доносов.

Доносили не только в Москву. В годы независимости раскрылись некоторые факты и о сигналах в местное КГБ. Один из ответственных работников этого Комитета, ставший впоследствии на некоторое время его Председателем, генерал Ильгусейн Гусейнов в беседе с журналистом Асильдаром Гусейновым говорит: "Если искренне признаться, мы по доносам самих же писателей должны были объявить диссидентом Расула Рзу. Доносили, что он тяготеет к Турции, в своих стихах употребляет турецкие слова. Кстати, среди доносивших были и те, которые сегодня клянутся в своей пламенной любви и верности к Турции, провозглашают, что мы братья. Но принципиальная позиция руководства Комитета, поддержанное ЦК КП республики, спасло этого выдающегося поэта, настоящего патриота от преследований своих же коллег".

Но в другой справке КГБ, направленной в ЦК, утверждалась нецелесообразность оставления Расула Рзы на должности Главного редактора Энциклопедии.

Руководителем Первой Азербайджанской Энциклопедии Расул Рза был назначен в 1965 году и отдал этой трудной работе десять лет своей жизни. Работавший с Расулом Рзой плечом к плечу Первый заместитель Главного редактора Энциклопедии историк

Расул Рза ведет заседание редакционного совета Энциклопедии. Среди участников Зия Буньятов

Якуб Махмудов вспоминает: “Идея единого Азербайджана, правда о разделе нашей родины между Ираном и Россией, антиазербайджанская политика Бакинской Коммуны и дашнака Степана Шаумяна, Бакинская операция XI Армии и оккупация страны, исторические границы Азербайджана и отражение их в соответствующих картах, объективная оценка заслуг деятелей АДР открывших путь к свободе и возрождению в начале XX столетия, историко-географические пределы проживания нашего народа в течении веков, отражение истории тюркского мира - все это, то есть, все те проблемы, что сегодня волнует нас и во имя чего мы боремся, впервые были подняты в Главной редакции Азербайджанской энциклопедии и со стороны группирующейся вокруг нее представителей передовой интеллигенции. Во главе этой борьбы шел выдающийся мыслитель, Главный редактор Энциклопедии Расул Рза, обладавший широкой эрудицией и способный везде, при всех условиях выражать национальные интересы”.

Я.Махмудов отмечает, что Расулу Рзе даже удалось обнаружить в архиве телеграмму Шаумяна генералу Андронику, с призывом прибыть в Баку, якобы для защиты находящейся в опасности революции, а на самом деле с целью окончательного истребления азербайджанского народа. И надо ли удивляться, что для “ревизии” деятельности Энциклопедии был специально приглашен из Москвы Заместитель Главного Редактора Большой советской Энциклопедии - …Левон Шаумян, сын Степана Шаумяна. Не трудно догадаться какую справку он представил в “Верха”. Ценная книга Якуба Махмудова о драматических событиях вокруг Энциклопедии, называется “Озюмуз” (“Мы сами”), ибо он на фактах и живых свидетельствах показывает какие силы “нас самих”, то бишь, наших ученых, писателей, партийных функционеров были задействованы в дискриминации деятельности Главной редакции. Совокупные усилия “шаумянов” в Москве и ме-

стных “шаумянистов” решили судьбу Энциклопедии. Вышедший первый том был запрещен, Расул Рза снят с должности Главного редактора.

Кому-то может показаться не совсем этичным, что я пишу о злоключениях своего отца. Но дело в том, что, наверное, больше всех в этот период пострадал он. Джафар Джафаров, после того, как также был освобожден от своей должности, говорил мне: Расула накажут трижды, не изберут депутатом (а до этого он был депутатом всех созывов, за исключением одного в багировский период), не выберут в Правление Союза писателей СССР (членом которого он был) и снимут с должности Главного редактора Энциклопедии.

Так и стало.

Обвинения в национализме, пантюркизме, антисоветской деятельности Дамокловым мечом висели и над другими представителями творческой и научной общественности - в их числе Бахтияр Вагабзаде - автор поэмы “Гюлистан”, Халил Рза, автор патриотических стихов. Мамед Араз впал в немилость, за то, что будучи заместителем Главного редактора газеты “Эдебиат ве инджесенет” дал материалы, в которых якобы слишком высоко оценивалась роль все того же несчастного Нариманова.

Я присутствовал на заседании в ЦК КП Азербайджана, где следующий после Дж.Джафарова секретарь по идеологии, ныне покойный, докладывал о совещании в Москве. Там, по словам секретаря, критиковали партийные организации Грузии и Эстонии, за рецидивы национализма в этих республиках. А Азербайджан хвалили, за интернационализм. - Но, - говорил наш секретарь, - я выступил самокритично, сказал, что и у нас тоже есть проявления национализма, например, альманах “Гобустан”. - Почему вы не можете обуздать редактора этого альманаха, - было сказано мне.

Редактором был я.

У ВЛАСТИ ГЕЙДАР АЛИЕВ

Первый период

Вот, примерно, в такой идеологической обстановке, было решено заменить руководство республики.

Самой подходящей кандидатурой на пост руководителя Азербайджана Москва сочла Гейдара Алиева - Председателя Комитета Государственной безопасности республики.

Но, принявшие такое решение, не учли одного - Гейдар Алиев был умнее всех тех, кто его рекомендовал и назначал на эту должность - это раз. И, во-вторых, ни при каких условиях он не поступился бы интересами своего народа. И у него было достаточно опыта, умения и воли, чтобы воплотить в жизнь свое видение проблем.

Значительно позже, уже в эпоху независимости, будучи Президентом Азербайджана и выступая на съезде писателей Г.Алиев говорил:

- Я, к примеру, вспоминаю журнал “Гобустан”. Когда он стал издаваться, какие только действия не предпринимали против него. Помню, одни приходили, говорили, мол, журнал распространяет националистические идеи, выступают против нашего строя. А я брал, смотрел “Гобустан”, видел, что здесь ничего такого, о чем доносили, нет, но есть вещи весьма полезные. Потому “Гобустан” и выжил. Сегодня я с удовольствием отме-

чаю, что журнал “Гобустан” в то время сделал очень важные дела. Но не только “Гобустан”. Возьмите журнал “Азербайджан”, журнал “Улдуз”. Это были государственные журналы, но вы печатали в них все, что хотели, никаких ограничений не было. Я могу с гордостью сказать, что с 1969 года, с тех пор как я стал руководителем республики, произведения ни одного поэта, ни одного писателя не были запрещены. Разве это не так?

Гейдар Алиев -
Первый секретарь ЦК КП Азербайджана

Теперь можно раскрывать некоторые вещи. Сколько было жалоб, причем из вашей же среды. Один приходил и говорил, что тот пантюркист, другой говорил, что этот панисламист, одного объявляли турецким шпионом, другого шпионом Ирана. Говорили вот тот-то против советской власти, и дед его был врагом советской власти, и сам он идет против советской власти. Сколько говорили, сколько старались, чтобы предотвратить появление подобных произведений. Причем атаковали с двух позиций: с одной стороны, якобы подобные произведения полны националистическим духом, а с другой стороны - выступали против произведений, в которых критиковались недостатки нашей жизни.

Но ведь вы знаете, что с 1969 года как я пришел к руководству Азербайджаном, я критиковал уродства, отрицательные черты, боролся с ними. Поэтому, когда мне доносили, что пьеса “Лето в городе” против нашего строя, я сказал: хорошо, пойду, посмотрю. Пришел, посмотрел, очень похвалил, присудил премию. Или вот был фильм “В одном южном городе” - в 70 годы он был запрещен. Его сняли Рустам Ибрагимбеков и Эльдар Гулиев. Тогда я еще не был руководителем республики, я был Председателем КГБ. Я посмотрел фильм, убедился, что это очень хороший фильм и открыл ему дорогу. Фильм имел большой успех. Или фильм “Допрос” Рустама Ибрагимбекова. Сколько выступали против него. Тему фильма дал я, своей непримиримой борьбой с мафиози, коррупционерами, взяточниками. Этот фильм получил тогда Государственную премию СССР.

Сегодня должен сказать, что в Азербайджане не было диссидентов. Но многие из вас были диссидентами. Я говорю это как положительный факт. Хорошо что вы были диссидентами, если бы вы не были диссидентами, вы не могли бы поднять национальный дух, патриотические настроения Азербайджанского народа. Если бы Бахтияр Вагабзаде не был диссидентом, он не смог бы так повлиять на сознание молодежи. Если бы Халил Рза не был бы диссидентом, его произведения не имели бы такого сильного воздействия”.

Во время выступления Г.Алиева , я вел заседание съезда и бросил реплику:

- Гейдар муаллим, однажды вы сказали, что самым большим диссидентом были вы сами

- Совершенно верно, - сказал Гейдар Алиев. - Правда, я не пишу стихи, романы или рассказы. Но начиная с 1969 года до моей отставки в 1987 году, одним из самых больших диссидентов в коммунистической партии был я.

ДИССИДЕНСТВО В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Когда о своем диссидентстве говорит Гейдар Алиев или когда мы, представители литературного поколения шестидесятых годов утверждаем, что среди произведений некоторых писателей и старшего и нашего поколения были сильны диссидентские настроения, кое-кто из нынешних молодых журналистов, не пережившие те времена, относятся к этому скептически, иронично - нашлись, мол, диссиденты. Поэтому я приведу довольно-таки обширную цитату из Абульфаза Эльчибея, которого эти же молодые люди считают своим идейным отцом.

В беседе с Адалетом Таирзаде, своим бывшим пресс-секретарем в период Президентства, Абульфез-бей говорил: *“Халил Рза и Иса Гусейнов в то время написали произведения, из-за которых их стали обвинять. Патриотические стихи Халила Рзы объявили националистическими, в повестях “Звук свирели” и “Пламенное сердце” Иса Гусейнов, якобы, клеймит наше время, чернит эпоху, среду. Мехди Гусейн, который был тогда секретарем Союза писателей, выступил в защиту этих молодых авторов, сказал, это наша вина, что мы не указали им в свое время на их ошибки. То есть он защищал и опекал молодых писателей. В 60-е годы пришла новая волна. Стихи Бахтияра Вагабзаде читали всюду, поэма “Гюлистан” ходила по рукам. Новым дыханием стала поэзия Расула Рзы, особенно поэма “Если бы не было бы роз”.*

(Я думал, что у нашей нации нет аксакала (уважаемого патриарха). Одно время Расул Рза собрал молодых, предотвратил конфронтацию между ними. Тогда я обрадовался, кажется, эту функцию взял на себя Расул Рза. И на самом деле, он выполнил эту миссию - из другого интервью Абульфаза Эльчибея)

Правда, в то время были сильны как эта волна, так и волна сопротивления подобной литературе. Потом произведения Юсифа Самедоглу, Анара, Акрама Айлисли, Эльчина вышли вперед в литературе 60-х годов, и это имело большое положительное значение.

- Но это не может быть отожествлено с понятием “диссидентства”.

- Безусловно. Им покровительствовали, защищали их Расул Рза и Имран Касумов. Потом Гейдар Алиев проявил в определенной степени либеральное отношение к ним, не тронул их. Всем, кого он в свое время критиковал, позже дал должности, звание Героя Социалистического Труда, защитил их, таким образом пересек разговоры о том, что в Азербайджане существует национализм, вражда к режиму.

- Вообще, можно ли сказать, что когда ты был арестован в Азербайджане было диссидентство?

- Нет, не было. Правда, отдельные проявления были - в Сумгаите, в других местах были небольшие группы. Их приглашали в КГБ, брали с них подписку, что они под контролем. Даже мне предложили должность заведующего отделом пропаганды ЦК, чтобы нейтрализовать. Убедившись, что никогда не соглашусь, за это меня арестовали.

- Ты был под арестом два года?

- Нет, меня приговорили к полутора годам. Полгода я сидел в КГБ, а год работал на каменном карьере".

Не кажется ли это удивительным, что человеку, подозреваемому в национализме и антисоветизме предлагают (естественно с ведома Гейдара Алиева) должность заведующего идеологическим отделом в ЦК КП?

Обывательская молва гласит, что особое отношение Г.Алиева к Абульфазу Алиеву (позже Эльчибею) связано с тем, что оба они нахчеванцы. Как впрочем и другие ведущие политические фигуры того периода Неймат Панахов (Панахлы) и Расул Гулиев.

Об этом говорит и сам А.Эльчибей:

- У нас есть отрицательное качество - широко распространено местничество. Люди думают, раз Алиев нахчеванец, и Абульфаз нахчеванец, то будучи земляками, они договорились между собой, не будут мешать друг другу, не тронут друг друга, наоборот пойдут на уступки друг другу.

Абульфаз-бей категорически не приемлет этого. В период Президентства Абульфаза Эльчибея с самыми яростными нападками на него, вплоть до грубых оскорблений выступал Неймат Панахлы (я это видел по телевидению). Неймат выступал и против Расула Гулиева. В то время Вагиф Самедоглу пошутил (и это опубликовано): - "Вмешиваться в распри между властью и оппозицией - означает вмешательство во внутренние дела Нахчевана".

Отношение Абульфаза к Гейдару Алиеву прошло через несколько этапов. В отроческие и юные годы он боготворил его, в своей комнате повесил портрет Гейдара Алиева. В период своей диссидентской деятельности, стал естественно, отрицательно относиться к генералу КГБ и партийному руководителю. Затем наступил еще один этап. Сам Эльчибей пишет об этом так:

"После двух случаев мое отношение к Г.Алиеву стало меняться. Во-первых, стала шириться пропаганда азербайджанского языка. Одной из заслуг Гейдара Алиева было это. Он присудил Государственную премию группе ученых - авторам четырехтомной книги "Современный азербайджанский язык". Присуждение этой премии означало, что авторитет азербайджанского языка возрастает, и он приобретает особый статус. И вторая его большая заслуга - присуждение премии академику Зие Буньядову за книгу "Государство Атабеков Азербайджана". Это означало, что заклейменный в свое время как "националист", "шовинист", Зия Буньядов этим застраховывался от всех нападок. В свое время, когда Гейдар Алиев критиковал его, армяне использовали это, стали ссылаться на Первого секретаря ЦК КП Азербайджана в своей критике Зии Буньядова. А сейчас, когда Гейдар Алиев присудил ему Государственную премию, армяне стали писать, что и Гейдар Алиев националист, раз премирует националиста Зию Буньядова".

И, наконец, последний этап взаимоотношений бывшего Президента с человеком, занявшим его место. Абульфаз-бей признает, что Гейдара Алиева в Баку настойчиво звал он. Это советовал ему и Президент Турции Сулейман Демирел:

- Абульфаз бей, пригласите Гейдара Алиева из Нахчевана в Баку. - А он уже здесь, Сулейман-бей, - отвечал Эльчибей, -рядом со мной.

Эльчибей считает, что в тот критический момент истории страны ее мог спасти только Гейдар Алиев, только он был способен предотвратить кровопролитие. Если А.Эльчи-

бей, понимая именно это, пригласил в Баку Гейдара Алиева с целью предотвратить кровавые столкновения, честь ему и хвала. Но если он полагал, что Гейдар Алиев с его жизненным и карьерным опытом, с уникальной биографией, с масштабом его личности, и, наконец, в его возрасте, может быть ВТОРЫМ за кем-то в Азербайджане, то значит, Абульфаз-бей был крайне простодушным и наивным человеком.

Вернемся однако в советское время, когда Гейдар Алиев впервые встал у руля в руководстве республики. Избранный Первым Секретарем ЦК КП Азербайджана он ожидаемую от него борьбу против национализма, плавно перевел в русло борьбы с коррупцией, взяточничеством, кумовством. Это был один из первых шагов на пути изменения судьбы не только Азербайджана, но и Союза в целом. И Г.Алиев одним из первых крупных партийных деятелей, стал публичным политиком. Конечно, и другие руководители страны много и часто выступали. Но Г.Алиев был по-особенному открыт для прессы. И в его выступлениях “не по бумажке” затрагивались самые острые и животрепещущие проблемы жизни общества. Особый резонанс вызвала его беседа под заглавием “Пусть торжествует справедливость” опубликованная на страницах московской “Литературной газеты”.

АРМЯНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ НЕ УНИМАЮТСЯ

Растущая популярность Гейдара Алиева в масштабе всей страны, избрание его Кандидатом, а затем и членом Политбюро, награждение двумя звездами Героя Социалистического труда, бесило наших заклятых соседей.

По чистой небрежности в газете “Бакинский рабочий” герб Армянской ССР был напечатан без Арарата. Какой шабаш поднялся в Армении. Особенно лютовал тогдашний Председатель Союза писателей Армении Вардгес Петросян, “бомбардировавший” письмами высшие инстанции в Москве и Баку.

И то же время публиковались (в том числе и в Москве) книги, стихи и статьи армянских писателей Серо Ханзадяна, Геворка Эмина, Сильвы Капутикян, Л.Гурунца, Баграта Улубабяна и других полных ненависти и вражды к туркам (они и азербайджанцев называли турками) и по армянскому обычаю перекладывая с больной головы на здоровую, обвиняли азербайджанцев же в национализме.

Когда на киностудии “Азербайджанфильм” был снят фильм о Гачахе Наби некий С.Айвазян направил письмо в ЦК КПСС с протестом против этого. Без зазрения совести он объявлял Гачаха Наби, народного героя Азербайджана, бандитом, головорезом, разбойником, насильником. И хотя я не имел никакого отношения к этому фильму, - он снимался по сценарию Сулеймана Рустама и Ахмедаги Гурбанова, режиссером Гасаном Турабовым, узнав об этом, я направил письмо в тот же отдел ЦК. Я отмечал, что письмо С.Айвазяна настолько возмутительно, что я считаю своим долгом коммуниста, члена художественного совета киностудии “Азербайджанфильм” и Председателя секции кинодраматургии Союза кинематографистов, обратиться в тот же отдел ЦК КПСС. Человек, подписавший свое письмо как член КПСС и кандидат наук, позволяет себе глумиться над выдающейся исторической личностью народа-соседа, являющегося гордостью Азербайджана, о котором наш народ создал песни и легенды. Письмо С.Айвазяна опасно и тем, что автор пытается создать нежелательный прецедент, когда представи-

тель одного народа в угоду своему субъективному, узко-националистическому пониманию, берется переосмыслить историю другого народа, навязать ему свою оценку исторических лиц, литературных и фольклорных персонажей, диктовать ему о ком следует и о ком не следует снимать фильмы".

Через несколько дней после отправки этого письма меня пригласил покойный Гашам Асланов, работавший в те годы в нашем ЦК и сказал, что письмо дошло до адресатов и фильм будет выпущен на экраны. Но при этом Гашам добавил: "Учти, однако, что в том самом отделе ЦК КПСС, где рассматривалось твое письмо, работает 16 армян, и они тебе это как-нибудь припомнят".

Разными способами армяне пытались скомпрометировать не только Гачаха Наби, но и Бабека, Кероглу, Джалила Мамедкулизаде, Наримана Нариманова, да и кого угодно, лишь бы ославить их и оставить Азербайджан без выдающихся исторических лиц. При этом преследовались две цели - во-первых, попытаться стереть с истории всех, кем гордятся азербайджанцы и таким образом выставить наш народ - как безродное племя, не имеющее ни исторических, ни литературных, ни фольклорных ценностей и, во-вторых, скомпрометировать самого Г.Алиева, как руководителя, всячески пропагандирующего исторические лица, классиков литературы и выдающихся политиков прошлого. Самым главным препятствием для осуществления своих целей армяне считали Г.Алиева.

Об этом с предельной откровенностью высказался один из главных идеологов карабахского сепаратизма, бывший Президент Армении Левон Тер-Петросян:

"В XX веке турки дали истории двух великих людей - Кемаля Ататюрка и Гейдара Алиева, - говорил Тер-Петросян обращаясь к своим сонародникам, - пока Гейдар Алиев во власти, и не думайте о Карабахе"

Отличающийся особой зоологической ненавистью к туркам и азербайджанцам Серо Ханзадян направил письмо в ЦК КП Азербайджана и ЦК КПСС, в котором протестовал против присвоения по инициативе Гейдара Алиева звания Героя Социалистического Труда Расулу Рзе, автору стихов о Бабеке. Он также возмущался, что имя Бабека присвоено району в Нахичеване, что о нем в Азербайджане снят фильм. Называя Бабека бандитом, убийцей, кровопийцей, дитяедом он стихи Расула Рзы объявлял хунвейбинской выходкой, чернящей дух ленинской национальной политики.

Бабек, Кероглу, Гачах Наби - были мишенями ядовитых армянских стрел в "интернационалистические" годы советской власти. Но вот парадокс, в наши дни, в независимом Азербайджане, читаю в газете "Йени Мусават" (24 февраля 2012): "С точки зрения современности идеал Кероглы - чужд для Азербайджана. Ни Гачах Наби, ни Бабек, ни Кероглы не могут быть примерами для воспитания азербайджанской молодежи" (!!!).

Как говорится, комментарии излишни. Порой, знакомясь с материалами в некоторых наших газетах, я думаю, что это армянские газеты, издающиеся в Баку на азербайджанском языке, сколько яростной ненависти к стране проживания у этих авторов, сколько телячьей радости по поводу любых зарубежных негативных высказываний о нашей родине…

До выходки Серо Ханзадяна насчет Бабека, он был в Баку и его принял сам Гейдар Алиев. По свидетельству Имрана Касумова, присутствовавшего на этой встрече, Гейдар Алиев довольно-таки резко осадил Ханзадяна за какую-то конкретную антиазербайджанскую статью, и армянский писатель ответил: я готов отсечь вот эту свою руку, написавшую такое.

Это было в преддверии юбилея Ханзадяна. Будто бы состоялось покаяние армянского писателя и тогда в Степанакерте, устроили ему пышный юбилей, на который отправили и некоторых наших писателей. Покойный Юсиф Самедоглу рассказывал мне, что после определенных алкогольных возлияний, излияний и клятв в вечной дружбе, один из наших писателей[1] настолько расчувствовался, что беспрерывно целовал усы Серо.

Прошли юбилейные торжества и С.Ханзадян, с той же неотсеченной рукой стал писать доносы на Азербайджан один гнуснее другого. (См. выше)

С Серо Ханзадяном я лично столкнулся на сессии Верховного Совета СССР в 90-е годы. Во время моего выступления по карабахскому вопросу он выкрикнул какую-то реплику из зала, я не расслышал сказанное им, но догадался, ЧТО может сказать этот человек. - Я слишком уважаю Парламент, чтобы не допускать здесь, подобно вам, такие беспардонные выражения, - ответил я ему с трибуны.

Звание Героя Социалистического труда было присвоено Расулу Рзе в мае 1980 года в связи с семидесятилетием. Отец в это время лежал в больнице. Гейдар Алиев позвонил и сообщил об этом мне. При этом он сказал: Расул Рза, конечно достоин этого звания, и в Москве это понимают, но дело в том, что в такой большой республике, как Украина, имеется только два писателя - Героя, а в Азербайджане это был бы уже третий случай. Но нам удалось убедить товарищей, вопрос решен, скажите об этом отцу, ему будет приятно.

Я сердечно поблагодарил Гейдара Алиева.

(Через год в связи с семидесятилетием, этого же звания был удостоен и четвертый писатель из Азербайджана - Мирза Ибрагимов. Вообще в период руководства Г.Алиева этого высокого звания были удостоены поэты Сулейман Рустам и Расул Рза, писатели Сулейман Рагимов и Мирза Ибрагимов, композиторы Кара Караев и Фикрет Амиров, дирижер Ниязи, певец Рашид Бейбутов, архитектор Микаил Усейнов. Ни в одной республике, кроме РСФСР, не было такого количество Героев Социалистического труда из среды деятелей литературы и искусства).

Много позже, 21 декабря в 2001 года, выступая на торжествах, посвященных столетнему юбилею Расула Рзы, я говорил: “В одном из стихотворений Расул Рза заклеймил заклятого врага азербайджанского народа Андроника, заклеймил Сахла Сумбата, предавшего Бабека. Поэтому армянские писатели строчили в Москву доносы на Расула Рзу, пытались представить его националистом, пантюркистом, антисоветчиком. К великому сожалению, были и среди наших те, кто подпевал им. При таких обстоятельствах уважаемый Гейдар Алиев добился звания Героя Социалистического Труда Расулу Рзе. Если Расул Рза заслужил это звание своей творческой храбростью, то Гейдар Алиев добился этого своей политической смелостью. И это было большим гражданским подвигом их обоих”.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД Л.БРЕЖНЕВА В БАКУ. ПЕРЕЕЗД Г.АЛИЕВА В МОСКВУ

Осенью 1982 года Л.И.Брежнев прибыл в Баку в последний раз. При встрече с ним в Нагорном парке, у подножья памятника Кирову, с группой нашей интеллигенции - и я был там - я мог, лицезрея вблизи, убедиться, сколь тяжело самочувствие, физическое состоя-

[1] Акрам Айлисли

ние руководителя страны. Лицо производило впечатление застывшей маски, рот часто открывался, как у рыбы, выброшенной на берег. Дыхание прерывистое, сильная одышка. И взор застывший, мне казалось, он никого не мог разглядеть, узнать, не вникал в смысл пояснений и слов, которые ему говорили.

Трагикомический казус, произошедший в тогдашнем Дворце имени Ленина, когда он перепутал читаемый текст, я видел воочию вместе со всеми собравшимися во Дворце.

Вскоре после отбытия из Баку Брежнев скончался, его место занял Ю.В.Андропов. Гейдар Алиев был избран членом Политбюро, назначен Первым заместителем главы Союзного правительства. Это было большим событием. Впервые азербайджанец занял пост в самом высшем эшелоне власти одной из супердержав мира. Алиеву, естественно,

Л.И.Брежнев

Л.И.Брежнев в Баку

предстояло перебраться в Москву и перед отъездом он в своем прежнем кабинете принимал и прощался с группами людей. На одну из таких встреч был приглашен и я.

Гейдар Алиев по-доброму отзывался о каждом, говорил о положении республики, о предстоящих ему в Москве делах, и к концу своего выступления неожиданно расчувствовался до слез. Признаться, меня озадачило, что столь сильный и волевой человек так вот может дрогнуть. Мирзе Ибрагимову даже пришлось “утешать” его:

- Не расстраивайтесь, Гейдар Алиевич, мы и в Москве доберемся до вас…

Что же так нежданно, до слез, расстроило человека, выдвинутого на столь высокий пост? Он покидал республику, во имя развития которой свершил столько нужных дел, потратил столько труда, энергии и входил в совершенно другую сферу. Ему предстояло работать в чуждых условиях, в сложной среде, где, наряду с доброжелателями, наличествовали и недоброжелатели, политические конкуренты и антагонисты, хотя в те годы никто не мог признать это открыто. Ведь как выяснилось позже, в Политбюро при всех разглагольствованиях о коллегиальности и солидарности, угнездились персоны, питавшие друг к другу, по меньшей мере прохладное отношение, далекие от искренности, постоянно косившиеся друг на друга, следившие друг за другом, “копавшие” друг под друга… Неизбежно было и повышенно осторожное, подозрительное отношение к азербайджанцу, мусульманину, хоть и носившему в кармане партбилет. Это лучше всех осознавал сам Гейдар Алиев, посвященный в подноготную и тайны приснопамятной системы. Если в самом Азербайджане он затруднялся найти человека, которому мог бы поведать

Гейдар Алиев с членами своей семьи

сокровенные тревоги, то в Москве и подавно не найти было такого человека.

Камран Багиров и Гейдар Алиев

Вообще, мне всегда казалось, что очень контактный, общительный, толерантный Гейдар Алиев был в то же время в каком-то смысле одиноким человеком. Конечно, в Москве с ним рядом будет семья, верная, благородная спутница жизни, но если тайно прослушивались даже квартиры членов Политбюро, сможет ли он быть откровенным хотя бы в кругу самых близких людей? Быть может, он каким-то горьким наитием предчувствовал, что в Москве потеряет самого дорогого человека - Зарифу ханым. Или может быть, врожденным провидческим даром он догадывался, что его будущая самоотверженная, полезная деятельность в первопрестольной не только не будет оценена по заслугам, а, напротив, навлечет на него клевету и преследования завистливых оппонентов?

Все это, разумеется, только мои предположения, догадки, но позволю себе высказать еще одно вероятное объяснение: может быть, причиной заставившей Гейдара Алиева накануне взлета в московский властный Олимп, расчувствоваться в родном городе, в кабинете, где проработал многие годы, в кругу людей, которых знал столько лет, были явленные неведомым, магическим, внутренним зрением ужасные картины грядущих бед, мытарств, трагедий, которые обрушатся на Азербайджан в годы, прожитые без него…

3 декабря 1982 года на Пленуме ЦК КП Азербайджана Первым секретарем ЦК был избран Камран Багиров. Не знаю, каким образом - я тогда не был ни Председателем Союза писателей, ни депутатом, ни членом ЦК - на этом Пленуме участвовал и я. Видимо, Пленум проходил с участием актива. Я запомнил, что выступая с предложением об освобождении Гейдара Алиева от должности Первого секретаря в связи с переходом на работу в Москве, Камран Багиров заплакал. Запомнил и то, что когда устно голосовали по этому вопросу, Гасан Гасанов, сидящий в президиуме, не поднял руку, т.е., не захотел голосовать за освобождение от должности Г.Алиева, хотя и связанное с его более высоким назначением.

Камрану Багирову довелось руководить Азербайджаном в очень трудный период. Армяне начали разыгрывать карабахскую карту, произошли ужасные события в Сумгаите. С приходом Горбачева к власти в самых верхах начались негласные интриги против Г.Алиева. Второй секретарь ЦК КП Азербайджана снабжал Москву материалами против Г.Алиева. Конечно, Камран Багиров был предан Г.Алиеву, которому, кроме всего прочего, был обязан всем своим карьерным ростом. Да и партийным руководителем Азербайджана он стал по его рекомендации. Но при всем при этом он оказался не только неспо-

На приеме у Камрана Багирова

собным продолжить политическую линию Г.Алиева, но и не сумел пресечь негативную информацию, поступающую в Москву из Азербайджана. Этого не простил ему Г.Алиев, хотя в последние годы жизни К.Багирова, проявил к нему особую заботу. На мой взгляд, было неудачным заявление К.Багирова о том, что является руководителем Азербайджана, а не всех азербайджанцев в мире. Это - на мой взгляд, была серьезной ошибкой. В то время как армяне во всю использовали свою диаспору во всем мире, руководитель Азербайджана фактически самоустранялся от проблем азербайджанцев живущих за пределами республики. Не говоря о нашей неорганизованной в ту пору диаспоре в России и на Западе, равнодушие к судьбе азербайджанцев в Грузии, а самое главное в Армении, сыграли роковую роль в их судьбе.

В 1981-ом году нашу семью постигла беда. В течении ста дней я потерял отца и мать. 1 апреля скончался отец, 10 июля - мать.

В это трагическое лето я снимал в Шуше фильм об Узеире Гаджибекове. Каждый четверг прилетал в Баку на поминки, а утром возвращался в Шушу. Остановить или пролонгировать съемки было невозможно. Обо всех переживаниях и душевных муках той печальной поры я написал в книге “Без вас”, посвященной памяти родителей.

Исмаил Шихлы, проработавший в должности Первого секретаря Союза в течении года после ухода Мирзы Ибрагимова с поста Председателя, подал заявление об отставке по состоянию здоровья. За год самостоятельной работы в Союзе, его сахарная болезнь прогрессировала.

НА ПОСТУ РУКОВОДИТЕЛЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

18 августа 1987 года на Пленуме Союза я был избран руководителем этой организации.

Я, всегда испытывал гордость от того, что стал первым руководителем СП, избранным не по указанию и рекомендации партии, а по желанию и воле самих писателей. Это

не связано ни с моей личной доблестью, ни с внезапно пробудившейся смелостью и самостоятельностью писателей. Это было велением времени. Опять-таки, хочу быть правильно понятым. Велением времени явилось не именно конкретно мое избрание, а вообще проведение выбора без вмешательства извне, по волеизъявлению самих писателей. Политика “перестройки”, позднее окончившаяся крахом, только начиналась, и уже партийные органы, партийное руководство не могли вмешиваться в работу творческих организаций. Присутствующие на нашем пленуме секретарь ЦК по идеологии Рамиз Мехтиев и заведующий отделом культуры ЦК Вефа Гулизаде не давали ни открытых, ни закулисных инструкций писателям. Первым Акрам Айлисли, затем Иси Меликзаде, Тофиг Байрам, Иса Исмаилзаде выдвинули мою кандидатуру, Исмаил Шихлы поддержал их, и я единогласно был избран Первым секретарем Союза писателей. Как-то, когда наши отношения испортились, А.Айлисли заявил, что я был избран руководителем Союза по инициативе Вагифа Гусейнова. Если первым мою кандидатуру на этот пост предложил сам Акрем, то получается, что он сделал это не по собственному желанию, а по указанию Вагифа Гусейнова.

В день моего избрания тогдашний Первый секретарь ЦК Кямран Багиров, пригласил меня в свой кабинет, поздравил и сказал: “Мы очень хотели, чтобы избрали тебя. Но знаешь, мы никак не могли вмешиваться”. Потом он сказал фразу, которую мне не забыть: “Всю ночь я не спал, все думал, как пройдет Пленум в Союзе писателей, изберут ли тебя”.

За три месяца до этого мне исполнилось 49 лет. Начинался самый трудный и мучительный период моей общественной жизни, который продолжается по сей день вот уже двадцать пять лет. Никто до меня не занимал этот пост в течении столь длительного времени.

Анар

Одним из первых меня поздравил Председатель Союза писателей Армении Вардгес Петросян. В двухстраничной телеграмме полной восторженных слов, он желал мне успешной работы на этой трудной должности. Пишу об этом потому, что спустя без малого год, на приеме у М.С.Горбачева, когда генсек совещался с депутатами Верховного Совета СССР от Азербайджана и Армении В. Петросян, стал обливать меня грязью, утверждая, что именно я являюсь поджигателем антиармянских настроений в Азербайджане и ярым националистом. Отпор ему дал Мирза Ибрагимов.

Не хочу лицемерить. Избрание руководителем Союза писателей Азербайджана безмерно обрадовало меня. Окрыленной этой должностью в дееспособном возрасте я в эйфории планов и замыслов думал много сделать, многое изменить не только в деятельности Союза, но и

в нашей литературной атмосфере. Увы, не все из задуманного удалось, хотя, без ложной скромности могу сказать, что очень многое в жизни писательской организации, да и в самой литературной жизни, удалось изменить коренным образом. Не стали проводиться здесь зубодробительные совещания, на которых писатели дубасили друг друга, обзывая самыми непотребными словами. Хотя кое-кто искренно сожалел об отсутствии таких ристалищ. Не стало групповщины, проявлений местничества. Немалого труда и немалых усилий стоило сохранить Союз, не дать ему расколоться или вовсе сойти со сцены, как это случилось с писательскими организациями на всем постсоветском пространстве. Более того, удалось сохранить и наши литературные издания, даже построить для них целый этаж в здании Союза. Достаточно зайти в Москве в редакцию журнала "Дружбы народов" или когда-то всемогущей "Литературной газеты", ютящихся ныне в убогих условиях, чтобы сравнить их с условиями работы наших изданий. Но о творческих и организационных делах Союза, я говорил в своем докладе, посвященном 75-летию нашей организации. Этот доклад, как и эссе "Хагани 25", посвященный Союзу, помещен в этом томе и нет нужды здесь подробно говорить о творческой деятельности нашей организации.

Лично для меня работа в Союзе связана со многими добрыми воспоминаниями. Были интересные встречи, в том числе и с зарубежными гостями, поездки в районы республики и за рубеж *(причем редко за счет Союза, в основном на средства приглашающей стороны),* полезные проекты по изданию книг (в том числе трехтомных антологий Азербайджанской поэзии и Азербайджанской прозы на русском языке, сборников воспоминаний о Назыме Хикмете, Чингизе Айтматове, Кара Караеве, Юсифе Самедоглу,

Руководство Союза писателей. Слева на право: Ариф Амрахоглу, Чингиз Абдуллаев, Фикрет Годжа, Анар, Назим Ибрагимов, Решад Меджид, Эльчин Гусейнбейли

Аразе Дадашзаде, Эмине Сабитоглу, книг турецких поэтов, а также издания по нашей инициативе книг азербайджанских писателей в Турции), проведение юбилейных мероприятий наших классиков и современников в Баку, Москве, Стамбуле, Анкаре.

Но вместе с тем, за эти двадцать пять лет я столкнулся здесь и с самыми отвратительными проявлениями людских пороков - с клеветой и ложью, с завистью и ненавистью, изменой и неблагородством, тщеславием и непомерными амбициями, с глупостью, трусостью, подхалимажем, злопамятностью. Познакомился со многими "Сальери" и с еще большим количеством "Иуд". Никогда за все прежние годы жизни я не испытывал столько стрессов, нервных потрясений, жестоких моральных испытаний от постоянной травли на страницах определенных газет. Причем ни разу за эти годы я не понял, чем же недовольны в моей работе, кроме самого факта, что я являюсь руководителем Союза.

Ну, хватит об этом. Я верю в конечную справедливость Истории, в то, что Время все рассудить и расставить по своим местам.

Здесь же я хочу коснуться общественно-политической стороны работы нашего Союза, ибо мое избрание совпало с обострением этих процессов в стране и в первую очередь межнациональных отношений, короче говоря, с началом и развитием карабахской проблемы.

КАРАБАХСКАЯ ПРОБЛЕМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Когда и как началась карабахская проблема на современном этапе?

Вскоре после моего избрания руководителем Союза мы с группой писателей отправились в Газах на празднование дней поэзии Моллы Панаха Вагифа, а оттуда автобусами через территорию Армению в Карабах. После торжественных мероприятий в Шуше, в Джыдыр дюзю, у мавзолея Вагифа, мы спустились в Степанакерт. Местные партийные руководители и руководители Карабахского отделения Союза писателей Азербайджана, услужливо вертелись вокруг нас, но уже в это время, оказывается, тайком готовились к сепаратистским акциям. Как выяснилось, действовали полуподпольные организации, на счета которых переводились деньги армянами из Баку, Кировабада, Сумгаита. А тех, кто отказывался платить, наказывали, порой расправлялись с ними даже физически. А еще позже мы узнали, что редакции московских газет, журналов, телеканалов, не говоря уже о высших партийных и правительственных инстанциях, были буквально завалены письмами, справками и документами, якобы доказывающими правомерность армянских притязаний на Карабах. Но до поры, до времени вся эта возня велась тайно, во всяком случае не получила широкую огласку. А мы все еще слушали песни о дружбе "Куры, Аракса, Арарата, о братстве Азербайджана и Хайастана".

Для того, чтобы процесс по существу аннексии Гарабаха Арменией из латентного периода перешел в открытую стадию, необходимо было устранить самое главное препятствие на этом пути - добиться снятия Гейдара Алиева с высоких постов. Все армянское окружение Горбачева неустанно работало над этой проблемой, пока не удалось уговорить Генсека на такое решение. Тем более, что и сам он относился к Гейдару Алиеву с некоторой опаской, и даже с завистью.

Осенью 1987 года Гейдар Алиев был устранен от должности в высших эшелонах власти СССР. Спустя ровно двадцать дней после освобождения Гейдара Алиева с поста в

союзном правительстве и вывода его из состава Политбюро, академик А.Аганбекян, выступая в Париже перед армянской диаспорой, фактически дал старт открытой стадии карабахской кампании, провокационно заявив, что по его мнению, Карабах должен быть включен в состав Армении и это его предложение согласовано с руководством страны.

Если подавляющее большинство азербайджанского народа законно гордились восхождением Г.Алиева на кремлевский Олимп, как это ни горько, надо признать, что были и те, кому это было не по нутру и таковые не сидели сложа руки, строчили доносы на него. Правда, сейчас выясняется, что большая часть писем против Г.Алиева, направляемых в Москву от имени наших граждан, на самом деле были написаны армянами, каким-то образом овладевшими паспортными данными азербайджанцев. Я уверен на все сто процентов, если Г.Алиев остался у власти, даже пусть не в Москве, а в Азербайджане, карабахский вопрос так и не был бы поднят.

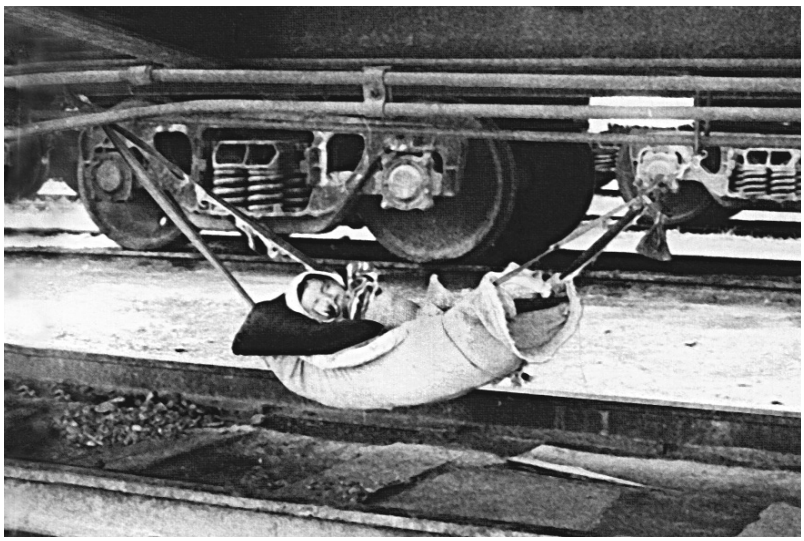
В чем же заключалась основная претензия армян к Г.Алиеву? Судя по открытым, печатным "накатам", выходило, что Гейдар Алиев "опорожнил" от армян Нахчыван, теперь хочет очистить от них Карабах. Это, конечно, было полным враньем. Миграция армян, перебравшихся из Нахчывана не только в Армению, но и в другие края, происходило мирным путем, без всякого насилия, причем и в годы, предшествующие времени правления Г.Алиева и была связана с естественными причинами. А многократно превосходившие их по численности азербайджанские переселенцы путем различных дискриминационных мер выживались из Армении самым жестоким образом. В 40-е годы, например, они в массовом порядке были депортированы из горных районов, где жили испокон веков, в равнинные районы Азербайджана и многие погибли из-за климатического несоответствия. А когда был запущен карабахский сценарий, около двухсот тысяч азербайджанцев насильственным образом, с ужасными расправами, были вышвырнуты из Армении. Причем, не после спитакского землетрясения, как утверждали иные борзописцы в московской печати, а до землетрясения, накануне. Иные люди считали это страшное землетрясение Божьей карой за зло и мучения, причиненные азербайджанцам.

Журналистка Н.Колкун в статье "Поезда нашего бедствия" писала: "На автобусных остановках, на воротах и подъездах домов, где жили азербайджанцы, вывешивались листовки и плакаты. Вот одно из сфотографированных беженцами воззваний: "Народ Армении! Никогда не забудь кровавых дней 1915 года, не забудь ужаса, который принесли Талят-паша, Энвер-паша, Джамал-паша. Живи и помни. Каждый, кто помнит, носит имя армянина! Гони турка со своей земли! Не дай хлеба, испеченного руками армянской женщины. Турки, вон из нашего города!"

"Турки, вон" - и людей отгоняли сотнями к поездам с направлением в Баку под угрозой физической расправы. В панике, не успев прихватить даже теплого одеяния грудным детям, в домашних тапочках, а то и босые, в легких халатах, снежной зимой, оскорбленные и перепуганные, ни в чем неповинные и конечно разгневанные люди, согнанные с родной земли, изгнанные из своего дома, были брошены на произвол судьбы. Поезд бедствия, нашего общего бедствия - мчал их через границу двух республик".

Многие из беженцев приходили в Союз писателей, с просьбой о помощи, защиты, устройстве, мы помогали, чем могли, отдали целиком свой дом творчества в Мардакянах

беженцам, но как можно было помочь такой огромной массе людей в одночасье потерявших все.

Участь беженцев колыбель под вагоном, над релсами

Вернусь, однако, к началу конфликта. Как только в середине декабря мы в Баку узнали, что в газете “Юманите” опубликовано сообщение о парижском выступлении Аганбекяна, мы собрались в Союзе писателей: решили обратиться к Горбачеву. В подготовленном мною 9 страничном письме говорилось о том, что Карабах издревле является азербайджанской землей, что ныне в составе Азербайджана НКАО гарантированы все политические, экономические и культурные права. Мы требовали выразить отношение ЦК КПСС к провокационному выступлению Аганбекяна. Письмо подписали, помимо меня, Мирза Ибрагимов, Сулейман Рустам, Бахтияр Вагабзаде, Наби Хазри, Исмаил Шихлы, Гусейн Аббасзаде, Эльчин.

Через несколько дней мне позвонил тогдашний Второй секретарь ЦК КП Азербайджана В.Коновалов и сообщил, что М.Горбачев получил наше письмо и заверяет азербайджанских писателей, что никакой перекройки границ не будет.

Однако 20 февраля 1988 года в Степанакерте состоялась внеочередная сессия Совета народных депутатов НКАО. Сессия обсудила следующий вопрос: “О ходатайстве перед Верховным Советами Азербайджанской ССР и Армянской ССР о передаче НКАО из составе Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР”.

В решении сессии было сказано: Идя навстречу пожеланиям трудящихся НКАО, просит Верховный Совет Азербайджанской ССР и Верховный Совет Армянской ССР проявить чувство глубокого понимания чаяния армянского населения Нагорного Карабаха и решить вопрос о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР, одновременно ходатайствовать перед Верховным Советом Союза ССР о положительном решении вопроса передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР”.

24 февраля 1988 года на совещании в ЦК, проводившемся с участием прибывших в Баку кандидата в члены Политбюро, Первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР П.Н.Демичева и секретаря ЦК КПСС Г.П.Разумовского, выступил и я.

- Если конституционно утвержденная автономия и все права Нагорного Карабаха в составе Азербайджана гарантированы - сказал я, то у 200 000 азербайджанцев, компактно проживающих в Армении, нет никакого административного образования и правового обеспечения, мы требуем образования автономной области азербайджанцев в Армении.

К сожалению, в этом вопросе никто не поддержал меня, напротив, один из наших руководящих функционеров попенял: “Мы еще должны решить проблему Карабаха, а ты подбрасываешь вопрос о Зангезуре”.

Между тем, если бы тогда мы подняли вопрос об автономии Зангезура-Гейчи, то заняли бы не оборонительную, а наступательную позицию. Через некоторое время, как об этом уже говорилось выше, самым жестоким образом были изгнаны ВСЕ, поголовно все азербайджанцы из Армении и у нас не осталось никакого паритетного шанса.

Все доводы о якобы притеснениях армян в НКАО были абсолютно несостоятельны. Первым и третьим секретарями обкома были армяне, вторым - русский. Армяне возглавляли и облисполком и, только один из заместителей Председателя был азербайджанец. В Ханкенди, переименованным в Степанакерт, были армянский вуз и армянские школы, действовал армянский драматический театр, издавались газеты на армянском и русском языках (на азербайджанском языке таковых не было). Названия улиц, учреждений в столице области значились только на армянском и русском. Общий уровень жизни населения в области был выше, чем в остальном Азербайджане. Так о каком национальном неравноправии, дискриминации могла идти речь? Если и имели место таковые в тогдашнем НКАО, то только в отношении азербайджанского населения. Но свою заветную мечту о присоединении Нагорного Гарабаха к Армении, деятели “Крунка” (организации действующей за отрыв Карабаха от Азербайджана) и идеологи так называемого “миацума” - обосновывали экономическими, культурными причинами. На самом деле эти требования преследовали единственную цель, во что бы то ни стало - включения области в состав Армении. Это ясно видно из решения Областного совета НКАО о выходе Нагорного Карабаха из состава Азербайджана, решения учитывающего только истинные или навязанные им желания армянского населения области, будто бы составляющую четвертую часть населения НКАО азербайджанцев вообще не было. Решение Облсовета НКАО было тотчас аннулировано Верховным советом Азербайджанской ССР с одобрения высшего руководства страны.

Но так как слухи вокруг карабахского вопроса не утихали, нам пришлось вновь обратиться к Горбачеву. Обращение на двенадцати страницах, подготовленное мною подписали Мирза Ибрагимов, Сулейман Рустам, Агшин Ализаде, Фархад Халилов, Владимир Абрамян (редактор журнала “Гракан Адербеджан”), Лутфияр Иманов, Максуд Ибрагимбеков, Бекир Набиев, Наби Хазри, Бахтияр Вагабзаде, Эльчин, Ариф Меликов, Муслим Магомаев, Зейнаб Ханларова, Фидан Касумова, Окюма Гурбанова, Эльдар Гулиев, Фархад Бадалбейли, Полад Бюльбюль-оглу, Гасан Турабов.

М.Горбачев уверял не только творческую интеллигенцию, но и руководство республики, что никакой перекройки границ не будет.

А армяне не оставляли своих коварных замыслов. Сильва Капутикян и журналист-террорист Зорий Балаян смогли попасть на прием к последнему Генсеку. Работавшая в ту пору в “Литературной газете”, верный друг нашего народа Людмила Лаврова рассказывала, что Зорий Балаян примчался с аудиенции в редакцию “на крыльях”. Собрал сотрудников редакции, информировал их о встрече с Горбачевым. Не случайно, что на это собрание не были приглашены ни Людмила Лаврова (в отличие от всех других заведующих отделами), ни единственный тюркоязычный представитель в редколлегии, башкирский писатель покойный Ахияр Хакимов.

Позднее, в пору моего депутатства в Москве, мы встретились с А.Яковлевым, считавшимся идеологом и архитектором перестройки. Он, в частности, сказал: “Сильву Капутикян я знал еще со времен, когда работал послом в Канаде. Она позвонила мне и сказала, что хочет вместе с Зорием Балаяном придти ко мне. Пришли. Потом они и с Горбачевым встретились. И Горбачев, и я сказали, что Нагорный Карабах ни под каким видом не будет передан Армении”.

Впоследствии с Горбачевым встретились и мы втроем - академики Мидхат Аббасов, Адиля Намазова и я. И услышали от генсека те же заверения.

Если все так, то в чем причина “окрыленности” Зория Балаяна после хождения к Горбачеву? Я могу только предположить, что, наверное, Горбачев, повторив ту же заезженную формулу, с присущей ему словесной эквилибристикой, дал понять, чтобы визитеры не опускали рук, готовили общественное мнение и прочие рекомендации, то бишь, чтобы и “волки были сыты и овцы целы”.

Сейчас, когда читаешь документы тех лет, диву даешься, знакомясь с некоторыми текстами, особенно со словами, произнесенными М.С.Горбачевым.

18 июля 1988 года в Кремле под председательством А.А.Громыко состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. В нем приняли участие депутаты Верховного Совета СССР от Азербайджана, Армении, ряда других республик. Участвовал и выступал также М. С. Горбачев. Особенно любопытна его полемика с ректором Ереванского Университета С.А.Амбарцумяном. (Не путать этого Амбарцумяна, ректора Ереванского Университета со знаменитым астрономом Виктором Амбарцумяном, с которым меня познакомил Мирза Ибрагимов на сессии Верховного Совета. Они очень тепло беседовали и помню, В. Амбарцумян выразил удовлетворение, что Ленинакану вернули старое название Гюмри. О Карабахе - ни слова).

- Здесь часто упор делается на то, как меняется демография, состав населения, - говорит М.Горбачев. - Известно, что азербайджанцев в Армении живет не менее, чем армян в Нагорном Карабахе. Так что же, будем и там создавать автономную область (почему бы нет? - А.)

- Скажите, - обращается он к С. Амбарцумяну, - в начале века сколько процентов в Ереване составляло азербайджанское население?

С.Амбарцумян: Затрудняюсь сказать

М.Горбачев: - Вы обязаны знать. Я вам напомню - 43 процента азербайджанцев было в Ереване в начале века. Сейчас какой процент азербайджанцев?

С.Амбарцумян: Сейчас очень мало. Наверное, один процент.

В Кремле Анар, М.Ибрагимов, Президент Академии Наук Армении В.Амбарцумян

М.Горбачев: И я при этом не хочу обвинять армян, что они выжили азербайджанцев. Видимо, какие-то шли процессы, в которых вообще надо разобраться. Для вас Нагорный Карабах - это колыбель, так сказать, одна из опорных точек армянской нации. Но ведь из Шуши, из Карабаха, вышли и композиторы, и многие другие деятели искусства Азербайджана. Да разве можно отрывать интересы армянского народа Нагорного Карабаха, от интересов Азербайджана, всей страны?

Помощник Первого Секретаря ЦК КП Азербайджана, известный журналист С.Перец был свидетелем и такого разговора между М.Горбачевым и С.Амбарцумяном. Михаил Сергеевич решительно отвергает его слова о геноциде армян и говорит, что среди азербайджанцев погибших гораздо больше.

Так же резко М.Горбачев обрывает Председателя Союза писателей Армении Вардгеса Петросяна, когда тот называет сумгаитские события попыткой геноцида.

- Геноцид - эта определенная политика, расовая, организованная, а не стихийная - возражает он В.Петросяну. - В Сумгаите бесчинствовали отбросы общества. Почему же выходку бандитов вы хотите приписать всему Азербайджану? О каком геноциде можно говорить? Вы же знаете, что такое Слово, его вес. Вы такие обвинения бросаете, что потом будете сожалеть всю свою жизнь. И еще к вам вопрос. В вашем выступлении и в других выступлениях сквозит мысль о том, что проблемы Нагорного Карабаха могут быть решены только путем передачи его Армении. Скажите, а другого пути не дано?

В.Петросян: Михаил Сергеевич, я его не вижу.

М.Горбачев: Скажем, приняли бы мы такое решение, как вы предлагаете. Я условно говорю. Но 400 тысяч армян останется в Азербайджане, из них 207 тысяч в Баку. 500 тысяч армян живут в Грузии. Как с ними быть? Их надо тоже передать Армении?

В.Петросян: Тут другое дело.

М.Горбачев: Как быть тогда с таджиками, которые живут в Узбекистане, и с узбеками, которые живут в Таджикистане? Сколько азербайджанцев живут в Грузии, товарищ Гилашвили?

П.Гилашвили: До 500 тысяч.

М.Горбачев: Как с ними быть, они живут на границе с Азербайджаном, их легко отделить. Мы же должны в реальном контексте смотреть на все эти явления жизни.

Кстати, именно на том совещании В.Петросян донес Горбачеву, что националистические и антиармянские настроения в Азербайджане разжигает Анар.

Я тогда не был союзным депутатом, а когда стал им, то союзным депутатом уже не был В. Петросян. Армянскому писателю ответил Мирза Ибрагимов, защитив меня от самого страшного обвинения советской системы в национализме. Мирза Ибрагимов также вспомнил на той встрече античную мудрость: Когда боги гневаются на какого-то, то прежде всего отнимают у него разум. Камешек был явно в сторону армянских притязаний.

19 февраля 1988 года в Ереване состоялся антиазербаджанский митинг с лозунгом “Очистим Армению от турков”.

В тот же день - 19 февраля 1988 года - состоялся митинг в Баку впервые за все годы советской власти не санкционированный властями. И тут власти вспомнили про интеллигенцию, обратились к писателям и поэтам Бахтияру Вагабзаде, Исмаилу Шихлы, Халилу Рзе, Юсифу и Вагифу Самедоглу, Эльчину, Айдыну Мамедову, Сабиру Рустамхан-

лы, Нусрету Кесеменли, ко мне. В тот февральский день я выступил на митингах дважды - на Мейдане - тогдашней площади Ленина (ныне площадь Свободы) и перед зданием тогдашнего ЦК (ныне Президентский дворец). Народ собрался стихийно, протестуя как против армянских притязаний на Карабах, так и на слухи об уничтожение леса Топхана в Шуше. На мой взгляд, это были самые искренние митинги из всех позже состоявшихся, ибо он состоялся по естественному желанию самого народа, без какого-либо вмешательства властей и еще не были задействованы определенные силы, диктующие массам свою волю.

На митинге на площади. И.Шихлы, З.Бунядов, Анар, В.Самедоглы, Халил Рза и др. 1989 г.

На сессии Верховного Совета СССР

Политолог Расим Агаев пишет: “На Мейдане стихийно образовалось множество групп из беженцев, студентов, учителей и т. д. Многотысячная толпа очень быстро осознала свою силу и стала проявлять признаки неуправляемости. Свистом и криками участники митингов производили селекцию выступающих. Любимыми ораторами были писатель Анар и поэт Бахтияр Вагабзаде. Нелюбимыми - все, кто плохо го-

ворил по-азербайджански. Так митинговая стихия сделала этнически однородной общественный протест, что отстранило от участия в политическом процессе русскоязычную азербайджанскую интеллигенцию и резко ослабило интеллектуальный потенциал общеазербайджанского сопротивления армянскому вызову".

Расим Агаев, Зардушт Али-заде. Конец Второй республики (1988-1993) Москва 2006. стр. 96)

Не для бахвальства, а для того, чтобы наглядно воссоздать настроение людей в те дни приведу цитату из газеты "Молодежь Азербайджана" (8 марта 1988). Газета публикует такой диалог по телефону "Доверия":

"- Говорят, Анара сняли

- Сами-то верите?

- Он наша гордость, наша совесть, быть того не может.

- Ну вот видите. Кстати, 14 марта ему исполняется полвека. В "М.А." планируют поместить беседу с ним по этому случаю в ближайшее время".

Газета "Молодежь Азербайджана" редактируемая замечательным журналистом покойным Наджафом Наджафовым (после его преждевременной смерти Союз писателей учредил премию его имени) и газета "Азербайджан" под редакцией Сабира Рустамханлы, сыграли огромную роль в формировании нового национального мышления на этом этапе.

Эпиграфом к Самиздатскому сборнику "Ветен", посвященному событиям тех дней, были поставлены мои слова: "Сегодня (19 февраля) - праздник нашего народа, праздник единства, праздник самоутверждения".

Для меня неожиданным было признание литературоведа и критика Назиф Алекперова: *"Как ни странно идеалом филологической молодежи в те годы был не Абульфаз, а Анар. Мы тогда недостаточно осознавали диссидентское движение. Диссидентское мышление было для нас чем-то недостижимым, как "далекий зеленый остров" (слова из песни Вагифа Самедоглу - А). Что касается позиции, меня привлекало гражданское достоинство и умение выражать это в своих текстах и выступлениях. Анар блестяще справлялся с этим. Его печатное слово оказывало значительную помощь в формировании национально-прогрессивных мнений. Например, ознакомившись с его эссе о Франции, мы убедились, что у нас была эмигрантская одиссея. В сравнении с мастерами шаблонов, славословий и панегириков, выступления Анара были настоящей революцией".*

Газета "Мухалифат"10 марта 1993

Академик Российской Академии Наук, известный хирург Мамед Алиев, обращаясь ко мне на юбилейном вечере в ЦДЛ вспоминал: "В 90-е годы был очень напряженный момент в жизни общества, и я оказался в числе инициативной группы, мы искали человека, к которому можно было обратиться, чтобы снять напряжение, успокоить толпу. Мы искали вас. Я пришел к вам в больницу. Вы лежали с перевязанным лицом, у вас было, кажется, воспаление уха. Вы сказали, что сейчас вы не можете идти, у вас температура, но вечером вы уже были на площади. Вы сказали свое слово, и таким образом мы избежали многих проблем, которые могли бы возникнуть".

В те дни, я действительно вернулся в Баку из Ленинграда с воспалением уха и лежал в больнице. Помимо эпизода, рассказанного уважаемым Мамед муаллимом, в те же дни

пришлось обратиться к митингующим на площади с письменным посланием. Мое обращение к голодающим с настоятельной просьбой прекратить голодовку прочел на Площади Сабир Рустамханлы. Эти кадры запечатлены в документальном фильме Заура Магеррамова “Мейдан”.

МЕЙДАН БУШУЕТ. МИТИНГИ

Митинги, начавшиеся в феврале 1988 и достигшие своего пика в ноябре-декабре того же года, были истинным проявлением народной воли, подтверждением Права народа на жизнь по своему усмотрению, а не по навязанным ему сверху нормативам. Беспрерывные митинги с 17 ноября по 6 декабря 1988 года, когда площадь насильно, правда без кровопролития, была очищена от митингующих, зарубежная пресса окрестила как “Огузский эпос XX века”. Эти митинги вели в основном Сабир Рустамханлы и Неймат Панахлы. (В дальнейшем их судьбы сложились по-разному, Сабир ныне депутат Милли Меджлиса, Неймат - в тюрьме).

Эльчин и Анар

В февральские дни 1988 года мы с Эльчином выступили по Азербайджанскому телевидению. Официальная пропаганда в те дни все еще была заполнена тошнотворными призывами к дружбе между азербайджанским и армянским народами, в то время как армянская официальная пропаганда всячески разжигала вражду к азербайджанцам. Поэтому мы с Эльчином на этой передаче иронически процитировали популярную песню: “сени севеджейем, сен севмесен де (“я буду любить тебя, если даже ты не любишь меня”), адресуя эти слова к отношениям азербайджанцев и армян. Эта передача вызвала большой резонанс как в Азербайджане, так и в Армении.

Я и позже много раз выступал в связи с карабахским вопросом по Азербайджанскому телевидению и три-четыре раза по Центральному ТВ, в том числе и в программе “Позиция” Генриха Боровика, а также в популярной турецкой передаче “32-ой день” Мамед Али Биранда. Именно выступления по бакинскому и московскому телевидению вызывали бешеную злобу некоторых армян, которые писали мне весьма безграмотные письма с угрозами и оскорблениями. Часть из них я опубликовал в книге “Пленник века”. Покойный Вели Мамедов писал, что против Анара выступают как армяне, так и наши.

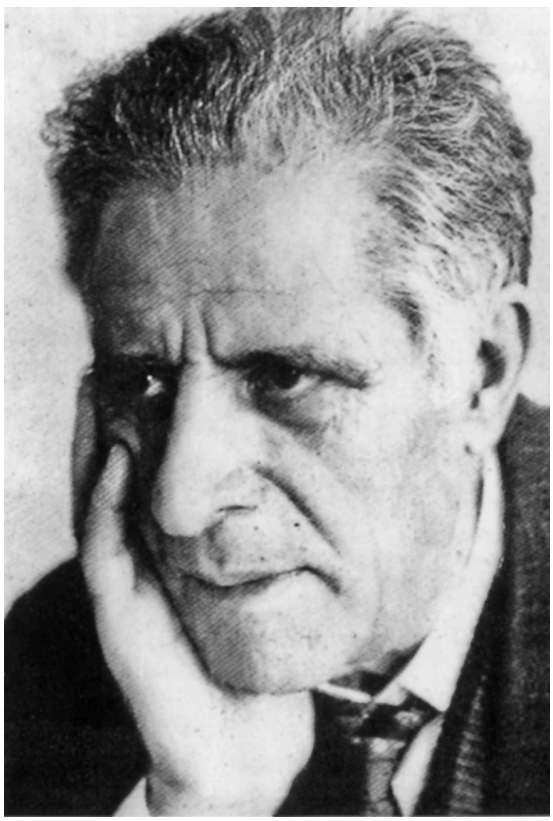
Власти уже не были в состоянии в чем-то перечить интеллигенции, но зато объявились наши новые недоброжелатели.

Уже не является секретом причастность КГБ СССР к организации протестных движений по всему Союзу, в том числе и в Азербайджане. Так вот, внедренные КГБ люди

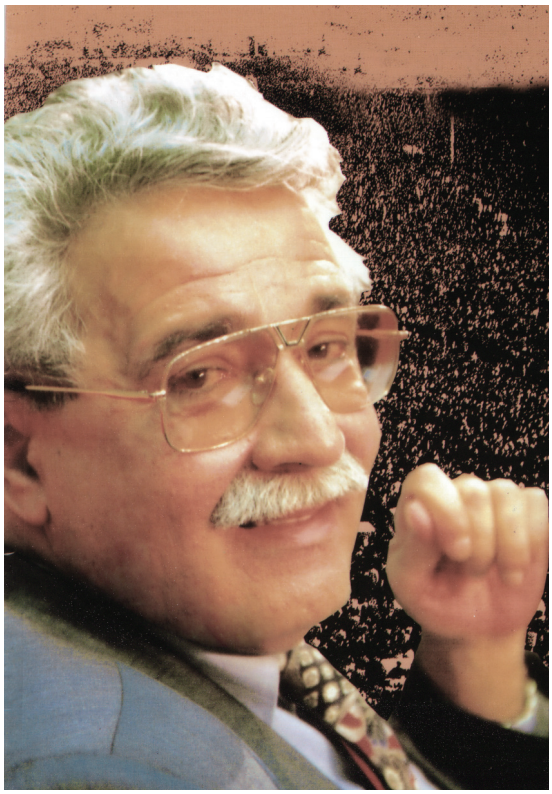
Исмаил Шихлы

на митингах стали всячески шельмовать представителей нашей интеллигенции, с тем, чтобы отстранить их от Народного движения. Эта удавалось им лишь частично, ибо по-прежнему самыми популярными ораторами на митингах были Бахтияр Вагабзаде, Халил Рза, Юсиф и Вагиф Самедоглу, Сабир Рустамханлы, Айдын Мамедов, Камал Абдулла, академик Зия Буньядов, ученый Худу Мамедов и многие другие яркие представители творческой и научной интеллигенции. Большую роль в народном движении сыграли востоковеды Абульфаз Алиев (позже принявший фамилию Эльчибей и избранный президентом Азербайджана), Иса Гамбаров, Зардушт Ализаде, историк Этибар Мамедов, филолог Диляра Алиева, журналисты Наджаф Наджафов, Сирус Тебризли, физик Тофик Гасымов, нефтяник Сабит Багиров, милицейский работник Искандер Гамидов, рабочий завода имени Шмидта Неймат Панахов и другие. Позже они стали активными руководителями Народного фронта, но сам Народный фронт был создан по инициативе писателей. Под воззванием о его создании стоят подписи четырех писателей - Исмаила Шихлы, Мамеда Араза, Юсифа Самедоглу, Сабира Рустамханлы.

Мамед Араз

Одной из самых популярных фигур в те годы, “влюбленным в Свободу” как он окрестил себя сам, был рабочий Неймат Панахов, несомненно, обладавший и харизмой и определенной эрудицией в области азербайджанской и турецкой поэзии, способный управлять толпой и направлять ее. Пользуясь полной деморализацией властей, особенно пограничных структур, Неймат вырвал кусок колючей проволоки с пограничной с Ираном полосы и если не ошибаюсь, преподнес его Бахтияру Вагабзаде, что конечно, прибавило популярности обоим. Я уже слышал о нем, но воочию увидел в моем кабинете в Союзе писателей, где мы проводили совещание с участием представителей общественности. Помню, Неймат почему-то выступал против Комитета по Карабаху, который мы на-

Юсиф Самедоглы

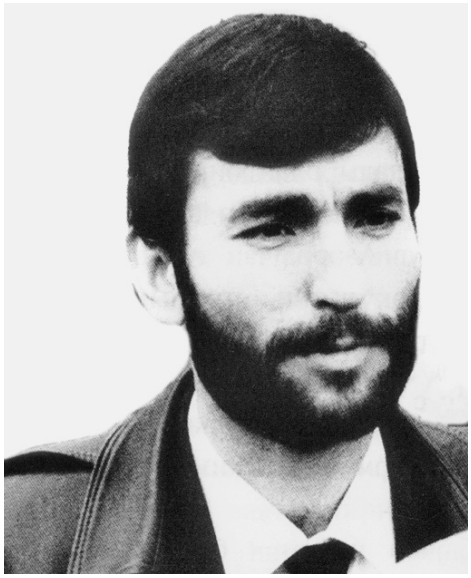
меревались создать. В другой раз я видел его на каком-то совещании, проходившем в здании Верховного Совета. Почему-то на этот раз он обратился ко мне весьма учтиво и просил дать возможность встречаться, ибо якобы, нуждался в моих советах. Я, конечно, согласился, но вскоре он вместо получения советов, сам стал давать их нам, вернее даже не советы, а наставления как себя вести писателям. Ближе я узнал его во время поездки в Ирак в связи с юбилеем Физули. После прихода к власти Г.Алиева он был назначен на какую-то малопонятную должность Советника в Президентском аппарате. Былой бунтарь Площади вел себя весьма дисциплинированно, строго соблюдая субординацию в отношении руководителя нашей делегации, Заместителя Премьер Министра, писателя Эльчина и Министра Информации и печати поэта Сабира Рустамханлы, своего бывшего напарника по проведению митингов. Пафосный оратор на Площади оказался не лишенным чувства юмора. Он в то время стал увлекаться йогой. По утрам вставал на голову вверх ногами. Я слышал, что во время митингов он командовал людям - “встаньте, сядьте” и те покорно выполняли его команды. Так вот, как-то утром, когда Вагиф Самедоглу увидел Неймата в позе йога, тот сказал: хорошо что, в те дни я еще не занимался йогой, а то заставил бы всю площадь стоять вниз головой и вверх ногами.

Как-то в Багдаде и я разговорился с ним, мы долго беседовали о Физули, о суфизме. Я убедился, что это неординарный человек, со своеобразным мышлением, так сказать самородок. Но самородок с необъятными амбициями и непредсказуемым характером, что, в конечном счете, может принести обществу больше вреда чем пользы. И все же я не хотел бы, чтобы Неймат сидел в тюрьме. В последние годы он стал писать стихи и печатал их, в том числе, и в нашем молодежном журнале “Улдуз”.

Сабир Рустамханлы

Таким же самородком является, на мой взгляд, и Панах Гусейнов, но в отличие от

Неймат Панахов

Панах Гусейнов

Неймата в те годы еще не получившего высшего образования, Панах обладает университетским дипломом. Конечно, непростительно, что во время пребывания у власти (то ли Государственного секретаря, то ли Премьер Министра) Панах по высокомерию или по невежеству спросил: Тофик Кулиев? А кто это такой? - и это стало не только притчей во языцех, но и оттолкнула от него интеллигенцию - как же можно служить Азербайджану не зная, кто такой композитор Тофик Кулиев, на песнях которого выросло не одно поколения нашего народа.

Недавно, уже в наши дни, один из высокопоставленных чиновников позволил себе заявить: А кто такой Рустам Ибрагимбеков, чтобы ему не нашлось альтернативы?

Меняются режимы, воюют между собой власть и оппозиция, но среди тех и этих, порой возникают люди с одинаково пренебрежительным отношением к прославленным представителям интеллигенции. В этом они единодушны. Мне кажется до того, как назначать людей на высокие должности, необходимо предварительно объяснить им КТО ЕСТЬ КТО…

Отдельные мысли и соображения Панаха, с которыми довелось порой знакомиться в газетах, убеждали меня в том, что от природы это одаренный и по-своему мыслящий человек. Беда подобных людей, в том, что, во-первых, они в слишком раннем возрасте познают вкус неожиданной власти и теряются от возможностей, которые им даже не снились. Во-вторых, непонимание незыблемых и постоянных ценностей в культуре, не подвластных политической или пропагандистской конъюнктуре. И, в-третьих, имеет, несомненно, значение и социальное происхождение, которое только в редких случаях (один из таких редких случаев феномен Абульфаза Эльчибея) не приводит к фатальной ненависти ко всем элитным сословиям.

РЕВНОСТЬ К ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Кандидатом в Председатели Народного фронта в качестве альтернативы Абульфазу Эльчибею был выдвинут писатель Юсиф Самедоглу. Но сам Юсиф снял свою кандидатуру. Позже, когда возникла мысль о выдвижении его кандидатуры на президентских выборах, Юсиф также отказался от этого, отшутившись: “Если я выдвину свою канди-

датуру, меня, несомненно, изберут Президентом, но кто тогда будет работать на этой должности?"

Естественно, это было проявлением природного благородства и деликатности Юсифа Самедоглу, но в реальности руководители позже расколовшегося на несколько партий Народного фронта (за исключением самого Абульфаза Эльчибея и некоторых других) в целом ревниво относились к писателям, открыто проявляли какую-то зависть к их популярности, старались всячески дискредитировать их в глазах народа, таким образом устранить от движения, чтобы затем упрекать их же в неучастии в политических процессах.

Прославившиеся на митингах парой популистских выступлений ораторы никак не могли переварить заслуженный и завоеванный годами праведных трудов и усилий авторитет деятелей культуры и науки.

Геолог и шахматист профессор Чапай Султанов (вышеприведенные слова не относятся к нему, он на митингах, насколько мне известно, не засветился) в своей по-своему интересной книге "Нашествие", в которой он собрал немало значительных фактов и скрупулезно выстроил летопись событий, однако, весь запас своего сарказма и желчи обрушил на азербайджанских писателей, конкретно на Бахтияра Вагабзаде, Юсифа Самедоглу, Анара, хотя из-за их высокого рейтинга в народе, не осмелился назвать конкретные имена.

"Известный поэт, один из тех, кто своими горячительными призывами звал людей на митинги, впоследствии вспоминал, что во время январских событий 1990 г. то ли плюнул, то ли хотел плюнуть в лицо советскому генералу. Словом, запамятовал".

Это камешек в адрес Бахтияра Вагабзаде.

"Другой известный азербайджанский писатель, спрашивает в статье "Ностальгия по Баку", "Литературная газета" за 29 мая 1991 г. "Я пользуюсь трибуной Литгазеты, чтобы задать простейший вопрос, и пусть бывшее руководство республиканской прокуратуры мне ответит: кто конкретно привлечен к ответственности за погромы 13-14 января из организаторов, а не исполнителей? Ведь не возбуждено ни одного уголовного дела, по крайней мере в печати я об этом ничего не читал". Оказывается, вот в чем, по его мнению, была проблема! Врагов, как всегда надо искать среди своих! Эту его мысль, со ссылкой на него, часто впоследствии цитировали армянские источники".

Это камешек в адрес Юсифа Самедоглу.

"Известный писатель на фоне январской трагедии народа занимался самолюбованием, выставляя себя этакой романтической личностью, современным Печориным. "Скажу так, - говорит он, - моя юность окончилась в 1956 году, когда наши войска вошли в Венгрию. Молодость - в 1968 году, когда была Чехословакия… У меня сейчас такое чувство, что жизнь окончилась бакинским январем…" Дальнейшая жизнь сложилась ничуть не хуже предыдущей и довольно прозаически - единомышленник всех правителей Азербайджана, депутат всех Верховных Советов и Милли меджлисов, т. е. всегда "на плаву".

А это камешек в мой адрес. (Все эти цитаты из книги "Нашествие" стр. 568-569.).

Таким образом Чапай Султанов подтверждает свои же собственные справедливые слова: "Врагов, как всегда, надо искать среди своих". Я могу понять людей, которым были до "лампочки" агрессии в отношении Венгрии и Чехословакии, но почему же нерав-

нодушное отношение к этим событиям они считают романтикой, или… самолюбованием (?! - А.). Демонстрируя свою эрудицию (знает про Печорина) и, иронизируя над моими словами, сказанными в связи со страшным эмоциональным потрясением в январе 90 года, Чапай Султанов недоволен тем, что я после этого не только продолжаю жить дальше, но даже избираюсь депутатом. Да, действительно, Бог определил мне судьбу всегда, - как выражается Чапай, - быть "на плаву" и честно служить своему народу на всех этапах и при всех властях.

Упрек, который порой предъявляется представителям интеллигенции, и мне в том числе, сводится к тому, что ни одна из следующих друг за другом властей не уничтожила нас. И не задумываются над тем, что если бы представители интеллигенции служили бы не истине, а кому-либо из сменяющих друг друга властелинов, то следующая власть враждебная по отношению к предыдущей, преследовало бы их. Подлинную интеллигенцию характеризует верность своим убеждениям, чувство справедливости и собственного достоинства, а не лояльность к тем или иным властям. Не понимают или не хотят понять, что власти нуждаются в известных представителях интеллигенции, а не наоборот.

И все же в чем причина озлобления Чапая Султанова и иже с ним против известных представителей интеллигенции? Именно в этом вот слове, которое присутствует во всех трех процитированных выше текстах - слове "известный". "Известный поэт", "известный писатель" - вот эту популярность в народе ни за что не хотят простить.

"Первоначально общим для всех интерпретаторов как бы "мейданного" мнения была интеллигенция, преимущественно литературная", - признается Расим Агаев. Но из этого очевидного факта делает странные выводы.

"Условно азербайджанская элита состояла как бы из двух интеллектуальных слоев: собственно сельских интеллигентов-националов, выросших в сельской среде и воспитанных на традициях народной культуры, и европейски ориентированной азербайджанской русскоязычной интеллигенции, являвшейся продуктом удачного взаимодействия мусульманской сущности и русско-европейского образования".

Непонятно только, почему националы из сельской среды не могут быть европейски ориентированными и как мусульманская (именно так, по религиозному принципу) сущность взаимодействует с русско-европейским образованием?

Глубокоуважаемый мной Расим Агаев вводит даже новое определение "евразийских азербайджанцев", но при этом делает, на мой взгляд, неожиданный вывод. Оправдывая сталинскую политику прикрепления крестьян к колхозам, к земле применительно к Азербайджану, Расим считает, что такая политика дозировала наступление в Баку крестьянской массы (то есть коренного населения Азербайджана).

Забвение же заветов "вождя народов" привело к тому, что "роль Баку как традиционного центра распространения современной культуры Азербайджана утрачивалась тем быстрее, чем стремительный был отток из города собственно европейского элемента - евразийских азербайджанцев, русских, евреев и др. ".

Я вот думаю, была бы возможной такая постановка вопроса в Грузии или Армении со стороны представителей элиты этих народов? Вряд ли…

Какими бы иносказаниями, косвенными доводами не обосновывалась такая позиция (кстати, ее разделяют многие) она, по существу сводиться к мысли, что Баку был пре-

красным культурным, хоть и не азербайджанским городом. Теперь же он стал городом азербайджанским, но потерял свой былой космополитически-культурный облик.

Бахтияр Вагабзаде

Расим Агаев прав, когда констатирует противоречие между русскоязычными и родноязычным (я тоже введу новое определение) азербайджанцами. Корни этого антагонизма восходят к советской системе образования. Еще в те годы мы неоднократно говорили: необходимо добиться, чтобы в русских школах изучали азербайджанский язык основательно, а в азербайджанских школах также основательно русский. В этом случае мы имели бы полновесную, гармонично развитую интеллигенцию, а не “евразийских азербайджанцев” или “сельских националов”. Но теперь, надо исходить из реальности и не относиться пренебрежительно к тем азербайджанцам, которые не достаточно владеют русским языком и не считать знание этого языка единственным критерием культурности.

Расим Агаев пишет: “Тот же Б.Вагабзаде, приводивший в состояние экзальтации многотысячную толпу на площади в Баку, был совершенно беспомощен за пределами республики, где требовались свободное знание русского или иностранного языка, другой уровень мышления, другие формы общения”.

Во-первых, я не знаю, где наблюдал Расим беспомощность Вагабзаде за пределами республики, если он один из самых популярных азербайджанцев, скажем в Турции, которая, как известно, также находится за пределами республики. Во-вторых, слабое знание русского языка еще не определяет уровень мышления, которое у Вагабзаде не уступало уровню мышления его оппонентов. И, в-третьих, как можно столь высокомерно и неэтично отзываться о поэте, к голосу которого прислушивались миллионы соотечественников в самые ответственные моменты истории.

Если мы все же считаем Азербайджан своей родиной, то многие ли из “евразийских азербайджанцев” чувствуют себя комфортно за пределами Баку, в районах и деревнях, где надо говорит со своим народом на его языке?

Не менее “сердит” на интеллигенцию и второй автор книги политолог Зардушт Ализаде. Для него все академики, Народные поэты и писатели, цвет национальной элиты, одним словом все, кто не входит в узкий круг его партийных единомышленников - “статусная интеллигенция”. Упрек З. Ализаде к азербайджанским литераторам сводится к тому, что мы не писали в “стол”. Если бы Зардушт Ализаде, кстати весьма грамотный и эрудированный политолог, более объективно подошел бы к вопросу и ознакомился (если до этого не знакомился) с очень большим количеством опубликованных произведений азербайджанских писателей, то убедился бы, что они по своей гражданской смело-

сти, по неприятию советского режима ничем не уступают тем сочинениям, которые иные писатели прятали в “стол”. Мы не держали “кукиши в кармане” и народное движение, участием в котором гордится Зардушт, во многом формировалось под влиянием идей, книг и выступлений писателей и поэтов Азербайджана.

Подобные выпады - характерный показатель среднестатистических стереотипов мышления в отношении знаковых фигур интеллигенции, чьи “лавры” не давали покоя новоиспеченным политактивистам… С подобными “патриотами” мне довелось встречаться и в Москве. Я имею ввиду столичных азербайджанцев, давно потерявших все связи с исторической родиной. Почти не владея или плохо владея родным языком, они всю свою ущербность в этом отношении переносили как раз таки на исконных выразителей, защитников и носителей языка - азербайджанских писателей и поэтов. Да и о том, что они азербайджанцы, подобные люди вспомнили только потому, что после этих роковых событий представители других народов стали относиться к ним негативно именно как к азербайджанцам. И всю свою накопившую злость эти неофиты-азербайджанцы переносили на нас - азербайджанских депутатов, когда доводилось встречаться с ними.

Хочу подчеркнуть, что конкретно Чапая Султанова, Зардушта Ализаде и тем более Расима Агаева я не отношу к категории подобных людей. Расим Агаев как раз объективно отмечает полезную деятельность Т.Исмаилова, Р.Ибрагимбекова, Анара в качестве Народных депутатов СССР (стр. 136).

Я отделяю так же от ярых недоброжелателей интеллигенции, депутатов, тех представителей так называемого простого народа, которые простодушно полагали, что мы способны решать все проблемы, но не решаем их. Как точно заметил трагически погибший Айдын Мамедов, замечательный ученый, активный участник народного движения, один из самых ярких ораторов на площади и в Парламенте: “Наш народ хочет видеть своих героев или на трибуне или на виселице”. То есть, все иные формы борьбы, кроме жерт-

Народные депутаты СССР от Азербайджана

венности и публичных выступлений, не воспринимаются как реальные действия во имя достижения общенациональных целей.

(Кстати, насчет виселиц. Сейчас мало кто вспоминает, что именно в январские дни 90 года некоторые представители Народного фронта воздвигли у входа в здание ЦК три виселицы (правда, символические) имея ввиду А.Везирова, А.Муталлибова, Э.Кафарову).

В связи с антинациональными и интеллигентоненавистными настроениями у определенных полуинтеллигентов я хочу коснуться одной книги под названием “Бакинские этюды”, которая недавно попалась мне в руки. Прочел и ужаснулся. Автор, которого не буду называть, несомненно талантливый и грамотный молодой человек (а это еще более опасно, ибо образованный фанатик хуже фанатика-невежды. Разве герр Геббельс или товарищ Суслов были неграмотны?) Автор, полностью зомбированный теологическим образованием суннитского толка в Турции и поэтому, несмотря на шиитское большинство населения Азербайджана, считает, что “наиболее подходящим для нас является турецкий ислам”. Впрочем, его не удовлетворяет и турецкий ислам. “После антиисламской политики Ататюрка и Иненю от всего ислама в Турции остались только “суфийские крохи”, - уверен он.

Но это еще только цветочки, ягодки впереди. “Бакинские этюды”- квинтэссенция воинственной азербайджанофобии. Узкорелигиозным подходом автор отвергает все исторические, духовные, культурные, литературные ценности Азербайджана от “Книги моего деда Горгуда” до наших дней.

Вот несколько перлов из книги: “Кое-какие фокусники от философии пантюркизма хотят вместо Корана подсунуть нам “Книгу Горгуда”, Пророка Мухаммеда заменить каким-нибудь древним суррогатом вроде “бозгурда”, а на место Аллаха “посадить” не совсем понятное божество Тенгри? “

Коран священная книга нашей религии, но кто, когда, где пытался заменить его “Книгой Горгуда” и почему такой хамский тон в отношении гениального эпоса? Каким образом и кто мог допустить сравнения Пророка с бозгурдом? А Танры такое же обращение к исламскому Богу как Аллах, только на родном языке тюрков. И, вообще, кто этот автор - азербайджанский тюрок или араб?

“Если не вдаваться в романтические размышления и разглагольствования о том, что Южный Азербайджан когда-то был нашим - хотя это зависит от того, с какой стороны посмотреть (привет от иранских шовинистов - А.) - то у Северного Азербайджана за последние 500-600 лет был шанс стать не только цивилизованной страной, но и страной с четкими и хорошо разработанными религиозными воззрениями. Я имею в виду государство Ширваншахов с его феноменальной арабо-ирано-тюрко-кавказской (!-А.) культурой. Но культурным людям редко когда удавалось победить дикарей. И тогда сначала Каракаюнлу, а затем и Сефевиды устроили здесь бойню. Ширван не смог долго продержаться”.

Стоп. Каракоюнлу и Сефевиды, с престольными городами Ардебиль и Тебриз, где процветали знаменитые школы поэтов, художников-миниатюристов, музыкантов, ученых, - это что - культура дикарей?

Дальше - больше. Оказывается Низами, один из величайших поэтов и вовсе не был художником слова.

“Низами стихи-то сочинял, потому что таков был язык проповеди для светских людей его времени, а поэзия сама по себе была ему мало интересна” (автор точно владеет информацией об интересах Низами, который написал пять больших поэм из-за равнодушия к поэзии. - А.)

“Один из величайших политических авантюристов своего времени Фазлулах Наими”, - это об учителе великого Насими. (Привет от осудивших обеих к мучительной казни - А.).

“Наша интеллигенция, зациклившись на “азербайджанстве”, как заведенная твердила о Бабеке, который обеспечил нам двадцатилетнее отставание от прогрессивного в свое время арабо-исламского мира”… “Емелька Пугачев-Бабек… (Привет от Серо Ханзадяна - А.).

“Гениальный” Хатаи, который, как настоящий Антихрист, всю свою жизнь посвятил истреблению мусульман и уничтожил ширванский ренессанс”.

“Пошленькие стишки Вагифа” (это о великом Молла Панахе -А.).

Так же презрительно отзывается автор о М.Ф.Ахундове и А.Бакиханове: “Современная азербайджанская интеллигенция сформировалась, главным образом, на базе русско-европейских ценностей… Не будь в их и в последующие времена влияния офранцузившейся турецкой интеллигенции, а затем и советского влияния, фамилии вышеозначенных азербайджанских гуманистов (Ахундова и Бакиханова - А.) наверняка были бы забыты”.

Эти слова будто высказаны одним из персонажей Мирзы Фатали. Они возвращают нас в доахундовский мир Азербайджана, где “властителями дум” определенной части населения были Молла Ибрагим Халил или Дервиш Мастали-шах.

С неприязнью отзываясь об азербайджанцах воспитанных на русской культуре, автор все же пишет свою книгу именно на этом языке и при этом обращаясь к словам из азербайджанского языка делает, - как бы это помягче выразиться - весьма причудливое заявление: “А слова “гурур”? Кто имел дерзость превознести это понятие над всеми нравственными ценностями нашего народа? Какой глупец или хитрец заменил чувство собственного достоинство - “иззет”и внутреннюю серьезность “вугар” на тупую гордыню и самодовольство “гурур”.

Никак не хотел бы обидеть или оскорбить молодого автора, но должен заметить, что тут явно требуется вмешательство психиатра. Достойные слова “иззет” (почесть, честь,) “вугар” (степенность, серьезность, важность, гордость) имеют свое значение, как и не менее достойное слово “гурур” (гордость, величие). И почему именно это слово, имеющее такое же право на существования, как и другие аналогичные слова, испокон веков выражающие самые лучшие нравственные ценности нашего народа, вызывает у автора такое раздражение?

Вообще, всему духовному и культурному богатству нашего народа автор противопоставляет только религиозные, а точнее, суннитские ценности, причем делает это таким образом, что поневоле могут отвратить каждого от религии.

“Нет такой ценности, включая нацию или государство, которая могла бы быть равной вере по своей значимости, - пишет автор. - По сравнению с верой, все остальное просто ничто”…

К числу “ничто” автор относит всю мировую, и особенно европейскую культуру от мастеров итальянского Ренессанса, Леонардо да Винчи до Булгакова, Солженицына… и даже до Бахтияра Вагабзаде. Досталось и балету: “И появились поколения людей несе-

рьезных, богемных, развратных, без высоких идеалов. И что тогда ждать от человека, который называет балет духовностью? Раз получаешь духовное наслаждения от балета, то ты несерьезный и развратный человек. (Привет от Туркменбаши, запретившего балет. - А.) Балет может и красив, и эстетичен, и воспитывает душу в искании красоты, но это не есть духовность. А всего лишь наука (балет - наука? - А) и высокая интеллектуальная эмоция (!? -А.). Духовность же состоит в вере".

"Для мусульманина есть только один пример для подражания (только один! - А.) Пример идеальный и, конечно же, недостижимый. Это пророк Мухаммед. Для одних он воинственный вождь, а для других - восточный примитив. Последние нередко смачно восхищаются гением Достоевского или Баха, но при этом, совершенно не осведомлены о том, что казалось бы, должны знать в первую очередь".

При всем глубоком уважение к пророку Мухаммеду, поистине великому человеку, по какой логике можно и нужно противопоставлять его гениям литературы и музыки - Достоевскому или Баху.

"Божьим избранником может стать только тот, кто избрал Бога и предпочел Его всему остальному" - пишет автор. И в то же время утверждает что "Ренессанс - это, прежде всего, свобода мысли и самовыражения. Там, где нет этой свободы, нет свободы выбора, нет альтернативы - нет и ренессанса. Никакого!"

Как же соотносится этот плюрализм и толерантность с ранее заявленными категорическими императивами. Хороша свобода мысли в "кабале святош"!

И как обычно, дремучее невежество сочетается с лютой ненавистью к интеллигенции, которая для этого автора трусовата, номенклатурна, только тем и занята, что разглагольствуя о нравственности ради ничтожных должностей и путевок (? -А.), пишут доносы друг на друга. "И нуждается ли народ в услугах такой интеллигенции"- выносит автор свой приговор (Привет от Гитлера и Геббельса - А.).

И еще о нашей интеллигенции: "Эта она предала свой народ. Эта она предала свой язык".

На предыдущих страницах этой работы я специально прослеживал борьбу за родной язык азербайджанской интеллигенции, и в первую очередь литераторов, на разных этапах истории. Благодаря им и сохранился язык с ненавистным автору словом "гурур" (гордость). Чтобы отрицать это, надо потерять окончательно какие-либо остатки совести. "Инсаф динин йарысыдыр" говорит наш народ (совесть - половина веры). Если нет половины веры, то, вероятно, отсутствует и другая ее половина и все слова о приверженности ей - сплошное лицемерие.

Можно заполнить целые страницы, отмечая все несуразности этой книги, вроде того, что автор жалуется на отсутствия памятников (а ведь был против скульптур, как образцов искусства гяуров) Аббасу Мирзе - воевавшему с русскими и генералу Мехмандарову - царскому генералу, не оказавшему сопротивление XI Красной армии. А как видит автор решение Карабахской проблемы? В возрождении албанской церкви, чуть ли не на государственном уровне, которая убедит христианский запад не обижать мусульманский Азербайджан - ведь он тоже когда-то был христианским.

Еще одно открытие автора: "Многие из нас относят себя к исламу не из любви и уважения к Аллаху, а из любви и уважения к предкам, А это уже есть культ предков, то есть одна из форм язычества".

Итак, “ни в коем случае не уважайте своих предков”, - это проявление типичных умонастроений части современной молодежи с ее хамским отношениям ко всем предшественникам.

А в чем, по-вашему, величие Физули? В его бессмертной поэзии? Отнюдь. В том, что, он “закончил жизнь, подметая полы в гробнице одного из потомков Пророка?”

Вот таким и видится автору предназначение интеллигенции - подметать полы.

Любовь к Богу - это не рабство и унижение, а наоборот, утверждение своей человеческой гордости (гурур), как венца творения Всевышнего. Любовь к Богу - это и не декларирование этого чувства, а работа во имя благородных целей, в том числе и за честь своей нации, за его язык, культуру, дух, гордость.

Обидно, что довольно таки эрудированный молодой человек застрял в VII веке нашей эры. Оказывается, современная эрудиция не панацея от средневекового обскурантизма.

В этой работе я пытался проследить, каким образом национальное самосознание нашего народа в течении почти целого века переходило от самоощущения “уммет” (община) к самоощущению миллет (нация) и вот, пожалуйста, уже в XXI веке, манипулируя жупелом “советизма” представитель нового поколения (родившийся в 1973 году), отрицает все национальное во имя приоритета одной лишь религии. По этой логике если есть Коран, можно сжечь Александрийскую библиотеку, если есть мечеть, то зачем ходит в театр, на концерт, выставку.

Какой народ во имя религии отказывается от своего национального культурного наследия? Уж не говоря о христианских народах, разве те же арабы отказались от сказок “1001 ночи”, а персы от “Шахнаме”? Почему же мы должны противопоставлять Коран “Книге моего деда Горгуда”?

Характерно, что и коммунистическая и теократическая идеология борются с “Книгой моего деда Горгуда”, как наиболее ярким воплощением национального духа.

Вообще между выпускниками теологических институтов и Высших партийных школ советского времени - много общего. Такое же зомбированное сознание, зацикленное на определенных догмах, при полной слепоте и глухоте в отношении всего остального мира. Религиозное и коммунистическое мышление объединяет еще одно - это отказ от собственного выбора, трусливое перекладывание своих проблем на плечи религиозных или партийных авторитетов. Второе сближавшее их качество - это попытка нивелировать национальное начало во имя интернационалистских или религиозных приоритетов, за которыми всегда стоят интересы какого-нибудь одного, господствующего народа, пытающегося всем навязать свою ментальность, свой язык (русский, арабский, фарси). Наш автор, свободно владеющий арабским и русским, а своим родным - по собственному признанию - в убогом виде, соответственно относится и к национальным ценностям.

Может и не стоило уделять столько места одной книге, но она, на мой взгляд, наглядный показатель определенной системы взглядов, которая довольно-таки широко распространена в современном обществе. Особенно среди молодого поколения.

И вот, другой молодой писатель называет Физули шарлатаном, М.Дж.Мамедкулизаде - коллаборационистом, оскорбляет Самеда Вургуна непотребными словами. Я уж не говорю о грубых и наглых нападках на всех более или менее заметных представителей интеллигенции. Союзу писателей пришлось не раз выступить против подобных выходок, вплоть

до исключения зарвавшихся хамов из числа членов нашей организации. В свое время пришлось также принять обращение в защиту чести и достоинства почивших и живущих деятелей литературы, искусства (см. статью “Культура в опасности” в этом томе).

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ В ЭПИЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ

Став руководителем Союза писателей 18 июня 1987 года, я по ритуалу тех времен был избран осенью того же года депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР от Ярдымлинского района. Хотя это избрание, как и вся система выборов в советское время, носила формальный характер, я в течении двух лет старался кое-что сделать для удовлетворения нужд ярдымлинцев. Но уже через два года, в 1989-ом году в условиях гласности, я в честной и трудной борьбе был избран Народным Депутатом СССР, постоянным членом Верховного Совета, одним из пяти членов от Азербайджана в Совете Союза.

В разных ситуациях я всегда поддерживал здоровые силы Народного фронта и конструктивную оппозицию в целом. Однако, они в своей прессе всячески травили и продолжают поныне травить меня за то, что я во многом не разделяю их позиции. В отличии от моих неизменно стабильных убеждений, суть их целей порой трудно уловить. То они были за Г.Алиева и против Везирова с Муталлибовым, то стали против Г.Алиева, теперь выступают защитниками прав Муталлибова, которого сами же свергли. Еще более неустойчива позиция отдельных представителей оппозиционной прессы. Те журналисты, которые яростно выступали против меня за лояльность к властям, через короткое время стали самыми активными апологетами и рупорами той же самой власти. Журналист, ставший альтернативным мне кандидатом во время выборов в Милли Меджлис в 1995 году, потерпев поражение, разразился большим пасквилем против меня под заглавием “Министр литературы и лжедепутат”, опубликованным, разумеется, в газете “Азадлыг”. Главным образом он упрекал меня за то, что я не выступал против властей. Сейчас сей молодой (теперь уже не очень молодой) человек самый сладкоголосый телесоловей тех же самых властей, против которых когда-то так яростно бунтовал.

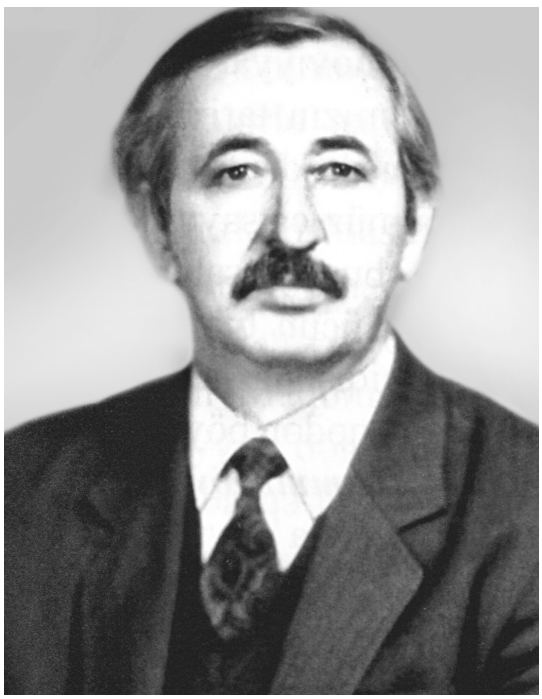
Как говорил Джон Кеннеди: Прощайте своих врагов, но никогда не забывайте их имен.

На трех выборах - в Верховный Совет СССР в 1989 году и дважды в 1995 и 2000 годах в Милли Меджлис Азербайджана оппозиция выставляла своих кандидатов в качестве альтернативы мне. Следовательно, считают меня своим политическим оппонентом. Я ничего не имею против этого. Но тогда на каком же основании они требует от меня полного согласия с их взглядами, причем время от времени меняющимися?

До того, как были оформлены и тем более зарегистрированы какие-либо политические партии, в том числе и Народный фронт, самую активную роль в общественно-политических процессах играл Союз писателей. Партийные органы, даже самые высшие из них, потеряли доверие народа, и все свои проблемы, беды, надежды люди несли в Союз писателей. Именно наш союз организовывал встречи между азербайджанскими депутатами Верховного Совета СССР и руководителями Народного фронта. У меня сохранилась магнитофонная запись одной из таких встреч в Союзе писателей, в которой приняли участие Народные депутаты СССР покойные Мидхат Аббасов, Тофиг Исмаилов, Вели Мамедов,

Трагически погибшая в автокатастрофе член Союза писателей Диляра Алиева, активная участница народного движения

Трагически погибший в автокатастрофе член Союза писателей Айдын Мамедов, активный участник народного движения

а также я и представители оппозиции Иса Гамбар, Тофиг Гасымов, Хикмет Гаджизаде, Айдын Мамедов. Недавно, прослушивая эту запись, я внутренне улыбался, ибо оппозиционеры говорят, что их главная цель укрепление социализма, поддержка перестройки и гласности. Я не обвиняю их, ведь и Черный Январь 1990 года и Ходжалы 1992 года были еще впереди.

Когда возникла напряженность между коренными бакинцами и хлынувшими в город несчастными беженцами из Армении, мы организовали встречу в Союзе Писателей авторитетных людей с той и этой стороны и добились снятия этой проблемы.

Именно не куда-нибудь, а в Союз писателей устремлялись толпы беженцев как из Армении, так и из Карабаха, и мы старались по мере своих возможностей помочь им. Мы разместили беженцев в нашем Доме Творчества в Шувеляне и они до сих пор проживают там. По инициативе Союза писателей был созданы Комитет “Гайгы” (“Забота”) сперва по моему предложению под председательством врача, профессора Нурадина Рзаева и его заместителя партийно-государственного работника Тофика Багирова. Затем по предложению А.Везирова председателем этого Комитета стал академик Имам Мустафаев. По инициативе Союза писателей был создан и Комитет “Карабах” под председательством Народного писателя Байрама Байрамова.

В конце февраля мы поехали в Москву на Пленум Союза писателей СССР. Была договоренность с армянскими представителями, чтобы на Пленуме не поднимались вопросы, связанные с Карабахом. Тем не менее, я не смог удержаться и в своем выступлении сказал: если верить притязаниям наших соседей на наши земли, то предки азербайджанцев обитали на дне Каспийского моря. Это вызвало бурю возмущения со стороны армянских писателей. В Москве же мы услышали о сумгаитских событиях, повлекших гибель ни в чем неповинных людей.

Необходимо, однако, отметить, что первыми

жертвами Карабахского противостояния стали двое погибших юношей Бахтияр Гулиев и Али Гаджиев, застреленные милиционером-армянином и 19 раненных азербайджанцев 24 февраля в Аскеранском районе.

Возникшую опасность большего кровопролития по этому поводу, предотвратила Председатель колхоза имени Ленина, Герой Социалистического Труда Хураман Аббасова. Вот что писала "Комсомольская правда"от 27 марта 1988 года:

"Колонна продвигалась к машине вплотную, когда на капот поднялась невысокая женщина, ее узнали. То что, произошло дальше похоже на легенду. Хураман ханым сняла светлый, золотой ниткой украшенный платок и подняла его над головой. По древнему обычаю платок женщины, символ материнской чести, предотвращал кровопролитие. Сейчас не вспомню дословно, что сказала тогда Хураман ханым. Помнят другие. Мы записали со слов многих: "Убейте меня! - кричала она. - Растопчите платок! И только тогда идите, деритесь. Если сможете перешагнуть - идите"! Толпа повернула назад. Говорят, мужчины плакали. Какой-тот парень попробовал проскочить мимо нее. И она дала ему пощечину. Потом, в зале заседаний райкома партии Хураман ханым потеряет сознание".

Это сообщение в "Комсомольской правде" вдохновило Евгения Евтушенко на стихи. Фрагмент из его стихов "Платок":

Такой обычай выстрадан Кавказом:
Когда резня,
Когда погром жесток,
Швыряет милосердный
Женский разум
свой неприкосновенный платок
Так сорвала ты,
Хураман ханым,
Платок с головы,
рыдая богоданно,
Как будто Ярославна из Агдама.
Когда вокруг теряли честь и ум
Такой платок переступить -
позор.

На это выстраданное стихотворение известного русского поэта ответил своими виршами некий Карен Огандж -рифмоплет из Степанакерта.

Достаточно небольшого отрывка, чтобы убедиться в "художественном" уровне стихотворения и в моральном облике автора:

Евгению Евтушенко в ответ на твой "Платок"

За творчеством твоим Евгений
Слежу второй десяток лет
Скажу тебе прямо: ты не гений
Хоть и особенный поэт.

Уж который раз встречаю
Истертого ума излишки
И удрученно вновь читаю
Твои тщедушные мыслишки.
Сегодня вижу, что с Кораном
Такой имеешь ты роман
Что спутал русский град с Агдамом
Как Ярославну с Хураман.
Исламский дух под Аскераном
Отпор христовый получил
Шакальным маршем под Кораном
Себя от мира отлучил.

Ну и т. д. в том же духе.

Никчемные сами по себе эти так называемые стихи, однако являются признаком того, что межэтнический, межнациональный конфликт кое-кто из армян упорно пытается перенести в плоскость межрелигиозной вражды. Цель ясна и проста - таким вот образом подчеркнуть свою общность с православной Россией и христианским Западом, в противовес Исламскому миру, в котором, однако, армяне всегда чувствовали и сейчас чувствуют себя весьма комфортно - и в Турции, и в Иране, и в арабских странах. Мне совсем не хочется приводить цитату из Грибоедова, ибо негоже оскорблять целый народ, но к отдельным представителям армянского народа, слова русского драматурга и дипломата подходят очень точно. В рапорте от 11-13 сентября 1819 года Грибоедов писал поверенному в русских делах в Персии Мазаревичу: “Что за подлое отродье эти армяне. Никто из них и знать меня не хотел, а при этом всегда на ухо шепчут, что мы их будущие покровители. Хорошее протеже. Они нас продают тем же персам, которые готовы их распинать и варить под любым соусом”.

За эти слова памятник Грибоедову в Ереване был взорван, хотя и сам он погиб из-за армян, предоставив убежище двум армянкам из гарема в русском посольстве в Тегеране.

СУМГАИТ

Сообщение о сумгаитских событиях в газете “Бакинский рабочий” (3 марта 1988) было такое: “Как уже сообщалось , 28 февраля в Сумгаите группой хулиганствующих элементов были спровоцированы беспорядки. В противоправные действия оказались вовлеченными неустойчивые, незрелые люди, попавшие под влияние провокационных слухов, подстрекательских разговоров вокруг событий в Нагорном Карабахе и Армении. Воспользовавшись обстановкой разгула стихии и эмоций, уголовные элементы совершили бандитские действия. Произошли трагические события, имеются жертвы”.

Было уточнено, что погибло 32 человека, 26 армянской, шестеро азербайджанской национальности. Следует отметить, что насилия в Сумгаите были резко осуждены представителями азербайджанской интеллигенции, в том числе и писателями.

“Нет оправдания преступным элементам, повинным в страшных событиях в Сумгаите. Мы гневно осуждаем виновников этой трагедии”, - говорилось в нашем письме, опубликованном в газете “Советская культура” 23 июля 1988 года.

Тем не менее, армянские средства массовой информации, Народные депутаты СССР от Армении постоянно обвиняли нашу интеллигенцию якобы за безразличие к сумгаитскому кровопролитию.

На первом же съезде Народных депутатов Г.Игитян обрушился с грубыми выпадами на азербайджанский народ за события в Сумгаите. Мы выступили с протестом, и Игитяну пришлось извиниться. На этом же съезде впервые выступил я. Сказав в начале несколько слов об исторической принадлежности Карабаха Азербайджану, я затем коснулся событий в Сумгаите: “Неоднократно сурово и решительно осуждая преступления в Сумгаите, мы требуем осудить и гораздо менее известные советской и мировой общественности факты насилия, жестокости в отношении азербайджанцев в Армении. Именно из-за халатного отношения к выполнению служебного долга, например, не удалось своевременно предупредить беспорядки в Гукарском районе Армении, где убито 8 азербайджанцев”, - говорится в интервью начальника Главного следственного управления СССР, опубликованном в газете “Известия” 5 января 1989 года. Всего же во время трагических событий в Армении и Азербайджане на почве межнациональных столкновений погибло 83 человека, среди которых - 48 азербайджанцев, 32 армянина и 3 представителя других народов (газета “Красная звезда” 24 февраля 1989 г.). Почему бы Игитяну, взывающему к совести других, не спросить у своей собственной совести, разве азербайджанский народ виноват за действия сумгаитских убийц, в числе которых был и армянин? Или разве армянский народ виноват за убийство и изгнание азербайджанцев из Армении? Я говорю это с единственной целью - довести до сведения всех присутствующих, что у нас не меньше причин для горьких обид и глубоких страданий, но мы не хотим вечной напряженности, противостояния”.

Председатель правления Союза архитекторов Армении, депутат А.Г.Григорян, выступая на том же Первом съезде Народных депутатов, СССР говорил: “Ни одного искреннего слова сочувствия мы так и не услышали от них (т. е. от нас - А.) В то время на многочисленных митингах в Баку требовали: “Свободу героям Сумгаита”, а Первый секретарь правления СП Азербайджанской ССР Анар в интервью газете “Фигаро” заявил: “Если бы Сумгаита и не было, все равно армяне придумали бы его”. И далее, для основания своей мысли дошел до того, что объявил армян нацией мазохистов. Вот вам позиция довольно яркого представителя сегодняшней азербайджанской интеллигенции, секретаря Союза писателей СССР, Народного депутата СССР. Позиция, фактически оправдывающая убийства 300 тысяч армян во время погромов 1895-1896 гг. полутора миллионов жертв геноцида 1915 года, который до сих пор не признан и не осужден в СССР, убийства 60 тысяч армян, зарезанных и сожженных в Баку и Шуше в 1920 году. Так можно оправдать и длившуюся трое суток трагедию в Сумгаите, расположенного всего в тридцати минутах езды от столицы Азербайджанской ССР” (Стенограмма Первого съезда Народных Депутатов СССР. Стр. 330).

Об искажении моих слов в “Фигаро” насчет мазохизма я уже говорил. После одного из моих выступлений С. Амбарцумян бросил мне реплику: - Ведь мы армяне - мазохис-

ты. - Я этого не говорил, - ответил я, - но у самих армян есть пословица: -Ин тех хай, ин тех вай (где хай (армянин) - там вай (бедствие - А.).

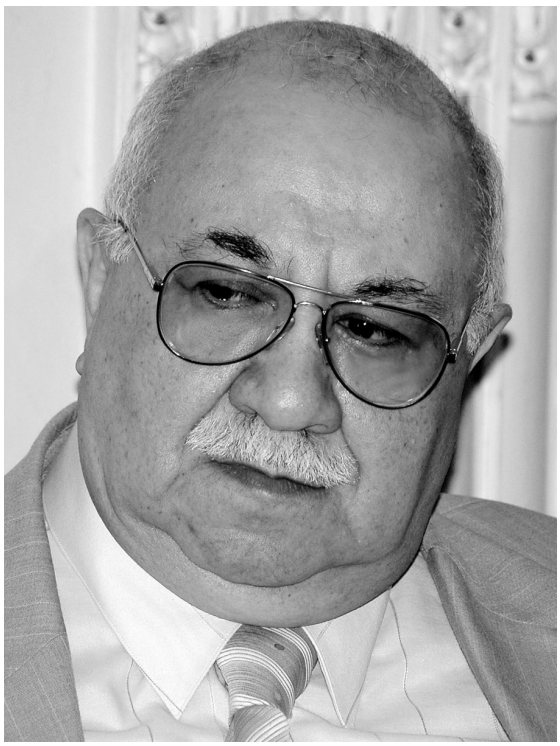
У С.Амбарцумяна отвисла челюсть.

Спекулятивные рассуждения А.Григоряна о “геноциде” и так далее, не имели никакого отношения к моему интервью французской газете. Что касается слов о Сумгаите, то действительно армяне во всю использовали эту трагедию в своих корыстных целях.

Косвенно это признал и М.Горбачев: “Мы уже вели переговоры о новом статусе НКАО, и тут последовали беспорядки в Сумгаите”, - сказал он.

Об этом убедительно говорил и писатель Максуд Ибрагимбеков на заседании Совета по межнациональным отношениям журнала “Дружба народов”. Вот отрывки из его речи, опубликованной на страницах этого журнала: “Кровавые события в Сумгаите грянули как гром среди ясного неба. Но неожиданными они были не для всех. За день до начала событий в Сумгаит прибыли люди с кино- и видеокамерами. Съемочный день у них начался вовремя. В Сумгаите в тот страшный день снимался фильм! И сняли.

Некоторое время назад этот фильм был показан в Швеции. Умопомрачительный изобразительный ряд фильма дополняется звуковым, ужасающее воображение не менее сильно. Так, один из героев фильма описал с экрана обалдевшим шведам сцену убийства своего друга Миши и его жены, очевидцем которой он, разумеется, был. После того как Мише с женой отрубили головы, тридцать азербайджанцев набросились на их юную дочь. По очереди изнасиловав ее, они разрубили ее на мелкие куски, развели в мангале огонь, приготовили и с аппетитом съели шашлык из человечины. “Вы не представляете, что нам приходится терпеть от этих зверей! - сказал в заключении очевидец Габриэлян.

Магсуд Ибрагимбеков

Фильм был показан во всех странах Европы и Америки, где имеются армянские колонии, во всех, кроме Советского Союза. Цель достигнута. Стоит ли удивляться, если после просмотра у зрителей, к тому же подготовленных средствами массовой информации, возникает справедливое желание изгнать людоедов не только из Нагорного Карабаха, но и вообще из Закавказья”.

Наводят на размышления и такие факты: за несколько дней до “стихийного” разгула погромщиков, многие состоятельные армяне заблаговременно сняли со счетов в сберкассах свои весьма значительные вклады.

В том же выступлении М.Ибрагимбеков приводит и другой пример, ясно показывающий как формируются такие ложные сведения о чудовищных злодеяниях.

“За несколько дней до своего приезда в Баку академик Сахаров в интервью по радио сообщил всему миру, что в Азербайджане в очеред-

ной раз убивают армян. На этот раз в Кировабаде. Убито 193 человека, ранено 187, и в связи с убийствами в Кировабаде потребовал сформировать вооруженные отряды самообороны из армянского населения… Нагорного Карабаха. В числе приглашенных на встречу с ним был и я. Спрашиваю, Андрей Дмитриевич! Вам уже известны факты, из которых явствует, что в Кировабаде погибло восемь человек, известны и фамилии, и национальная принадлежность каждого из погибших, три солдата - русский, белорус, украинец, один азербайджанец, женщина азербайджанка с ребенком и два армянина. Разве это мало, восемь человек? Откуда же вы взяли число 193? Сахаров на это ответил, что действительно ошибся и согласился, что с цифрами следует обращаться осторожно. Кто сообщил ему первоначальное число погибших, он не сказал. Не сказала этого и принимавшая самое активное участие во встрече его жена - Алиханян-Бонэр, дама строгая и судя по некоторым деталям и реакции Сахарова, решительная до чрезвычайности".

Насилие против азербайджанцев, их массовые убийства уже в те первые годы карабахского конфликта были совершены не только в Гукарском, но и в других районах Армении, но об этом мир ничего не ведал. Армянская лжепропаганда, надо отдать ей должное, во всем мире поставлена на славу.

То, что мы столкнулись с очень сильным противником - является неоспоримым фактом. Фактом является и то, что мы не извлекли никаких уроков из наших прошлых противостояний с армянами в 1905 и в 1918 гг. И шапкозакидательское бахвальство, вроде того, что "армяне трусливы, да мы их погоним одними дубинками" дорого обошлось нам, наивно утешая себя строчками Пушкина: "Ты раб, ты трус, ты армянин".

Не учли мы и фактор мощного армянского лобби в Москве, в США, во Франции, да и во всем мире. Даже в Турции, не говоря уже об Иране. Причем армянское лобби в разных странах политически абсолютно беспринципно, или вернее было бы сказать: у него лишь один принцип - армянские интересы. Так, например, в избирательной компании Дж. Буша и его соперника Майкла Дукакиса, армяне делали ставку и на того, и на другого. Тогдашний губернатор крупного штата Калифорния Джордж Дукмекчян, конгрессмен Пашаян и другие влиятельные армянские деятели пытались добиться рассмотрения Нагорно-карабахской проблемы на сессии Совета Безопасности ООН, разумеется, с армянских позиций.

Конечно, Сумгаит - наша боль и трагедия. Никакие политические расчеты их организаторов, никакие их преднамеренные планы и затеи, не могут быть оправданием этих злодеяний и не мешают нам выразить свою искреннюю скорбь по всем погибшим. Но по тщательным, непредвзятым исследованиям, по обнародованным позже документам вырисовывается несколько иная картина этих событий. Уникальное значение в этом смысле имеет книга "Сумгаит. Начало краха СССР" тогдашнего Государственного обвинителя по сумгаитскому делу Аслана Исмаилова.

Весьма важным обстоятельством в сумгаитских событиях, подчеркиваемое автором на основе достоверных фактов, является решающее участие в организации погромов армянина Эдуарда Григоряна. Отнюдь не пытаясь хоть в какой-то мере оправдывать погромщиков-азербайджанцев, невольно задаюсь вопросом, откуда, по какой причине такая оголтелая, патологическая ненависть этнического армянина к своим сородичам? Ведь именно он находил и указывал своей банде адреса армян, именно он руководил

расправой над ними самыми изощренными, садистскими средствами? То, что Эдик Григорян был так сказать “профессиональным уголовником”, дважды был осужден за хулиганство и кражу, отсидел свой срок, объясняет его жестокость, безжалостность, но отнюдь не объясняет его особую ненависть к представителям своей собственной нации.

По показаниям подсудимых, Эдик в тот страшный день раздавал им наркотические таблетки, вел их по армянским кварталам, вытаскивал из кармана списки адресов армян, подстрекал участников банды к самым жестоким действиям в отношении несчастных людей.

На основе многих фактов Аслан Исмаилов считает Э.Григоряна исполнителем воли определенных структур КГБ, которые были заинтересованы как в обострении конфликта между Азербайджаном и Арменией, так и в развале СССР в целом.

В пользу этой версии говорит и то, что одного из рядовых участников банды азербайджанца Ахмеда Ахмедова судили не в Баку, а в Москве, приговорили к расстрелу и немедленно расстреляли, а главаря банды Григоряна приговорили лишь к 12 годам заключения, но через короткое время отправили в Россию, а оттуда в Армению. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Армянские националисты стали прибегать к традиционным для них методам терроризма. 16 сентября 1988 года взорвалась бомба с часовым механизмом в автобусе “Икарус”, следовавшим из Тбилиси в Баку. Погибли пять человек, включая грудного ребенка, 27 человек, среди которых женщины и дети, были тяжело ранены.

Журналист-террорист Зорий Балаян лично инструктировал наемников, устроивших взрыв в бакинском метро. Среди погибших в метро был известный джазовый музыкант Рафиг Бабаев. Это только два примера из многочисленных террористических акций, которые устраивали армянские боевики на территории Азербайджана.

Осенью 1988 года Армению постигла большая беда. В результате страшного землетрясения в Спитаке погибло много людей. Несмотря на всю горечь накопившихся за эти годы обид, подавляющее большинство нашего народа восприняла эту весть с искренним и естественным сочувствием к жертвам стихийного бедствия. Азербайджан один из первых предложил помощь пострадавшим.

Рано утром 11 декабря мощный военно-транспортный “ИЛ-76” с 70 спасателями, двумя грузовиками, палатками, спальными мешками, продовольствием, запасом горючего туда и обратно, вылетел в Армению. Самолет потерпел крушение, погибли, включая членов экипажа, 50 азербайджанцев, 13 лезгин, 11 русских, двое татар, армянин и еврей.

Никто из Армении, в том числе представители столь “чуткой на сочувствие” армянской интеллигенция, не выразили хоть одного слова соболезнования в связи с этой катастрофой. Фактически никто за пределами Азербайджана и не узнал бы об этом. Лишь в “Комсомольской правде” (29 ноября 1988) журналист Н. Киселев в статье “Рейс беды и долга” рассказал о трагедии. На сессии Верховного Совета СССР я показал его статью Олжасу Сулейменову. Выступая, он сказал об этом впечатляющие слова и выразил удивление отсутствием соболезнования с соответствующей стороны. Нашлись люди, которые стали нас упрекать: “Почему же не вы, азербайджанские депутаты, а Олжас говорил об этом? “

Но ведь ясно, что гораздо эффективнее, если о нашей беде говорим не мы сами, а выступает представитель другой республики. На речь Олжаса армянские депутаты отреагировали шулерским способом. Дело в том, что в те же дни над Арменией разбился югославский самолет, также летевший туда в связи со Спитаком. “Мы же выразили соболезнование югославам”, - сказал армянский депутат, будто не понимая, о чем и о ком говорил Олжас.

Должен сказать, что Олжас Сулейменов был едва ли не единственным депутатом, который во всем поддерживал нас на сессиях Верховного Совета.

ПЕРЕМЕНЫ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Стремительное усиление напряженности между двумя республиками заставило Москву еще весной того года заменить партийных руководителей Азербайджана и Армении. 21 мая 1988 года бывший посол СССР в Пакистане Абдуррахман Везиров заменил но посту Первого Секретаря ЦК КП Азербайджана Камрана Багирова. В тот же день в Армении пост партийного руководителя республики вместо Карена Демирчяна занял Сурен Арутюнян.

Я был давно знаком с А.Х.Везировым, еще с тех времен, когда он был Первым Секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана, а затем одним из секретарей ЦК ВЛКСМ в Москве. Во время поездки в Индию по командировке Союза писателей СССР я побывал и в Калькутте, где Абдуррахман Халилович работал Генеральным Консулом СССР. Мы много общались, вместе ездили в резиденцию Р.Тагора в Шантиникетон. Он рассказывал о закулисной “сладкой” жизни московского политического бомонда, впервые от него я услышал о зяте Л.Брежнева Чурбанове. Везиров с большим уважением отзывался о Гейдаре Алиеве, который, по его словам, поддержал его назначение на дипломатическую службу. Позже он присылал мне письма и открытки с поздравлениями на праздники или в связи с публикациями моих работ в Центральной прессе. Я также неизменно отвечал на эти письма и поздравления.

Избранный Первым секретарем ЦК КП Азербайджана, он в один из первых дней на работе, позвонил мне и попросил устроить его встречу с интеллигенцией в Союзе писателей.

Такая встреча состоялась. Я уже как-то писал о некоторых специфических особенностях этой встречи, не хочу повторяться. Могу сказать, что А.Везиров, был по натуре демократическим человеком, но в нем крепко сидела комсомольская закваска, некоторая импульсивность в отношении серьезных политических проблем. Уязвимым местом его было слабое владение азербайджанским языком, из-за чего он допускал ляпсусы, которые превращались в анекдоты. Сейчас, когда он не у власти, мне не хочется особо касаться недостатков в его работе, тем более потому, что когда я написал о его встрече с Гейдаром Алиевым в Москве, во время перерыва в фойе Кремлевского дворца, встрече, живым свидетелем которой я был, он сильно обиделся, написал мне сердитое письмо.

Но я хорошо помню, во время этой встречи в фойе Кремлевском Дворца Съездов уж отправленный в отставку Гейдар Алиев говорил только что избранному на должность Первого секретаря Везирову:

“Да, работа у тебя будет трудная. Решить карабахский вопрос - дело нелегкое”, на что Везиров отвечал: “Ничего, Гейдар Алиевич, мы решили вопрос с Афганистаном, решим и Карабахский вопрос”.

Он имел ввиду, что работая послом СССР в Пакистане, принимал участие в решении афганской проблемы.

Не хочу углубляться в этот вопрос, но так как пребывание у власти А. Везирова было ознаменовано весьма важными событиями в общественно-политической жизни республики, не могу хотя бы бегло не поделиться своими мыслями по этому поводу. В другое время А. Везиров, может быть, был бы нужным работником (конечно, не первым лицом) в Азербайджане, принес бы определенную пользу республике в силу своих обширных связей в Москве. Помню, во время Сессий Верховного Совета он то и дело тепло общался со многими ответработниками: это такой-то министр, это такой-то работник ЦК, это секретарь такого-то Обкома, знакомил он и меня со своими друзьями. Помню и такой эпизод.

- Ты знаешь, кто это такой? - спросил он однажды во время перерыва, указывая на одного человека. - Нет, - сказал я, -не знаю. - Это помощник Горбачева Шахназаров, настоящий коммунист, интернационалист.

Прошло где-то около полгода. Опять же во время перерыва он спросил: - А ты знаешь кто это? - Знаю, - ответил я -помощник Горбачева Шахназаров. - Да, отъявленный националист, дашнак, - отчеканил Рахман Халилович.

А.Везиров, как говорится, оказался не на том месте и не в то время. Время требовало решительных и самостоятельных действий, а он всецело полагался на волю Горбачева и отклонял всякие альтернативные варианты, которые ему предлагались. Правда, он давал

Анар, А.Лукьянов, А.Везиров, Ш.Гасанова и др.

возможность высказаться, и когда я говорил, что первых беженцев из Армении надо поселить в Нагорном Карабахе, тогда и прекратится поток переселенцев, он категорически был против.

- Они там мало натерпелись от армян, чтобы и здесь этих несчастных поселять рядом с ними, - такова была его аргументация, а на самом деле это была позиция Москвы, ведь иначе, во-первых, изменилась бы демографическая ситуация в самом Нагорном Карабахе, а, во-вторых, армяне прекратили бы выдворять азербайджанцев из самой Армении. А это не было в интересах Москвы.

Расим Агаев в вышеупомянутой книге также касается этого вопроса: “Уже с первыми сообщениями об изгнанных азербайджанцах многие предлагали руководству республики поселить их в районах НКАО. Нетрудно предположить, что эта мера заставила бы задуматься и Армению, и власти, и “Карабах”. Но ни при К.Багирове, ни при А.Везирове этот шанс обуздания национализма не был использован. Прорабатывали эту возможность и патриоты-неформалы. Как свидетельствуют соратники Абульфаса Гадир-гулу голу Алиева (Эльчибея - А.), лидеры НФА в ту пору настойчиво советовали ему заставить власти расселить беженцев по возможности в Нагорном Карабахе и граничащих с ним районах. Но лидер НФА выступил против этого предложения, заявив, что беженцы являются “главной ударной силой движения”. (Стр. 137)

Вначале Везиров ничего не хотел слышать о контактах с Народным фронтом. - Все они люди ЦРУ, - считал он, - я их хорошо знаю.

Когда же я добился, чтобы он встретился с Исой Гамбаром, Тофиком Гасымовым, Этибаром Мамедовым, Наджафом Наджафовым (Абульфаз на встречу не явился) в ЦК, Рахман Везиров спрашивал меня: - А это кто?

Он не знал их даже в лицо.

Однажды на мою просьбу о встрече (обычно он тотчас соглашался принять меня) он пригласил меня на свою резиденцию в Загульбе. Я попросил его об освобождении из тюрьмы Абулфаза Эльчибея, Немата Панахлы и М.Хатеми, которые были арестованы, когда возвращались, если память мне не изменяет, с поминок поэта Шахрияра (в Баку, конечно).

- Если ты будешь так думать, ты окажешься политическим банкротом, - сказал он мне в ответ на мою просьбу. - История покажет, кто станет банкротом, - ответил я.

Все же, через некоторое время все трое были освобождены. Он также удовлетворил мою просьбу о дополнительном представлении десяти квартир писателям. И, вообще, лично ко мне он относился хорошо, и я не могу забыть это. Но, как говорится “Платон мне друг, но истина дороже”. Я хочу свидетельствовать о событиях, участником или наблюдателем которых был с максимальной объективностью и также без предвзятости высказать о них свои суждения, может быть и неверные, но искренние. А.Везиров недооценивал масштаб народного движения, полагая, что все это устраивает Г.А.Алиев. Однажды я оказался в его кабинете, когда он правил корректуру своей статьи в “Известиях”. - Прочти, - протянул он мне листы.

В тексте была какая-то негативная фраза об Г.Алиеве и К.Багирове. - Зачем это? - сказал я. - Они оба уже не у дел, зачем же, выносить их имена в Центральную прессу. - Хорошо, - согласился он. - Вычеркни. -Нет, сами вычеркните.